МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN 2221-951X

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего *плюс*

Периодическое научное издание

Серия: социально-гуманитарные науки

11(15)/2013
Том 1

Пенза
ПензГТУ
2013

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

«XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс» : Периодическое научное издание. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. ун-та, 2013. – №11(15). – Т. 1. – 264 с.

Решением Президиума ВАК при Минобрнауки России № 8/13 от 2 марта 2012 г. журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций.

ISSN 2221-951X

ISSN 2221-951X © Пензенский государственный технологический университет, 2013

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Penza State Technological University

ISSN 2221-951X

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

"XXI century: Resumes of the Past and Challenges of the Present plus"

Scientific Periodical

Series: Social Sciences and Humanities

11(15)/2013
Volume 1

Penza
PSTA
2013

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL
JOURNAL

«XXI century: resumes of the past and challenges of the present plus». Scientific periodical. – Penza: PenzSTU Publishing House, 2013. – №1(15). – V. 1. – 264 c.

The journal is included in the List of reviewed scientific journals and editions for publishing principal scientific theses results approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Certification Commission of the Ministry of Education and Science of Russia (№ 8/13, March 2nd, 2012).

ISSN 2221-951X

ISSN 2221-951X ©Penza State Technological University, 2013

Содержание

ИСТОРИЯ

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ) 13
© И.Б. Белова, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (г. Калуга, Россия)

В.Ф. ЛАПСКИЙ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ 1989-1990 ГОДОВ 21
© М.В. Владымцева, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КОМИ КРАЯ В XVIII ВЕКЕ 27
© А.К. Гагиева, Коми республиканская Академия государственной службы и управления (г. Сыктывкар, Россия)

РАЗБОР КОНФЛИКТОВ РАСЦЕНОЧНО-КОНФЛИКТНЫМИ КОМИССИЯМИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД НЭПА 31
© И.Н. Камардин, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

О ПРОБЛЕМЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ) 37
© М.А. Киселев, Пензенский Государственный Университет (г. Пенза, Россия)

К ВОПРОСУ О ПРОСВЕЩЕНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОЙ НАРОДНОСТИ) 43
© Ю.Н. Коротин, Пензенский Государственный Университет (г. Пенза, Россия)

МОДЕРНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО КОСТЮМА В 1920-Е ГОДЫ 48
© Л.В. Лебедева, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

ФОРМЫ И МЕТОДЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД НЭПА ……..... 54
© Д.В. Лебедева, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ XX В. НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ……... 60
© Т.Ю. Новинская, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ КИНООТРАСЛИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1920–1930-Х ГОДАХ …… 64
© Г.А. Миронов Пензенский Государственный Университет (г. Пенза, Россия)

ЖУРНАЛ ВЕСТНИК ПЕНЗЕНСКОГО ЗЕМСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ……..... 68
© С.О. Юдин. ГБУК «Пензенский краеведческий музей» (г. Пенза, Россия)

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ

СОДЕРЖАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ТВОРЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА ВО ВНЕУЧЕБНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ……... 75
© Е.В. Вострокнутов, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ДЕТЕЙ 5-6,5 ЛЕТ ……. 81
© Е.А. Голоюс, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

АДАПТАЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ ТЕАТРАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ……. 84
© А.Ю. Демина, Свердловский институт развития образования (г. Екатеринбург, Россия)

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАННЕГО БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ……..... 87
© Н.В. Кагуй, Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов (г. Набережные Челны, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ У СТУДЕНТОВ КАК ЭЛЕМЕНТА ИНТЕГРАТИВНО-АКСИОЛОГИЧЕСКОГО БАЗИСА СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ …… 95
© Ю.В. Слесарев, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ КОМИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В МЕТОДИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА ЭТАПЕ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ ……. 101
*© **О.С. Соловьев**, Московский государственный педагогический университет (г. Москва, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ АКВАТИЧЕСКИХ БЕГОВЫХ ТРЕНИРОВОК В РЕАБИЛИТАЦИОННО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЯХ С ЛЮДЬМИ, ИМЕЮЩИМИ ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ В СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ ……... 109
© Ю.И. Тихонова, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)
© С.В. Петрунина, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)
© Е.В.Дворянинова, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)
© И.А. Кирюхина, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ВЕДЕНИЮ ИМИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ …… 112
© Ю.И. Тихонова, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

© О.В. Попова, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

ТЕХНОЛОГИЯ «ЯЗЫКОВОЙ ПОРТФЕЛЬ» КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ УМЕНИЙ И КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ (НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ 051000.62) …….... 118
© Ясаревская О.Н., Пензенский государственный технологический университет (Пенза, Россия).
© Прелова Е.В., Пензенский государственный технологический университет (Пенза, Россия).
© Ясаревская Д.П., Пензенский государственный технологический университет (Пенза, Россия).

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ВЕБ-СЕРВИСА “РЕДУДЛ” …… 123
© О.Н. Ясаревская, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)
© П.В. Юртайкин, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА В ЮЖНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ …… 127
© А.Ю. Абушова, Бакинский государственный университет (г. Баку, Азербайджан)

ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ В ДРАМАХ АБДУЛЛЫ ШАИГА ……..……... 133
© Ф.Г. Агамалиева, Бакинский государственный университет (г. Баку, Азербайджан)

О.Б. РУМЕР – ПЕРЕВОДЧИК АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ ……. 139
© С.В. Бобылева, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)
© Д.Н. Жаткин, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

ГУСТАВ ШПЕТ О КРИСТОФЕРЕ МАРЛО …… 143
© А.А. Рябова, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)
© Д.Н. Жаткин, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИИ «ANGST/СТРАХ» В РОМАНЕ П. ЗЮСКИНДА «ПАРФЮМЕР»: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ …… 147
© И.В. Казанцева, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия)

ПУТИ МОДИФИКАЦИИ РОМАННОГО ЖАНРА …… 152
© А.А.Тимакова, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

РУССКИЙ ИДИОМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА …….. 156
© Н.В. Щенникова, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ …… 163
© С.Н. Волков, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАДАПТАЦИИ ДЕВИАНТНЫХ ЛИЦ С ПОСТФОЛЬКЛОРНЫМ СОЗНАНИЕМ ……. 168
© С.Н. Волков, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)
© О.С. Жарова, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ПОНИМАНИИ ФЕНОМЕНА МОТИВАЦИИ …….. 173
© Е.В. Гайнутдинова, Астраханский государственный технический университет (г. Астрахань, Россия)

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ТРИАДА КАК АЛГОРИТМ ИСТОРИИ: АРХАИЧЕСКИЕ КОРНИ И АКТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ПЕРИОДИЗАЦИЙ ……. 181
© Б.А. Дорошин, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

НАДГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК НОВАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЭКРАННОМ ФОРМАТЕ …… 188
© С.Е. Ковалева, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

СОЗДАНИЕ ПЕНЗЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ……. 193
© А.А. Понякин, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ …….…….. 197
© А.Р. Салгириев, Чеченский государственный университет (г. Грозный, Россия)

ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА, СОЦИОБИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

ЭТНИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПАРАДИГМЫ И ПАРАДОКСЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН) ……. 202
© И.М. Габдрафиков, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия)
© Ф.Г. Сафин, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия)
© А.И. Фатхутдинова, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия)

О ПРИНЦИПАХ ПОДГОТОВКИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В КНР …… 209
© С.Б. Дугарова, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА …….. 214
© И.В. Кучумов, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия)
© С.С. Алексеенко, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия)

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДИКОГО СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ (RANGIFERTARANDUSL) КАК ОТКЛИК НА ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ …… 219
© Н.В. Малыгина, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)

«РАБОТНИК С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ» В СОВЕТСКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ ЛИБЕРАЛЬНОМ ПРАВЕ …… 225
© Т.А. Мищенко, Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского (г. Новозыбков, Россия)

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РЫНКА ТРУДА: ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ, ВЗАИМОСВЯЗИ, ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫПУСКНИКОВ …… 233
© О.В. Прокофьев, Финансовый университет при Правительстве РФ, филиал в г. Пензе (г. Пенза, Россия)
© И.Ю.Сёмочкина, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДАХ (ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ) ……..... 241
© С.Г. Пьянкова, Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ …….. 253

© В.Ю. Синявин, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

© Т.Ф. Янина, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

© А.В. Кулаженкова, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ …….. 259

© Ю.В. Слесарев, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

© А.Ю. Киндаев, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.3

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ)

© ***И.Б. Белова***, *Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (г. Калуга, Россия)*

RESETTLEMENT OF THE PEASANTS IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER (BASED ON THE CENTRAL PROVINCES OF EUROPEAN RUSSIA)

© ***I.B. Belova,*** *Kaluga State University named after K. Tsiolkovsky (Kaluga, Russia)*

В статье рассматривается проблема переселенческого движения крестьян в первые годы Советской власти. Впервые даётся оценка деятельности правительства по регулированию переселенческого процесса этого периода.

Ключевые слова: планомерное и стихийное переселение, ходоки, Советское правительство.

In the article the problem of resettlement of the peasants in the first years of the Soviet authority is considered. For the first time the estimation of activity of the government on regulation of resettlement process of this period is given.

Key words: systematic and spontaneous resettlement, peasant messengers, the Soviet government.

E-mail: irina-25.01@mail.ru

В досоветский период (с 1904 г.) Правила о переселении базировались на принципе свободы передвижения. Советская власть, с самого начала отказавшись от этого принципа, провозгласила себя единственным инициатором и ответственным за переселенческое дело. Между тем самостоятельное переселение, имевшее минимальные размеры в период Первой мировой войны, приобрело в 1918 г. массовый и перманентный характер. В этой ситуации Советским государством предпринимались попытки организации легального переселения как способа затормозить массовое стихийное переселенческое движение.

Первые общие правила о переселении появились в России в 80-х гг. XIX в. Переселиться имели право нуждавшиеся в этом с разрешения министра земледелия. В новых правилах 1896 г. регулировалось положение «самовольцев» с присвоением им льгот легальных переселенцев, было установлено ходачество, учреждено переселенческое управление. В результате за 12 лет в Сибири окончательно устроилось около 1 млн переселенцев. В 1904 г. были разработаны правила о переселении, действовавшие до революции, в их основе лежал принцип свободы переселения. К 1908 г. из-за недостаточности землеотводных работ в Сибири находились сотни тысяч «самовольцев» без земли, поэтому министерство земледелия получило право приостанавливать выдачу ходаческих свидетельств. Земельный фонд развёрстывался между

губерниями Европейской России [1, с. 127-128]. Однако переселенцы развёрсток не придерживались, и в 1911 г. ходачество стало вновь свободным.

Во время Первой мировой войны, с 1914 по 1916 гг., всякое переселение было запрещено, но в 1915 г. за Уралом водворилось около 220 тысяч переселенцев [27, с. 69]. Летом 1917 г. срок водворения переселенцев на зачисленные до войны земельные участки был продлён «до особого распоряжения», но не ранее окончания войны [7, д. 24 (без нумерации листов)].

В 1918 г. Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) установил новый срок водворения переселенцев на зачисленные до войны участки до 1 августа 1919 г. Это касалось более 500 тыс. человек, в том числе 250 тыс. жителей Центральных губерний Европейской России. Кроме этих земель, имелись ещё подготовленные ранее земельные фонды, например, в Сибири 3 285 тыс. десятин [1, с. 131]. Во второй половине 1917 г. за Урал «на водворение» самостоятельно двинулись с семьями многие демобилизовавшиеся. К концу 1917 г. и в начале 1918 гг. это движение на зачисленные земли возросло, кроме того, за Урал двинулись новые переселенцы[1], в том числе фабрично-заводские рабочие, оставшиеся без работы, которым правительство оказывало помощь, а также беженцы Первой мировой войны. Ехали и просто за хлебом, который в Сибири был дешевле в 10 раз в городе и 25 раз в деревне [26, с. 39].

Правительство 6 марта 1918 г. направило всем Советам циркуляр № 1 по Переселенческому управлению с призывом удерживать население от переселения куда бы то ни было. В условиях нарастания стихийной переселенческой волны 1 апреля 1918 г. Наркомвнудел распорядился о запрещении выдачи местными Советами переселенческих удостоверений [26, с. 71]. Однако до свержения Советской власти за Уралом в начале лета 1918 г., с января по май включительно, за Урал проследовало около 175 тысяч самостоятельных переселенцев [27, с. 72]. Н. И. Платунов пишет о 200 тыс. переселенцев [26, с. 41].

Беженцы Первой мировой войны, находившиеся в Центральных губерниях Европейской России, в 1918 г. являлись активными участниками самостоятельного переселенческого движения. Документы на бесплатный проезд в Сибирь и Юго-Восточные губернии им выдавали сначала прежние беженские организации, затем совдепы и, наконец, местные органы Центропленбежа. Например, в сметах уездных Советов беженцев предусматривались расходы на переселение беженцев в хлебородные губернии [11, д. 3, л. 9 об]. Преемники этих организаций – уездпленбежи, выдавали беженцам экстренные отзывы для бесплатного проезда в Сибирь[Там же, л. 46, 50, 55].

В Центральных губерниях Европейской России, например, в Рязанской, отдел по переселению был образован в конце февраля 1918 г. при губернском комиссариате земледелия. Ещё до образования отдела, в самом начале января 1918 г. в губернский совдеп обращались за содействием в получении вагонов для проезда в Сибирь. В итоге до начала работы отдела по переселению до 40 семей уже переселились [20, д. 174, л. 15]. Поскольку

[1] В. П. Вощинин, являясь одним из организаторов планомерного переселения первых лет Советской власти, отмечал, что основную массу самопереселенцев составляли не просто крестьяне, ведущие индивидуальное хозяйство, а середняки из наиболее крепких. Бедняк, по его мнению, вовсе не в силах был подняться на переселение [27, с. 74].

переселение стало принимать массовый характер, первой задачей переселенческого отдела было определено регулирование переселенческого движения [Там же, л. 15-18]. В марте 1918 г. отделом было получено сообщение о том, что «свободная земля для переселенцев имеется во всех губерниях Сибири в значительном количестве», указывались губернии и уезды, куда «удобнее посылать ходоков» [Там же, л. 30].

Каких-либо инструкций по переселенческому делу от правительства получить не удалось, несмотря на предпринимавшиеся усилия. Это означало, что переселение в общегосударственном масштабе не организовано. Об этом Рязанской Губернский отдел по переселению сообщил всем волостным советам 4 марта 1918 г. и предписал выдавать удостоверения на право приискания земли только ходокам, которых гонит в Сибирь исключительно нужда, голод и безземелье, а посемейные списки – лишь переселенцам, ранее зачислившим за собой земельные участки [Там же, л. 15–15 об].

СНК только 3 июня 1918 г. принял Декрет о порядке переселения в Сибирь, в соответствии с которым переселение на зачисленные земли или в связи с принятием в старожилые сибирские общества разрешалось при условии, что запрещение переселения, по заключению местных совдепов, грозило бы семье полным разорением. Организация переселенческого дела возлагалась на наркоматы земледелия и путей сообщения [23, с. 397-398]. Во исполнение декрета СНК от 3 июня 1918 г. Переселенческое Управление Наркомзема подготовило 10 июня 1918 г. циркулярное распоряжение всем губернским Советам Европейской России о порядке переселения за Урал в текущем году. В нём, в частности, сообщалось, что Наркомпуть на первое время может предоставлять по 45 приспособленных вагонов в сутки. При губернских и уездных земотделах Советов рекомендовалось организовать на местные средства Осведомительно-колонизационные бюро (с 1919 г. – Переселенческие отделения) [10, д. 46, л. 156-157]. К циркуляру прилагалась Инструкция по осведомлению о переселении в Азиатскую Россию и о порядке выдачи переселенческих документов, утверждённая 14 июня 1918 г. наркомом С.П. Середой, в которой о запасе свободных обследованных и отмежёванных земель было отмечено, что он составляет 15 млн десятин. Из указанного количества 5 млн дес. (280 тыс. земельных долей) уже зачислено переселенцами, прибытие которых задержала война. 10 млн дес. (500 тыс. земельных трудовых долей) остаются свободными, но для переселения в 1918 г. может быть предоставлен лишь 1 млн десятин (91 тыс. земельных долей), остальные земли «должны быть подготовлены для заселения в течение ряда ближайших лет».

В Инструкции перечислялись районы*, куда в 1918 г. разрешалось переселение, с указанием количества земельных долей в каждом из них, сказано о размере земельных долей, отводимых на каждое лицо мужского пола (8-15 десятин). В отношении существовавших ранее ссуд на «домообзаводство» было отмечено, что они не отменены, но ввиду финансового кризиса рассчитывать на их получение не стоит [10, д. 46, л. 151–155]. В одном из пунктов Инструкции указывалось, что если удержать население от переселения не удастся, то надлежит «настаивать на предварительной посылке ходоков».

* Это следующие 10 районов: Тургайско-Уральский, Акмолинский, Семипалатинский, Тобольский, Томский, Енисейский, Иркутский, Забайкальский, Амурский, Приморский [10, д. 46, л. 152].

Между тем, одновременно с обнародованием распоряжения о порядке переселения за Урал по инициативе Наркомпути была прекращена на неопределённое время выдача переселенцам льготных тарифов «ввиду расстройства железнодорожного транспорта, обмена военнопленными» [Там же, л. 90]. Поэтому по вопросу о льготных тарифах для переселенцев, ликвидировавших своё имущество и имевших зачисленные ранее земельные участки в Сибири, губернские комиссариаты земледелия были вынуждены обращаться с ходатайствами в Наркомзем до свержения Советской власти за Уралом в начале лета 1918 г. [20, д. 174, л. 55].

Весной 1919 г. местные Губисполкомы стали обращаться к правительству за помощью неорганизованным переселенцам. Так, архангельская губернская власть в начале апреля 1919 г. просила указать место, куда направить всех, двинувшихся в южном направлении, и выделить полтора млн рублей на их нужды [16, д. 56, л. 3]. Орловский Губземотдел в апреле 1919 г. сообщал, что в губернии, особенно в Брянском уезде, наблюдается самовольный и беспорядочный уход сельскохозяйственного населения в губернии Заволжского района с целью поселиться там на новых землях. При этом распродаются или забрасываются хозяйства. Всё это происходило несмотря на «широкое оповещение» населения о том, что «самовольное переселение может окончательно расстроить транспорт, что самовольцы обречены на голодание» и им следует «терпеливо ожидать начала правильно поставленного переселения и не ломать своих, может быть, и бедных, но всё же насиженных хозяйств» [14, д. 3, л. 68–68 об]. Однако уездные власти продолжали на свой страх и риск практику отправки пришлого населения в хлебопроизводящие губернии [12, д. 1, л. 78]. Беженская волна 1917–1919 гг. дала 300-400 тысяч переселенцев, нуждавшихся в земельных участках и прибывших на новые земли [27, с. 74].

В этих условиях правительство объявило об открытии планомерного переселения из северных губерний в южные производящие районы и Донскую область. Наркомзему на эти цели было выделено 10 млн рублей [24, с. 97–99]. Беженцы и «неорганизованные передвигающиеся массы» переселению не подлежали [12, д. 12, л. 167]. «Открыл» легальное переселение коренного населения из Северных губерний декрет СНК от 24 апреля 1919 г. Общее количество переселенцев было определено в 150 тысяч человек [18, д. 101, л. 3]. Вопрос о переселении был в повестке дня заседания СНК от 8 и 15 мая 1919 г. Совет обороны 20 мая 1919 г. предписал переселенческой организации Южного фронта разместить до 20 тысяч переселенцев, а губземотделам Смоленска, Твери, Москвы и Рязани приступить к формированию первых партий переселенцев по 2 тысячи человек «в целях прочной колонизации Донской области». Предлагалось переселять рабочих и деревенскую бедноту, членов сельских коммун, сочувствовавших ведению хозяйства на коллективных началах [24, с. 501–502]. Так, первый эшелон с 1,2 тыс. переселенцев, направлявшийся в Донскую область, проследовал через Воронежскую губернию 28 мая 1919 г. [4, д. 94, л. 7]. Ход переселения обсуждался на заседаниях Совета обороны и СНК 26 мая и 3 июня 1919 г.[22, с. 557-561].

19 июня 1919 г. Наркомзем объявил о прекращении едва начавшегося переселения на Дон: как и в 1918 г., помешали военные действия антибольшевистских сил. При этом 8 тыс. человек остались собранными для отправки на разных станциях [18, д. 101, л. 280 об]. Из Вологды 4 августа 1919 г. 600 человек отправили на пароходе до Симбирска [Там же, л. 248]. 4 июля 1919 г. переселенческий эшелон из Москвы отправили для размещения

переселенцев в районе между Тамбовом и Пензой. На этом Наркомзем перевозку переселенцев объявил «совершенно прекратившейся» [Там же, л. 292]. По мнению В. П. Вощинина, Донским переселением 1919 г. было охвачено всего лишь около 9 тысяч человек [27, с. 74].

В 1920 г. неурожай хлебов и трав в центральных губерниях Европейской России стимулировал самовольное массовое переселенческое движение в Сибирь, на Дон и Украину. При этом посевы и постройки как правило оставлялись на родственников, а инвентарь распродавался по свободным ценам, что не входило в планы Наркомзема [13, д. 80, л. 15, 23, 25, 41, 42, 46]. 15 июня 1920 г. правительство признало необходимым призвать население воздержаться от неорганизованного переселения, а местные власти – использовать начавшееся движение как источник рабочей силы [25, с. 333–338]. Следует отметить, что направлявшиеся отделами труда крестьяне к месту работы часто не прибывали, устроившись на свободных землях или в крестьянских хозяйствах по своему усмотрению [13, д. 80, л. 64].

С начала июля губисполкомам Тулы, Рязани, Воронежа и Калуги разрешалось начать перевозку ходоков и одновременно развернуть агитацию против переселения [10, д. 70, л. 14]. На уездные земотделы с 25 июня возлагалась выдача ходаческих удостоверений, до 1, 5 тыс. на каждую губернию, формирование партий ходоков в Алтайскую, Омскую, Семипалатинскую, Тюменскую губернии [6, Д. 76 (без нумерации листов)]. Уездным органам Центрэвака поручалась выдача проездных документов и продовольствия [10, д. 70, л. 14]. Ликвидацию хозяйств предписывалось производить только после зачисления земельных участков ходоками, причём зачисления предыдущих лет аннулировались [Там же, л. 10 об]. Переселению подлежало лишь земледельческое трудовое население, не получившее земельного обеспечения по месту жительства. Куда следовало обращаться ходокам по прибытии на новое место, в течение какого времени будет сохраняться выделенная им земля, обязательно ли возвращаться – всё это оговаривалось в Правилах об организации ходачества и переселенчества на государственный колонизационный фонд РСФСР от 2 июля 1920 г. [8, д. 44, л. 90–90 об].

Прошения об отправке в Сибирь в 1920 г. поступали в Центрэвак задолго до открытия 15 июня 1920 г. «легализованного переселения», например, в апреле 1920 г. – от крестьян Калужской, Рязанской, Смоленской губерний. Эти прошения рассматривались только при наличии заключения местной власти о полном разорении семьи [18, д. 178, л. 8, 15]. Беженцам, обращавшимся в этот период в Центрэвак по поводу переселения в Сибирь на постоянное место жительства, сообщалось об отсутствии пока таких отправок [18, д. 178, л. 53]. Индивидуальные ходатайства об отправке зачисливших за собой земельные участки в Сибири в 1917-1918 гг., до открытия переселения в 1920 г., как правило, удовлетворялись Центрэваком [18, д. 178, л. 33]. В то же время Центрэвак на запросы своих местных органов о переселении, типа «приходят толпами и умоляют целыми уездами о переселении», даже за три дня до открытия переселения 1920 г. отвечал, что пока отправка в Сибирь не представляется возможной и что в 1920 г. она должна быть «самого скромного размера» [18, д. 178, л. 61, 78].

Массовый отъезд ходоков в Сибирь пришёлся на август 1920 г. Так, в Рязанской губернии в июне было отправлено 332, в августе 630, сентябре – 203, октябре – 44, ноябре – 34, декабре – 96, всего – 1 339 человек от почти 110 тыс. едоков. Наибольшее количество ходоков было из Спасского и Скопинского уездов – 320 и 191 соответственно, вместе они представляли 48 тысяч едоков

[20, д. 1077, л. 122]. Тульская губерния отправила 350 ходоков, из них 163 уехали в июне [21, д. 680, л. 61, 201 об]. В Орловской губернии из Кромского уезда в декабре 1920 г. 109 семей (556 едоков) отправили ходоками в Томскую и Омскую губернии вернувшихся в октябре из германского плена бывших солдат [13, д. 142, л. 4]. По возвращении не все ходоки предъявляли свои свидетельства, например, в Козельском уезде Калужской губернии было выдано 257 ходаческих удостоверений, из них 163 ходока (63 %) предъявили их с отметкой о зачислении земельного участка в Алтайской, Екатеринбургской, Енисейской, Омской, Семипалатинской, Томской губерниях [5, д. 346, л. 30].

После зачисления земли предписывалось проведение процедуры ликвидации хозяйства в виде его оценки и взятия на учёт волземотделами [20, д. 769, л. 136]. Государственных ассигнований на оплату принятого от хозяев имущества не было, поэтому разрешалось использовать фонд помощи семьям красноармейцев, этого было недостаточно, многое в результате оставлялось родственникам или продавалось на сторону [10, д. 74, л. 57–57 об].

Отъезды переселенцев на зачисленные до 1920 г. земли производились с середины июля 1920 г., а получивших участки в 1920 г. начались в августе и нарастали по октябрь 1920 г., затем интенсивность процесса снизилась. Например, из Рязанской губернии в июле двинулись в Сибирь 552 переселенца, в августе – 1 859, сентябре – 9 972, октябре – 31 302, ноябре – 4 596, декабре – 3 069, всего – 51 350 едоков, из них больше всего из Спасского уезда – 11 195 [20, д. 1077, л. 124]. Кроме Алтайской, Томской, Семипалатинской губерний, рязанские переселенцы следовали в Тюменскую и Челябинскую губернии [20, д. 769, л.130]. Из Воронежской губернии отправляли также в Кубанскую и Черноморскую области [3, д. 64, л. 88]. По тем же направлениям двигались переселенцы из всех семи центральных губерний [17, д. 39, л. 168 об; 18, д. 178, л. 322, 349, 412, 609; 21, д. 599 (без нумерации листов)]. Всего за 1920 г., по данным Вощинина, из этих губерний было отправлено 130 047 переселенцев, в том числе из Рязанской – 39 486, Тульской – 39 812, Калужской – 39 235, Воронежской – 10 411, Брянской – 3 518, Орловской – 585, Курской - --- [1, с. 136]. Согласно документам местных архивов количество переселенцев из Рязанской губернии, составило 51 350 [20, Д. 1077. Л. 124], из Калужской – 29 875 человек [5, Д. 346. Л. 57][*], а из Тульской – 25 787 [21, д. 680, л. 61], то с учётом этих данных общая цифра переселенцев из семи губерний составляет 121 526 чел.

Всех переселенцев, прошедших подготовительные к отправке этапы, в 1920 г. не отправили и перенесли доотправку на 1921 г. СНК 18 февраля 1921 г. принял постановление об урегулировании продвижений переселенцев крестьян из центральных губерний в Сибирь в первой половине 1921 г. Было намечено перевезти из Брянской, Орловской, Курской, Воронежской, Рязанской, Тульской, Калужской и др. в Сибирь около 25 тыс., имевших наряды на перевозку, чтобы не позднее 15 мая 1921 г. они уже были на месте. Однако например, эшелон с 497 переселенцами из Тульской губернии, намеченный к отправке до 15 апреля, отправили 25 мая [21, д. 728 (без нумерации листов)]. Переселенцы же из Воронежской губернии в количестве 8 779 человек, ликвидировавших своё имущество, так и остались неотправленными в 1921 г. Всего не перевезли на зачисленные в 1920 г. земли в Сибири, прекратив

[*] Для сравнения надо отметить, что за 14 лет, с 1897 по 1910 г., из Калужской губернии переселилось всего 23 700 душ.

отправку 1920 года, 12 888 переселенцев, ликвидировавших своё имущество [1, с. 136; 2, д. 478, л. 2; 20, д. 1077, л. 217].

До 1 декабря 1921 г. из Рязанской губернии было доотправлено 16 583, Тульской – 18 171, Калужской – 11 750, Воронежской – 6 990**, Брянской – 8 293, Орловской – 467, Курской – 441, всего – 62 695 человек.

Что касается не иссякавшего в 1920 г. стихийного переселенческого потока, то Межведомственная комиссия по регулированию переселения в августе 1920 г. определила его ориентировочную величину в 500 тысяч человек [3, д. 64, л. 46]. При этом намечалось такое же количество легальных переселенцев, которых из семи центральных губерний Европейской России реально оказалось около 120-130 тысяч. Между тем самовольное переселение однозначно осуждалось правительством как вносящее «разруху и дезорганизацию в деле переселения» [9, д. 42, л. 6]. Несанкционированному переселенческому движению чинились препятствия на всех его этапах. Так, на местах выхода государственная помощь в виде выдачи бесплатных проездных документов и продовольствия в пути официально могла быть оказана только земледельцам, необеспеченным землёй по месту жительства. По пути следования рекомендовалось неорганизованных переселенцев высаживать из вагонов и направлять в принудительном порядке на общегосударственные работы [15, д. 50, л. 34]. Прибывшим на новое место жительства предписывалось не выделять земельные участки, как легальным переселенцам, а лишь в порядке общего землеустройства в лучшем случае во вторую-третью очередь [9, д. 42, л. 6]. Вместе с тем власти на местах выхода с пониманием относились к желающим переселиться, помогали им, за что нередко получали взыскания в виде лишения свободы [19, д. 170, л. 366].

В 1921 г., когда на фоне допереселения из Центральных губерний свыше 60 тысяч человек обозначилось ещё более масштабное стихийное движение из губерний Поволжья, правительство уже не решилось внедрять такой инструмент регулирования переселения как организованное ходачество. С 1 августа 1921 г. было объявлено о «выселении» нарушивших «хозяйственную связь с коренными местами» в количестве 105 тыс. человек. Фактически покинуло родные места свыше 1 млн человек [27, с. 78]. Самовольное движение в Сибирь продолжалось вплоть до 1925 г. и имело тенденцию к возрастанию [26, с. 48].

Таким образом, в основе правил о переселении, действовавших в России с 1904 г. дооктябрьских событий 1917 г., лежал принцип свободы передвижения. Ежегодно отмечалось от 500 до 700 тыс. переселений. При этом льготы правительства получал лишь незначительный процент переселенцев. Этот способ и направление переселения за Урал являлись традиционными для России. С началом Первой мировой войны переселение было запрещено до окончания войны. Обозначившееся с середины 1917 г. самостоятельное движение за Урал как на зачисленные, так и на новые земли, в начале 1918 г. стало принимать массовый характер. В Центрально-Европейских губерниях участниками стихийного переселения движения за Урал стали как коренные жители, так и пришлое крестьянское население, размещенное здесь в период Первой мировой войны. Принятый Советским правительством закон о социализации земли полностью возложил переселение на государство в отличие от прежнего порядка. В создавшейся в первые годы Советской власти

** По данным ГАВО, из Воронежской губернии по 1 января 1922 г. было перевезено 7 583 человек [2, д. 475, л. 44].

обстановке роль государства в регуляции стихийного движения населения в хлебопроизводящие районы сводилась к сдерживанию самотёка запретительными мерами и путём внедрения нормированного планомерного ходачества. При этом массовое стихийное переселенческое движение оказалось неподвластным государственному регулированию. В результате самостоятельное переселение в первые годы Советской власти, до открытия переселения в 1925 г., способствовало спасению от голода не одного миллиона крестьянского населения.

Список литературы

1. *Вощинин В. П. Переселение // О земле. Вып. 1. М., 1921.*
2. *Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-529. Оп. 1.*
3. *ГАВО. Ф. Р-656. Оп. 1.*
4. *ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1.*
5. *Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-162. Оп. 1.*
6. *ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1.*
7. *ГАКО. Ф. Р-422. Оп. 1.*
8. *ГАКО. Ф. Р-530. Оп. 1.*
9. *ГАКО. Ф. Р-1071. Оп. 1.*
10. *ГАКО. Ф. Р-1244. Оп. 1.*
11. *ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1.*
12. *ГАКО. Ф. Р-2023. Оп. 1.*
13. *Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-223. Оп. 1.*
14. *ГАОО. Ф. Р-447. Оп. 1.*
15. *Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-3333. Оп. 1а.*
16. *ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2.*
17. *ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3.*
18. *ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4.*
19. *Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-4. Оп. 1.*
20. *ГАРО. Ф. Р-343. Оп. 1.*
21. *Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1.*
22. *Даты жизни и деятельности В. И. Ленина (6 ноября 1920–7 марта 1921) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд-е 5-е. М.,1969. Т. 38.*
23. *Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2.*
24. *Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5.*
25. *Декреты Советской власти. М., 1978. Т. 9.*
26. *Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и её осуществление в СССР (1917–июнь 1941 гг.). Томск, 1976.*
27. *Ямзин И. Л., Вощинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926.*

УДК 93/99(093):930.1(09)

В.Ф. ЛАПСКИЙ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ 1989-1990 ГОДОВ

© ***М.В. Владымцева****, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*

V.F.LAPSKIY ABOUT THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CRISIS IN GERMANY AFTER THE UNIFICATION OF 1989-1990

© ***M.V. Vladymtseva****, Penza State University (Penza, Russia)*

Изменения в расстановке сил на современной внешнеполитической арене обуславливают необходимость изучения проблемы объединения Германии 1989–1990 годов. В статье анализируются взгляды российского исследователя В.Ф.Лапского на проблему объединения Германии. Их анализ позволяет понять, как зарождалась отечественная историография по данной проблеме и определить новые направления в ее развитии.

Ключевые слова: Лапский, объединение Германии, социально-психологический кризис.

Changes in the balance of power in the modern political arena are caused by the necessity of studying the problem of the unification of Germany 1989–1990. The article analyzes views of the Russian researcher V.F.Lapskiy about the problem of the unification of Germany. Their analysis allows to understand how the national historiography of this problem arose and to determine new directions of its study.

Key words: Lapskiy, the unification of Germany, socio-psychological crisis.

E-mail: cassamila@yandex.ru

Часть российских исследователей рассматривает процесс объединения двух германских государств с точки зрения социально-психологических проблем, возникших в германском обществе после объединения 1989-1990 гг. В своих работах они освещают особенности немецкой нации, отмечают различия в менталитете восточных и западных немцев, образовавшиеся в результате разделения Германии на социалистическую ГДР и капиталистическую ФРГ.

Несмотря на широкий круг исследований, посвященных проблеме объединения Германии 1989-1990 гг., в российской историографии относительно немного работ, которые освещают социально-психологический аспект германского объединительного процесса. Среди них научные статьи российских историков И.А. Петрова, М.П. Павловой-Сильванской, А.А. Амплеевой [1;4;5].

Весомый вклад в изучение социально-психологического аспекта проблемы объединения Германии 1989-1990 гг. внесли исследования В.Ф.Лапского. В 1996 г. в журнале «Вокруг света» была опубликована статья [2], в которой он рассматривает отличительные черты, присущие германской нации в целом и различия в поведении, речи восточных и западных немцев, в облике и духе их городов.

По мнению В.Ф. Лапского, воссоединение Германии было исторически неизбежно и необходимо, так как единая нация не должна жить и развиваться в двух разных государствах. Среди типичных для германской нации черт автор выделяет точность, сочетание идеализма и практичности, домоседства (любви к родному дому) и жажды путешествий, желание выглядеть в глазах общества чуть лучше, чем есть на самом деле.

Еще одной чертой, которую выделил В.Ф. Лапский, является гражданская сознательность. Автор охарактеризовал немца как свидетеля от рождения. По его словам, немец «замечает любые отклонения от правил,

законов, норм» и, если чьи-то действия противоречат закону, обязательно докладывает в правоохранительные органы [2, с. 38]. Кроме того, общей чертой всех немцев является невозмутимость: «немец прекрасно умеет владеть собой» [2, с. 40], что, по мнению их самих, является признаком цивилизованности. В.Ф. Лапский считает, что в немцах сдержанность и владение собой сочетается с умением шумно и задорно веселиться на праздниках, подчеркивая местный колорит. Также исследователь считает, что кроме отличительных черт немецкого характера общим для восточногерманского и западногерманского общества является бюрократия, обойти которую невозможно.

Однако, как подчеркивает автор, за годы, прожитые в разных государствах, у жителей Восточной и Западной Германии успели сформироваться некоторые различия в поведении и образе мышления. Восточные и западные немцы по образному выражению В.Ф. Лапского жили в разных измерениях, и данный факт наложил свой отпечаток на поведение, язык, кухню и облик городов.

В.Ф. Лапский полагает, что на развитие немецкого языка в Германской Демократической Республике оказали влияние социалистический строй и русско-советская терминология, отличающаяся обилием сокращений. В свою очередь на развитие немецкого в Федеративной Республике Германии повлиял английский. В повседневном языке западных немцев прочно укоренились американизмы. Также различия наблюдаются в кухне – западногерманская кухня более космополитична (множество эмигрантов, среди которых турки и африканцы, привезли с собой свои традиции и образ жизни). В то же время, по словам автора, Восточная Германия осталась более немецкой, чем Западная, в ней «сохранился прусский дух» [2, с. 43]. Данный факт, считает автор, стал следствием укоренения социализма в ГДР: символы прусской государственности (административные и исторические здания, строгость нравов и порядок) оказались как бы законсервированными на определенное время. Вследствие этих причин, делает вывод исследователь, перед правительством объединенной Германии встал главный вопрос – объединения не только государства, но и немецкого общества.

Говоря о результатах объединения, В.Ф. Лапский подчеркивает, что процесс объединения немецкой нации достаточно сложен, но изменения общественного сознания происходят быстро. Уже сейчас германским обществом движет общая тенденция к показному превосходству. Исследователь утверждает, что немцы по многим критериям первые среди европейских стран и это лишь укрепляет их честолюбие. Успех и достижение цели они «сделали своей религией» [2, с. 43].

Монография В.Ф. Лапского «Погребенные под Берлинской стеной» стала одной из значимых работ в российской историографии [3]. Автор в своем исследовании размышляет над причинами объединения Германии 1989-1990 гг., а также освещает проблему привыкания жителей новых федеральных земель к западногерманским ценностям и существующим реалиям жизни.

Книга В.Ф. Лапского по сравнению со статьей и с работами других ученых рассматриваемого направления призвана дать более исчерпывающие ответы на вопросы. Если ранее ученые писали лишь о социально-психологическом кризисе объединенного германского общества и о его причинах, то теперь В.Ф. Лапский попытался проследить все историко-

психологические особенности процесса объединения Германии на протяжении 1989-1990 гг.

В ряду книг российских исследователей, которые работают над проблемой объединения двух германских государств, особенностью монографии В.Ф. Лапского является рассмотрение процесса объединения через призму развития германской нации. Как пишет исследователь, «в Германии меня как германиста больше всего интересовали… немцы» [3, с. 4].

Автор утверждает, что подлинной причиной присоединения ГДР к ФРГ стал социально-психологический кризис восточногерманского общества, который развивался на фоне реализации перестройки в СССР. Социально-психологический кризис общества ГДР, по словам автора, проявлялся в следующем: жизнь восточных немцев словно бы раздваивалась. Граждане ГДР должны были быть патриотами своей страны, хотя одновременно ежедневно видели недостатки социалистического германского государства. «С одной стороны, – пишет автор, – трудовой коллектив, партийные и профсоюзные собрания, единодушное голосование, бесконечная идеологическая жвачка и страх перед госбезопасностью, с другой стороны – просто жизнь» [3, с. 28]. Большинство жителей Восточной Германии смотрели по вечерам западные телеканалы, видели другой образ жизни, более удобный и приятный.

В.Ф. Лапский полагает, что особенно сильно на формирование психологического кризиса в сознании восточных немцев повлияли ограничение на выезд из страны и само существование Берлинской стены. По мнению исследователя, «для граждан ГДР, его преобладающего большинства, бетонная Берлинская стена олицетворяла обиду за свою «невыездную республику», комплекс гражданской неполноценности» [3, с. 28], что еще больше усилило недовольство граждан ГДР своим социалистическим государством.

Таким образом, можно сказать, что, по мнению В.Ф. Лапского, раздвоенность общественного сознания восточногерманских граждан стала главным фактором, предопределившим присоединение ГДР к ФРГ.

Автор в своей работе также характеризует перемены, начавшиеся в Советском Союзе в 1985 г., отводя им роль фона, на котором развивались основные события. В результате перестройки, по мнению В.Ф. Лапского, Советскому Союзу стала неинтересна судьба ГДР, так как советским «массам было не до чужих проблем – своих хватало с головой» [3, с. 31]. Данное положение дел предопределило дальнейшую внешнеполитическую линию руководства СССР по германскому вопросу. Советский Союз оставил восточных немцев наедине с собственными проблемами и кризисом в общественном сознании, предпочтя не вмешиваться.

В тоже время автор призывает не клеймить позором руководителей Советского Союза, отвечавших за решение германского вопроса (М.С. Горбачева и Э.А. Шеварднадзе), так как их позиция не могла быть иной в свете проблем, назревших в советском государстве. Тем более, по словам автора, не надо говорить о том, что советское руководство было подкуплено западными политиками.

Освещая проблему открытия границ между восточногерманским и западногерманским государством, В.Ф. Лапский называет момент, когда начали проявляться первые признаки социально-психологического кризиса, характерного для объединенного германского общества. По мнению автора, этим моментом стало первое время после падения Берлинской стены. Когда

руководство ГДР отдало приказ об открытии границ, восточные немцы вступили в Западную Германию, по их представлениям, полную чудес. Однако именно тогда, считает автор, «восточные немцы впервые почувствовали себя бедными родственниками «весси»» [3, с. 42].

В.Ф. Лапский в своей монографии продолжает исследование сформировавшихся различий между восточными и западными немцами в их образе жизни, быте, культурной сфере. Автор обращает внимание на особенности лексики, кухни, мировосприятия жителей ГДР и ФРГ. По его мнению, основное различие крылось в психологии восточных и западных немцев: «в способности чувствовать себя свободной или несвободной личностью, в ощущении своего места в общественном и мировом пространстве» [3, с. 52]. Восточные немцы в отличие от западных не знали, что такое жить в мире, где человеку необходимо каждодневно делать собственный выбор, за граждан ГДР все решало государство.

На формирование мировоззрения восточных немцев, полагает автор, оказало весомое влияние воспитание в национальном прусском стиле со строгой дисциплиной, единообразием и минимализмом. Для западногерманского общества в свою очередь был характерен космополитизм. Оно было более разнообразным и открытым для внешних заимствований. Но автор отмечает также и отрицательные стороны этого разнообразия. Так после падения Берлинской стены, как подчеркивает автор, жители Западного Берлина пришли в ГДР не полюбоваться архитектурными памятниками и благоустроенными парками, а устремились в магазины и рестораны, которые отличались от западногерманских значительной дешевизной товаров и услуг. Появление на территории Восточной Германии спекулянтов, неонацистов, наркоманов и мошенников, по мнению автора, в том числе стало результатом открытия границ между ГДР и ФРГ 9 ноября 1989 г.

В.Ф. Лапский пишет, что объединительный процесс в ГДР сопровождался огромными скандалами и разоблачениями в прессе: обнародование компромата на Э. Хонеккера, обвинение заместителя министра внешней торговли ГДР А. Шальк-Голодковского в экономических махинациях, возбуждение в начале декабря 1989 г. прокуратурой Германской Демократической Республики уголовных дел против Э. Хонеккера, В. Штофа, Х. Аксена. Данные процессы еще больше радикализировали, по мнению автора, обстановку в стране и способствовали росту числа граждан ГДР, желавших объединения с ФРГ. Стараясь как можно более подробно описать разворачивающийся объединительный процесс, автор приводит факты кризисного состояния общества в ГДР перед непосредственным присоединением к ФРГ. Описание всех опасений восточногерманского населения и громких судебных процессов приводится автором для того, чтобы глубже погрузить читателя в ту атмосферу, в которой пребывали восточные немцы с осени 1989 г. по лето 1990 г.

Исследователь признает особое место руководителя правительства ГДР Х. Модрова в деле стабилизации обстановки в стране и бескровном процессе объединения Германии. Х. Модров, по словам автора, отвечал всем требованиям, которые предъявляет история к политическим деятелям: он обладал авторитетом в среде правящей элиты и у населения, был опытен, умерен в своих взглядах, что позволило ему в сложных условиях создать коалиционное правительство. Автор открыто говорит о тех свойствах, которые позволили Х. Модрову удержать ситуацию в мирном русле: у него «не было

харизмы, ее заменяли спокойная житейская мудрость, ясное понимание процессов в ГДР и вокруг нее» [3, с. 79].

По мнению В.Ф. Лапского, «правительство Модрова выполняло тяжелейшую задачу управления страной в период распада командно-административной системы и перехода к незнакомым пока политическим, экономическим и социальным структурам» [3, с. 150]. И с этой задачей, полагает автор, правительство Х. Модрова полностью справилось, не допустив хаоса и беспорядков в стране.

Вместе с тем В.Ф. Лапский доказывает, что даже человек, обладающий всеми вышеперечисленными качествами, не мог остановить ход объединительного процесса, так как кризис в общественном сознании быстро, с помощью законодательных инициатив не решается.

В монографической работе В.Ф. Лапского слабо освещается роль западных немцев в деле объединения страны, не рассмотрены мнения граждан Западной Германии относительно создания единого германского государства. Единственное, что подчеркивается автором, это личная деятельность канцлера Г. Коля. В.Ф. Лапский характеризует Г. Коля как хитроумного и дальновидного политика, который смог воспользоваться сложившейся ситуацией и объединить две части германской нации в одном государстве.

В рамках своего исследования В.Ф. Лапский пытается доказать, что путь, по которому произошло объединение Германии в 1989-1990 г., – присоединение ГДР к ФРГ – впоследствии стал одной из предпосылок зарождения социально-психологического кризиса в объединенном германском государстве. По его словам, «патриотизм западных немцев, основанный на экономических достижениях, трансформировался в экономический шовинизм», который мешает жителям старых федеральных земель увидеть в восточных немцах равноценных для себя представителей германской нации [3, с. 126].

Таким образом, автор показывает, что германское общество было бы лишено подобных проблем, если бы объединение прошло на равноправной основе с учетом исторического и психологического опыта восточных немцев.

Анализируя последствия объединения Германии, автор указывает, что для жителей новых федеральных земель присоединение к ФРГ обернулось потерей многих социальных гарантий и ломкой общественного сознания. Во-первых, восточные немцы столкнулись с проблемой заявок западных немцев на прежнее имущество, расположенное на территории Восточной Германии. Во-вторых, с конкуренцией со стороны западногерманских производителей, в результате чего сельское хозяйство и промышленность Восточной Германии сразу после объединения пришли в упадок. В-третьих, выросли цены на продукты питания и квартплата, возросла численность безработных, что, безусловно, не добавило восточным немцам оптимизма.

С точки зрения В.Ф. Лапского руководство объединенной Германии проводило в отношении новых федеральных земель совершенно недемократичную политику, это в первую очередь касается пресловутого запрета на профессию, который сломал жизнь множеству восточных немцев – они перестали ощущать нужность избранного ими пути, выбранной профессии. В течение лета 1990 г. без работы остались 130 тыс. жителей Восточной Германии, среди них военные, ученые, государственные служащие.

Вследствие того, что в 1980-1990-е гг. В.Ф. Лапский работал корреспондентом газеты «Известия» в ГДР и ФРГ, ему была небезразлична также и судьба восточногерманских журналистов. Исследователь полагает, что

объединение Германии отрицательно повлияло на развитие журналистики на территории новых федеральных земель, так как все то, что «было завоевано в ГДР за последние полгода революционных выступлений – политический плюрализм мнений и печати, быстро ушли в прошлое» [3, с. 231]. Персонал был сокращен, был введен запрет освещать определенные темы.

Переплетение данных факторов стало основой формирования психологического отчуждения в среде большинства восточных немцев. В.Ф. Лапский подчеркивает, что «осси» стали воспринимать себя людьми «второго сорта», таким образом, в сознании сегодняшних немцев воссоздалась новая Берлинская стена непонимания. По мнению исследователя, «западное высокомерие и сытость столкнулись с комплексом неполноценности у восточных немцев», что привело к появлению социально-психологического кризиса в объединенном германском государстве [3, с. 331].

Переходный период к рыночному хозяйству, по меткому выражению автора, сопровождался человеческими драмами и острыми общественными конфликтами. Восточногерманские предприятия были лишены традиционных рынков сбыта, в первую очередь советских. Не многие отрасли промышленности бывшей ГДР смогли приспособиться к условиям рыночной экономики. Руководство ФРГ сделало ставку на развитие новых федеральных земель за счет мелкого и среднего предпринимательства. В.Ф. Лапский в целом позитивно оценивает возможность в будущем преодолеть психологический барьер между «осси» и «весси», но для этого, по словам исследователя, должно смениться ни одно поколение немцев.

Говоря в целом о монографии В.Ф. Лапского «Погребенные под берлинской стеной», можно отметить, что в работе был собран большой фактический материал. Однако она носит скорее описательный характер, поскольку автором достаточно глубоко проанализированы реакции и эмоции восточных немцев на различные события, произошедшие в рамках объединительного процесса.

Список литературы

1. *Амплеева А.А. Германия после объединения // Преподавание истории в школе. – М., 2002. – №5. – С. 12 – 17.*
2. *Лапский В. До 911 метров. Портрет немцев в европейском интерьере // Вокруг света. – 1996. – № 2. – С. 35 – 43.*
3. *Лапский В.Ф. Погребенные под Берлинской стеной. – М., 2008. – с. 352.*
4. *Павлова-Сильванская М.П. Воссоединение старого света // Новое время. – 1999. – № 45. – С. 24 – 25.*
5. *Петров И.А. Социопсихологические аспекты объединения Германии // Международный исторический журнал. – 2000. – № 9. – С. 11 – 32.*

УДК 947. 06.(470.13)

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КОМИ КРАЯ В XVIII ВЕКЕ

© ***А.К. Гагиева****, Коми республиканская Академия государственной службы и управления (г. Сыктывкар, Россия)*

INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF KOMI TERRITORY IN THE XVIII CENTURY

© ***A.K. Gagieva,****The Komi Republican Academy of State Service and Administration (Syktyvrar, Russian Federation)*

Статья посвящена истории индустриального развития в Коми крае в XVIII веке. Впервые, на основе архивных документов, показаны взаимодействия местного и выборного крестьянского управления и заводчиков, подчеркивается роль «мирского схода» при решении самых разнообразных вопросов. В статье анализируется ситуация в коми волостях, связанная со строительством металлургических заводов, приводятся данные о разведке и освоении первых нефтяных месторождений.

Ключевые слова: Европейский Север, Яренский уезд, волость, община, крестьянское управление, индустриальное развитие.

The article is dedicated to the history of industrial development of Komi territory in the XVIII century. For the first time, on the basis of archival documents, the interactions of the local and the electoral peasant administration and factory owners are shown. The role of a «village gathering» is emphasized in solving different issues. In article the situation in Komi volosts associated with the construction of metallurgical works is analyzed, data about investigation and development of the first oil fields are provided.

Key words: European North, Yarensky district, volost, community, peasant administration, industrial development.

E-mail: gngkol2@mail.ru

Исследование вопросов индустриального развития страны и регионов остается актуальным. С одной стороны в региональной историографии накоплен богатейший материал по исследованию сюжетов, связанных с разработкой вопросов истории индустриального развития районов, краев и областей на различных исторических этапах, с другой – слабость их теоретических и методологических разработок, приводит к неоднозначной оценке, проходивших здесь мероприятий. Вместе с тем, появление в последнее время ряда работ по данному вопросу, позволяет надеяться на лучшее. Речь, в первую очередь, идет о коллективной монографии «Опыт российских модернизаций XVIII-XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов» [6].

Изучение истории индустриализации в Коми крае имеет давнюю традицию. В обобщающих работах по истории Республики Коми исследовались различные сюжеты, посвященные данному вопросу [4]. Вместе с тем, до настоящего времени, не стали предметом специального рассмотрения проблемы, связанные с анализом влияния индустриализации на хозяйственные системы, например на такие как, крестьянские поземельные общины [2].

Основными источниками, для написания данной работы, стали архивные документы, сосредоточенные в фондах Яренской воеводской канцелярии и Берг коллегии, хранящиеся в Российском Государственном архиве Древних Актов 8 Неопубликованные документы представлены, как краткими записями о рассмотренных делах, так и конкретными делами. Практически все архивные документы, включали не один, а несколько сюжетов. Особый интерес представляют документы Берг-коллегии, где сконцентрированы источники по истории индустриального развития [9].

В научно-методическом журнале «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс» выпуск 7 (11) за 2013 год, мы уже рассмотрели административно- территориальное устройство изучаемой территории. Было, в частности отмечено, что территория, заселенная коми- зырянами, не оставалась неизменной. После ряда реформ, она вошла, к концу XVIII века в различные губернии Европейского Севера России. Так, Яренский уезд был разделен на четыре части: Пысская волость отошла к Мезенскому уезду Архангельской области, четыре нижневычегодских волости к Сольвычегодскому уезду Великоустюжской области, а на остальной территории были образованы Устьсысольский и Яренский уезды, относившиеся к Великоустюжской области. Территорию бывшего Пустозерского уезда включили в Мезенский уезд. В 1784 году Архангельская область была преобразована в наместничество. В 1796 году Архангельское и Вологодское наместничества преобразовали в губернию, Великоустюжская область была ликвидирована. В 1797 году по указу Павла I проведена очередная реформа, в результате которой произошло укрупнение волостей [5]. В результате в Яренском уезде осталось пять волостей, а в Устьсысольском – восемь. Было подчеркнуто, что представленная выше административно-территориальная система не учитывала этнические особенности населения, но следует признать, что она показала свою жизнеспособность до 1917 года. [3, с. 15] .

Сложившаяся здесь система феодальных отношений имела ряд своеобразных черт по сравнению с центральной частью России. Известно, что население, проживающее на изучаемой территории, не знало «ярма крепостничества». Оно относилось к государственным крестьянам, и составляло большинство населения губернии [1, с. 32–33]. Всего, по данным Д.В. Вишняковой, к концу изучаемого времени, в Яренском, Устьсысольском и Мезенском уездах проживало: 23418, 34031 и 21871 человек, соответственно [6, с. 25]. Из них женщин насчитывалось в Яренском- 12977 , в Устьсысольском – 17545, а в Мезенском – 11579 человек [1, с. 25].

Начавшаяся в XVIII веке индустриализация Урала оказала существенное влияние на формирование инновационных индустриальных центров и на изучаемой территории. В Яренском уезде в на р. Сысола, где были обнаружены запасы болотной руды, в Пажгинской, Гривенской и Койгородской волостях были организованы три крупных железоделательных завода, (в 1757 – Нючпасский, 1761 – Нювчимский, 1775 году – Кажимский), которые давали значительную по тем временам продукцию. Каждый из них занимался выплавкой чугуна и перековкой его в железо. Объемы выпускаемой продукции на протяжении изучаемого времени постоянно росли. Так, в 1762 году выковка железа на Нювчимском заводе составила 7193 , а в 1795 – 34827 пудов, на Кажимском заводе она возросла с 30912 пуд. В 1770 году, до 56084 пудов 1796 году [7, с.158–15]. Вышеназванные предприятия не только выпускали определенную продукцию, но и соединяли в региональном масштабе различные этнокультурные ландшафты, что приводило к неповторимости данного региона. Это проявлялось в том, что профессиональными рабочими были в изучаемое время привезенные русские мастеровые, так как среди местного населения специалистов подобного профиля не было. По данным Горного департамента в 1799 году на Нювчимском заводе было 126 работных и мастеровых людей, на Нючпасском – мастеровых – 3, на Кажимском 35 мастеровых и 115 работных [7, с.160–161]. В основном, это были выходцы из Костромы, Тотьмы, Вологды. Они постепенно «врастали» в традиционную жизнь коми- зырян и становились

«своими», перенимая не только обычаи коми-зырян, но и обучаясь коми языку «врастали» в коми крестьянское сословие.

Наряду с железоделательными заводами продолжал действовать старый солеваренный завод, находящийся в селе Серегове на реке Выми, так называемое Сереговское Усолье. Описание завода дает переписная книга Яренского уезда начала изучаемого периода, где отмечено, что на заводе имелось « две трубы соляных, да 11 варниц, да в тех варницах 10 цыренов, да 7 амбаров соляных и снастных» [7, с. 163].Завод постепенно расширялся и к концу изучаемого времени, здесь уже насчитывалось 3 трубы и с десятками варниц, причем из каждой варницы соли вынимали в сутки по 70 пудов. Работали на заводе в начале изучаемого периода 200 человек, а в конце – 800. В состав рабочей силы входили мастеровые люди и домовые служители, живущие при заводе.

Появление индустриальных центров оказывало мощное влияние и жизнь местного населения близлежащих к заводам волостей. Коми-зыряне в изучаемое время занимались здесь, в основном, неквалифицированным трудом: заготовкой дров, сена для лошадей, добычей руды, рубкой леса и другими видами работ. Так, в 1750 году для этой цели было набрано 670 крестьян, в 1755 – 730, в 1756 – 765 человек [7,с. 163–164]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Сереговском Усолье.

Кроме этого, в связи с тем, что заводы ставились на крестьянских землях, с которых необходимо было платить налоги, крестьянские «миры», через выборное управление, вступали в контакты с администрацией заводов с целью получения с последних денег на уплату налогов за взятую заводами землю. При этом со стороны заводовладельцев звучало требование об отработке со стороны крестьян на заводах полученных сумм. Так, крестьяне Гривенской волости заняли в 1758 году, через поверенных, у заводовладельца Курочкина «300 рублей для оплаты доимок». При этом обязались «работать 4 года по 30 человек на новостроящихся Нючпасском и Кажимском заводах, каждый год по два месяца» [8. д. 236, лл. – 47 об. – 48] .В том же году крестьяне Ужгинской волости заняли у того же владельца «900 рублей, обязавшись отработать их за 5 лет, работая в год по 50 человек, каждый по 91 дню» [8, д. 48, л. 3]. Подобные договоры заключались ежегодно [8, дд. 236, 238 и др.].

В том случае, если крестьяне не выполняли своих обязательств, то заводовладельцы, через управляющих, требовали возврата взятых сумм. Дело доходило до судебного разбирательства. В фонде Яренской воеводской канцелярии находится челобитная от владельца Кажимского и Нючпасского заводов о невыполнении населением более 30 волостей своих обязательств. Например, в 1780 году только Нювчимская контора насчитывала 1256 рублей долга на 255 крестьянах. [8, д. 237, лл. 5–9]. Аналогично поступали и крестьянские «миры». Если заводчики не платили причитающиеся суммы за пользование крестьянской землей, то крестьяне через своих представителей отстаивали интересы «мира» в Яренской воеводской канцелярии [8, дд.48, 63].

Индустриальное развитие в Коми крае подтолкнуло и развитие новых производств. В изучаемое время начинается добыча нефти на реке Ухта, причем, это был первый в России нефтяной промысел. В 1745 году архангельский купец Ф. Прядунов на р. Ухта построил здесь первый маленький завод. Всего, за исследуемое время, здесь было добыто 270 пудов 27 фунтов нефти, что составляло 38 % от общего объема добытой нефти по России [9, д. 2720, лл. 465–1801].

Причем, следует отметить, что, в изучаемое время, нефть использовалась исключительно в медицинских целях. Она не имела большого спроса и, к концу изучаемого периода, добыча ее была прекращена. Наряду с нефтяным заводом, на изучаемой территории действовали – кирпичный и два винокуренных. Первый изготовлял до 3000 кирпичей в год, но работа здесь велась не постоянно, а только во время церковного строительства. Винокуренные предприятия снабжали вином устьсысольский и яренский кружечные дворы, куда поставляли до 1800 ведер вина в год.

Таким образом, к уже существующим производствам на территории Коми края в XVIII веке добавились новые промышленные предприятия. Их появление было связано не только с потребностью в тех или иных продуктах производства, но и с модернизацией, начавшейся в изучаемое время на Урале и, продолжившейся на периферии, в нашем случае – Коми крае. Процесс освоения новых производств, строительство новых предприятий, расширение и освоение новых территорий приводили к созданию инновационных центров индустриализации. Они влияли на развитие крестьянских общин, которые благодаря высоким адаптивным свойствам приспосабливались к разным хозяйственным системам. Следует отметить, что индустриализационные процессы, в изучаемом регионе проходили при активном государственном вмешательстве. При этом они базировались на феодальной основе. Начавшееся интенсивное использование богатых полезных ископаемых плодотворно сказалось на дальнейшем росте производительных сил на изучаемой территории.

Список литературы

1. *Вишнякова Д.В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX начале XX в. – Сыктывкар 2012.*
2. *Гагиева А.К. Историография общины крестьян Коми края второй половины XVIII – века // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера, Вологда, 1992. С. 82–89.*
3. *Гагиева А.К. Местное управление на Европейском Севере России. / XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс: Научно-методический журнал. Серия: социально-гуманитарные науки. – Вып. № 07 (11). – 2013. – С.13–19.*
4. *Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население, Сыктывкар,1998- 240 с.; Очерки по истории Коми АССР – Т.1. – Сыктывкар,1955. – 352с.; История Коми АССР. 2-е изд., доп.- Сыктывкар,1981. – 480 с.; История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. – Сыктывкар, 2004*
5. *Жеребцов И.Л. У истоков национальной государственности // Республика Коми- 80 лет Очерки, посвященные 80-летию Республики Коми в составе Российской Федерации. – Коми кн. изд-во, 2001.*
6. *Опыт российских модернизаций XVIII-XX вв.: взаимодействие макро – и микропроцессов / В.В.Алексеев, Е.В.Алексеева, К.И.Зубков и др.; Ин-т истории и археологии – Екатеринбург: Банк научной информации,2011.-404с.*
7. *Очерки по истории Коми АССР – Т.1. – Сыктывкар,1955.*
8. *Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА) Ф. Яренская воеводская канцелярия (609). Оп.1,2,3;*
9. *РГАДА Ф.Берг Коллегия (271) Оп.1.*

УДК 94(47)084.3

РАЗБОР КОНФЛИКТОВ РАСЦЕНОЧНО-КОНФЛИКТНЫМИ КОМИССИЯМИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД НЭПА

© ***И.Н. Камардин****, Пензенский государственный университет*
(г. Пенза, Россия)

CASE OF CONFLICT RASTSENOCHNO-mediation board ON ENTERPRISES VOLGA during the NEP

© ***I.N. Kamardin,*** *Penza State University (Penza, Russia)*

В статье рассматривается деятельность расценочно-конфликтных комиссий на предприятиях Поволжья в годы нэпа. В подавляющей массе конфликтов скрывалось недовольство существующим материальным положением. Конфликтные органы достаточно успешно выполняли возложенные на них обязанности по локализации недовольства, возникшего в рабочей среде, но в условиях сращивания административного аппарата с профсоюзами эти органы не могли бороться против причин породивших их.

Ключевые слова: конфликты, РКК, расценочно-конфликтные комиссии, рабочие, предприятие, материальное вознаграждение.

The article describes the activities rastsenochno-conflict commissions in enterprises of the Volga during the NEP. In the overwhelming majority of conflicts concealed discontent with the financial situation. Conflicting authorities quite successfully performed their duties to contain discontent arising in production, but in terms of matching the administrative apparatus with the unions, these bodies could not fight against the causes of their parent.

Key words: conflict, RCM, rastsenochno-conflict commissions, working, company, financial reward.

E-mail: sehd@mail.ru

Истории деятельности конфликтных органов в 20-е годы в советской научной литературе уделялось весьма небольшое, отрывочное внимание, хотя в действительности конфликты занимали значительное место в деятельности профессиональных союзов отделов труда и жизни рабочих. В вышедших в последнее время работах, посвященных деятельности профсоюзов, рассматривается поднятая проблема. В то же время, не являясь предметом специального исследования, деятельность давалась схематично, без должной взаимосвязи между собой. Поэтому для воссоздания объективной картины деятельности конфликтных органов необходимо всестороннее изучение деятельности первичных органов по разбору конфликтов.

Введение нэпа привело к созданию новой законодательной базы, регулирующей трудовые отношения на производстве. Новый курс экономической политики в стране возложил на профсоюзы и отделы труда ответственность в сфере разрешения производственных конфликтов, возникавших между администрацией и трудовыми коллективами.

Первичным конфликтным органом по КЗОТу РСФСР 1922 г. на предприятиях объявлялись расценочно-конфликтные комиссии. В ноябре 1922 г. народный комиссар труда утвердил положение о РКК. Согласно постановлению, РКК организовывались на предприятиях всех видов собственности с целью проведения в жизнь всех положений коллективного договора, разработки правил внутреннего распорядка, а также для разрешения споров и конфликтов, возникших на предприятии. РКК организовывались на предприятиях с числом рабочих и служащих не менее 30 человек. В случае меньшего количества трудящихся дела передавались на рассмотрение

непосредственно в профессиональный союз или примирительно-третейские органы. Состав комиссий формировался как паритетный орган, состоящий из равного числа представителей от союза (ФЗК) и администрации. Рабочая часть комиссий назначалась фабзавкомом, число членов комиссии устанавливалось по обоюдному соглашению между профсоюзом и нанимателем. Решения комиссии имели силу лишь в случае, если они были приняты соглашением сторон [21, с. 3].

Судить о деятельности расценочно-конфликтных комиссий весьма трудно, статистика трудовых конфликтов в исследуемый период не была полной, поскольку региональные власти не были заинтересованы в передаче сведений о наличии большого числа недовольных положением на производстве. Так, по профсоюзным сводкам астраханского губотдела труда в 1923 г. официально РКК разобрали 161 конфликт, а в 1924 г. всего лишь – 89 конфликтов [24, с. 7]. В результате не все конфликты попадали в число официально зарегистрированных. В связи с этим изучение данной проблемы возможно лишь на основе выявленных архивных документов.

Число заседаний комиссий зависело от размеров предприятия и количества поступающих заявлений. В Поволжье на патронных заводах заседания комиссий проходили с интервалом в 4-8 дней [7, 12, 19]. На Сормовском заводе заседания проходили еженедельно [3, л. 150]. На небольших предприятиях, которые в регионе насчитывалось большинство, заседания собирались по мере накопления дел.

Пик работы комиссий приходился на январь-март и октябрь-ноябрь, что было связано с проведением кампании по перезаключению колдоговоров, сопровождавшейся пересмотром норм выработки и расценок. Увеличение конфликтов в делопроизводстве произошло после выхода в августе 1924г. постановления ЦК РКП(б) «О политике заработной платы» и постановления ВСНХ в 1926г. «О борьбе за режим экономии», в результате которых происходило увеличение норм выработки и снижение расценок [23, с. 132]. В Поволжье вышеперечисленные постановления отразились в наибольшей степени на рабочих текстильной и металлообрабатывающий промышленности.

Основная масса конфликтов, рассматриваемых в РКК, носила индивидуальный характер. По промышленным предприятиям в среднем на один конфликт приходилось 2-4 человека. Так, с июня по декабрь 1925г. на заводе им. Володарского Ульяновской губ. комиссия разобрала 176 вопросов с 566 участниками, то есть на один конфликт приходилось в среднем 3,2 участника [17, л. 38]. Индивидуальный характер носили конфликты, связанные с переходом в высший разряд, выдачей спецодежды, предоставлением дополнительного отпуска, халатным отношением к работе, приемом и увольнением рабочих. Заявления, связанные с уменьшением норм выработки, оплатой сверхурочной работы, подавались, как правило, группой рабочих. Например, на заводе им. Масленникова в Самарской губ. и заводе им. Ленина в Саратовской губ. заявления о понижении норм, увеличении расценок подавались целыми отделениями по 10-15 человек [12, л. 23].

Причины возникновения конфликтов, показывает табл. 1, которая составлена на основе выявленных протоколов расценочно-конфликтных комиссий действующих на территории исследуемого региона.

Таблица 1. – Конфликты рассмотренные в РКК Пензенской, Самарской, Саратовской, Сталинградской, Астраханской, Нижегородской и Ульяновской губерний по причинам возникновения 1923-1929г. (%% соотношение) [1-20; 28].

Рассмотрение дел по причинам		1923г.	1924г	1925г.	1926г.	1927г.	1928г.	1929г.	Среднее за все года
По вопросам заработной платы	Изменения разряда	22	25	29	26	21	22	22	24
	Оплата сверхурочных работ	11	4	8	14	13	14	5	10
	Установления расценок	25	39	14	21	15	17	17	21
	Премирование	2	-	1	2	1	2	-	2
	Установление нормы	21	17	14	15	24	15	7	16
	Утверждение проб	-	2	7	3	1	5	31	8
Итого по заработной плате		81	87	73	79	74	75	82	79
Отпуска и увольнения	Предоставления допол. отпуска	4	0,5	4,3	2	0,5	1	-	2
	Предоставления отпуска	4	0,5	1,4	3	3,2	8	4	3,4
	Неправильное увольнение	7	6	6,8	11	12,5	13	7	9
Охрана труда	Выдача спецодежды	3	5	13	10	2,6	3	4	5,8
	Выдача мыла	0,5	0,2	0,5	1,3	6,1	-	3	2
Взаимоотношение	Халатное отношение к обязанностям	-	0,2	0,8	0,9	0,8	-	-	0,6
	Грубое обращение	0,5	0,6	0,2	0,8	0,2	-	-	0,4

Основная масса дел рассмотренных в комиссии, возникало по причине материального вознаграждения. Так в Нижегородской губернии в 1924 г. по всем союзам был разобран 1122 конфликт, из которых по поводу зарплаты возникло 82,2% (нормы выработки, расценки, несвоевременная выдача зарплаты) [3, л. 150].

Основную массу дел на почве материального вознаграждения составляли дела, связанные с определением норм выработки, сдельных расценок, а также перемещением в тарифных разрядах. На протяжении всего изучаемого периода пятая часть конфликтов возникала на почве перехода в вышестоящий разряд. Так, среди дел, возникших в 1925г. в Самарском союзе металлистов, 437 дел возникло по причине установления разрядов. Из-за установления норм и расценок возникало достаточно устойчивое число конфликтов. Увеличение конфликтов, связанных с установлением расценок, можно отметить в 1924г. в связи с постановлением ЦК РКП(б) о политике заработной платы, в результате которого произошло изменение в нормах и расценках. На Патронном заводе им. Володарского (Ульяновская губ.) сдельщики, зарплата которых снижена, по поводу нового говорят: «Положили

из одного кармана в другой». В связи с повышением норм выработки в РКК поступает такое количество заявлений с протестом против новых норм, что РКК вынуждена заседать с утра до вечера [27, с. 282].

Разногласия между администрацией и рабочими возникали также в связи с оплатой сверхурочных и праздничных дней. Как правило, такие дела возникали на предприятиях, где администрация в обход КЗОТа пыталась сэкономить средства за счет рабочих. К сожалению, процесс экономии на рабочих коснулся всех отраслей народного хозяйства.

Число конфликтов, возникающих по вопросам охраны труда, в общей массе было невелико и было связано с невыдачей спецодежды, мыла, молока на вредном производстве, путевок в дома отдыха и т.п.[7, л. 3 Об]. Подобные конфликты чаще встречались на предприятиях, где выдача спецодежды, молока и т.п. была зафиксирована в колдоговоре. Высокий процент конфликтов на почве несоблюдения норм охраны труда имел место среди строителей, металлистов и работников коммунального хозяйства. В архивных документах отмечаются случаи, когда рабочие подавали в РКК заявления о выдаче спецодежды раньше установленного срока в связи с быстрым износом одежды. Следует отметить, что износ одежды раньше установленного времени происходил не только по халатности рабочих, но и из-за использования хозяйственниками дешевой и некачественной одежды.

Трудовые споры в связи с неправильным увольнением составляли около 10%. Их число увеличилось во второй половине 20-х годов. В наибольшей степени увольнения упоминались у текстильщиков, среди которых осуществлялся переход на обслуживание нескольких станков. Нередко комиссии, не проводя специального дознания, принимали решения об увольнении того или иного рабочего, в результате чего ею превышались полномочия, а в делопроизводстве возникали апелляционные требования граждан о восстановлении вновь на работу, или выплате выходного двухнедельного пособия [31, л. 15].

Часто члены комиссии, не зная коллективного договора и тонкостей КЗОТа, вынуждены были идти на поводу у администрации при разборе дел. Следует отметить, что во второй половине 20-х годов при приеме на работу и увольнении учитывалось имущественное положение рабочих. В условиях массовой безработицы в Поволжье власти старались предоставить возможность заработать людям, лишенным средств существования, этим демонстрировалась забота о малоимущих слоях населения. Например, 31 августа 1928г. на заседании комиссии при пекарне № 2 г. Пензы рассматривалось дело об увольнении рабочего Тычкасова. Увольнение комиссия признала правильным и мотивировала своё решение следующим образом: рабочий имел дом, лошадь, корову, мелкий скот, а также пользовался земельным наделом [9, с. 318].

Небольшой процент дел проходящих через РКК был связан с халатным отношением к работе. На общем фоне выделяется союз местного транспорта, что объясняется своеобразием работы транспортников: за разбитые трамвайные или автобусные стекла, за несвоевременное прибытие в парк, за провоз безбилетных пассажиров, за утерю или поломку частей машины следовали различные наказания [15, л. 27].

Опираясь на общее число выявленных дел, достаточно трудно говорить о результатах рассмотрения их в комиссиях. Так, судя по отчетам Пензенского треста грубых сукон, в I квартале 1927/28г. комиссии рассмотрели 516 вопросов, из которых в пользу администрации было решено 59% дел, в пользу профсоюзов –

14%, в другие инстанции передано 4,3% дел. За второй квартал деятельности треста в результатах разбора дел изменений не произошло: в пользу администрации – 68,9%, в пользу профсоюзов – 19,4%, в другие органы передано – 9,7% (в примирительную камеру – 0,4% и в третейский суд - 1,4% конфликтов) [8, л. 12]. По данным астраханских профсоюзов за 1926 г. РКК было рассмотрено 5508 дел, из которых в пользу рабочих было решено 61,8%, в пользу нанимателя – 28,79%, пришли к компромиссу – 9,38% дел [26, с. 56].

Исследуя отчеты завода им. Масленникова в г. Самаре, ф-ки «Маяк революции» Пензенской губ., пензенского союза химиков, саратовского союза металлистов, можно с уверенностью отметить, что основная масса дел рассматривалась в пользу администрации [29, 30].

В то же время в отчетах с других предприятий можно наблюдать обратный процесс. Так, в отчетах о деятельности РКК по союзу советских общественных и торговых служащих Ульяновской губ. за 1926/27 г. отмечается, что в пользу служащих разрешено 30% дел, в пользу администрации – 23,6% и передано в другие учреждения – 16,05% [25, с. 44]. Разрешение основного потока дел в пользу рабочих происходило также на Пензенском з-де №10, кожзаводах Пензенской губ [29]. Такая разница в разрешении конфликтов объясняется различным характером конфликтов, преобладающих на различных предприятиях. Между результатом решений и причинами конфликтов существовала зависимость. Наименьший процент решений в пользу рабочих давали обычно дела, возникающие на почве увольнения и административных взысканий. Наибольший процент дел в пользу рабочих давали конфликты на почве охраны труда. Конфликты, возникшие из-за изменения норм и расценок, разрешались в зависимости от финансовых возможностей предприятий. Следует отметить, что единичные заявления о повышении в разряде и увеличении расценок решались чаще в пользу рабочих, чем групповые.

На основе этих данных можно с уверенностью сказать, что основная масса дел находила свое разрешение в комиссиях. Дел, не нашедших разрешения в комиссии, насчитывалось на протяжении 20-х годов не более 10 – 15%. Как правило, в вышестоящие органы передавались дела, связанные с зарплатой и увольнением.

В работе самих РКК на предприятиях региона имелись существенные недостатки. Члены РКК от рабочих очень часто менялись, многие из них были плохо знакомы с общим и трудовым законодательством, в то время как администрация предприятия со своей стороны направляла в РКК юристов, которые аргументировано защищали ее интересы.

Члены РКК подвергались административному и экономическому воздействию как со стороны администрации (угроза уволить или перевести на низкооплачиваемую работу), так и со стороны недовольных их беспомощностью рабочих (Саратовская табачная фабрика) [10, л. 27]. Поэтому местным профсоюзным организациям приходилось буквально «силой» посылать рабочих в РКК [11, л. 153]. Астраханская газета «Коммуна» так рассказывала о подобной ситуации сложившийся в союзе связи: «Наша расценочно-конфликтная комиссия работает по указке администрации. Не так давно разбирался вопрос в конфликтном порядке о невыдаче работникам спецодежды. РКК вынесла постановление о выдаче. Но распределение и расценка как-то попала в руки администрации. В результате получилось то, что некоторые не получили полагающегося, а другие совсем не получили [22].

По положению РКК рассматривали и утверждали расценки, разрабатываемые администрацией. На практике, однако, РКК часто сами устанавливали их и вследствие загруженности РКК несвойственной им работой, рассмотрение дел в них затягивалось, что вызывало справедливые нарекания со стороны рабочих. Недовольство последних вызывали и факты невыполнения администрацией уже согласованных решений РКК и колдоговоров. Такое положение оказывало разлагающее воздействие на рабочих и толкало их на поиск иных путей восстановления «справедливости»: оскорбление администрации

Таким образом, конфликтные органы, сформированные по КЗОТу 1922 г., достаточно успешно выполняли возложенные на них обязанности по локализации недовольства, возникшего в рабочей среде. В подавляющей массе конфликтов скрывалось недовольство существующим материальным положением. В начале 20-х годов корни конфликтов были связаны с задержкой зарплаты. В середине и во второй половине 20-х годов на первое место выходят проявления недовольства в связи с проводившейся кампанией по интенсификации труда. Случаи предъявления рабочими требований после увольнения свидетельствовали о бесправии рабочих перед произволом администрации, а с другой стороны, говорили о неспособности профсоюзных органов защитить права рабочих. Основной поток конфликтных дел находил разрешение в местных РКК, неразрешенные дела поступали на окончательное разрешение в отделы труда и профессиональные союзы. Такая разветвленная система конфликтных органов имела цель создать видимость для рабочих, что их интересы советское государство защищает, а на самом деле сплошь и рядом права рабочих нарушались.

Главной целью деятельности конфликтных органов была локализация недовольства в рабочей среде, но в условиях сращивания административного аппарата с профсоюзами эти органы не могли бороться против причин породивших их. Результатом стало распространение среди рабочих пассивного отношения к труду, а в некоторых случаях это способствовало возникновению стихийных забастовок.

Список литературы

1. *Государственный архив Астраханской области. Ф.Р.32. Оп.2. Д.685.*
2. *Государственный архив Волгоградской области. Ф.Р.37. Оп.2. Д.104.*
3. *Государственный архив Нижегородской области. Ф.Р.1. Оп.1. Д.5237.*
4. *Государственный архив Пензенской области. Ф.Р.228. Оп.1. Д.91, Д.371.*
5. *Государственный архив Пензенской области. Ф.Р.442. Оп.1. Д.1179.*
6. *Государственный архив Пензенской области. Ф.Р.943. Оп.1. Д.9;*
7. *Государственный архив Пензенской области. Ф.Р. 324. Оп.1. Д.360.*
8. *Государственный архив Пензенской области. Ф.Р.6. Оп.1. Д.610.*
9. *Государственный архив Пензенской области. Ф.Р.968. Оп.1. Д.7.*
10. *Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 111*
11. *Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р.5451. Оп.11. Д.183*
12. *Государственный архив Самарской области. Ф.Р.2934. Оп.1. Д.928.*
13. *Государственный архив Самарской области. Ф.Р.328. Оп.7. Д.7.*
14. *Государственный архив Самарской области. Ф.Р.862. Оп.1. Д.24.*
15. *Государственный архив Самарской области. Ф.Р.902. Оп.1. Д.4.*
16. *Государственный архив Самарской области. Ф.Р.524. Оп.1. Д.35.*
17. *Государственный архив Ульяновской области. Ф.Р.111. Оп.1. Д.131.*

18. *Государственный архив Ульяновской области. Ф.Р.141. Оп.1. Д.335.*
19. *Государственный архив Ульяновской области. Ф.Р.249. Оп.4. Д.130.*
20. *Государственный архив Ульяновской области. Ф.Р.696. Оп.1. Д.1681.*
21. *Исаров С. РКК. – Самара,1929.*
22. *Коммунист. 20 января 1924 г.*
23. *КПСС в резолюциях… - Т.3. - М., 1983.*
24. *Отчет о работе Астраханского ГСПС о работе Астраханских профсоюзов за 1926 год. Астрахань, 1927.*
25. *Очерки развития профессионального союза советских общественных и торговых служащих г. Ульяновска и Ульяновской губ. Ульяновск, 1927.*
26. *Профсоюзы Астраханской губернии. (Отчет с 1 ноября 1923 по 1 ноября 1924). Астрахань, 1924.*
27. *Совершенно секретно. Лубянка – Сталину о положении в стране 1922-1934гг.. М., 2002. Т.6.*
28. *Сызранский государственный архив. Ф.Р.42. Оп.1. Д.43.*
29. *Трудовая правда. 1927. – 4 ноября. №225.*
30. *Трудовая правда. 1928. – 30 апреля. №148.*
31. *Центр хранения документации новейшей истории Саратовской области. Ф.6077. Оп.1. Д.276. Л.1-576, Д.277. Л.5-38.*

УДК 94(47).084.8

О ПРОБЛЕМЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

© ***М.А. Киселев,*** *Пензенский Государственный Университет (г. Пенза, Россия)*

ABOUT PROBLEM OF SOVIET PRISONERS OF WAR (SOVIET POWs) DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1940-1945) (BASED ON MATERIALS OF PENZA REGION)

© ***M.A. Kiselev,*** *Penza State University (Penza, Russia)*

Данная статья посвящена рассмотрению основных аспектов проблемы советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны на основе анализа малоизученных ранее архивных источников Пензенской области. Целью написания работы является стремление дополнить изучение означенной темы за счет исследования новой архивной информации, а также пробудить интерес к ней среди историков Пензы и Пензенской области.

Ключевые слова: военнопленные, фильтрация, фильтрационные пункты, спецконтингент, Сопротивление, предательство.

The article examines the main aspects concerning problems of soviet POWs during the Great Patriotic war based on analysis the little studied archive materials containing in the State Archive of Penza region. Special attention was paid to difficulties in studying this problem such as in regard to the number of Red Army soldiers held in captivity, their going through filter places and their following fate, the standards of treachery.

Key words: soviet prisoners of war, resistance, treachery, going through filter places, special contingent.

E-mail: micha-kiselev@mail.ru

В последнее время появилось немало научных работ, авторы которых ставят перед собой задачу развенчания так называемых «исторических мифов».

Начиная с 1980-х годов и вплоть до сегодняшнего времени политическая элита нашей страны формирует новую идеологию, основанную на антисоветизме и отрицании не только ошибок советского прошлого, но и его достижений. Исторические мифы составляют важнейшую часть данной идеологии.

Великая Отечественная война стала одним из тех событий советской истории, которое подверглось атакам мифотворцев более всего. Причины поражений первых месяцев войны; трагедия советских военнопленных, оказавшихся в немецком плену; численность потерь Красной Армии за годы войны, и т.д. – все эти и многие другие сложные и неоднозначные проблемы с легкой руки фальсификаторов обросли всевозможными домыслами и невероятными теориями. Проблема советских военнопленных, оказавшихся в немецком плену, представляет собой одну из самых неизученных проблем периода войны. Историки до сих пор спорят о количестве попавших в плен и погибших в плену красноармейцев, о численности прошедших и не прошедших так называемую фильтрацию бывших пленных, о масштабах сотрудничества пленных с врагом, о юридическом статусе оказавшихся в спецлагерях советских воинах и пр.

Сложности в изучении темы усугубляются и тем, что значительная часть архивных документов до сих пор засекречена, либо доступ к ним ограничен. Возникает вопрос: можно ли заниматься исследованием, например, вопроса фильтрации бывших военнопленных, порядка ее осуществления и принципов работы фильтрационных органов без изучения собственно самих дел? Конечно же, нет.

Как считает пензенский историк Тамбовцев Г.П., в плену погибло от 2,5 до 3 млн. человек [18, с. 220]. Однако, некоторые историки не соглашаются с данными цифрами, считая, что официальные данные занижены. К таким исследователям, например, относится Виктор Земсков, доверяющий в своих исследованиях в первую очередь немецким источникам. По его мнению, в плену оказалось 6,3 млн. красноармейцев, погибло-3,9 млн. человек (2,3 млн.-на оккупированной территории, 1,6 млн. – в Германии) [12, с. 22-23]. Н.П. Дембицкий в своей статье не дает четкого ответа на вопрос о количестве попавших в плен и умерших в плену бойцов Красной Армии, однако, сопоставив различные статистические документы, он делает осторожный вывод о том, что «в немецкий плен попало не менее 5 млн. человек, из которых свыше 3 млн. погибли» [9, с. 232-264].

Даже добросовестные историки, имея на руках официальные документы, не могут прийти к какому-то определенному мнению. О том, насколько сложной является задача подсчета количества оказавшихся в плену красноармейцев, можно судить по тем трудностям, которые возникают при изучении документов в Пензенской области. Согласно принятому 24 августа 1991 года Указу Президента РФ, документы о пензенских военнопленных были переданы из архивов НКВД, КГБ на хранение в Государственный Архив Пензенской области (ГАПО). На данный момент в ГАПО хранится около 19,5 тыс. фильтрационно-проверочных дел, 54 сборника немецких документов на военнопленных, а также картотека, содержащая 35 тыс. карточек [14, с. 118-119]. На основе этих документов можно составить определенное представление о количестве попавших в плен уроженцев Пензы и Пензенской области, а также лиц, призывавшихся с данных территорий.

Однако, перед исследователем встает ряд препятствий. Во-первых, в ГАПО, по всей видимости, содержатся дела не на всех военнопленных. Часть дел, например, на лиц, подозревавшихся в сотрудничестве с врагом, не была

передана на хранение в ГАПО, и доступ к этим делам, вероятно, не скоро будет предоставлен историкам.

Во-вторых, отсутствуют проверочно-фильтрационные дела на многих военнопленных. Примерно в половине дел, хранящихся в архиве, содержатся как немецкие карточки на пленного, заводившиеся в лагере, так и фильтрационные документы. Множество дел содержат лишь немецкие карточки (дело № 20977) [1]. Отсюда можно сделать вывод о том, что те военнопленные, на которых имеется только немецкий документ, скорее всего, погибли в лагере, поскольку фильтрацию они не прошли [11]. Однако, данный вывод не может быть окончательным. Известны случаи, когда освобождаемые пленные вообще не проходили фильтрацию. В своей статье историк Дембицкий Н.П. приводит выдержку из воспоминаний командующего 21-й армией Чистякова И.М.: «У Гумрака оказался лагерь наших военнопленных. Мне было приказано всех наших бойцов, бывших военнопленных, хорошо одеть, обуть, подлечить, накормить, дать им отдых 10-15 дней, а затем направить в тыл. Я побеседовал с этими воинами и убедился, что настроение у этих людей такое, что они готовы в любую минуту идти драться с фашистами насмерть, чтобы отомстить за свое унижение и муки, за гибель своих товарищей... Я отобрал из бывших военнопленных 8 тыс. человек, сформировал из них восемь батальонов, вооружил их и отправил в дивизии» [19, с. 52-53]. Подобная практика была распространена на завершающем этапе войны.

Вероятно, и некоторые пензенские военнопленные также после освобождения из плена не проходили проверку, а направлялись в воинские части. Однако, в значительном количестве случаев, отсутствие фильтрационных документов означает смерть военнопленного в лагере.

В-третьих, в ГАПО содержатся дела не только на военнопленных, но и на гражданских лиц, находившихся на оккупированных территориях, и на лиц, которые вышли из окружения, не попав в плен. Количество, подобных дел незначительно, но данный момент исследователь также должен учитывать.

Известно, что с начала войны на фронт ушло более 300 тыс. пензенцев [17]. Не менее 40 тыс. человек оказалось в плену. Если основываться на данных дела № 20977, из этого количества погибло чуть менее половины красноармейцев.

Помимо проблемы количества оказавшихся в плену красноармейцев, важным аспектом означенной темы также является фильтрация (проверка) бывших пленных, вернувшихся из нацистских лагерей. 27 декабря 1941 года было издано постановление ГКО о создании фильтрационных пунктов (1069сс) [15], согласно которому на территории СССР создавались так называемые сборно-пересылочные пункты. Через эти пункты бывшие военнопленные направлялись в спецлагеря НКВД (позже-проверочно-фильтрационные лагеря НКВД)[13, С. 22-24].

Один из бывших военнопленных-пензенцев в ходе допроса вспоминал, что проходил через проверку дважды. Первый раз-в лагере № 306, находившемся в городе Брук (Австрия). Оттуда он был направлен в армию, затем переправлен в Запасной батальон 3-й гвардейской танковой армии. Здесь он занимал должность писаря при Санитарном отделе, где во второй раз допрашивался в особом отделе [2]. Вероятно, лагерь № 306 являлся сборно-пересыльным пунктом, из которого бывшего пленного направили уже не в спецлагерь, а в воинскую часть, поскольку 4 ноября 1944 года вышло постановление ГКО, согласно которому бывших пленных надлежало направлять в запасные части военных округов, где они, собственно, и должны были проходить непродолжительную проверку.

Как уже говорилось выше, иногда красноармейцы вообще не проходили проверку и сразу же направлялись в воинские части, особенно на последнем этапе войны, когда каждый солдат был на счету.

В основе проверки лежал допрос бывшего военнопленного. На основе протокола допроса одного из военнопленных, посмотрим, какие именно вопросы задавались следователями в ходе проверок. Следователь начинает допрос издалека, интересуясь подробностями прохождения службы бывшим пленным в рядах РККА. Затем следует вопрос о лицах, которые оказались в плену вместе с допрашиваемым. Далее следователя интересует информация, касающаяся того, в каких лагерях содержался пленный, допрашивался ли он немецкими войсками, подвергался ли репрессиям с их стороны, какими войсками был освобожден и допрашивался ли командованием союзников и пр. [3]. Часто, в материалах дела содержится развернутая анкета бывшего пленного-репатрианта, содержащая данные о партийности, образовании, национальности, профессии, судимости, обстоятельствах пленения и прочее.

Большинство бывших советских военнопленных проходило проверку успешно. Значительная часть бывших пленных направлялась в кадры промышленности. В одном из дел имеется трудовая характеристика на военнопленного, направленного после проверки в кадры угольной промышленности («Первомайскуголь»). В ней указано, что «за время пребывания в роте…на шахте Тошковка треста «Первомайскуголь» он показал себя как дисциплинированный трудармеец и честный и добросовестный работник» [4]. Так же указано, что в его отношении не было произведено никаких взысканий и прочее.

После прохождения фильтрации бывшие пленные не только направлялись в кадры промышленности, но и передавались в воинские части, либо возвращались домой по месту жительства. Лишь менее 10 % красноармейцев было арестовано во время войны, и менее 15 % – после ее завершения [16].

Иногда в ходе проверок следователи обращали внимание на происхождение бывшего пленного, а также на его прошлые «грехи». В частности, в одном из дел следователь обратил внимание на то, что отец проверяемого «судим на 7 лет ИТЛ за развал колхоза, дед был старостой церковным, в 1918 году участвовал в…кулацком восстании» (карточка № 4308). В карточке № 5375 говорится, что данный красноармеец «в первую империалистическую войну 6 месяцев находился в плену у немцев, а затем совершил побег к русским». В карточке № 8800 обращается внимание на то, что данный военнопленный является сыном кулака, арестованного НКВД в 1937 году и умершего в заключении. К сожалению, выяснить, каким образом данная информация могла повлиять на решение фильтрационного органа, нельзя, поскольку в ГАПО имеются только фильтрационные карточки на данных пленных, в то время как сами дела на них так и остались в прежних архивах.

Бывшие военнопленные, направлявшиеся в спецлагеря, входили в состав так называемого «спецконтингена», осуществлявшего трудовую деятельность. Помимо них в «спецконтингент» включались бывшие в окружении, гражданские лица и пособники оккупантов.

Историки до сих спорят по поводу статуса «спецконтингента». Ряд исследователей считает, что военнопленные, входившие в его состав, мало отличались от обычных заключенных исправительно-трудовых лагерей. Однако историк Шевченко В.В. не соглашается с этой точкой зрения, считая, что

находившиеся в спецлагерях бывшие пленные имели, так сказать, «промежуточный статус». С одной стороны, их положение было схоже с положением простых военнослужащих. В частности, порядок в спецлагере регламентировался в первую очередь Уставом РККА, бывшие военнопленные имели право носить форменную одежду, получали денежное довольствие, хотя и ограниченное в 1942-1943 гг. 50 рублями. Как считает Шевченко В.В., данное ограничение могло сказаться только на офицерском составе, в то время как денежное довольствие рядового красноармейца было ниже этой суммы. С другой стороны, сам по себе спецлагерь, а также способ организации труда «спецконтингента» был схож с исправительно-трудовой колонией.

Конечно, осуществление фильтрационных мероприятий было оправданной необходимостью, позволившей выявить немалое количество случаев предательства со стороны бывших военнопленных. Фильтрация неразрывно связана с другим аспектом данной темы – проблемой предательства среди военнопленных. В ходе работы с картотекой фильтрационного фонда, было установлено, что из около 300 изученных для данной статьи карточек, приблизительно в 40 имеется указание на предательскую деятельность (т.е. около 13 %), большей частью-на службу в Волго-Татарском батальоне. Помимо Волго-Татарского батальона встречаются указания на службу в «Туркестанской команде № 5», на принятие в «фольксдойче», на службу в «5 запасном казачьем полку» и «галицкой добровольческой дивизии СС», на обучение в школе германских агентов-пропагандистов и пр. [5].

До сих пор ведутся споры по поводу масштабов предательства среди бойцов Красной Армии. Конечно, нельзя преувеличивать его масштабы, однако и говорить о том, что случаи предательства были единичными также невозможно. В составе так называемых Восточных легионов Вермахта (к числу которых также относится и Волго-Татарский легион) служили десятки тысяч человек. Уже то, что немецкому командованию пришлось создавать целые воинские формирования из пленных, говорит о немалом количестве находившихся при немецких воинских частях предателей. В некоторых частях доля «хивис» (подразделения, состоящие из переходивших на службу Вермахта советских военнопленных либо мирных жителей) составляла 10-15 % состава [8, с. 151]. «Хивис» часто использовались немцами для борьбы с партизанскими отрядами.

Что характерно, в немалой части карточек на военнопленных-предателей имеется следующая запись: «в связи с малозначимостью дело сдать в архив в агентурный фонд». Только в одной карточке указано наказание за предательскую деятельность: «осужден по статье 58-1… УК РСФСР к 10 годам ИТЛ». Историк Александр Дюков указывает на довольно мягкое отношение к предателям, приводя в качестве примера «несурового» обращения с ними директиву НКВД и НКГБ СССР № 494/94 от 11 сентября 1943 года, где, в частности, указывается на перечень лиц, служивших на стороне немцев, однако не подлежавших наказанию[10, с. 195-197].

В ходе фильтрации среди бывших пленных выявлялись не только немецкие агенты, но и лица, сотрудничавшие с разведками союзников. В карточке № 12427 указано на подозрение в принадлежности к английской разведке. В другой карточке достаточно подробно изложен путь предательства одного из пленных: «В 1942 году добровольно сдался в плен к немцам, служил в немецкой дивизии СС. После освобождения американскими войсками служил в американской армии, имел близкие отношения с американскими офицерами, обрабатывался ими за невозвращение на Родину и склонялся к выезду в

Америку. По прибытии в СССР… среди своего окружения ведет антисоветские разговоры, восхваляет условия жизни в Америке» [6].

Но все же, большинство военнопленных, несмотря на тяжелейшие условия немецкого плена, все-таки приняло решение не становиться предателями, а продолжать вести борьбу с захватчиками даже в лагерях. Сопротивление среди советских военнопленных – еще один важный аспект проблемы. Сопротивление проявлялось в различных формах: саботаж, антифашистская пропаганда и агитация, отказ от работы, побег. Внутри лагерей и концлагерей, на немецких фабриках и заводах создавались целые подпольные организации военнопленных, которые вели антивласовскую пропаганду, организовывали побеги военнопленных, распространяли среди пленных информацию о положении на фронтах и т.д.

Вклад в Сопротивление внесли и военнопленные-пензенцы. Они не мирились со своей судьбой, организовывали побеги, соединялись с партизанскими отрядами и продолжали бороться. Есть сведения о пензенцах, воевавших в составе греческих и итальянских партизанских отрядов. Один из красноармейцев, служивший в агентурной разведке, во время перехода в партизанский отряд по заданию командования, был задержан германскими жандармами и оказался в тюрьме, откуда ему удалось бежать. Позже он соединился с 9-й калининской партизанской бригадой майора Сидоренко и продолжил борьбу. Награжден двумя медалями за отвагу и медалью за победу над Германией [7].

Таким образом, проблема советских военнопленных в немецком плену представляет собой одну из самых сложных и малоизученных проблем в исторической науке и является широким полем для дальнейших исследований.

Список литературы

1. *Государственный Архив Пензенской Области (далее – ГАПО). Ф. Р-889. Оп. 2. Д. 20977*
2. *ГАПО. Ф. Р-889. Оп. 2. Д. 2577, Л. 8*
3. *ГАПО. Ф. Р-889. Оп. 2. Д. 5819, Л. 4-5*
4. *ГАПО. Ф. Р-889. Оп. 2. Д. 7150, Л. 5*
5. *ГАПО. Ф. Р-889. Карточки №№ 6926, 5411, 6219, 9770, 10950, 7572*
6. *ГАПО. Ф. Р-889. Оп. 2. Д. 18256*
7. *ГАПО. Ф. Р-889. Оп. 2. Д. 10653, Л. 5-6*
8. *Гилязов И.А. Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй Мировой войны: Дис. …док. истор. наук. Казань, 2000. 400 с.*
9. *Дембицкий Н.П. Судьба пленных. Сборник: Война и общество, 1941-1945 гг., Кн. II. М.: Наука, 2004. С. 232–264*
10. *Дюков А.Р. Растоптанная Победа. Против лжи и ревизионизма. М.: Яуза: Эксмо, 2011. 320 с.*
11. *Евгений Белохвостиков. Солдаты-пензенцы в немецком плену и после освобождения из него [Электронный ресурс] // Международная программа «Поддержка молодых российских исследователей»: – URL: http://stipendiat.memo.ru/schools/spring2006/belohvostikov.html*
12. *Земсков В.Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22-32*

13. *Киселев М.А. Порядок проведения фильтрации бывших советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы исторической науки. Пенза: ПГУ, 2012. № 9. С. 22-24*
14. *Куралина Т.Б. Жизнь в плену и после него // Великая победа. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне / Под ред. В.А. Власова. Пенза: ПГПУ, 2005. С. 118-119*
15. *Постановление ГКО о создании фильтрационных пунктов [Электронный ресурс] // Хронос: – URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19411227gko.php*
16. *Пыхалов И.В. Правда и ложь о советских военнопленных [Электронный ресурс] // Военное обозрение: 5.10.10 – URL: http://topwar.ru/1650-pravda-i-lozh-osovetskix-voennoplennyx.html*
17. *Савин Олег. В списке славы золотой… [Электронный ресурс] // Великая Отечественная война 1941-1945. Книга памяти: – URL: http://alice.pnzgu.ru/pm/*
18. *Тамбовцев Г.П. У истоков победы. Пенза, 2010. 332 с.*
19. *Чистяков И.М. Земля пахла порохом. М., 1979. 349 с.*
20. *Шевченко В.В. Деятельность спецлагерей в Советском Союзе в 1941-1946 годах: Дис. …канд. истор. наук. Волгоград, 2010. 247 с.*

УДК 93/94

К ВОПРОСУ О ПРОСВЕЩЕНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОЙ НАРОДНОСТИ)

© ***Ю.Н. Коротин,*** *Пензенский Государственный Университет (г. Пенза, Россия)*

ON THE EDUCATION OF INDIGENOUS PEOPLES MIDDLE VOLGA REGION IN THE EARLY 1920'S. (AN EXAMPLE MORDOVIAN FOLK)

© ***Y.N. Korotin,*** *Penza State University (Penza, Russia)*

В статье на основе архивных данных, многие из которых впервые введены в научный оборот, рассматривается процесс просвещения коренных народов Поволжья. Автором анализируется политика властей по преодолению культурной отсталости и дается ее оценочная характеристика. Делается вывод, что правящая элита пришла к заключению о необходимости проведения планомерной работы в данной сфере.

Ключевые слова: коренные народы, национальный вопрос, рабочий факультет, техникум, просвещение, высшая школа, Среднее Поволжье.

This article deals with the process of education of indigenous peoples, based on data for the first time disclosed. The author analyzes the policy of the state to overcome the cultural backwardness and gives it a characteristic. The author concluded that the government has decided to conduct systematic work in this area

Key words: indigenous peoples, the national question, working department, college, education, high school, the Middle Volga.

E-mail: aizek0081@rambler.ru

К началу 1920-х гг. годов состояние профессионального и высшего образования в РСФСР можно было охарактеризовать как весьма плачевное.

Тому существовали объективные причины, как-то: непрекращающиеся войны, голод, разруха. Все это оказывало самое пагубное воздействие на развитие просвещения. Кроме того, существовавшие сложности в этой сфере тесно переплетались с национальными проблемами. Создание условий для развития образования и подготовка кадров из числа малых народностей становится приоритетной задачей для партии в области национальной политики. [4, с. 467]. Основной задачей работы является выяснение вопроса о том, какой путь властные структуры избрали для преодоления кризисного состояния и каким образом реализовывалась данная политика в Среднем Поволжье.

Политика принудительной русификации, проводимая в предыдущие десятилетия правящей элитой, имела довольно противоречивые результаты. С одной стороны, она замедляла процесс децентрализации столь различных территорий, а с другой стороны, способствовала еще большему обособлению малых народностей, что являлось естественной реакцией населения на внешнее принуждение. В итоге человек сохранял привязанность к своей общине, традициям, однако в поисках лучшей доли был вынужден подчиниться русификации в надежде занять более достойное место в обществе.

В настоящее время национальный вопрос остается одним из самых острых в России. Пренебрежение к интересам коренных народов, их ущемление в любой сфере жизни вызывает значительный общественный резонанс. Во избежание повторения ошибок, допущенных в национальной политике, необходимо внимательно изучить и проанализировать опыт прошлого.

С приходом к власти большевиков в партийной и государственной политике утвердилась точка зрения В.И. Ленина на национальный вопрос. Для него он никогда не существовал отдельно от вопроса классовой борьбы [6, Т. 25, с. 260]. В 1917 г. право наций на самоопределение было провозглашено в том числе и потому, что использование его в немалой степени способствовало развалу Российской империи и последующему приходу большевиков к власти. До революции интересам классовой борьбы соответствовали именно национальные требования об отделении российских окраин, поскольку они способствовали расшатыванию системы царской власти. После октября 1917 года эти требования встречали жесткий отпор. Формальный повод – они уже «не соответствовали» классовым интересам пролетариата. Заметим, что подобный подход к принципу «самоопределения нации» являлся доминирующим для Ленина на протяжении довольно долгого периода времени [5]. Таким образом, требование национального самоопределения должно быть, прежде всего, подчинено интересам более высокого, с точки зрения Ленина, порядка – интересам классовой борьбы пролетариата [6, Т. 30, с. 352–356].

Национальный вопрос остро проявлялся в самых различных сферах общественной жизни, в том числе и в образовании. Провозгласив право каждой нации выбирать путь своего развития, РКП (б) дала сильный импульс всплеску национального движения в стране, и особенно в тех регионах, где преобладало смешанное население [10]. К таким регионам относилось и Поволжье, которое издавна было краем с чрезвычайно пестрым национальным составом. Помимо основной народности – русской, здесь проживали татары, мордва, чуваши, в меньшем количестве евреи, немцы и др. Весьма интересно, что процент образованного населения напрямую зависел от принадлежности к той или иной народности и мало зависел от ее численности. Так, в Средневолжском регионе высок был уровень грамотных

среди евреев, хотя их процентное отношение к той же мордве было ничтожным [7, Д. 99. Л. 25].

Большевики с большим энтузиазмом вступили в борьбу за ликвидацию отсталости малочисленных народов, в том числе и мордовского. Первым постановлением в этой сфере стал декрет «О создании школ для национальных меньшинств», принятый в октябре 1918 г. В документе давалось определение национальной школы и характеризовались ее основные черты. Для решения практических вопросов образования был создан Народный комитет по делам национальностей. Большое значение имело прошедшее в августе 1919 г. совещание, на котором была отвергнута мысль о самобытности и автономии национальных школ и сделан вывод о необходимости построения единой трудовой школы на всей территории РСФСР [8, с. 111].

О трудностях, с которыми пришлось столкнуться проводникам реформ на местах, весьма ярко свидетельствует партийный отчет за 1921 г.: «Мордва расположена, главным образом, в губерниях – Самарской, Пензенской Нижегородской, Саратовской, Ульяновской и Сибири. Грамотность среди мужчин 15 %, женщин 2 %. Есть села, где в школах девочки совершенно отсутствуют ... Население мордвы более 2 миллионов. Членов партии до двух тысяч человек, большинство из них, как политически, так и технически, безграмотны. Женщина … в обществе очень отсталая, собрания не посещает, считает за стыд и позор» [7, Д. 76. Л. 16].

Приведенный выше отрывок из документа подтверждается многочисленными примерами из местных газет, комсомольских и партийных отчетов: работники, прибывавшие в мордовские села, сталкивались с непониманием местного населения, его глубокой религиозностью и очень сильной приверженностью к патриархальным традициям [7, Д. 99. Л. 5]. Глубоко укоренившийся взгляд на женщину как будущую жену сводил на нет все попытки привлечения молодых девушек к образовательному процессу [3, Л. 143].

Пытаясь изменить ситуацию и увеличить количество представителей коренных народов в заведениях средней и высшей школы, Совнарком ввел квотирование мест в образовании, согласно которому определенное число мест на факультетах закреплялось за представителями какого-либо этноса [7, Д. 106. Л. 33]. Поступающие должны были иметь уровень подготовки, предъявляемый к выпускникам школ II ступени и рабочих факультетов. Но, несмотря на выделение мест, сложно было найти подходящих кандидатов:

«В Свердловский университет удалось командировать только одного товарища вместо четырех. Объясняется это слишком большими требованиями, предъявляемыми к командированным (трехлетний партийный стаж и … уровень знаний в объеме Губсовпартшколы). Мордву трудно найти с такой подготовкой» [7, Д. 76. Л. 17].

В среде мордовской молодежи существовала сильная тяга к учебе на рабочем факультете, окончание которого давало надежду на получение работы. Однако мест катастрофически не хватало:

«В Рабфаки откомандировано всего лишь 4 человека. Количество это весьма ничтожно по сравнению со спросом – с мест было подано много заявлений, но удовлетворить не удалось из-за отсутствия мест. Все эти заявления отосланы по Губкомам и судьба их неизвестна. Остается только сожалеть, что секции не были предоставлены места в Рабфаки, т. к. это скажется в будущем на командировании в ВУЗы. Мордовская молодежь не

имеет возможности поступать в местные школы второй ступени … их нет в мордовских селениях» [7, Д. 76. Л.17].

Вопрос о значительном увеличении грамотного населения среди коренных народов был не просто заботой о повышении их культурного уровня, до известной степени он носил политический характер [1, с. 25]. В условиях продолжавшегося развала Российской империи особенно легко рвались связи с окраинами и нерусским населением, что ставило под угрозу существование советской власти. Ей были необходимы грамотные специалисты, агитаторы, партийные работники на местах, чтобы расширять свое влияние, поэтому в РКП(б) уделялось большое внимание вопросу просвещения масс. Однако объективные причины: нехватка средств, специалистов, – замедляли этот процесс [9]. Несмотря на огромную проделанную работу, коренным образом положение исправить не удалось:

«В области профессионального образования среди мордвы дело также обстоит чрезвычайно плохо. Кроме четырех пед. техникумов и двух вновь открытых мордовских отделений, … не имеется никаких других техникумов или отделений при них. В то время, как во многих областях нужда в работниках из мордвы ощущается огромная. Например, совершенно отсутствуют работники из мордвы в области здравоохранения, в области агрономии и других» [7, Д. 76. Л. 93].

Подобная ситуация была характерна не только для отдаленных поволжских сел и деревень, но и для крупных городских центров. Возникавшие вновь университеты, техникумы, училища не могли удовлетворить все возрастающие потребности восстанавливающегося народного хозяйства. Эти учебные заведения с большой натяжкой можно было назвать учебными. Проводившиеся проверки выявляли самую безотрадную картину. Проверяющий Наркомпроса Кручинин при обследовании работы Петровского педтехникума Саратовской губернии, Мордовского отделения Пензенского педтехникума и ряда других заведений в 1924 г. сделал следующие выводы: «Положение этих педтехникумов, особенно Мало-Толкайского, самое безотрадное: полнейшее отсутствие наглядных пособий, недостаток учебников и необеспеченность в хозяйственном отношении» [7, Д. 99. Л. 12].

О педагогическом техникуме в с. Малый Толкай необходимо сказать особо, так как он носил звание Центрального и должен был охватывать всю мордовскую молодежь Самарской губернии. Из доклада инструктора мордовской секции при ЦК РКП(б) А. Бухарева, обследовавшего данное учебное заведение, выявляется иное положение дела. Уже в самом начале отчета он прямо заявил, что «…в Самарской губернии работа среди мордвы никакая не ведется за неимением средств» [7, Д. 99. Л. 13].

Далее дается характеристика материальной базы. Так как курсы располагались непосредственно в самой деревне М. Толкай, то помещения под них были выделены весьма неплохие по меркам того времени. Техникум занимал деревянный дом в два этажа, в котором проходили учебные занятия. Второй дом служил общежитием преподавателей, а третье здание было отдано под кухню и общежитие слушателей. В распоряжении курсантов имелись усадьба, огород и сад. Кроме того, селянами был отведен участок земли в 100 десятин для нужд учащихся.

Курсы существовали при активной поддержке местного населения, которое видело в них надежду дать образование своим детям. Вся работа,

обеспечивающая жизнь техникума, – покос сена, сбор урожая – производилась родителями самих курсантов.

Однако удаленность села от регионального центра рождала различные проблемы. Самой острой из них была нехватка квалифицированных преподавателей, так как у педагогов не было желания работать в деревне. Это негативно сказывалось на академической подготовке учащихся.

Коснувшись политического воспитания, проверяющий констатировал его полное отсутствие. Курсанты не знали, что такое политика и что она дает в будущем: «Со дня организации и до сего времени не велись никакие беседы на политические темы, а также лекции и митинги… не преподавались никакие политические вопросы, даже Конституция, и о ней не знают курсанты» [7, Д. 99. Л. 15].

Техникум объединял фактически только молодежь из соседних деревень. Из-за низкого уровня преподавания его сложно было назвать профессиональным училищем педагогов, поэтому в качестве рекомендации было выдвинуто предложение переместить курсы в Самару. Это, с одной стороны, дало возможность улучшить качество даваемых знаний, но, с другой, означало невозможность продолжения обучения для студентов села М. Толкай, так как у них не было средств уехать в город.

Повсеместное открытие новых учебных заведений была характерно для политики того времени. После принятия декрета «О всеобщем образовании» от 2 августа 1918 года доступ к среднему и высшему образованию получили широкие слои населения. Новые правила приема привели к быстрому увеличению числа студентов. Например, в вузах количество учащихся возросло с 60 тыс. в начале 1918 г. до 117 тыс. к осени 1919 г. [2]. После окончания Гражданской войны поток желающих учиться увеличился еще больше, что обострило проблемы нехватки помещений и специалистов, отсутствия денег. Власть предложила несколько вариантов решения данного вопроса. Во-первых, строились новые здания и общежития, однако их удельный вес был невелик. Во-вторых, действующие университеты разделялись на несколько, институты становились университетами, техникумы – институтами, школы – училищами и курсами. В-третьих, увеличилось количество смен для учащихся, когда днем, например, шли школьные занятия, а вечером проводилось обучение в вечерней школе. Все это закономерно приводило к чрезмерным нагрузкам на преподавателей, дезорганизации всего учебного процесса.

«Красная атака» на высшую школу не привела к положительным сдвигам, так как невозможно было за несколько лет, пусть и напряженного труда, решить вопросы вековой отсталости и безграмотности. Поэтому в высших эшелонах власти было принято решение о необходимости постепенного построения новой системы образования, которая могла адекватно решать стоящие перед советским государством задачи. Такая система была в основном построена в период 1930-х гг.

Список литературы

1. *Вишневский А. Как это делалось в Средней Азии // Наука и религия. 1990. № 3. С. 23-29.*
2. *Демидова Е. И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920–1930 гг. / Дисс. … докт. ист. наук. Саратов, 2007. 404 с.*

3. *Казаков Е. А. Система школьного образования в 20-е гг. XX века в контексте социокультурного развития Мордовского края // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 139-144.*
4. *Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину. М., Новый хронограф, 673 с.*
5. *Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда (1917–1925). Л., 1984. С. 127.*
6. *Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1960.*
7. *Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 61.*
8. *Чумак Е. Г. Основные мероприятия государственной образовательной политики в отношении коренного населения Севера в 20-50-е гг. XX в. // ВААЭ. 2008. № 8. С. 109 -113.*
9. *Федосеева Л. Ю. К проблеме формирования кадров производственно-технической интеллигенции Поволжья (вторая половина 20-х – начало 30-х гг.) // Российская интеллигенция в XX веке: Материалы Российской научной конференции, посвященной 90-летию «Вех» (Пенза, 1999) – Пенза: ПГПУ, 1999. – С. 125–129.*
10. *ЯмашкинаР.Н. Деятельность культурно-просветительных учреждений Мордовии (1928-1941 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саранск, 1998.*

УДК 93

МОДЕРНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО КОСТЮМА В 1920-Е ГОДЫ

© ***Л.В. Лебедева***, *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

MODERNIZATION OF PEASANT COSTUME in 1920s

© ***L.V. Lebedeva***, *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

В статье, на примере Пензенской губернии, анализируется процесс изменения крестьянского костюма и распространение городской моды в 1920-е годы. Автор приходит к выводу об открытости крестьянского группового сознания для восприятия модернистских ценностей. Городская мода более активно распространялась среди молодежи и свидетельствовала о достатке крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: социальная история, крестьянский социум, повседневность, крестьянский костюм

In this article, by means of an example of the Penza province the process of the peasant costume changes and expansion of urban fashion in the 1920s are analyzed. The author comes to the conclusion that the peasant group consciousness was opened to the perception of modernist values. Urban fashion spread among young people more actively and evidence of the prosperity of the peasant economy.

Key words: social history, country community, everyday life, peasant costume

E-mail: lebedevalv@list.ru

Городская культура всегда была показателем духовных и материальных достижений народа. Ее влияние на крестьянский социум можно рассматривать с позиции распространения новаций в повседневной жизни деревенских жителей, традиции которых, т.е. общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, взгляды, обычаи, обряды были всегда устойчивы. Их

видоизменение происходило как результат внутренних потребностей социума, так и воздействий извне.

Одним из процессов культурных трансформаций являются изменения, происходившие в городской одежде, их распространение и влияние на традиционный костюм крестьян, который значительно дольше и полнее, чем одежда других социальных групп, сохранял самобытные черты.

Образ города в крестьянской культуре складывался в основном посредством костюма. Процесс распространения городской одежды, начавшийся с середины XIX в., происходил с разной степенью интенсивности в зависимости от местных условий и национальной принадлежности. Он был связан с развитием промышленного производства в России, массовым распространением отходничества, изменением мировоззрения крестьян. Модернистскую одежду и все новые веяния принимали в первую очередь те, кто работал в городе. Одежда крестьян все более была схожа с одеждой мещан и мастеровых. Большое влияние на нее всегда оказывала военная форма. Следующий этап изменений традиционной одежды был связан с революционными преобразованиями. Установление советской власти, формирование образа нового человека, борца, героя, отрекшегося от старого мира, строящего новую жизнь по новым идеалам правды и красоты, сначала отразилось на городском, а вслед за ним, и на крестьянском костюме [6, с. 147].

Городская мода была притягательна для сельских жителей. Новые веяния проявлялись: в изменении формы, кроя, силуэта, украшении одежды, использовании фабричных тканей и покупке готовой одежды.

Интересны данные анкетного обследования Российской Академии истории материальной культуры, которое проводилось в сельской местности в 1923–25 гг. Анкета содержала ряд вопросов о костюме: «Носят ли старый народный костюм? Не носят ли домотканой одежды? Не покупали ли городской одежды? Чем и как окрашивают новину и холст? Какие изменения в форме и материале одежды произошли за последние годы? Какая употребляется обувь?» [1].

В Пензенской губернии было обследовано 66 населенных пунктов. Тенденции модернизации костюма – городские веяния расценивались в одних населенных пунктах (71 % обследованных селений) как новшества, в других (29 %), они уже стали обыденными и не считались показателем изменений (подсчеты автора). В своих ответах на вопросы анкетируемые указывали: «Изменения произошли у молодежи: девушки носят кофты вместо рукавов, парни френчи и пиджаки, брюки. Праздничный наряд шьют из покупного ситцу и сукна» (с. Рябкинский завод Краснослободского уезда) [1, с. 87]; «Изменений в форме одежды особо важных нет. Одежда из домотканой и фабричной материи по форме города» (д. Кавторовка Саранского уезда) [1, с. 193].

На активность вхождения в повседневный быт городской моды указывалось в 59 % обследованных населенных пунктах, но в основном, как праздничной и единичной. Приведем примеры типичных ответов: «В старые времена все без исключения носили самотканую одежду, а последнее время молодые носят купленную» (с. Кочкурово Саранского уезда) [1, с. 159]; «Городской одежды мало» (д. Голубцовка Саранского уезда) [1, с. 174]; «По праздникам носят городскую одежду» (с. Марфино Пензенского уезда) [1, с. 102]; «Городской одежды не накупили» (с. Высокое Наровчатского уезда)

[1, с. 36]; «За время гражданской войны носили домотканые одежды, теперь распространяются городские» (с. Покровское Наровчатского уезда) [1, с. 39]; «Очень многие носят городскую современную одежду и платье» (с. Засечное Наровчатского уезда) [1, с. 15]; «Больше половины деревни носят формы существующие в городе» (д. Кривозерье Саранского уезда) [1, с. 190].

Девушки стали носить кофты, юбки, платья, жакеты. Украшение одежды вышивкой, узорным ткачеством вытеснялось вставками из ситцевой и других тканей, лентами, готовым кружевом. У мужчин влияние городской моды выражалось в распространении пальто, френчей и брюк «галифе», матросских брюк «клеш», пиджаков, галстуков, кепи, кожаных курток. Новшеством было носить брюки на выпуск, не заправляя их в сапоги, при наличии хороших ботинок [10, с. 109].

Исследователи крестьянского быта 1920-х годов свидетельствовали, что заимствование элементов одежды из города сочеталось с собственными оригинальными модами в пределах деревни. Например, в одном из населенных пунктов парни носили пальто обязательно с каракулевым воротником, а у девушек шубки должны были быть покрыты черным блестящим сукном или плюшем с меховым воротником шалью. Такие местные предпочтения соблюдались гораздо строже, чем любая мода в городе [10, с. 107–108]. Ее законодательницами, прежде всего, являлись местные портнихи. Дочери более зажиточных крестьян перенимали приглянувшиеся им фасоны, а за ними следовали и остальные [7, с. 63].

Несмотря на то, что в 1920-е годы распространение получили иные по покрою, материалу и украшениям виды одежды, соответствующие городским модам, новации происходили еще в рамках традиции. Изменения соизмерялись с мировоззрением крестьян. У женщин голова обязательно покрывалась платком, юбки были длинными – по воспоминаниям «идут и подметают все», платья, несмотря на укороченность силуэта, оставались удлиненными, костюм крестьянки скрывал руки по самые кисти. Сохранялись традиционные представления о красоте крестьянской девушки – дородной, крепкой, как показатель здоровья и физической силы, необходимой для ведения хозяйства. Чтобы не казаться «тонкой барышней», по воспоминаниям современниц, «надо ещё что-нибудь надеть, чтоб потолще быть». Поэтому носили несколько юбок: сначала стеганную неширокую, затем белую с кружевом, которая выглядывала из надетой сверху темной [4, с. 274]. По той же причине надевали несколько чулок, чтобы казаться крупнее, в связи с тем, что платье несколько открывало ноги. У мужчин подпоясывалась рубаха (исключая национальные особенности), пиджак перехватывался подпояской. Сохранялась разница в костюмах для различных возрастов. Так, например, женатый молодой мужчина уже ни за что не наденет модную среди парней цветную рубашку с отложным воротником и галстуком [10, с. 108].

В восстановительный период после Гражданской войны, когда невозможно было покупать фабричные ткани, увеличилось производство холста и сукна собственного изготовления. Однако, несмотря на то, что одежда шилась домотканой, она уже была новых, городских фасонов, более сложных по конструкции. В 1920-е гг. распространение новой моды в деревне проявлялось в большинстве случаев не в покупке фабричных изделий или в применении при изготовлении одежды готовых тканей, а в пошиве одежды городского типа из домотканого холста. В 98 %

обследованных населенных пунктах ответили, что носят домотканую одежду. Таким образом, она имела доминирующее положение. Домотканый холст шел на изготовление как старого костюма, так и нового. Для людей среднего и молодого возраста шили из холста уже новые, городские модели, более сложные по конструкции. Так же в этот период для окрашивания нитей и холста в равных долях использовали химические вещества и натуральные красители.

Ярко иллюстрируют данный процесс следующие ответы: «Из домотканого материала шьются многие костюмы на разные покрои, даже и на городской» (с. Вьяс Саранского уезда) [1, с. 154]; «Вся одежда производится в большинстве случаев кустарным, домашним способом. Зипуны, чапаны, рубахи, портки, онучи ткутся дома женщинами и шьются приходящими из Нижегородской губернии портными. Молодежь в большинстве носит пиджаки и брюки городского покроя, но тоже из самодельного сукна (френчи т.п.)» (с. Рябкинский завод Краснослободского уезда) [1, с. 87]. При пошиве изделий в некоторых крестьянских семьях использовались швейные машины, появившейся в деревенской жизни еще до первой мировой войны [3, с. 1]. Перелицовка старых готовых вещей в деревнях стала для многих специальным промыслом [10, с. 107].

В употреблении оставался и традиционный костюм у всех проживающих народов Пензенского края. В большей мере, он бытовал в женской одежде, чем в мужской.

В обуви крестьян прослеживаются те же тенденции, что и в одежде. Лапти, как обувь, требующая наименьшей материальной затраты, несмотря на малый срок службы, в 1920-е годы оставалась основной обувью крестьян. В Пензенской губернии плели неглубокие лапти московского или косого плетения. Были более прочными и ценились дороже соковые лапти, т.е. сплетенные из одного луба. В палусиновые лапти вплетались лычки из верхней зеленой коры, в этом случае их наплеталось больше, но изнашивались они быстрее и стоили дешевле [8, с. 129]. В лаптях проявлялась своеобразная мода. Например, в с. Ушинка Керенского уезда Пензенской губернии, считалось модным если носок приплюснут [2, с. 44]. Кожаная обувь одевалась по праздникам и наиболее распространена была в состоятельных – в середняцких и зажиточных хозяйствах.

Стали распространятся туфли, при отсутствии средств, которые шились из холста, кожаные сандалии, ботинки, калоши. Изменилось отношение к цвету обуви. О распространяющихся белых туфлях раньше сказали бы: «оделся как покойник» [10, с. 110]. В подтверждение вышесказанному, приведем некоторые примеры ответов анкетируемых РАИМКа: «Преобладающей обувью зимой и летом являются лапти из лык липы, которые приготавливаются самими жителями. Валенки зимой и кожаная обувь летом носятся только в праздничные дни, т.к. для приобретения их затрагивается известная сумма денег» (д. Васильевка Наровчатского уезда) [1, с. 47]; «Часть населения носит кожаную обувь, некоторые – валенки, лапти, девушки же шьют себе из холста на веревочной подошве туфли» (с. Червленная Наровчатского уезда) [1, с. 19]; «Обувь употребляется – кожаная, валенки и лапти. За недостатком кожаной обуви шьют обувь из холста или домотканого сукна на веревочной или же на кожаной подошве» (д. Малая Кавендра Наровчатского уезда) [1, с. 62].

Необходимость носить лапти вместо модной обуви, в период, когда не на что было купить даже соли, отразилась в народном творчестве:

Я просила свово тятеньки резиновых калош,

Он принес лаптей десяток, выбирай, какие хошь [9, с. 120].

Интересны наблюдения исследователей 1920-х гг. о значении наряда в жизни крестьянской молодежи. И парни и девушки хранили в строжайшем секрете приобретенные наряды и фасоны платьев, чтобы произвести эффект среди своих сверстников.

Распространение городской моды нашло отражение в частушках того периода времени:

Не жалей, папаша, денег двадцати пяти рублей,

Купи зонтик и калоши, как у добрых у людей.

Мы с тобой, подружка, модные, бруслетики на руках

У нас дролечки фартовые, калоши на ногах [9, с. 120].

Не только девушки, но и парни радовались обновкам, с удовлетворением осматривали себя, когда надевали новую одежду. Осенью, с окончанием полевых работ могли требовать новую одежду, «очень крепко и очень долго ругаться», «надоедать и срамить так, что отравлять каждый день и каждый час родителей»: «Справьте мне брюки, штиблеты с галошами, зимнее пальто!» [7, с. 12]. В то же время, ребята гораздо спокойнее и равнодушнее относились к своему костюму. Обновки приобретались только в том случае, если была возможность, за исключением отдельных «щеголей». Отсутствие модных нарядов у девушек, достаточно часто приводило к семейным скандалам и ее требованиям к родителям купить новые вещи. Посещая спектакли, посиделки и другие общественные места, каждая девушка стремилась понравиться парням, показать себя с наиболее привлекательной стороны и в первую очередь в хорошем наряде. И парни больше обращали внимание на тех, кто был одет по моде и богаче. Чаще выбирали их на танцы и игры. Материальное положение избранницы играло первостепенную роль. У девушек появлялась обида, зависть, которая выразилась в одной из наиболее популярных среди крестьянок песен:

Хороша я, хороша, да плохо одета,

Никто замуж не берет девицу за это…[7, с. 62].

Девушки также были требовательны к нарядам парней. Так, при появлении молодых людей из соседней деревни, они в первую очередь осматривали их костюмы. В зависимости от произведенной оценки шли домой наряжаться и готовиться к гулянью: «Если ребята одеты неважно, девчата надевают кофты и платья второстепенного значения, если хорошо, то разряжаются по последнему слову моды» [7, с. 63]. Пристальное внимание к одежде парней рождало следующие тексты:

Сини мои брюки, брюки мои сини.

Одни брюки-то на мне, а другие в скрыни.

В пояснениях крестьянки Самарской губернии Ф.В. Коваленко, ситуация, отраженная в частушке, была связана с тем, что парень на «вечернице – это вместо клуба было, где плясали и пели», хвалился, что у него двое брюк, а соседка подглядела, как он стирал свои единственные брюки и разоблачила, что в скрыне (сундуке) у него других брюк нет [4, с. 290]. Одежда была показателем достатка семьи и влияла на выбор жениха и невесты. И все же, существовала разница в оценке наряда девушки и

парня. Для устройства семейной жизни для парня он имел не столь значительное место.

Повышенный же интерес к девичьим нарядам их самих и окружающих был вызван главным образом сохранявшейся традицией подготовки «приданного», необходимого для замужества. Его главная часть «наряд» – личное женское имущество веками составлялось по выработанной норме и приобретало характер наследственно передаваемого сокровища. Его подготовка имела длительный характер в силу большого перечня его составляющих, без которых «молодуху» в новой семье «со света сживут». Она должна быть хорошо наряжена: «На целый век чтобы была одета отцом-матерью», чтобы для нее ничего не покупать до самого раздела хозяйства [5, с. 10]. По указанию крестьян, по идеальной норме верхняя одежда включала в себя: как показатель зажиточности парадную зимнюю «шубку» на вате из хорошего сукна для особо торжественных случаев, «расхожее» теплое зимнее пальто, легкое короткое зимнее пальто для хождения пешком – «в праздник на улицу, до церкви», короткое суконное демисезонное пальто, овчинный тулуп, летнее суконное пальто, несколько фабричных платьев – два шерстяных, два сатиновых, кисейное, батистовое, репсовое, около пяти ситцевых и несколько платьев домашнего производства, юбки, дюжина рубашек, две больших теплых шали, шерстяная тонкая шаль, шелковая шаль, касторовая шаль, два полушалка, несколько шерстяных платков и белый шелковый, шарфы – шелковый, газовый, кисейный, косынки – черная шелковая, белая простая, с дюжину ситцевых платков, обувь – ботинки с галошами «расхожие» и «хорошие», валенки несколько пар онуч, грубосуконных чулок, предметы туалета – серьги, ожерелья, гребенки и т.п. [5, с. 5–6].

Чтобы не «заневеститься» девушка демонстрировала свои наряды, тем самым показывая достаток семьи, а также свои умения и навыки в изготовлении костюма. В период активной подготовки «наряда», и «зрелости» дочери, когда, по выражению хозяина дома «мать мотует», в семьях возникали тяжелые сцены борьбы, ссоры из-за необходимости этих трат и изъятии достаточно больших средств из дохода хозяйства. Но чаще всего в споре о распределении материальных благ – что важнее: сошники для сохи, улучшение хозяйства или платье, побеждало последнее. Ему приходилось удовлетворять просьбы дочери за счет хозяйства. Крестьянин сам сознавал, что «девку сбывать с рук надо во время», «без этого нельзя», «так уж заведено» [5, с. 7].

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать следующие выводы. В означенный период времени в костюме крестьян происходили большие изменения. Распространение элементов городской субкультуры посредством изменения народного костюма свидетельствовало об открытости крестьянского группового сознания для восприятия модернистских ценностей, а, следовательно, размывании патриархальных мировоззренческих установок. В тоже время, в крестьянской среде, сохраняющей религиозность и этические нормы традиционного общества, изменения соизмерялись с мировоззрением крестьян. Степень проникновения и распространения новых видов одежды зависела от развития товарно-денежных отношений в деревне. Так же, модернизация костюма была связана с революционными преобразованиями, формированием образа советского человека, соответствующего новому

социальному строю. Несмотря на то, что традиционный народный костюм еще не вышел из употребления, носили его в основном пожилые люди, и в большей мере он бытовал в женской одежде, чем в мужской. Городская мода более активно распространялась среди молодежи. Наличие современной и богатой одежды свидетельствовало о состоятельности крестьянского хозяйства и влияло на выбор невесты и жениха.

Список литературы

1. *Пензенский государственный краеведческий музей (ПГКМ). Научный архив (Н.а.) № 88. Анкеты Этнологического отделения Российской Академии истории материальной культуры «О влиянии войны на быт населения» 1923–1925 гг.*
2. *ПГКМ. Н.а. № 338/3. Описание Б.Н. Гвоздевым собранных экспонатов быта мещеры.*
3. *ПГКМ. Н.а. № 745/3.Воспоминания А.З. Чулкова.*
4. *Вардугин В.И. Русская одежда: История народного костюма от скифских до советских времен. Саратов: Регион. Приволжское изд-во, 2001.*
5. *Внуков Р.Я. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел: Издание Общества исследования Орловского края, 1929.*
6. *Каминская Н.М. История костюма. М.: Легпромбытиздат, 1986.*
7. *Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. – М.: Новая Москва, 1926.*
8. *Промыслы в Наровчатском уезде Пензенской губернии по исследованию 1912 года. Пенза, 1913.*
9. *Старый и новый быт: Сборник. / Под ред. В.Г. Тана-Богораза. – Л.: Госиздат, 1924.*
10. *Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни – д. Гадыши Валдайского у. Новгородской г. – Л.–М.: Государственное издательство, 1925.*

УДК 93

ФОРМЫ И МЕТОДЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД НЭПА

*© **Д.В. Лебедева**, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*

FORMS AND METHODS OF ANTI-RELIGIOUS POLICY IN THE NEP PERIOD

*© **D.V. Lebedeva**, Penza State University (Penza, Russia)*

В статье рассматриваются различные формы и методы борьбы с Церковью в период нэпа. Основное внимание уделено пропагандистским и организационным направлениям церковной политики государства. Автор приходит к выводу, что административные и идеологические методы, применяемые в этот период, оказались неэффективными. В конце 1920-х годов государство перешло в открытое наступление на Церковь, взяв курс на ее полное уничтожение.

Ключевые слова: русская православная церковь, антирелигиозная политика, советская власть.

The article discusses the various forms and methods of dealing with the Church during the period of the NEP. It focus is on propaganda and organizational directions of church policy. The author concludes that the administrative and ideological methods used in this period, were

ineffective. In the late 1920s, the state moved into an open attack the Church, having taken course at its complete destruction.

Key words: Russian Orthodox Church, the anti-religious policy, soviet power.

E-mail: lebedevadv@yandex.ru

Одной из идеологических задач пришедших к власти большевиков было «освобождение сознания советских людей от всех пережитков капитализма, в том числе и религиозных, как наиболее реакционных и застарелых» [14]. Окончание Гражданской войны и переход к мирной жизни дали возможность разработать новую тактику борьбы с Церковью и методы распространения атеистических взглядов, развернуть проработанную и централизованную систему антирелигиозной пропаганды.

«Экономический Брест», «передышка перед строительством коммунизма» сочетались с курсом на укрепление партии большевиков, который не предусматривал компромисса с Церковью. На этом этапе, основным направлением борьбы с религией был выбран развал Церкви изнутри и подчинение ее государственному контролю. Обновленческое движение, поддерживаемое властями, привело к церковному расколу и ослаблению РПЦ. Так же под лозунгом помощи жертвам голода в Поволжье была начата и проведена компания изъятия церковных ценностей. Началось закрытие храмов. Важным направлением деятельности по коммунистическому воспитанию масс партия рассматривала антирелигиозную агитацию и пропаганду. Для воспитания «нового человека», внедрения новых мировоззренческих установок в массы и освобождения их от «религиозных предрассудков» государство более активно стало использовать средства массовой информации, различные учреждения и общественные организации. Остановимся подробнее на пропагандистских и организационных направлениях церковной политики государства, проводимых в этот период времени, приводя примеры реализации на основе истории Пензенской губернии.

Для упорядочения агитационно-пропагандистской и культурной работы в июне 1920 г. в структуре ЦК РКП(б) был организован Агитпропотдел. Он должен был координировать пропагандистскую и просветительную работу всех ведомств. Одновременно, в ноябре 1920 г. на базе внешкольного отдела Наркомпроса декретом СНК был создан Главный политико-просветительный комитет Республики, входивший на правах Главного управления в состав Наркомпроса РСФСР. Он объединял и направлял всю политико-просветительную и агитационно-пропагандистскую работу в стране [6].

X съезд РКП(б) конкретизировал задачи Главполитпросвета и агитационно-пропагандистской работы партии. В качестве одной из существенных задач была определена «широкая постановка, руководство и содействие в деле антирелигиозной агитации и пропаганды среди широких масс трудящихся». Для реализации этой цели Главполитпросвет должен был «сделать доступным самым широким массам естественно-исторические знания путем издания журналов, книг, учебников, постановки систематических циклов лекций и использования для распространения этих знаний всех способов современной техники (фото, кино и т.д.)» [7, с. 358.]. В связи с сохранявшейся религиозностью масс и части членов партии Августовский пленум ЦК РКП(б) 1921 г. выработал общие директивы о постановке антирелигиозной пропаганды, подчеркнув, «с одной стороны,

необходимость ее усиления, с другой – соблюдения сугубой осторожности, чтобы не оскорблять религиозных чувств верующих, широкого внедрения естественнонаучных знаний среди трудящихся» [7, с. 444]. В постановлении пленума говорилось о необходимости устраивать антирелигиозную пропаганду только «после тщательной подготовки докладчика и ознакомления его с вопросом», не выдвигать антирелигиозные диспуты на первый план. Для подведения «естественнонаучного фундамента под историческое освещение вопроса о религии» Агитотделу ЦК и Главполитпросвету поручалось разработать ряд научно-популярных брошюр и переиздать отвечающие данным требованиям. Для эффективности антирелигиозной пропаганды рекомендовалось «изучить все изменения, какие происходят в широких крестьянских и рабочих массах, в их отношении к религии; изучить в каждой отдельной местности преобладающий классовый состав отдельных сектанских групп, изучить их идеологию; знакомиться с содержанием религиозной проповеди», «избегать узкого направления агитации, направленной иногда против представителей одного какого-либо культа», подчеркивая, что РКП борется с религиозным мировоззрением вообще [7, с. 445–446].

Постепенно создалась мощная и эффективная государственная система борьбы с Церковью. Контроль за религиозным состоянием страны после реорганизации ВЧК в ГПУ в феврале 1922 г. стал осуществлять 6 отдел «По борьбе с православной церковью и иными кофессиями и сектами» секретного Отдела (СО) Секретно-оперативного Управления ГПУ. Роль ГПУ в ликвидации Церкви ясно выражена в словах заведующего секретным отделом ВЧК Т.П. Самсоновым в письме председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому в декабре 1920 г.: «Тов. Лацис глубоко прав, когда говорит, что Коммунизм и Религия взаимно исключаются, а также глубоко прав и в том, что религию не сможет разрушить никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК» [11].

Ключевую роль в борьбе с религиозными организациями и религиозностью населения стала играть, созданная в октябре 1922 г., Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б), переименованная впоследствии в Комиссию по проведению отделения церкви от государства. Она подчинялась Политбюро и была наделена полномочиями по ведению дел церковной политики, разработке директив по печатной и устной пропаганде и агитации. Комиссия должна была работать во взаимодействии с ГПУ, церковным отделом НКЮста и Агитпропом ЦК, которое закреплялось персональным составом комиссии. В нее вошли: руководитель отдела культов при Наркомюсте и председатель Комиссии по вопросам культа при ВЦИК П.А. Красиков, член ЦК, председатель комиссии по сектантским делам П.Г. Смидович, сотрудник газеты «Правда» И.И. Скворцов, журналист И.П. Флеровский, заместитель председателя ГПУ В.Р. Менжинский, чекист Т.Д. Дерибас и Тучков [5]. Для достижения своих целей АРК использовала репрессивные, административные, законодательные и пропагандистские методы, санкционируя возбуждение дел, наблюдение за деятельностью религиозных обществ, руководя деятельностью обновленческих структур, создавая безбожные организации и т.д. [15]. На местах Губкомы РКП(б) вопросы церковной политики решали совместно с ГПУ, поручая реализацию отдельных направлений Агитпропу, Пролитпросвету, Губкоммунотделу, например по ремонту и реализации закрываемых храмов [2, с. 64]. В мае

1923 г. на бюро Пензенского губкома РКП(б) было принято решение о «выделении уполномоченного для работы по разложению церкви». Им был назначен Полумордвинов [2, с. 91]. Он должен был согласовывать все мероприятия с секретарем Губкома. Начальнику ГПУ, Губпрокурору и Отделу Управления было рекомендовано «не проводить в данной области никаких мероприятий без ведома Уполномоченного» [2, с. 165].

К 1922 г. относится начало массовой антирелигиозной пропаганды. Стала создаваться антирелигиозная периодическая печать. В начале года появилась газета «Атеист», с декабря стала издаваться и широко распространяться газета «Безбожник» и журнал с аналогичным названием. В них значительное место уделялось карикатурам и осмеянию религиозных верований. Рупором новой идеологии были местные издания. В Пензенской губернии статьи антирелигиозной тематики печатались в газетах «Трудовая правда», «Под знаменем ленинизма», «За безбожную Пензу» [3, с. 21]. Среди грамотного населения распространялись атеистические брошюры.

Одним из главных направлений деятельности местных партийных организаций в области антирелигиозной агитации и пропаганды стала организация кружков и семинаров с целью подготовки квалифицированных специалистов, антирелигиозников-пропагандистов, которые могли бы проводить лекции, доклады, диспуты, и тем самым заинтересовать широкие массы населения религиозным вопросом. Группа пропагандистов и лекторское бюро было организовано при Пензенском губкоме партии [9]. В этот период времени это направление работы находилось в стадии становления. Поэтому антирелигиозная работа не имела еще широкого охвата и проводилась, прежде всего, в городах и в меньшей степени в уездах.

Тактика, формы и способы антирелигиозной пропаганды были предметом обсуждения партийных и советских работников. В резолюции XII съезда партии «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» (апрель 1923 г.) отмечалось, что работа партии по окончательному разрушению религиозных верований во всех видах среди рабочих и крестьянских масс неизбежно приобретает, прежде всего, характер углубленной систематической пропаганды» [8, с. 114]. При этом подчеркивалось, что надо «избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». Ставилась задача издания брошюрок и листовок в доступной форме объясняющих происхождение мира и «разоблачающие контрреволюционную роль религии и церкви». Так же делался акцент на необходимости «уделить особое внимание и место антирелигиозной массовой пропаганде в форме живых и понятных лекций, при тщательном подборе лекторов». Для решения этой задачи рекомендовалось организовать специальные курсы для широкой подготовки агитаторов [8, с. 115–116]. Большие надежды на активное распространение атеистических взглядов возлагались на комсомольцев. В постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) «О работе комсомола в деревне» (декабрь 1924 г.) им рекомендовалось антирелигиозную пропаганду проводить «путем систематической работы по распространению сельскохозяйственных и естественнонаучных знаний», «всякие другие методы этой работы, принимающие иногда характер издевательства, должны быть решительно отвергнуты» [8, с. 307].

Новая форма антирелигиозной работы была высказана редактором газеты «Безбожник» Е.М. Ярославским. При обсуждении вопроса о работе в

деревне, он предложил организовать кружки безбожников среди читателей газеты. По его инициативе и при поддержке властей, в августе 1924 г. в г. Москве состоялось первое учредительное собрание Общества друзей газеты «Безбожник». Выдвинутая им идея организации антирелигиозного объединения была поддержана. Следующий съезд Общества, который прошел в апреле 1925 г. положил начало Союзу безбожников СССР. Его лозунгами, выражавшими главную идеологическую составляющую стали: «Через безбожие – к коммунизму» и «Борьба с религией – это борьба за социализм». Возглавил организацию Емельян Михайлович Ярославский. В Центральный Совет вошли такие известные большевики, как П.А. Красиков, И.И. Скворцов-Степанов, П.Г. Смидович. Теперь, со второй половины 1920-х гг. антирелигиозная пропаганда проводилась в организационных рамках Союза.

В конце 1925 г. был создан Пензенский городской «Союз безбожников». Своей работой он охватил всю губернию. Уже в 1926 г. было организовано 8 уездных отделений и национальные секции: мордовская, татарская и еврейская. Активно создавались ячейки. К декабрю насчитывалось 105 организаций с общим количеством 2200 человек. В июне 1926 г. состоялся I губернский съезд «Союза безбожников». Работа организации была отмечена как «энергичная и планомерная». Был организован кабинет антирелигиозника на основе имущества закрываемых церквей и монастырей, ставший основой губернского антирелигиозного музея. Создано лекторское бюро. Только за полгода в г. Пензе было прочитано более 200 антирелигиозных и естественнонаучных лекций, через которые было «пропущено» свыше 20 тыс. человек [3, с. 21]. Наиболее подготовленным лектором, грамотным специалистом, проводившим данную пропагандистскую работу был А.С. Степанов, окончивший в 1911 г. Петербургскую Духовную Академию, проходивший аспирантуру в Русском ученом Археологическом институте в Константинополе и в советский период вставший на антирелигиозную позицию [11]. Для подготовки читаемых тем был создан кружок «ячейководов-организаторов». В ряде уездов были проведены краткосрочные антирелигиозные курсы [3, с. 21].

Безбожники выпускали стенные газеты, проводили индивидуальную и групповую агитацию, лекции, вечера вопросов и ответов, громкие чтения антирелигиозной литературы в избах-читальнях, подвергали верующих публичному осмеянию. В агитацию вовлекались дети. Пионеры считали геройским поступком все активные проявления борьбы с верующими. По воспоминаниям протоиерея М.А. Лебедева, например, атеисты в большие праздники могли запереть храм и не допустить проведение службы, нападали на верующих, выходящих из храма [1].

Несмотря на активность безбожников в совершенствовании методов борьбы, к концу 1920-х гг. религиозность населения оставалась еще достаточно высокой. Усиление антирелигиозной работы было намечено в масштабах всей страны.

В Пензенской губернии были приняты меры по усилению связи губернского Союза безбожников с местными ячейками атеистов, а так же выяснению достижений и недостатков их работы. К причинам неэффективности антирелигиозных мер были отнесены: недостаточная подготовленность пропагандистов; неумение вести дискуссию и диспуты; отсутствие такта в подходе к верующим; слабая научно-методическая база для проведения атеистической работы; недостаточный охват пропагандой

населения, особенно крестьян. Для ликвидации религиозности женщин, как «наиболее отсталой, наиболее консервативной» части общества, рекомендовалось «использовать женские делегатские собрания в целях антирелигиозной пропаганды» и вовлекать их в Союз Безбожников [4, с. 40]. Отмечалась необходимость «особого внимания к работе мусульманского духовенства и ячеек «Дягримар», усиления «распространения антирелигиозной литературы на родном языке», организации антирелигиозного уголка в журнале «Крестьян-журналы» и размещении статей «на антирелигиозные темы с с/х уклоном» в газете «Сабанче». Антирелигиозная работа партийного и комсомольского актива теперь рассматривалась как партнагрузка [4, с. 41].

В конце 1920-х гг. тактика антирелигиозной политики была изменена. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) И.В. Сталиным было заявлено, что «партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, в отношении реакционного духовенства» [13, с. 133]. Подводя итог в докладе о внутреннем политическом положении страны он заявил об «ослаблении антирелигиозной борьбы» [13, с. 324]. «За примиренческое отношение к религии» был подвергнут критике Союз безбожников и другие структуры, отвечающие за реализацию политики государства в отношении Церкви. Теперь религия рассматривалась как контрреволюционное проявление [12]. Административные и идеологические ресурсы, применяемые в период нэпа в качестве основных методов борьбы, с задачей полного «разложения Церкви» не справились. Был взят курс «решительного наступления на позиции церковников» и полное уничтожение Церкви с применением репрессивных методов. Союз Безбожников был переименован в Союз Воинствующих Безбожников, что подчеркивало непримиримость борьбы с религией. Начался завершающей этап тотального уничтожения Церкви.

Список литературы

1. *Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.Р. – 2378. Оп. 1. Д. 420. Л. 34.*
2. *ГАПО. Ф.П. – 36. Оп. 1. Д. 600.*
3. *ГАПО Ф.П. – 36. Оп. 1. Д. 1424.*
4. *ГАПО Ф.П. – 36. Оп. 1. Д. 1636.*
5. *Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 46.*
6. *Декреты советской власти. Т. XI. М., 1983. С. 197.*
7. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т.2. 1917 –1922. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983.*
8. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т.3. 1922 – 1925. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983.*
9. *Очерки истории Пензенской организации КПСС. Изд. 2-е. Саратов, 1983. С. 233.*
10. *Первушкин В.И. Историки Пензенского педагогического: Биобиблиографический справочник. Пенза: ПГПУ, 1999. С. 31.*

11. *Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Издательство Библейско-Боговловского Института св. апостола Андрея, 1996. С. 146.*
12. *Слезин А.А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 130 – 131.*
13. *Сталин И.В. Сочинения. Т.10. 1927 август – декабрь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949.*
14. *Худяков С. Религиозные предрассудки и борьба с ними. М.: Госполитиздат, 1951. С.4*
15. *Шкурин А. В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)-ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922-1929 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 09.00.13. Москва, 2005. С.4.*

УДК 93

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ XX В. НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© ***Т.Ю. Новинская,*** *Пензенский государственный технологический университет, (г. Пенза, Россия)*

ON THE STUDY OF WOMEN'S HISTORY OF THE XX CENTURY AT THE PRESENT TIME

© ***T.U. Novinskaya ,*** *Penza State Technological University, (Penza, Russia)*

В данной статье предпринята попытка обозначить некоторые тенденции развития женских исследований за последнее десятилетие.

Ключевые слова: женская история, повседневность, социальные роли, советская женщина.

This article attempts to identify some trends in the development of women's studies for the last decade.

Key words: women's history (female history), daily life, social roles, a Soviet woman.

E-mail: golub_00@mail.ru

Различные аспекты женской повседневности сегодня рассматриваются в трудах ученых разных научных направлений. Такое внимание обусловлено кардинальными сдвигами в социально-политической системе в конце XX века. В основе изменений имеет место быть методологический, проблемный, историософский плюрализм как следствие либерализации и лишения исторической науки идеологической функции. При этом происходит дезинтеграция единого историко-научного пространства. Следствием этого является обострение интереса ученых к локальной истории и краеведению.

Женская история как историографическое направление является частью «новой социальной истории» и может быть осмыслена в контексте ее становления. Именно развитие в русле «новой социальной истории» с ее направленностью на изучение «народной истории», «истории снизу» и ориентацией на взаимодействие с другими социальными науками – социологией,

демографией, антропологией и др. – стало залогом роста нового направления. Это создало условия для более полного осмысления экономических, политических, правовых и т.д. аспектов существования женщин прошлого и признания половых различий как одной из важнейших систем социальной организации, а также раскрыло новые аналитические возможности в исследовании традиционно приоритетных для женщины сфер семьи и частной жизни.

Таким образом, повышенный интерес к женским исследованиям можно рассматривать как один из важнейших аспектов преобразований, происходящих в отечественном гуманитарном пространстве в постсоветское время.

В данной статье предпринята попытка обозначить некоторые тенденции развития женских исследований за последнее десятилетие.

В истории, как и в любой другой научной дисциплине, существуют основополагающие, краеугольные проблемы, без осмысления которых невозможно изучение других, более узких, специальных, прикладных тем. Один из таких фундаментальных вопросов связан с феноменом социальных ролей.

Роль женщины в обществе на протяжении всего периода советского государства определялась его политикой.

Широкое освещение проблемы женской истории получили в работах ведущего историка-исследователя гендерного направления Н.Л. Пушкаревой [6]. Рассматривая историю советской женщины в исторической ретроспективе автор выделяет пять этапов ее развития. Главным критерием деления женской истории XX века на этапы ученый видит в ролевом подходе. История женской повседневности в советский период тесно связана с вопросом формирования образа «новой женщины», что повлекло изменение социальных ролей женщины в обществе.

Первый этап, охватывающий 1917 – конец 20-х годов, связан с государственной установкой «повышения активности женщин в борьбе рабочего класса за социализм», второй – с попыткой создать бесполого «советского человека», третий, начавшийся с середины 1950-х годов – связан с оттепелью и «возвратом женщины в семью». Однако, полного возврата не произошло и поэтому «советская женщина полувековой или четвертьвековой давности – это женщина, ориентированная на семью и материнство, но вместе с тем работающая на советских предприятиях и в учреждениях (не ради профессиональной карьеры, ради поддержки семьи», четвертый этап, начавшийся в 1990-е годы, связан с «взаимодополнительностью гендерных ролей в повседневных практиках» [7].

На основе приведенной периодизации все исследования женской истории XX века можно классифицировать следующим образом:

- влияние революционных событий на женщин России и их вовлечение в общественно-политическую и экономическую жизнь в 1917–1930-е гг. с учетом этноконфессиональной и культурной специфики регионов;
- участия женщин в производственной и общественно-политической жизни в годы Великой Отечественной войны и их вклад в победу;
- положение женщин и их социально-политическая активность в послевоенный и последующие годы (1945-1985 гг.);
- положение женщин в постсоветском обществе.

В основе этой классификации лежит событийный принцип, который связан с изменением отношения государства к женщине.

В 2005 году исполнилось 60 лет со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Это событие стимулировало с новых позиций

взглянуть на этот период нашей истории. Появилось много работ, посвященных вкладу женщин в победу не только на фронтах, как это было раньше, но и в тылу. Среди них кандидатские диссертации, рассматривающие вопросы, связанные с работой женщин по мобилизации материальных и трудовых ресурсов на разгром врага, деятельность женщин в советских и общественно-политических организациях, роль женщин в борьбе за охрану здоровья населения, в сфере народного образования, в сфере науки, литературы и искусства, участие женщин в проведении культурно-воспитательной работы среди населения [2].

В последнее десятилетие все больше появляется работ, в которых исследуется не только женский вклад в победу [1], но и вопросы быта, семьи, положения в обществе. «Официальная память о жизни и труде в тылу выводит на первый план образ женщины, «заменившей мужчину у станка», который начал закладываться в периодической печати и художественно-публицистической литературе того времен. Как правило, это происходило в контексте описания героического и самоотверженного труда, негативные же аспекты положения женщины-работницы до сих пор мало исследованы» [8].

Научному осмыслению подвергаются сегодня 90-е годы прошлого века, с которыми связаны перемены в политической, экономической, общественной и культурной сферах. Эти перемены нашли свое проявление в изменении социальных ролей [4]. Исследованиями, посвященными различным аспектам формирования нового быта в современной России и появления «новой женщины» занимаются Е. Здравомыслова, А. Роткирх и А. Тёмкина. Результаты их исследований представлены в коллективных монографиях [3, 5]. Авторы статьи «Патриархат и «женская власть»» – Е. Здравомыслова и А. Темкина – сосредотачивают свое внимание на исследовании властных отношений в патриархатном обществе [3]. Патриархат определяется ими как система социальных структур и практик, при которой мужчины доминируют над женщинами. Патриархатная система воспроизводится посредством государства, семьи, религии, системы разделения труда и образования. Женщины в такой системе оказываются подавляемыми и эксплуатируемыми.

За последнее десятилетие история женщин пережила невероятный взлет. Историки проанализировали судьбы женщин прошлого и социальных групп в контексте с общественными сдвигами в экономике, политике, идеологии, культуре. Разработки в направлении «истории женщин» и гендерной истории осуществлялись благодаря широкому междисциплинарному сотрудничеству в рамках «women'studies» представителей всех социально-гуманитарных наук.

Список литературы

1. *Ашрапова С.Т. Освещение вклада женщин Таджикистана в победу Великой Отечественной войны на страницах периодических изданий. – Душанбе, 2004.*
2. *Вдовина А.А. Патриотизм и общественно-политическая деятельность женщин Урала в годы Великой Отечественной войны: автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.02. Рос. эконом. акад. им. Г.В. Плеханова. – Москва, 2005; Гордина И. В. Женщины Бурятии в годы Великой отечественной войны 1941-1945 гг.: автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.02. Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2005; Каменева Г.Н. Женщины Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг.: автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.02. Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2004; Мирзорахимова Т.М. Участие*

женщин в общественно-политической и культурной жизни Таджикистана в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 2006. Душанбе, 2006.

3. *Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 306 с.*
4. *Новикова Н.В. Женская история и современные гендерные роли: III Международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории // Вестник Пермского университета. Серия «История». Пермь, 2011. Вып. 1 (15) С. 168-172.*
5. *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография / Под ред. Здравомысловой Е., Роткирх А. и Тёмкиной А. СПб.:Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2009.*
6. *Пушкарева Н. Л. Историческая феминология, женская и гендерная история. Итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. N 2/3. С. 32-37; Женская история, гендерная история: итоги и перспективы // Пушкарева Н.Л. (ред.) Социальная история – 2002. Женская и гендерная история. М., 2003. Женская история, гендерная история: итоги и перспективы // Пушкарева Н.Л. (ред.) Социальная история – 2002. Женская и гендерная история. М., 2003; Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Гендерное равноправие в России. СПб, 2008. С. 223-227; Женщина, семья, гендерная система: противоречивая история XX века // Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук / Ред. З.З.Мухина. Старый Оскол, 2008. С. 5-26; Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения // Частное и общественное: гендерный аспект / Отв. ред. Н.Л.Пушкарева, Н.В.Новикова, М.Г.Муравьева. М., 2011. С. 538-539; Гендерная система в России XX века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. Вып. 117. 2012. С. 8-24; Повседневность и обыденность насилия в социальной жизни: гендерный аспект (Вместо предисловия) // Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI—XXI вв.). СПб: ЕУ СПб, 2012. С. 3-6.*
7. *Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок. Новое литературное обозрение. 2012. №117.; Пушкарева Н.Л. Женская история. Гендерная история (Теория и исследования. Учебное пособие), Калуга, 2001.*
8. *Соловьева В. В. Бытовые условия работников промышленных предприятий в советском тылу (1941-1945 гг.): Гендерный аспект // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20 – 22 октября 2011 года, Ярославль. – М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С.500-504.*

УДК 930.85

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ КИНООТРАСЛИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1920–1930-Х ГОДАХ

© ***Г.А. Миронов*** *Пензенский Государственный Университет (г. Пенза, Россия)*

INHDUSTRIAL DEVELOPMENT OF FILM NDUSTRIAL DEVELOPMENT OF FILM BRANCH ON THE AVERAGE VOLGA REGION IN 1920 – THE 1930TH YEARS

© ***G.A. Mironov*** *Penza State University (Penza, Russia)*

В статье на основе архивных данных рассматривается процесс промышленного развития кинодела в Среднем Поволжье, оценивается вклад Самарского завода киноаппаратуры в преодоление технической отсталости киноотрасли.

Ключевые слова: кинематограф, госкино, союзкино, кинап, государственный завод.

In article on the basis of the archival materials process of industrial development of film business in the the Volga region is considered. The author gives estimate to the contribution of the Samara plant "KINAP" in overcoming the technical backwardness of the film industry.

Key words: cinema, state cinema, soyuzkino, kinap, state plant.

E-mail: djrush@inbox.ru

Исследователи истории советской кинематографии в своих работах в основном уделяли внимание кинематографу как социокультурному явлению или составной части пропагандистской системы и практически не затрагивали технологическую сторону этой проблемы, полагая, что вопросы промышленного развития киноотрасли не влияли на идейное содержание кинокартин [1]. В какой-то степени это так, но техническая отсталость кинематографа не позволила бы создать, а, главное, показать как количественно, так и качественно, кинопроизведения художественного и документального кино. В этой статье мы постараемся восполнить этот историографический пробел.

До второй половины 1923 г. в структуре Госкино не было предусмотрено отдела, отвечающего за техническое обеспечение кинопроизводства. Лишь с этого времени появляется «Производственно-технический отдел», который должен был руководить технической стороной кинопроизводства. Однако уже в 1924 г. была создана новая организация – Всероссийское фотокинематографическое акционерное общество «Советское кино» (Совкино), наделенная статусом руководящего центра российской кинематографии. В её структуре был предусмотрен «Производственный отдел», который ввел обязательное планирование производственной деятельности. Это обеспечило снижение издержек по выпуску кинофильмов. В то же время наблюдалась некоторая непоследовательность в обеспечении рационализации кинопроизводства – сохранился низкий уровень регламентации самого этого процесса. Фактически не подверглась пересмотру технология производственной деятельности, которая продолжала носить кустарный характер. Лишь с созданием в феврале 1930 г. Государственного Всесоюзного кинофотообъединения «Союзкино», главным направлением деятельности которого явилось строительство и оборудование фабрик кинопленки и аппаратуры [3], в его структуре был создан трест «Киномеханпром» (впоследствии – «Киномехпром»), который занимался только вопросами ремонта и производства киноаппаратуры.

Именно с этого времени появилась специальная структура, отвечающая за техническое состояние кинопроизводства.

Вышеизложенные факты помогают нам понять логику создания и функционирования технической базы кинопроизводства в Среднем Поволжье, которая стала создаваться в крупнейшем городе этого региона – Самаре. Здесь в 1923 г. была открыта механическая мастерская Госкино по ремонту киноаппаратуры. Первоначально она располагалась в помещении кинотеатра «Художественный». Аппаратура в основном была импортного производства, поэтому сразу же встал вопрос о создании собственной техники. Уже в 1926 году были изготовлены восемь кинопередвижек [2].

В июле 1927 г. мастерская переехала в помещение на Комсомольской улице (бывшая экипажная мастерская). В июне 1930 года были изготовлены первые опытные образцы проекционных фонарей «Совкиновец», а в октябре они были запущены в производство [2]. В начале 1930-х гг. мастерская впервые в СССР разработала и наладила серийный выпуск роликовых подшипников, так необходимых кинопередвижкам. В целом объем производства мастерских рос: «Объём производственной программы в 1929/30 г. выражался в 306 тыс., на 1931 г. – первый вариант – 1400 тыс., второй – 2500 тыс. Производственная номенклатура последовательно по годам и вариантам: 178 – была намётка на 1931 г. 241…» [4, Д. 3. Л. 28]. По архивным данным, в это время в механической мастерской работал 71 человек [4, Д. 1. Л. 74].

В январе 1931 г. заведующий Средне-Волжским отделением «Союзкино» П. Г. Плакитин писал в Москву: «С запасными частями положение катастрофическое. Вот пример: будучи в Москве, я хотел удовлетворить свою заявку на части для ремонтной мастерской, и что ж, из 48 требуемых деталей, мне дали 10 и то больше шурупов и малоответственные части» [4, Д. 3. Л. 31]. Для ликвидации подобного положения он предложил «… расширить производство посредством перехода в другой, наиболее мощный корпус и дачей дополнительного оборудования… Теперь с заводом вопрос решен…» [4, Д. 3. Л. 31].

В марте 1931 г. мастерские преобразуются в завод «Союзкино», а в декабре этого же года предприятие переезжает в переоборудованное помещение бывшего дрожжевого завода (ул. Лесная, 23).

В 1932 г. завод начал работу на новом месте и был переименован в Самарский завод киноаппаратуры (с 1935 г. – Куйбышевский завод киноаппаратуры, сокращенно «Кинап»). В сентябре этого же года он начал осваивать производство кинопередвижек системы братьев Егоровых (заводских изобретателей). Однако они имели много недостатков, поэтому с сентября 1934 г. завод начал разработку кинопередвижки пальцевой системы конструкции самарского инженера Снежко-Блоцкого. 4 января 1935 г. была выпущена первая такая кинопередвижка, а с апреля начался их массовый промышленный выпуск. Решающую роль в этом деле сыграло создание на заводе Экспериментального цеха, где объединились все новаторы. Сохранились имена этих людей: А. Панкратов, Б. Виноградов, К. Иванов, В. Чуйкин, Е. Зиновьев, М. Вотецкий, В. Плотников, инженер Заболотный и многие другие. Они создали замечательную немую киноустановку, по своим качествам превосходящую лучший в то время французский вариант [2].

12 января 1935 г. представители завода «Кинап» – директор С. Г. Горбунов, токарь А. А. Максимов и слесарь И. А. Соловьев – привезли первый немой аппарат кинопередвижки для показа в Москву, в трест

«Киномехпром». Заводчане как раз попали в день торжественного заседания в Большом театре, посвященного 15-летию советской кинематографии. Горбунова выбрали в президиум. С трибуны было объявлено о достижениях завода [5, Д. 1. Л. 14].

На предприятии продолжалась упорная работа по совершенствованию конструкции аппарата, и уже 14 января 1935 г. инженер М. Я. Примикирио доложил руководству завода о возможности озвучивания фильма. Уже на другой день конструктор Экспериментального цеха Демидов приступил к подбору материалов и составлению схемы озвучивания. Через неделю эта работа была завершена, утверждена инженером М. Я. Примикирио и принята техотделом для конструкторского оформления [5, Д. 1. Л. 14].

По воспоминаниям слесаря экспериментального цеха К. В. Иванова, первое испытание аппарата на звук (без экрана) было проведено 21 февраля 1935 г. в 24 часа: «Никогда я не забуду этой ночи, собрались мастера, директор, всё начальство. Когда начальник цеха взялся за рубильник, чтобы мотор включить, у нас всех одна мысль мелькнула: хоть бы захрипел, жизнь проявил, а там уж и настоящий голос придали. А он как запоет! Радости было много. Люди мы взрослые, а прыгали, словно дети. Раз шесть подряд слушали «Авиамарш».

А потом аппарат захрипел. Что только ни делали, где только ни искали дефект, – никаких признаков чистого звука. Только через сутки с лишним электрик Василий Плотников обнаружил и устранил неисправность – искрение коллектора мотора.

В 8 часов утра 23 февраля 1935 г. наша кинопередвижка впервые в мире зазвучала громко, чисто и безукоризненно. В середине дня 24 февраля аппарат был окончательно отлажен. Его достоинства признал весь мир, в том числе и законодатели киномоды – французы» [2].

Все, о чем мы рассказали выше, работа лишь одного Экспериментального цеха. Для обеспечения бесперебойной кинематографической деятельности требовался широкий ассортимент продукции. В 1937 г. завод «Кинап» выпускал: «Копировальные автоматы (КАН), звуковые кинопередвижки, фильеры, прожекторы, машины для чистки пленки, склеечные полуавтоматы, матировочные машины, копировальные автоматы хрон (КАН), проявочные машины (СПИ), парафинированные машины, паспортные машины, фотолабораторные фонари, фильмостаты ЯУФ-8, коробки для пленки, бабины разборные, неразборные, узкопленочные, трансформаторы, реостаты, коробки для диапленки» [5, Д. 17. Л. 1]. Кроме этой продукции, завод выпускал, как сказано в отчетах, «ширпотреб». На наш взгляд, эта продукция также имела очень важное значение, пусть не для кинематографа, но уж точно для повседневной жизни людей. Судя по заводским отчетам, к «ширпотребу» относились: «… баночки для гуталина, вазелина, пломбы, банки металлические для краски, ведра оцинкованные, крашенные, тазы, воронки, плевательницы, примусные иглы, бидоны для молока» [6, Д. 8. Л. 22].

О динамичном развитии предприятия можно судить по росту численности рабочих. Если в 1937 г. на нем трудилось 886 человек, то в 1938 г. – 707, 1939 г. – 796, в 1940 г. – 1028 человек [5, Д. 17. Л. 1]. К 1938 г. завод был уже четко структурирован. Он состоял из четырех основных и трех вспомогательных цехов: «Основные цехи: № 1. – изготовляет коробки для противогаза и коробку НП (футляр для кляршайбы); № 2 – жестяные коробки и бабины для кинопленки; № 3 – ящики для упаковки фильмов и фильмостатов;

№ 4 – ящичную тару. Вспомогательные цехи: ремонтный, инструментальный, электромонтажный, экспериментальный и ширпотреба» [6, Д. 8. Лл. 11–12].

Управление заводом также было четко организовано по следующей схеме: непосредственно директору подчинялись отделы – общий, кадров, техконтроля, специальный, планово-производственный, главная бухгалтерия, финчасть и хозчасть. В распоряжении технического директора находились отделы: технический, главного механика, диспетчерское бюро, группа техники безопасности и химлаборатория. В подчинении коммерческого директора были отделы: снабжения и сбыта, капитального строительства, охрана завода и автотранспорт [6, Д. 9. Л. 27].

В 1930-х гг. на заводе была шестидневная рабочая неделя с семичасовым рабочим днем. За опоздания, прогулы и нарушения трудовой дисциплины следовало жестокое наказание. Приведем лишь один пример: «Кладовщик цеха № 2 Амелькин за три месяца (июнь-сентябрь) сделал три прогула, и кроме того, напился в рабочее время. Был осужден на 1 год тюремного заключения» [6, Д. 18. Л. 37]. Судя по заводским отчетам, на предприятии была большая текучесть кадров, особенно среди рабочих. Подобное положение дел дирекция объясняет следующим образом: «Остро ощущаемый в Куйбышеве недостаток рабочей силы, наличие в городе организаций, оплачивающих труд рабочих по повышенным расценкам, а также территориальная отдаленность завода от города при неналаженном сообщении и недостаточном заводском жилом фонде создаёт базу для текучки кадров» [6, Д. 8. Л. 39]. Дефицит рабочих частично покрывался за счет школы ФЗУ, организованной при заводе. В ней обучались по следующим специальностям: слесарь-инструментальщик, слесарь-установщик, токарь-универсал [6, Д. 8. Л. 39].

Как и повсюду в стране, на заводе было широко развернуто стахановское движение. В городе завод был флагманом этого движения: «Больше половины рабочих на заводе стахановцы. Имена лучших людей завода хорошо известны трудящимся г. Куйбышева. Среди них: тт. Кочетков, Осин – строгальщики инструментального цеха, одними из первых перешли на обслуживание двух станков, член завкома т. Маркелова – электросварщица, т. Носова – штамповщица цеха № 2, т. Пирожкова сборщица цеха № 3» [6, Д. 8. Л. 41], – читаем в отчете руководства предприятия. Однако в большинстве случаев стахановцы не хотели становиться мастерами и делиться своим опытом. Из 40 стахановцев, принятых на курсы мастеров, организованных на заводе, за два года закончили их лишь 12 человек: «Отсев объясняется тем, что учиться там нужно было два года, стахановцы получали больше мастеров и поэтому переход от станка к мастеру не всегда заинтересовывал рабочего» [6, Д. 8. Л. 35].

В 1938 г. на заводе началась реконструкция с целью его перепрофилирования для выпуска оборонной продукции – противогазовой коробки. Однако кинопродукция продолжала занимать 70 % от всего объема производства [6, Д. 8. Л 9]. 1 июля 1939 г. выходит приказ по главному управлению киномеханической промышленностью комитета по делам кинематографии при СНК СССР «О передаче Куйбышевского завода «Кинап» в Наркомхимпром СССР» [6, Д. 9. Л. 2]. До сентября шел процесс передачи предприятия Наркомату химической промышленности. В результате перепрофилирования предприятия оно получило наименование Государственный завод № 13. В отчете дирекции завода за 1940 г. уже четко сказано: «Со второго квартала 1940 г. программа завода включает в себя исключительно оборонные изделия, которые составляют 92% всей

продукции. Завод стал изготовлять противогазы (коробки и лицевую часть)» [6, Д. 18. Л. 36]. – единственное предприятие кинопромышленности в Среднем Поволжье перестало существовать.

Подводя итог сказанному, следует отметить – завод «Кинап» вырос из механических мастерских, которые занимались лишь ремонтом, в основном, импортной киноаппаратуры. Благодаря самоотверженной работе Экспериментального цеха, кино в нашей стране стало звуковым. Продукция предприятия была широко известна кинофабрикам и кинопрокатчикам не только Среднего Поволжья, но всего Советского Союза. К середине 1930-х гг. на заводе была выстроена четкая технологическая и управленческая структуры. Росли ассортимент и количество выпускаемой продукции. Угроза надвигающейся войны поставила на повестку дня перепрофилирование предприятия на выпуск военной продукции – противогазов. К началу 1941 г. этот процесс на заводе был фактически завершен. Единственное предприятие кинопромышленности в Среднем Поволжье перестало существовать.

Список литературы

1. *Лебедев Н. А. Очерк истории кино СССР. Немое кино. 1918–1934 годы. М, 1965; Иванов А. А. Становление и развитие кинематографа в Республике Калмыкия, 1920–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук: Элиста, 2003; Федюк А. В. Советская система кинопроизводства и кинопроката в 1920-е – 1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: Новосибирск, 2009; Грановская О. В. Социокультурные проблемы управления и организации отечественной кинематографии. Советский период: дис. ... канд. ист. наук: М., 2003 и др.*
2. *Лысковцев Г. Звуковое кино родилось в Самаре // Вечерняя Самара. 1993. 13 ноября*
3. *Собрание законов РСФСР. 1930. № 15. Отд. 1. Ст. 165.*
4. *Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р–2505 . Оп. 1. Д. 3. Л. 28.*
5. *ЦГАСО. Ф. Р–968. Оп. 1.*
6. *ЦГАСО. Ф. Р–968. Оп. 2.*

УДК 947

ЖУРНАЛ ВЕСТНИК ПЕНЗЕНСКОГО ЗЕМСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

© ***С.О. Юдин.*** *ГБУК «Пензенский краеведческий музей» (г. Пенза, Россия)*

JOURNAL BULLETIN OF THE PENZA ZEMSTVO AS A HISTORICAL SOURCE

© ***S.O. Yudin.*** *GBYK «Penza Museum of local lore» (Penza, Russia)*

Статья посвящена журналу Вестник Пензенского Земства, как ценному историческому источнику, содержащему большой объем информации о всех сферах жизни населения Пензенской губернии в предвоенные годы и в годы Первой мировой войны. Впервые проанализирован весь спектр опубликованной в журнале информации за все время его существования, рассмотрена динамика развития издания.

Ключевые слова: журнал, корреспондент, рубрика, статья, информативная наполняемость.

The article is devoted to the journal Bulletin Of The Penza Zemstvo, as a valuable historical source that contains a large amount of information about all spheres of life of the population of the Penza province in the pre-war years and in the years of the First world war. For the first time, analyzed the entire spectrum published in the journal information for all time of its existence, the dynamics of development of the publication.

Key words: magazine, correspondent, category, article, informative contents.

E-mail: Yudin.ser2010@yandex.ru

Журнал Вестник Пензенского Земства начал издаваться по инициативе Пензенского Губернского Земства и просуществовал 7 лет. Первый номер журнала вышел в мае 1910 г., последний – в мае 1917 г. Первоначально, Вестник выходил один раз в месяц, дата выхода не указывалась. Объем каждого номера достигал более ста страниц. С сентября 1912 г. журнал выходил 2 раза в месяц, каждый номер датировался. Объем номера уменьшился, но в целом, к концу 1912 г., Вестник содержал намного больше информации, чем ранее. С ноября 1914 г. журнал выходил 4 раза в месяц. Связано это было с необходимостью публикации постоянно обновляемой информации о ходе военных действий, состоянии экономики, положении раненых и беженцев.

Задача журнала состояла в широком осведомлении населения о деятельности земских и городских учреждений Пензенской губернии, освещении вопросов земского и городского хозяйства и местного самоуправления. Состояние экономики: сельское хозяйство, кооперация, продовольственный вопрос, цены на продукты; вопросы медицины, образования, уклада народной жизни – на страницах Вестника был отражен весь спектр информации о положении народного хозяйства региона.

В журнале размещалась корреспонденция из Пензенской губернии, соседних губерний, хроника земств и городов, производился обзор печати. Существовала рубрика, посвященная ответам на вопросы читателей. На страницах журнала также была представлена и информация рекламного характера.

В целях более полного освещения работы земств, в журнале полностью публиковались протоколы губернских и уездных очередных и чрезвычайных земских собраний. Очередные земские собрания созывались один раз в год, чрезвычайные – по случаю необходимости. Особенно часто земские чрезвычайные собрания созывались в годы Первой мировой войны. Вызвано это было необходимостью решения срочных вопросов в условиях военного времени. Так, 27 июля 1914 г. состоялось Чрезвычайное Губернское Земское собрание, освещенное в выпусках Вестника Пензенского Земства [13, с. 769; 14, с. 845]. На данном собрании, в первую очередь, решались вопросы организации всевозможной помощи раненым и больным воинам, семьям мобилизованных на войну, а также срочные хозяйственные вопросы.

Постоянной рубрикой являлась публикация различных нормативных актов имперского и регионального значения, решений Правительствующего Сената, Воззваний Императора и Губернатора. Печатались целые обзоры нормотворческой деятельности. Например, «Обзор деятельности законодательных учреждений за 1911 год» [8, с. 328]. В нескольких выпусках журнала за 1915 г. подробно описывались заседания Государственной Думы с включением текстов выступлений крупнейших политиков и чиновников.

Большое внимание уделялось описанию текущей хозяйственной и политической жизни страны и Пензенской губернии в рубриках «хроника земств и городов» и «местная хроника» (в последующем – «местная жизнь»). В первые годы существования журнала эти рубрики содержали большой объем информации. В некоторых номерах печатались полные описания отдельных волостей или поселений Пензенской губернии (количество и состав населения, природные особенности, экономическое развитие и т.д.).

По утверждению представителей редакции журнала, в первые 2-3 года существования издания, содержание статей было достаточно «сухим», информация критического характера практически отсутствовала, много статей и сообщений отсеивалось. Но с началом Первой мировой войны ситуация изменилась. Если в выпусках Вестника за 1910-1913 гг. рубрика «Корреспонденция» встречалась редко, то с 1914 г. – стала постоянной. Статьи, письма и сообщения печатались на самые злободневные темы: пьянство, неурожаи, непомерный рост цен, спекуляция и т.д. Были, конечно, статьи и на положительные темы, но рубрика «Корреспонденция», по своему содержанию, оставалась достаточно «острой». Причем, часто публиковались письма в редакцию крестьян, рабочих, сельской интеллигенции, выступающих сегодня ценным источником информации об укладе народной жизни.

Вопросы образования и медицины курировались земскими органами местного самоуправления, поэтому редакция на страницах своего журнала старалась показать работу земства в этих направлениях наиболее полно. Статьи, посвященные указанным вопросам, оставались актуальными и часто выходили как в мирное, так и в военное время. Печатались такие статьи, как: «Обзор деятельности Пензенского губернского земства по народному образованию с 1865 по 1910 год» [3, с. 5], «Программа деятельности земств по внешкольному образованию» [7, с. 26], «К вопросу о борьбе с туберкулезом» [2, с. 13], «К вопросу о введении земской санитарной организации в уездах Пензенской губернии» [4, с. 24], «Очерки о гигиене и санитарии» и т.д. [27, с. 315]. А с конца 1914 г., рубрика «Отдел народного образования» в Вестнике Пензенского Земства становится постоянной.

В начале XX в. в России остро стояла проблема пьянства. Как указывалось в Вестнике Пензенского Земства, мест продажи спиртных напитков в России до середины 1914 г. насчитывалось: 53 465 в городах и 64 230 в уездах. Количество алкогольно-больных, пользовавшихся медицинской помощью с 74 тыс. человек в 1902 г. выросло к 1912 г. до 145 тыс., а от отравления алкоголем в стране умирало в год около 6 тыс. человек [22, с. 391]. По мере возможности на страницах Вестника велась борьба с этим недугом. В многочисленных статьях, таких как: «Оказывает ли влияние на горимость деревни повышенное потребление вина» [1, с. 17], «Тайная продажа вина в сельских местностях Пензенской губернии» [11, с. 770], «К вопросу о происхождении обрядового алкоголизма» [19, с. 1111], «Задачи трезвости»[26, с. 286], приводились неутешительные статистические данные о потреблении вина, вреде алкоголя для жизни и здоровья, об отрицательном влиянии вина на экономическое и семейное благополучие населения. Названия некоторых статей, например: «Спасите деревню!», «Пьяный разгул», уже сами по себе говорили о том, что страшный недуг всенародного пьянства было очень трудно победить.

Еще в мае 1914 г. Российским Правительством было принято решение, что в случае войны с Германией, в стране будут введены

существенные ограничения на торговлю спиртным, чтобы не сорвать мобилизацию. С одобрения Николая II, 17 июля в стране вводился запрет на торговлю крепкими спиртными напитками на время мобилизации. Когда становится ясно, что принятых мер недостаточно, то 22 августа Николай II подписывает Высочайшее Повеление, воспрещающее продажу спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи впредь до окончания военного времени. Корреспонденты Вестника тщательно следили за сложившейся ситуацией в губернии в плане реализации и употребления алкоголя и его суррогатов. По инициативе редакции журнала, осенью 1914 г. было проведено масштабное анкетирование населения губернии с целью выяснения последствий воспрещения питейной торговли и отношения населения к этой мере. Журналисты провели колоссальную работу по анализу поступивших анкет. Результаты опроса подробно описывались в нескольких номерах Вестника за 1915 г.

Несмотря на обширный спектр публикуемой журналом информации, основная роль отводилась вопросам социально-экономического характера: состоянию бюджета, ценовой политике, сельскому хозяйству, развитию кооперации, так как данные вопросы являлись основными в компетенции земств. Указанная информация печаталась от обширных аналитических справок и протоколов заседаний до небольших заметок.

С целью сделать доступной информацию о хозяйственной деятельности земств, в журнале публиковались справки о состоянии их бюджетов. Выходили в печать такие статьи как: «Государственные доходы и расходы по Пензенской губернии и сравнение их с земскими доходами и расходами с 1901 по 1910 годы» [6, с. 53], «Деятельность Пензенского Губернского Земства по закупке продуктов для нужд военного ведомства в 1910-1911 годах» [5, с. 27], «Общий обзор деятельности Пензенской Губернской земской кассы мелкого кредита за первые 12 месяцев существования» [9, с. 86]. Также в журнале периодически печаталась информация о состоянии базарных цен на основные продукты потребления в тот или иной период времени.

В начале XX в. в России широкое распространение получает кооперативное движение. В соответствии с высокими темпами развития кооперации в Пензенской губернии, возрастал и объем публикуемой информации в Вестнике Пензенского Земства. Если в выпусках 1910-1912 гг. встречались лишь отдельные статьи, то с 1914 г. рубрики «Сельское хозяйство» и «Кооперация» становятся постоянными.

Кооперативные объединения, делившиеся на 3 категории по своей направленности (кредитные товарищества, потребительские и сельско-хозяйственные общества), начиная с 1910-1911 гг. стали возникать практически в каждой волости или поселении, и к концу 1916 г. достигли своего количественного предела. Но общеземский кооперативный союз так и не был образован, что оставляло Пензенскую губернию в кооперативном отношении на довольно неразвитом уровне, по сравнению, например, с губерниями центральных регионов России.

Статьи, посвященные деятельности кооперативных объединений, включали, как правило, следующую информацию: когда основано общество, состав, основные виды деятельности, результаты, материальная база, бюджет. Также печатались такие крупные статьи как: «Сельскохозяйственные общества в наше время» [18, с. 1096],

«Мелкорайонные союзы кредитных товариществ и их задачи» [23, с. 757], «Взаимоотношения потребительских и кредитных кооперативов» [25, с. 274], характеризовавшие назначение данных организаций.

Земские органы поддерживали кооперативное движение. В уездах работало несколько касс мелкого кредита, в том числе и губернская, организовывались кооперативные курсы и съезды, в Вестнике публиковались различные инструктивные статьи, например: «Как образовать маслодельную артель» [20, с. 195], или «Несколько слов о страховании скота» [21, с. 300] и т.д. В свою очередь, во время войны кооперативы включились в дело поставки для нужд армии продовольствия, фуража и других продуктов.

Журнал содержал обширную информацию о развитии сельского хозяйства и состоянии урожайности в Пензенской губернии. Здесь публиковались такие крупные аналитические статьи, как: «Положение агрономического дела в Пензенской губернии» [12, с. 186]; «Крестьянское хозяйство Пензенской губернии» [20, с. 200], в этой статье подробно характеризовалась структура хозяйств: от формы собственности и размера наделов до количества скота в хозяйствах и роли отхожих промыслов среди населения; статья «Пензенская губерния в животноводческом отношении» была опубликована в нескольких номерах Вестника за 1915-1916 гг. и содержала полезную информацию не только о состоянии животноводства в губернии, но и рассказывала о климатических особенностях, почвенном и ландшафтном строении региона.

Некоторые публикации имели достаточно узкую направленность, например: «Культура конопли в Пензенском районе и мероприятия по развитию этой отрасли» [8, с. 343], «Культура лука в с. Бессоновка Пензенского уезда» [10, с. 75].

Журнал не ограничивался только информативной функцией, но и помогал полезными советами. Печатались следующие статьи: «Как кормить коров зимой» [17, с. 1025], или «Как избавиться от головни и спорыньи» [27, с. 321]. В сельскохозяйственной рубрике действовал раздел – «Агрономические советы».

Редакция Вестника каждый год следила за урожайностью в губернии, что периодически отражалось на страницах издания. Например, в статье «Урожай хлебов в крестьянских хозяйствах Пензенской губернии в 1914 году» [15, 859], проводился сравнительный анализ урожая 1914 г. и предшествующих 5 лет, что позволяло сделать вывод о сильнейшем неурожае хлебов 1914 г. О результатах урожаев также можно было судить из публикуемых сообщений обывателей в рубрике «Корреспонденция».

С началом Первой мировой войны, меняется содержание и структура журнала. На земские органы возлагаются обязанности по решению продовольственного вопроса, по размещению и лечению раненых и больных воинов, оказанию помощи семьям мобилизованных и беженцев и т.д., что подробно отображается в журнале. Выходят в печать многочисленные статьи, такие как: «Дело призрения нижних воинских чинов и их семейств» [16, с. 881], «Первые шаги деятельности уездных комитетов помощи раненым» [17, с. 1019], «На помощь раненым» [24, с. 53]. В губернии образуется Военно-промышленный Комитет, занимающийся оборонными заказами. Деятельность Комитета также подробно освещалась Вестником.

Образуются различные государственные и общественные организации, работа которых была связана с оказанием помощи всем тем, кого коснулась война. Наиболее крупными среди них являлись: Пензенский Губернский Комитет помощи раненым и больным воинам, Пензенский Губернский Комитет помощи беженцам, Пензенский общественный Комитет помощи лицам, пострадавшим от войны. Работа этих и других организаций постоянно освещалась в журнале. Периодически приводилась статистика о количестве раненых в лазаретах, беженцах, военнопленных. С конца 1914 г., на страницах журнала печатается «Именной список убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам Пензенской губернии».

Вестник широко освещал сложившееся отношение населения к войне, настроения обывателей, указывал, что деревня страдает от недостатка правдивой информации о войне. В Пензенской деревне развивается «газетный голод», поэтому в журнале появляются рубрики, посвященные военной тематике, рассказывающие о ходе военных действий, результатах боевых операций, о противнике, союзниках, вооружении, быте солдат, их настроениях и трудностях. Рубрика «Письма о войне» – становится постоянной в журнале.

Острой проблемой военного времени являлась дороговизна. Цены в годы войны возросли до 200%. Пензенская Губернская Земская Управа старалась установить твердые цены на продукты первой необходимости. Состояние цен периодически указывалось в журнале, чтобы население не покупало продукты дороже, но эти меры не могли сдержать их рост.

Информативная наполняемость Вестника заметно снижается к 1916 г. Перечень тем для публикаций был ограничен поверхностным и кратким обзором последних событий, сообщениями о положении раненых, больных и беженцев в губернии. В мае 1917 г. журнал перестал существовать.

Таким образом, журнал Вестник Пензенского Земства является ценным историческим источником, содержащим большой объем информации о всех сферах жизни населения Пензенской губернии в предвоенные годы и в годы Первой мировой войны, что позволяет получить объективное представление о факторах социальной динамики, реконструировать весь спектр особенностей социально-экономического и социокультурного развития региона в рассматриваемый период.

Список литературы

1. *Вестник Пензенского Земства. 1910. № 4.*
2. *Вестник Пензенского Земства. 1910. № 7.*
3. *Вестник Пензенского Земства. 1910. № 8.*
4. *Вестник Пензенского Земства. 1911. № 1.*
5. *Вестник Пензенского Земства. 1911. № 7.*
6. *Вестник Пензенского Земства. 1911. № 8-9.*
7. *Вестник Пензенского Земства. 1912. № 1-2.*
8. *Вестник Пензенского Земства. 1912. № 5.*
9. *Вестник Пензенского Земства. 20.09.1912. № 10.*
10. *Вестник Пензенского Земства. 20.03.1913. № 3.*
11. *Вестник Пензенского Земства. 20.10.1913. № 18-19.*
12. *Вестник Пензенского Земства. 05.02.1914. № 3.*
13. *Вестник Пензенского Земства. 30.07.1914. № 13-14.*
14. *Вестник Пензенского Земства. 15.08.1914. № 15.*

15. *Вестник Пензенского Земства. 30.08.1914. № 16.*
16. *Вестник Пензенского Земства. 15.09.1914. № 17.*
17. *Вестник Пензенского Земства. 13.11.1914. № 22.*
18. *Вестник Пензенского Земства. 13.12.1914. № 26.*
19. *Вестник Пензенского Земства. 23.12.1914. № 27-28.*
20. *Вестник Пензенского Земства. 17.03.1915. № 10-11.*
21. *Вестник Пензенского Земства. 07.05.1915. № 16-17.*
22. *Вестник Пензенского Земства. 11.06.1915. № 22.*
23. *Вестник Пензенского Земства. 29.10.1915. № 42.*
24. *Вестник Пензенского Земства. 31.01.1916. № 4.*
25. *Вестник Пензенского Земства. 09.06.1916. № 21-22.*
26. *Вестник Пензенского Земства. 20.06.1916. № 23.*
27. *Вестник Пензенского Земства. 13.07.1916. № 25-26.*

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ

УДК 377:378

СОДЕРЖАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ТВОРЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА ВО ВНЕУЧЕБНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© ***Е.В. Вострокнутов,*** *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

CONTENT AND RESULTS OF EXPERIMENTAL WORK ON THE FORMATION OF THE CREATIVE COMPETENCE OF TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS IN EXTRACURRICULAR RESEARCH ACTIVITIES

© ***E.V. Vostroknutov***, *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

В статье рассмотрены основные направления опытно-экспериментальной работы по формированию творческих компетенций у студентов технического вуза во внеучебной научно-исследовательской деятельности, реализованной в Пензенском государственном технологическом университете.

Ключевые слова: студент технического вуза, творческие компетенции студента технического вуза, внеучебная научно-исследовательская деятельность.

The article describes the main directions of research and experimental work on the formation of the creative competence of technical university students in extracurricular research activities undertaken in the Penza State Technological University.

Key words: technical university students, creative competence of technical university students, extracurricular research activities.

E-mail: lomovchik@gmail.com

Социальный заказ на подготовку будущих инженеров, готовых к генерации новых идей в области науки и техники, реализации их в научно-инновационных проектах, к проведению научных исследований и апробации их результатов актуализирует проблему формирования творческих компетенций у студентов технического вуза.

В рамках настоящей статьи будем использовать ранее принятые нами определения понятий «творческие компетенции» и «творческие компетенции студента технического вуза».

Творческие компетенции мы понимаем как интегративное качество личности, включающее способности и готовность к созданию, усовершенствованию, оптимизации материальных и духовных ценностей, удовлетворяющих социальные и личностные потребности [1].

Творческие компетенции студента технического вуза – это способности и готовность будущего специалиста к решению задач профессиональной

деятельности (научно-исследовательской, проектно-конструкторской, производственно-технологической) по созданию, усовершенствованию, оптимизации технических объектов и систем [2].

Формирование творческих компетенций студентов во внеучебной научно-исследовательской деятельности (НИД) является важнейшим компонентом профессиональной подготовки будущих инженеров, поскольку НИД относится к виду профессиональной деятельности. Это нашло отражение в федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) технических направлений подготовки.

Руководствуясь традиционными представлениями отечественных психологов о структуре личности (К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн и др.) в структуре творческих компетенций студента технического вуза нами выделены компоненты, развитие которых необходимо в рамках внеучебной НИДС: *мотивационный компонент,* подразумевающий наличие осознанных мотивов к внеучебной НИД, наличие потребности во внеучебной НИД, понимание значимости внеучебной НИД; *когнитивный компонент,* предполагающий сформированность представлений о структуре и этапах разработки проекта, знаний методологии и методов научного исследования, знаний способов апробации результатов научного исследования; *деятельностно-практический компонент,* который заключается в освоении студентами умений разработки и презентации проекта, умений применять необходимые методы и средства при проведении научного исследования, умений оформлять результаты научного исследования.

Опытно-экспериментальная работа проводилась на базе ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет» (ПензГТУ). Исследованием было охвачено 80 студентов факультета промышленных технологий (41 человек – экспериментальная группа, 39 человек – контрольная группа); 18 преподавателей, выступающих в роли научных руководителей; 9 экспертов – представители научно-инновационных подразделений ПензГТУ, предприятий, бизнеса. Опытно-экспериментальная работа включала проведение констатирующего, формирующего и контрольно-оценочного этапов эксперимента.

Цель эксперимента – повышение уровня сформированности творческих компетенций у студентов технического вуза во внеучебной НИД.

На констатирующем этапе определялось отношение студентов ко внеучебной НИД, меры их участия в ней; осуществлялся подбор диагностических методик; определялся исходный уровень сформированности творческих компетенций у студентов во внеучебной НИД в контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группах.

Формирующий этап опытно-экспериментальной работы представлял собой реализацию педагогической модели формирования творческих компетенций у студентов технического вуза во внеучебной НИД [3].

Опираясь на выводы исследователя М.В. Корчагиной в содержании формирующего этапа эксперимента нами было выделено три этапа организации внеучебной НИД, направленной на формирование творческих компетенций у студентов: мотивационно-целевой, теоретический и проектный [4, с. 96-97].

Раскроем каждый этап в отдельности.

1 этап – мотивационно-целевой (3 семестр).

На данном этапе происходит: знакомство с научными руководителями, разработками кафедр и научно-инновационных

подразделений вуза (мероприятие «Встреча с наукой»); встреча с представителями предприятий и бизнеса («Молодежная ярмарка вакансий»; экскурсии на предприятия-партнеры; ток-шоу «100 вопросов ПТПА»; мастер-класс «Карьера – путь к успеху»); знакомство с инновационной инфраструктурой региона (круглый стол с представителями Управления инновационной политики и специальных проектов Правительства Пензенской области; экскурсии в региональные технопарки и бизнес-инкубаторы); диагностика интересов студентов в НИД (выявление интересующих студентов научных направлений и необходимости проведения факультативного курса по подготовке к участию во внеучебной НИД; опрос по основам проектной деятельности); участие в мероприятиях студенческого научного объединения (конкурс «IQ-спринт»; научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы науки и образования»; выставка НТТМ); подготовка плана развития собственной карьеры.

Результатом этапа является: сформированность знаний студентов о научно-инновационном и кадровом потенциале вуза и региона; о том, какие специалисты нужны предприятиям; какие проекты готовы поддерживать представители власти и реализовывать бизнес; об особенностях проведения научных мероприятий; выбор направления внеучебной НИД, закрепление за научным руководителем.

2 этап – теоретический (4 семестр).

Вначале студенты проходят обучение в рамках авторского факультативного курса «Внеучебная научно-исследовательская деятельность студента технического вуза», который ориентирован на подготовку студентов к участию во внеучебной НИД.

Во время и после прохождения обучения в рамках факультативного курса перед студентами ставится задача поиска и генерации идей для проектов (мероприятие «Генератор идей»). В результате накопления и анализа идей происходит их проработка для дальнейшей реализации в качестве проекта (обсуждение идей с представителями науки, предприятий и бизнеса). На основании полученных результатов происходит формирование научно-проектных команд (студенты, научные руководители, представители предприятий и бизнеса). В завершении второго этапа студенты корректируют план развития собственной карьеры, т.к. имеют более четкие представления относительно будущей профессиональной деятельности.

3 этап – проектный (5-7 семестр).

Данный этап начинается с разработки проекта студентами и научными руководителями. В роли тренеров-консультантов выступают представители предприятий и бизнеса. После разработки происходит публичная защита проектов. По результатам защиты проектов появляются замечания, устранив которые, студенты принимают участие в конкурсах грантов (программа «У.М.Н.И.К.» и др.), конкурсах НИР (внутривузовский конкурс «Наука – шаг в будущее» и др.) для поиска финансирования на проведение исследования по проекту и дальнейшую его разработку.

Во время производственной практики студенты направляются на предприятия с целью разработки лабораторного образца проекта для проведения испытаний. С помощью разработанного лабораторного образца проводится научный эксперимент и происходит сбор эмпирических данных.

Студенты приступают к оформлению патента или свидетельства; участвуют в конференциях, выставках, форумах, публикуют статьи.

По окончании третьего этапа и успешного прохождения всех мероприятий студент либо проектная команда могут приступить к практической реализации разработанного проекта на предприятии либо искать инвесторов, партнеров для создания собственного бизнеса.

Контрольно-оценочный этап эксперимента предполагал сравнительный анализ данных констатирующего и формирующего этапов с учетом динамики изменений показателей по каждому компоненту творческих (мотивационному, когнитивному, и деятельностно-практическому) компетенций студентов технического вуза.

Результатом формирующего этапа опытно-экспериментальной работы стало изменение основных показателей сформированности творческих компетенций студентов технического вуза во внеучебной НИД, что явилось следствием реализации предложенной педагогической модели. Данные по компонентам и уровням сформированности творческих компетенций у студентов технического вуза во внеучебной НИД представлены в табл. 1.

Анализ результатов эксперимента, представленных в табл. 1, показывает, что изменения в сформированности творческих компетенций произошли как в экспериментальной, так и в контрольной группах, но в контрольной группе эти изменения менее значительны.

Таблица 1 – Динамика изменения уровней сформированности творческих компетенций у студентов технического вуза во внеучебной НИД

Уровни сформированности творческих компетенций	Констатирующий этап				Формирующий этап			
	КГ		ЭГ		КГ		ЭГ	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Мотивационный компонент								
Минимальный	24	61	24	59	19	49	10	24
Потенциальный	12	31	14	34	14	36	15	37
Оптимальный	3	8	3	7	6	15	16	39
Итого	39	100	41	100	39	100	41	100
Когнитивный компонент								
Минимальный	27	69	29	71	23	59	13	32
Потенциальный	10	26	10	24	11	28	17	41
Оптимальный	2	5	2	5	5	13	11	27
Итого	39	100	41	100	39	100	41	100
Деятельностно-практический компонент								
Минимальный	27	69	28	69	23	59	13	32
Потенциальный	11	28	12	29	13	33	16	39
Оптимальный	1	3	1	2	3	8	12	29
Итого	39	100	41	100	39	100	41	100

Рассмотрим результаты опытно-экспериментальной работы применительно к каждому компоненту творческих компетенций студента.

В ЭГ оптимальный уровень мотивационного компонента творческих компетенций вырос на 32%, потенциальный увеличился на 3%, а минимальный снизился на 35% (с 59% до 24%).

В КГ изменения оказались не такими значительными: на оптимальном уровне рост составил 7%, на потенциальном – 5%, количество студентов с минимальным уровнем снизилось на 12% (с 61% до 49%).

После проведенного эксперимента студенты ЭГ стали в большей мере испытывать профессиональную потребность и функциональный интерес к процессу приобретения новых умений и навыков посредством участия во внеучебной НИД. Они стали чаще интересоваться тенденциями развития науки, плотнее работать с научными руководителями, принимать участие в различных научных мероприятиях, а также участвовать в организации научных мероприятий для студентов младших курсов и школьников. Студенты с интересом участвуют в работе молодежного инновационно-технологического центра (МИТЦ), СНО «Идея», Студенческого научно-проектного Кампуса ПензГТУ. Такие студенты получают удовольствие от процесса внеучебной НИД и понимают его значимость, считают, что все умения и навыки пригодятся им для дальнейшей профессиональной деятельности. Студенты стали принимать участие в разработке проектов, проведении научных исследований, писать статьи по интересующему их материалу, принимать участие в конференциях, и получать удовольствие от процесса деятельности, а не от его результата.

Перейдем к анализу изменений уровневых значений когнитивного компонента творческих компетенций студентов технического вуза.

В ЭГ на конечном этапе эксперимента наблюдаются значимые изменения: увеличение количества студентов с оптимальным уровнем на 22%, прирост студентов с потенциальным уровнем составляет 17% и снижение с минимальным на 39 % (с 71% до 32%). Для большинства студентов ЭГ характерен потенциальный уровень сформированности когнитивного компонента творческих компетенций во внеучебной НИД.

В КГ произошли не столь значимые изменения: количество студентов с оптимальным уровнем увеличилось на 8%, с потенциальным – на 2%, а с минимальным снизилось на 10%. Для большей части студентов КГ (59%) как и в начале эксперимента характерен минимальный уровень сформированности когнитивного компонента творческих компетенций во внеучебной НИД.

Анализ динамики развития когнитивного компонента творческих компетенций у студентов ЭГ позволил нам сделать вывод о том, что проведение факультативного курса «Внеучебная научно-исследовательская деятельность студента технического вуза» и ряд мероприятий способствовали формированию представлений о структуре и этапах разработки проекта, знаний методологии и методов научного исследования, знаний способов апробации результатов научного исследования.

Проанализируем динамику изменения уровней сформированности деятельностно-практического компонента творческих компетенций студентов в ЭГ и КГ.

В КГ произошли не значительные изменения: увеличение количества студентов с оптимальным и потенциальным уровнем составляет 5% по каждому уровню, численность студентов на минимальном снизилась на 10%.

Из таблицы 1 видно, что к концу эксперимента уровень сформированности деятельностно-практического компонента творческих компетенций студентов ЭГ значительно повысился. Так, количество студентов с оптимальным уровнем выросло на 27%, с потенциальным – на 10%, и вместе с тем, что наиболее значимо, количество студентов с минимальным уровнем уменьшилось на 37% (с 69% до 32%). Для большинства студентов ЭГ характерен потенциальный уровень сформированности деятельностно-практического компонента творческих компетенций.

Данные выводы подтверждаются результатами, показанными студентами ЭГ в конце эксперимента: студентами разрабатываются проекты; студенты принимали участие в Программе «УМНИК»; получена поддержка в виде научной стипендии на учебный семестр в рамках проекта по поиску, поддержке и развитию талантливой молодежи «Лифт в будущее»; получена поддержка на реализацию проектов за победу в конкурсе экспериментальных исследовательских проектов учреждения профессионального образования, проводимом Министерством образования Пензенской области; получено 7 патентов на изобретения, 16 – на полезные модели и 1 свидетельство на программу для ЭВМ; студенты приняли участие в смене «Инновации и техническое творчество» Всероссийского молодежного форума «Селигер-2012»; студенты приняли участие во Всероссийской выставке научно-технического творчества молодежи «НТТМ-2011» и «НТТМ-2012», по результатам которой получено 4 диплома «НТТМ» и медаль «За успехи в научно-техническом творчестве» в номинациях «Лучший научно-исследовательский проект» и «Лучший молодежный инвестиционный проект»; студенты приняли участие в научно-практических конференциях внутривузовского, межрегионального, всероссийского и международного уровня; студенты имеют публикации в различных журналах, в том числе из перечня ВАК России; студенты являются победителем Всероссийского конкурса достижений талантливой молодежи «Национальное достояние России»; 1 студент является лауреатом стипендии Президента РФ, 2 – лауреаты стипендии Правительства РФ; 3 студента отмечены Премией Президента РФ по поддержке талантливой молодежи; 2 студента получили стипендию Президента РФ для обучения за рубежом в Национальной инженерной школе Сент-Этьена (Франция) в лаборатории инновационных аддитивных технологий и в Университете Ювяскюля (Финляндия) по направлению «Введение в нанотехнологию и наноэлектронику»; студенты активно принимали участие в мероприятиях МИТЦ ПензГТУ, СНО «Идея», Студенческого научно-проектного Кампуса, отдела подготовки научных кадров ПензГТУ.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ результатов констатирующего и формирующего этапов эксперимента, показывает положительную динамику в развитии каждого компонента творческих компетенций у студентов ЭГ. Это свидетельствует об эффективности разработанной и реализованной нами педагогической модели формирования творческих компетенций у студентов технического вуза во внеучебной НИД.

Список литературы

1. *Вострокнутов Е.В., Разуваев С.Г. Сущность понятия «творческие компетенции» в спектре категориально-понятийного поля педагогики // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2012. – № 2 (117). – С. 13 – 19.*
2. *Вострокнутов Е.В. Содержание и структура творческих компетенций студента технического вуза // Alma Mater (Вестник высшей школы). – М., 2012. – № 3. – С. 59 – 62.*
3. *Вострокнутов Е.В., Разуваев С.Г. Модель формирования творческих компетенций у студентов технического вуза во внеучебной научно-исследовательской деятельности // Педагогическое образование и наука. – М., 2012. – № 1. – С. 89 – 93.*

4. *Корчагина М.В. Формирование готовности к научно-исследовательской деятельности как фактора повышения подготовки будущих педагогов профессионального обучения // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс: Научно-методический журнал. – Пенза: ПГТА, 2013. – № 8 (12). – С. 93 – 98.*

УДК 370.153

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ДЕТЕЙ 5-6,5 ЛЕТ

© ***Е.А. Голоюс,*** *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*

A STUDY ON THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF MORAL CONSCIOUSNESS OF CHILDREN 5-6,5 YEARS

© ***E.A. Goloyus,*** *Penza State University (Penza, Russia)*

Статья посвящена важному вопросу педагогической психологии о выявлении условий и факторов, детерминирующих развитие нравственного сознания в дошкольном возрасте. Автором описываются результаты эмпирического исследования, посвященному развитию нравственного сознания.

Ключевые слова: нравственное сознание, компоненты нравственного сознания, тип родительского отношения, просмотр телевизионной продукции.

The article is devoted to the important issue of educational psychology, identifying the conditions and factors determining the development of moral consciousness in preschool age. The author describes the results of empirical research devoted to the development of moral consciousness.

Keywords: moral consciousness preschooler, components of the moral consciousness, type of parent relations, watching television production.

E-mail: grizli981@mail.ru

Одной из актуальных проблем современного образования является вопрос о развитии нравственного сознания подрастающего поколения. Именно этим обусловлена цель нашего исследования: изучить показатели и факторы развития нравственного сознания детей дошкольного возраста. В отечественной психологии этой проблемой занимались В.В. Зеньковский, Е.В. Субботский, Н.П. Капустин, Л.Н. Антилогова и др. В исследовании мы опирались на деятельностный, личностный и системный подходы, согласно которым, нравственное сознание имеет социальную и культурно-историческую детерминацию и рассматривается как единство трех компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого. Задача заключалась в поиске факторов, которые определяют развитие каждого из компонентов нравственного сознания современного ребенка дошкольного возраста.

В исследовании приняли участие 254 детей, 160 из которых – дети в возрасте 5-6,5 лет, их родители в количестве 80 человек и 14 воспитателей.

Исследование проводилось в несколько этапов. На этапе пилотажного исследования был определен диагностический инструментарий, включивший в себя методики: «Закончи историю» Р.Р. Калинина, «Сюжетные картинки» Р.Р. Калинина, «Подели игрушки» [3]. Кроме того были уточнены вопросы беседы с детьми, вопросы анкеты с родителями, направленные на изучение досуговой деятельности детей.

Второй этап состоял в изучении особенностей развития компонентов нравственного сознания дошкольников. В результате исследования мы обнаружили, что наиболее выраженные диагностические показатели имеет эмоциональный компонент, затем когнитивный, и наименьшее диагностическое значение у поведенческого компонента нравственного сознания.

Для изучения факторов развития отдельных компонентов нравственного сознания мы рассмотрели:

- типы родительского отношения;
- содержание видеопродукции (мультфильмов, предпочитаемых детьми);
- другие виды досуговой деятельности (кроме просмотра ТВ).

В результате изучения родительского отношения (по методике «ОРО» А.Я. Варга, В.В. Столин [2]) общая выборка была поделена на три группы. В первую вошли дети из семей с «желательным» типом родительского отношения, вторую составили дети, родители которых проявляют «допустимое» отношение, и третью группу составили дети, к которым проявляют «недопустимое» отношение.

Деление на три указанных типа родительского отношения было произведено на основе типологии родительского отношения О.А. Белобрыкиной [2], основанной на том, что чистых типов родительского отношения не бывает, гораздо чаще встречаются их сочетания. И именно сочетания тех или иных типов родительского отношения она классифицировала на социально желательное отношение, допустимое и недопустимое отношение к детям.

В сформированных в соответствии этой типологией группах детей, мы сравнили уровни развития компонентов нравственного сознания. Значимыми оказались только различия в уровне развития эмоционального и поведенческого компонента нравственного сознания (t эмп=2.9, при $p \leq 0{,}01$). Уровень развития данных компонентов оказался выше в той группе детей, к которым родители проявляют желательный тип отношения. Таким образом, была выявлена связь между типом родительского отношения и уровнем развития эмоционального и поведенческого компонентов нравственного сознания детей.

Далее нами был классифицирован перечень мультфильмов, которые предпочитают дети (на основе ответов детей и родителей на вопросы анкеты). Классификация была произведена по параметрам:

- страна производитель мультфильмов;
- наличие или отсутствие гендерной ориентации в мультфильме;
- идеи борьбы, соперничества;
- жанр мультфильма;
- количество времени, проводимое за просмотром мультфильмов в день (полтора часа или более);
- наличие или отсутствие контроля со стороны родителей за содержанием мультфильма.

Мы соотнесли полученную классификацию с показателями уровней развития компонентов нравственного сознания. В результате были установлены значимые различия в предпочтениях мультфильмов между группами детей с высоким и низким уровнем когнитивного компонента нравственного сознания. Дети с высоким уровнем когнитивного компонента нравственного сознания смотрят зарубежные мультфильмы, с выраженной гендерной ориентацией и идеями борьбы, соперничества, фантастической тематикой. При этом количество времени, проведенного за просмотром мультфильмов, строго регламентировано, и

родители контролируют содержание видеопродукции. Различия по показателю эмоционального компонента были выявлены только при исследовании различий в юмористических мультфильмах. Дети с высоким уровнем развития эмоционального компонента нравственного сознания выбирают мультфильмы с юмористическим содержанием. Различия по показателю развития поведенческого компонента на этом этапе исследования выявлены не были.

Изучение досуговой деятельности детей показало, что дети с высоким уровнем развития поведенческого компонента нравственного сознания предпочитают творческие виды деятельности (или продуктивные), а также совместные занятия со сверстниками, в то время как дети с низким уровнем развития поведенческого компонента нравственного сознания предпочитают пассивные виды деятельности (например, просмотр ТВ).

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

Родительское отношение оказывается значимым для развития эмоционального и поведенческого компонента нравственного сознания. На развитие поведенческого компонента нравственного сознания влияют занятия продуктивными и коллективными видами деятельности. На развитие когнитивного компонента в большей степени оказывает влияние содержание просматриваемой видеопродукции.

Для изучения влияния просмотра телевизионных мультфильмов определенной тематики на развитие компонентов нравственного сознания дошкольников нами был проведен формирующий эксперимент, в котором участвовало 40 детей в возрасте 5-6,5 лет с низким уровнем эмоционального и когнитивного компонентов нравственного сознания. Далее группа была рандомизирована и поделена на контрольную и экспериментальную.

Родителям экспериментальной группы было предложено реализовывать на протяжении 2 месяцев модель развития нравственного сознания. Данная модель включала увеличение времени проводимого с ребенком для совместных занятий и игр с другими детьми; просмотр видеопродукции не должен был превышать 1,5 часов в день. При этом особое внимание уделялось содержанию мультфильмов. Они должны были обладать следующими характеристиками:

1. мультфильмы с «фантастической» тематикой. То есть в них преобладает воображение, мир «волшебства» противопоставляется реальному миру.

2. мультфильмы, имеющие гендерную направленность, в которых главные герои демонстрируют явно выраженные атрибуты феминности или маскулинности.

3. мультфильмы с элементами борьбы, где четко выражен отрицательный герой, который в конце обязательно наказан.

4. мультфильмы с комическими ситуациями.

5. мультфильмы, должны быть преимущественно зарубежные, так как выше перечисленные условия присутствуют именно в них.

В результате повторной диагностики было установлено, что в экспериментальных группах уровень эмоционального и когнитивного компонентов нравственного сознания детей достиг нижнего предела среднего уровня, в то время, как в контрольных группах значение осталось на прежнем уровне (для оценки значимости изменений применялся U-критерий Манна-Уитни).

Проведенное исследование свидетельствует:

- о неравномерности развития компонентов нравственного сознания дошкольников;

- о преимущественном влиянии типа родительского отношения на эмоциональный компонент нравственного сознания детей;
- о преимущественном влиянии содержания просматриваемой детьми видеопродукции на когнитивный компонент нравственного сознания;
- о преимущественном влиянии досуговой деятельности (коллективной и творческой) на поведенческий компонент нравственного сознания детей дошкольного возраста.

Список литературы

1. *Антилогова, Л. Н. Психологические механизмы развития нравственного сознания личности: дис….. док..псих. н.- Новосибирск, 1999.*
2. *Белобрыкина О.А. Диагностика развития самосознания в детском возрасте. – СПб.:Речь, 2006. – 306 с.*
3. *Головей Л.А., Рыбалко В.Ф Практикум по возрастной психологии: Учеб. пособие – СПб.: Речь, 2002. – 694 с.*
4. *Психология нравственности /Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010. – 508 с.*
5. *Сушкова И.В. Формирование нравственных начал нравственного сознания у детей 6-7-го года жизни в дошкольных образовательных учреждениях: дис..... доктора пед наук. – Елецк, 2006.*

УДК 373.34

АДАПТАЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ ТЕАТРАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

© ***А.Ю. Демина****, Свердловский институт развития образования*
(г. Екатеринбург, Россия)

ADAPTATION OF SCHOOL CHILDREN THROUGH THEATER ACTIVITIES

© ***A.Yu. Dyomina****, Competitor in the department of pedagogy IRO*
(Ekaterinburg, Russia)

В статье анализируется современные тенденции реформы российского образования: новые ФГОС и Закон об образовании для улучшения учебного процесса школьников. Рассматривается школьная адаптация в переходный период из начальной школы в среднюю через театральную деятельность. Анализируя опыт немецкого коллеги Майке Плат, автор предлагает практические рекомендации для педагогов по внедрению в образовательную среду метода театрализации с учетом возможностей российских школ.

Ключевые слова: ФГОС, адаптация, образовательная среда, театральная деятельность, театрализация, развитие личности, социализация.

This article analyzes the current trends of the Russian education reform: the new GEF and the Education Act, in the learning process pupil. We consider the adaptation of school during the transition from primary to secondary school through drama activities. Analyzing the experience of German colleague Mike Plath, the author offers practical advice for teachers to implement the method in an educational environment with the possibilities of staging Russian schools.

Key words: FSES (Federal State Education Standard, Standards of education) adaptation, educational environment, theater activities, staging, personal development, socialization.

E-mail: angelina-demina1@mail.ru

В современных условиях, когда остро стоит проблема выживания, все равно должно измениться отношение людей друг к другу и к миру, в котором живут. Сейчас востребованы новые пути взаимодействия с современным миром. Поэтому на первый план выступает гуманизация общества в целом и человек, как высшую ценность, с его индивидуальными качествами.

Гуманизация современной школы должна быть направлена на развитие личности ребенка, его интересов и потребностей, организовать так образовательное пространство, чтобы помочь ребёнку в самоидентификации, самоопределении, самореализации. Условием самоопределения является ориентация не на познание, не на обладание, а на взаимопонимание, умение общаться.

Все реформы в образовании сегодня направлены на гуманизацию педагогического процесса, а показателем знаний выпускников становится ЕГЭ (Единый государственный экзамен), как особенность современного общества. Но знания, даже хорошо «вызубренные» сегодня, не могут гарантировать стабильность и уверенность в завтрашнем дне для выпускника школы завтра. Объем доступной информации увеличивается постоянно. И гуманистическая миссия современного образования заключается в том, чтобы дать обучающимся практически-ориентированные универсальные знания, которые помогут выпускнику найти опору в современном обществе. Автор считает, что это гуманитарные знания, основанные на междисциплинарном подходе к изучению мира как целостной системы.

Гуманитарное знание помогают в поиске нестандартных решений проблем и нахождение взаимосвязи в жизни через интеллектуально-духовное и предметно-практическое освоение жизни.

К современной системе образования предъявляются новые требования. Введение нового Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) и вариативного базисного учебного плана позволило учесть особенности регионов и возможности образовательных учреждений. В ФГОС обозначен переход от минимума содержания образования к созданию образовательной среды, способствующей личностному развитию и успешной социализации детей.

Новый закон «Об образовании » дополнен формированием личности обучающегося и развитием его индивидуальных и творческих способностей [3].

Внедрение вариативного образования разделило учебные заведения на гимназии, лицеи, школы, интернаты и расширило возможности выбора учебного заведения для учащихся. Но массовая общеобразовательная школа остается самым востребованным учебным заведением, где обучается смешанный контингент учащихся (одаренные, усваивающие программу и нуждающиеся в коррекционно-развивающем обучении). Такая школа стремится соответствовать стандартам ФГОС, а так же максимально адаптироваться к потребностям учащихся с их индивидуальными особенностями и быть современной. Это требует искать новые формы, методы и средства обучения, совершенствовать учебный процесс и создавать условия для благоприятного вхождения учащихся в школьную действительность и дальнейшее продвижение по ступеням обучения, т.е. решать проблему школьной адаптации.

Школьная адаптация – одна из составляющих социализации учащихся, как процесса усвоения и воспроизведения социального опыта, особенно актуальна в начальной школе, где закладываются учебные основы: умения учиться, отношение к учебе и к школе.

Если ученик вписывается в эти условия, то считается адаптированным к школьной жизни, а благополучная адаптация в школе оказывает важное влияние на

его социализацию. От того, как все сложится, зависит успешная самореализация личности в период обучения в средней и старшей школе и после окончания школы. Адаптированный ребенок, по мнению психолога М. Р. Битяновой, «это ребенок, приспособленный к полноценному развитию своего личностного, физического, интеллектуального и других потенциалов в данной образовательной среде» [1].

Трудно ребенку адаптироваться и в переходный период из начальной школы в среднюю: изменяется социальный статус ученика, переход на кабинетную систему обучения, увеличение количества учебных предметов, появляются новые учителя – предметники, предъявляющих разные требования к своему предмету, усложняются виды внеклассных и внешкольных занятий. Выявить уровень личностного развития школьника и помочь преодолеть трудности переходного периода из начальной школы в среднюю, заставили автора пересмотреть многие педагогические методики.

Особый интерес вызывает опыт немецкой коллеги, а ныне – художественной руководительницы театра молодежных проектов в Германии Майке Плат, которая создала программу «Биографический театр в школе» для детей мигрантов в школе района Нойкельн г. Берлина [2].

Эта программа создана для адаптации школьников при поступлении из начальной школы в среднюю школу. Занятия театральной деятельностью помогают школьникам справиться с трудностями переходного периода, а детям мигрантов – «интегрироваться в обществе», стать «социально включенными» в жизнь другой страны, в совершенстве овладеть языком, стать уверенным в своих возможностях даже поступить в гимназию.

Майке Плат на основе многолетнего опыта разработала методологический подход, который позволяет школьникам создать художественные образы и воплотить свои собственные проблемные ситуации в биографические театральные постановки на школьной сцене. Занятие делятся на 3 части: «Шведский стол» биографических текстов, «Шведский стол» театральных возможностей и «Игровые задачи» и на 3 модуля: Тело, Движение, Выражения. Это помогает актеру на сцене понять без слов режиссера и легко «воплотиться» в общую постановку. Каждый может попробовать роль и актера, и режиссера.

Практика показывает, что использование опыта театральной деятельности зарубежного коллеги, позволяет избежать школьникам множество рисков переходного периода из начальной школы в среднюю. Театральная деятельность, как культурный процесс, воспитывает ребенка в контексте культуры, воплощающей общечеловеческие духовно-нравственные ценности, и должна помочь не только адаптироваться к условиям постоянно меняющегося социума, но и развивать собственную субъективность и свой творческий потенциал.

Несмотря на недостаточность условий для практической реализации концепции театральной деятельности в школе (отсутствие предмета в учебном плане, отсутствие свободного кабинета для занятий), данную задачу автор решает посредством включения театральных инсценировок произведений, изучаемых по программе, на уроках литературного чтения, и во внеурочной работе. Для организации внеурочной театральной деятельности, автору потребовалось объединить для совместной работы всех участников образовательного процесса: учитель-ученик-родитель. Родители – главные зрители и критики всех театральных постановок, помощники в изготовлении необходимых костюмов и декораций.

Для улучшения качественно составляющей образовательного процесса, по мнению автора, необходимо использовать опыт Ассоциации школьных театров

Санкт-Петербурга «Театр и школа», а также учитывать зарубежный опыт, направленный на сглаживание процесса адаптации в переходный период из начальной школы в среднюю через театральную деятельность.

Театральная деятельность – это возможность раскрывать творческую направленность личности, с учетом возрастных и индивидуальных особенностей детей, создание творческой среды, позволяющей увидеть актерские способности и усовершенствовать («отшлифовать» их), предоставить разнообразные формы совместной деятельности, прививать интерес к литературе и театру.

Проблема адаптации заключается не только в том, чтобы обеспечить приспособление младшего школьника к успешному функционированию в образовательной среде через театральную деятельность, но и в способности школьника к дальнейшему психологическому, личностному, социальному развитию.

Список литературы

1. Битянова М. Р. Организация психологической работы в школе. – М.: Совершенство, 1997. – 298 с.

2. Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. "Об образовании в Российской Федерации»

3. Maike Plath. Biografisches Theater in der Schule. PADAGOGIK praxis.2009.160 S. [Электронный ресурс] URL: http://maikeplath.de (дата обращения:14.08.2013).

УДК 372.881.1:373

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАННЕГО БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ[2]

© ***Н.В. Кагуй,*** *Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов (г. Набережные Челны, Россия)*

CROSS-CULTURAL DIALOGUE AS AN INTERDISCIPLINARY TEACHING BASIS IN THE PROCESS OF EARLY BILINGUAL EDUCATION

© ***N.V. Kaguy****, Naberezhnye Chelny Institute of Social and Pedagogical Resources and Technologies (Naberezhnye Chelny, Russia)*

Статья обосновывает актуальность моделирования содержания раннего билингвального образования при переходе к межкультурной парадигме – новой онтологии иноязычного образования современного полилингвального мира глобализации в контексте обучения кросскультурному диалогу как междисциплинарной основы формирования кросскультурной грамотности обучаемых в воспитательно-образовательном процессе, построенном по межкультурным основаниям, при котором происходит личностное переосмысление «чужой»

[2] Работа выполнена в рамках гранта Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований», проект «Раннее билингвальное образование в современном полилингвальном мире глобализации» (регистрационный № 01201365239 в ФГАНУ ЦИТиС).

культуры и развивается готовность осуществлять речевое общение на межкультурном уровне для достижения взаимопонимания/

Ключевые слова: раннее билингвальное образование, кросскультурный диалог, кросскультурная грамотность дошкольника / младшего школьника

The paper motivates the urgency of early bilingual education content designing during transit to intercultural paradigm as a new ontology of foreign languages learning and teaching in polylingual pluralistic global society nowadays in the context of preparation to cross-cultural dialogue as a interdisciplinary basis of cross-cultural competence development of students in the educational process, made up along intercultural directions to personally grasp the idea of "foreign" culture and be ready to communicate at intercultural level to achieve mutual understanding.

Key words: early bilingual education, cross-cultural dialogue, cross-cultural competence of primary / pre-school child

E-mail: kagui-natasha@mail.ru

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской федерации на период до 2020 года» отмечается, что в середине текущего десятилетия российская экономика оказалась перед долговременными системными вызовами, отражающими как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития. Один из таких вызовов – возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития [9] на фоне преодоления противостояния двух противоборствующих тенденций в его развитии, вызванных глобальной трансформацией общества: унификация жизни и стремление к сохранению национально-культурной идентичности [10].

Противоречие между потребностью общества в формировании личности, способной успешно функционировать в глобальном полилингвальном плюралистическом социуме и недостаточным уровнем сформированности межкультурной компетенции обучаемых в современных образовательных учреждениях России, потребовали переориентировать вектор культурологического развития подрастающего поколения от накопления знаний о культурном многообразии мира к развитию готовности к межкультурному / кросс-культурному диалогу и сотрудничеству.

Изучение языка своего соседа по «глобальной деревне» – один из наиболее доступных способов в решении этой глобальной цивилизационной проблемы, задаваемой социальным заказом общества и реализуемой через потенциал разных ступеней образовательной лестницы. Аналитические материалы свидетельствуют, что в условиях все усиливающейся культурной интеграции в эпоху билингвизма [8] одним из инновационных изменений в сфере языкового образования является утверждение межкультурной парадигмы в качестве его новой онтологии (Н.Д. Гальскова, З.Н. Никитенко и др.). Переход к соизучению языка и культуры [20], когда каждое языковое занятие – «перекресток языков и культур» [22] порождают более частое обращение в теории и практике обучения неродным языкам к концепту «билингвальное образование», предполагающего взаимосвязанное и равнозначное овладение обучаемыми двумя языками (родным и неродным), освоение родной/иноязычной культуры, развитие обучаемого как двуязычной и бикультурной (поликультурной) личности и осознание им своей двуязычной/бикультурной компетенции, его подготовку к межкультурной коммуникации посредством использования в качестве основного инструмента образования и самообразования родной и иностранный языки (Н.Д. Гальскова, Н.Ф. Коряковцева, З.Н. Никитенко, Е.В. Мусницкая, Н.Н. Нечаев) [4].

Центральным понятием в методике билингвального образования как «мосту взаимопонимания через реку различий языков и культур» (Н.В. Барышников), выдвигается представление о «вторичной языковой личности», понимаемой как совокупность способностей / готовностей человека к «производству» речевых поступков в условиях аутентичного общения с представителями других культур (И.И. Халеева) [24], т.е. владение как коммуникативной компетенцией, так и межкультурной компетенцией (способность использовать иностранный язык в соответствии с нормами коммуникативной деятельности индивида иной лингвокультурной общности с иной национальной картиной мира) [5, с. 109].

Неудовлетворенность уровнем подготовки выпускников отечественной общеобразовательной школы по иностранным языкам и отступление от принципов глобального образования [12], с одной стороны, и аргументы раннего обучения неродным языкам (политические, экономические, социальные, педагогические, индивидуальные, психофизиологические и др.) в период познания ребенком еще одной языковой системы глобального общества с момента его рождения до поступления в среднюю школу (Н.Н. Ажмякова [23], Н.Д. Гальскова [5], Н.А. Горлова [7], З.Н. Никитенко [5], А.Н. Утехина [23] и др.), с другой стороны, неуклонно повышают рейтинг раннего билингвального образования в глобальном сообществе.

Раннее билингвальное образование современного полилингвального глобального социума – воспитательно-образовательный процесс, состоящий из *трех компонентов*: 1. *образовательно-практического*, направленного на овладение ребенком дошкольного и младшего школьного возраста новой языковой системой посредством усвоения лингвокультурем (комплексных межуровневых единиц содержания обучения языкам, составляющих единство знака, языкового значения и культурного смысла) при одновременном развитии языковой системы родного языка; 2. *развивающего*, характеризующегося рождением в сознании ребенка нового интегрированного представления о материальных и духовных ценностях, своего рода комплекса познавательных средств и знаний о своей, чужой и мировой культуре при вхождении в социокультурное пространство страны изучаемого языка с одновременным повышением степени владения своей национальной культурой и мировой; 3. *воспитательного*, нацеленного на формирование элементарных черт вторичной языковой личности дошкольника/младшего школьника, способной и готовой принимать участие в кросс-культурном диалоге в контексте технологической направленности глобального образования. При рассмотрении концептуальных положений теории и практики раннего билингвального образования необходимо иметь в виду, что речь идет об элементарных / первоначальных умениях, навыках, началах владения компетенциями и основах способностей обучаемых, обусловленных психофизиологическим развитием детей в дошкольном детстве и в начальной школе (младший школьный возраст).

Идея кросс-культурного диалога имеет свою историю. Ее фундамент был заложен в работах М.М. Бахтина [2] и В.С. Библера [3] и представлен как концепция диалога культур. «В области культуры *вненаходимость* – самый могучий рычаг понимания. Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже … . Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом:

между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. … При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [2, с. 334-335]. Е.И. Пассов, основоположник коммуникативного метода в отечественной теории и практики обучения иностранным языкам, определяет диалог культур в процессе иноязычного образования как деятельность иноязычного общения по формуле «культура через язык, язык через культуру» [16, с. 210-212], состоящей в интерпретации «факта культуры, которая как продукт способствует (или не способствует) взаимопониманию» [16, с. 203].

Кросскультурный диалог представителей разных языков и культур – это процесс взаимодействия, при котором происходит не простое усвоение коммуникантамми иных точки зрения и социокультурных знаний и познание иной лингвокультурной действительности, но и их уточнение, исправление, улучшение и обогащение своими собственными идеями, т.е. личностное переосмысление «чужой» культуры для достижения взаимопонимания. Кросскультурный диалог, как и диалог культур, имеет свой *предмет* – взаимоотношения по поводу факта культуры; *единицы* – ситуации на основе ситуативной позиции; *цель и результат* – достижение взаимопонимания; *способы построения* – перцептивный, информационный, интерактивный; *средства построения* – виды понимания (идентификация, проекция, социальная перцепция, эмпатия, каузальная атрибуция); *продукт построения* – интерпретация факта культуры [16, с. 202]; принципы: осознания общности и зависимости одной культуры от другой (в социологическом аспекте); приобретения каждой стороной общения социокультурного статуса субъекта, на чем основано его речевое и неречевое поведение (в социокультурном аспекте); взаимопонимания, основанного на признании чужих ценностей и прав другого на них, уважения (в аксиологическом аспекте); личностного, эмоционального, смыслового контакта, когда оба общающихся приняли ситуацию (в психологическом аспекте) [16, с. 204].

Подготовка к вступлению в кросскультурный диалог и эффективному взаимодействию в нем достигается через овладение детьми содержанием раннего билингвального образования, представленного: 1. сферами речевого общения, составляющими «мир» ребенка дошкольного и младшего школьного возраста; 2. языковым материалом (фонетическим, грамматическим, лексическим; знаниями/правилами его оформления/оперирования им; комплексом речевых умений, характеризующим уровень практического владения иностранным языком как средством общения, в том числе, и в интеркультурных ситуациях); 3. комплексом знаний национально-культурных реалий и особенностей страны изучаемого языка, минимума этикетно-узуальных форм речи и умения пользоваться ими в различных ситуациях на основе ситуативной позиции (социокультурный компонент). [5, с. 110].

Согласно программам начального общего образования по английскому языку (авторы В.В. Сафонова [19], З.Н. Никитенко [15]) социокультурный компонент содержания раннего билингвального образования достаточно хорошо разработан для начальной школы и успешно реализуется. Практически каждая авторская программа для обучения

дошкольников английскому языку включает ознакомление дошкольников со средствами национальной культуры таких англоязычных стран, как Великобритания, США, Канада: фольклором, детской литературой; с культурными реалиями и элементарными культурными и историческими фактами; традициями, обычаями, но не упоминаются Новая Зеландия и Индия, которые также относятся к англоговорящим странам.

В последнее время все чаще стали появляться исследования, посвященные так называемой *невербальной коммуникации*, так как отклонение от принятых в конкретном обществе норм поведения в некоторых случаях могут произвести впечатление вызова, грубости [11]. Представляется, что в содержании раннего билингвального образования, необходимо отразить информацию об особенностях интерпретации жестов представителями разных культур, оформления предложений дискурса (интонационными моделями) и т.д.

Н.В. Барышников подчеркивает, что реальный кросскультурный диалог как форма общения представителей различных языков и культур реализуется с наибольшей полнотой, когда в процессе подготовки к ней значительной место отводится родной национальной культуре. Доминирование в процессе обучения иностранным языкам … иноязычной культуры может сослужить плохую службу изучающим иностранный язык – они окажутся неинтересными собеседниками для потенциальных партнеров по общению [1, с. 32]. Практика констатирует, что обучаемые испытывают затруднения при транслировании своему собеседнику информации о родной региональной культуре средствами иностранного языка в процессе кросскультурного диалога.

Совмещение изучения культур стран родного и изучаемого языков отражает *регионоведение* как обязательная вариативная часть языковой подготовки учащихся. Национально-региональный компонент содержания (НРК) раннего билингвального образования практически не используется в учебно-воспитательной практике начальной школы и дошкольного детства, в отличие от средней и старшей школ, о чем свидетельствуют постоянно публикации на страницах ведущих отечественных специальных журналов.

Стратегическая цель региональных билингвальных образовательных программ – отражать в содержании иноязычного обучения региональную / этническую специфику в соответствии с теоретическими основами иноязычного обучения на определенном этапе развития методической науки [5, с. 156-157]. *Дидактические условия эффективности использования НРК в раннем билингвальном образовании*: квалификация учителя иностранного языка; интегративный / междисциплинарный подход; использование «цепочки» аутентентичных информационных текстов о регионе проживания обучаемых (в устной форме – для ДОУ, в письменной – для начальной школы); модульная организация программы; закрепление положительной мотивации к изучению иностранного языка путем интегрирования в учебный процесс личностно значимых региональных знаний. *Принципы использования НРК содержания раннего билингвального образования*: минимизация; учет региональной специфики; отбор регионально значимых предметов речи, отражающих уникальность региона; последовательное предъявление информации [21].

Стратегия кросскультурного диалога в процессе раннего билингвального образования направлена на развитие у детей кросскультурной

грамотности в результате оказания специально организованного, целенаправленного влияния на них. Кросс-культурная грамотность трактуется: педагогическом аспекте как единство знания культуры другого народа, понимания и позитивного отношения к ней [17, с. 7]; в социально-психологическом ракурсе как сложное системное образование, которое в себя включает знание, понимание, уважение языка, традиций, обычаев и национальной психологии того или иного этноса или народа [13, с. 157]; в методическом контексте как «личностное качество человека, формирующееся посредством проникновения в чужую культуру, наследие, традицию, историю, этимологию; это коммуникативные умения учеников, проявляющиеся в процессе обмена культурного опыта с гражданами другой страны» [14]; с позиций глобального образования – как многомерная многоаспектная структура, которая включает понимание специфики иной культуры в общем представлении, и позитивное отношение к ней [25].

Кросскультурная грамотность дошкольника / младшего школьника, формируемая в процессе раннего билингвального образования – это многосложное целостное свойство личности ребенка дошкольного / младшего школьного возраста, неразрывно связывающее элементарные знания о своей национальной культуре и представления о культуре страны изучаемого языка и мировой, первоначальные умения демонстрировать эти знания в реальном кросскультурном диалоге, основы анализа культурно обусловленных сходств / различий культур с позиций ее носителя и пробуждение желания взаимодействовать на основе выработанного личностного отношения к проявлениям чужой культуры.

Критериями сформированности кросскультурной грамотности в процессе раннего билингвального образования являются: когнитивный (показатели: элементарные знания об особенностях культуры определенного народа – его традициях, ценностях и др.); предметно-деятельностный (показатели: начальные умения использовать традиционные, общепринятые модели поведения в ситуации взаимодействия с представителями отличной от своей национальности); эмоционально-психологический (показатели: основы толерантного позитивного настроя при разработке стратегий поведения с представителями иной культуры в поликультурном социуме) [18].

Таким образом, участие в кросскультурном диалоге с представителями иной языковой общности требует использования междисциплинарного подхода для формирования полной картины мира у обучаемых и интеграции знания как минимум четырех основных предметных областей: 1. иностранного языка как системы; 2. социокульного компонента содержания раннего билингвального образования; 3. комплекса элементарных знаний, умений и навыков невербального общения с представителями других культур; 4. национально-регионального компонента содержания раннего билингвального образования.

Для создания условий для раннего старта в развитии компетенций жителей современного полилингвального глобального социума в XXI веке – детей дошкольного и младшего школьного возраста как человеческого капитала страны, стремящихся к взаимопониманию и сотрудничеству в различных областях, необходимо моделирование раннего билингвального образования в образовательном пространстве дошкольных образовательных учреждений и начальной школы по так называемым межкультурным

основаниям [6, с. 5], в котором кросскультурный диалог становится междисциплинарной основой обучения.

Список литературы

1. *Барышников, Н.В. Параметры межкультурной коммуникации в средней школе / Н.В. Барышников // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 2. – С. 29-32.*
2. *Библер, В.С. Целостная концепция школы диалога культур. Теоретические основы программы / В.С. Библер // Психологическая наука и образование. – 1996. – № 4. – С. 62-68.*
3. *Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / Составитель С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Берштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. – М.: «Искусство», 1979. – 423 с.*
4. *Гальскова, Н.Д. Обучение на билингвальной основе как компонент углубленного языкового образования / Н.Д. Гальскова, Н.Ф. Коряковцева, Е.В. Мусницкая, Н.Н. Нечаев // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 2. – С. 12-16.*
5. *Гальскова, Н.Д. Теория и практика обучения иностранным языкам. Начальная школа: Методическое пособие / Н.Д.Гальскова, З.Н.Никитенко. – М.:Айрис-пресс,2004.–40 с.*
6. *Гальскова, Н.Д. Образование в области иностранных языков: новые вызовы и приоритеты / Н.Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 5. – С. 3-7.*
7. *Горлова, Н.А. Состояние методики раннего обучения иностранным языкам на пороге третьего тысячелетия / Н.А. Горлова // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 4. – С. 10-17.*
8. *Кабакчи, В.В. Английский язык межкультурного общения – новый аспект в преподавании английского языка / В.В. Кабакчи // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 6. – С. 84-89.*
9. *Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://docs.pravo.ru/document/view/14991129/11653483/?from_search=1*
10. *Кукушин, В. С. Общие основы педагогики. Глава 7. Глобализация образования. [Электронный ресурс] / В.С. Кукушин. – Режим доступа: http://www.eusi.ru/lib/kukushin_obsie/7.php*
11. *Лебедева А. Основы межкультурной коммуникации / А. Лебедева // Учитель. –2001. – № 1. – С. 52-56*
12. *Лысенко, В. Философию и практику глобального образования – российской школе. Эпистемич. подход в орг. учеб. процесса, общ. принципы классификации и подбора пробл.-познават. тем для изуч. в гуманист. шк.: История глобал. образования в рос. просвещении XIX-XX вв. / В. Лысенко // Народное образование. – 1994. – N 9-10. – С. 10-16.*
13. *Маркова Н.Г. Кросскультурная грамотность как индикатор межнационального понимания / Н.Г. Маркова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки. – СПб., 2008. – С.156–162.*
14. *Методы формирования кросс-культурной компетентности в процессе исследовательского обучения иностранному языку [Электронный*

ресурс] / А.А. Шахназарова. – Режим доступа: http://www.emissia.org/offline/2012/1736.htm
15. Никитенко, З.Н. Программы общеобразовательных учреждений. Английский язык. 2-4 классы / З.Н. Никитенко. – М.: Просвещение, 2007. – 39 с.
16. Пассов, Е. И. Сорок лет спустя или сто и одна методическая идея / Е.И. Пассов. – М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2006. – 240 с.
17. Рощупкин В.Г. Формирование кросс-культурная грамотности студентов в процессе обучения в педагогическом университете: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Самара, 2009. – 218 с.
18. Санина, М. К. Формирование этнокультурной грамотности волонтеров культурно-спортивной направленности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: специальность: 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования / М.К. Санина. – Волгоград, 2012. – 14 с.
19. Сафонова, В.В. Программа начального общего образования по английскому языку / В.В. Сафонова, Е.Н. Соловова. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 47 с.
20. Сафонова, В.В. Билингвальные образовательные программы как инструмент обновления содержания языкового образования / В.В. Сафонова // Иностранные языки в школе. – 2010. – № 3. – С. 2-3.
21. Тамбовкина Т.Ю. О некоторых принципах построения интегрированного курса «Иностранный язык и регионоведение» / Т.Ю. Тамбовкина // Иностранные языки в школе. – 1996. – № 5 – С.10-13.
22. Тер-Минасова, С.Г. Изучение иностранных языков и культур на университетском уровне/ С.Г. Тер-Минасова // Вестник МГУ. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – № 2. – С. 5.
23. Утехина, А.Н. Межкультурное воспитание младших школьников в процессе обучения иностранному языку: Монография [Текст] / А.Н. Утехина, Н.Н. Ажмякова. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. – 158 с.
24. Халеева, И.А. Основы теории обучения понимания иноязычной речи: подготовка переводчика / И.А. Халеева. – М.: Высшая школа, 1989. – 170 с.
25. Predictors of intercultural communication competence / Richard L. Wiseman, Mitchell R. Hammer, Hiroko Nishida // Elsevier. – Volume 13, Issue 3, 1989, Pages 349-370.

УДК 37.013

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ У СТУДЕНТОВ КАК ЭЛЕМЕНТА ИНТЕГРАТИВНО-АКСИОЛОГИЧЕСКОГО БАЗИСА СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

© ***Ю.В. Слесарев,*** *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

FORMATION OF VALUES OF STUDENTS' ORIENTATION AS AN ELEMENT OF INTEGRATIVE AND AXIOLOGICAL BASIS OF SOCIAL AWARENESS

© ***Y. V. Slessarev,*** *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

В статье рассматриваются теоретические аспекты формирования ценностной ориентации как элемента интегративно-аксиологического базиса социальной компетентности у студента в процессе обучения в системе высшего образования.

Ключевые слова: социальная компетентность, аксиологический базис, ценностная ориентация, нравственность, организационное поведение.

Some theoretical aspects of values formation as an element of integrative and axiological basis of students' social awareness during their studies in the system of higher education are under study in the article.

Key words: social awareness, axiological basis, value orientation, morality, organizational behavior.

В современных производственно-рыночных условиях нравственно-воспитательное содержание профессионального образования обуславливает взаимосвязь между определенными качествами студента (выпускника-менеджера) и элементами сложных профессиональных и нравственных способностей необходимых для профессиональной деятельности. Раскрывая сущность и содержание понятия, интегративно-аксиологического базиса формируемого у студента (менеджера) (культура мышления, чувств, речи, поведения, общения, профессиональной этики), исходим из того, что это система создания и восприятия социальных явлений жизни, отношения человека к действительности с точки зрения социально-экономических законов развития личности и общества. Поэтому в структуру понятия нравственность интегративно-аксиологического базиса в качестве слагаемых включаем следующие компоненты: 1) ценностные ориентации; 2) морально-этические (нравственные) нормы 3) культура чувств и общения (психологическая культура менеджера). Структурные компоненты нравственности как элемента интегративно-аксиологического базиса социально – деятельностной компетенции определяются системой взаимосвязанных компонентов, которые применяются в изменении базовых установок (ценностных ориентаций) и мировоззрения студента (специалиста). Менеджер нового типа вносит вклад, в долгосрочное процветание организации используя различные факторы взаимодействия элементов (см. рис. 1.) социально-деятельностной компетентности (как элемента социальной компетентности), включая интуицию, использование потенциала сотрудников, расширение их способностей и самообучения, вариантное организационное поведение для достижения социальных и производственных целей.

Субъект с первых лет жизни усваивает и создает ценностные ориентации, которые формируют его мировоззрение и жизненный опыт. Система ценностных ориентаций есть сложная, самоопределяющаяся система, способная объяснить, почему деятельность индивида инвариантна

относительно ситуации, и зависящая от внешних условий и временных интервалов. Данная система имеет многоуровневую структуру, вершину которой составляют ценности, связанные с идеалами, жизненными целями, социальными установками, профессиональной ориентацией личности. Система ценностных ориентаций не является чем-то абсолютно упорядоченным и неподвижным, она противоречива и динамична, отражает как главные, существенные, стержневые изменения взаимозависимости личности с миром, так и смену текущих в известной мере случайных жизненных ситуаций. Ценностные ориентации можно определить как ориентированную в психике индивида социально-деятельностную компетентностную направленность на достижение конкретного результата. Следует учитывать, что каждый субъект имеет аспекты мотивации деятельности, ряд концептуальных ценностей, занимающих высокое положение в структуре регуляции поведения личности. Каждый вид общественной, социальной деятельности, включая профессиональную, производственную, коллективную, творческую также имеет свои структурные ценностные установки, игнорировать которые субъект не может, но изменяет их в зависимости от собственных уже сложившихся ценностных ориентаций.

В отечественной психолого-педагогической науке термин «ценностные ориентации» появился в 60-е годы XX столетия. С.Л. Рубинштейн, трактуя сознание не только как отражение бытия, но и как практическое отношение к нему, показал, что последнее заключается в выделении им значимых предметов, явлений в форме потребностей и ценностей, которые оказывают влияние на человека, детерминируют его поведение [2, с. 49.]. Проблема ценностных ориентаций В.Н. Мясищевым рассматривается в его концепции психологических отношений. Он понимает отношение человека как «сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях» [1, с. 37.]. Ученый, характеризуя личность как систему отношений человека к окружающей действительности, считает, что отношение к людям, являющееся одновременно их взаимоотношениями, – самое главное и определяющее личность. Избирательность отношений человека проявляется, прежде всего, в эмоционально-оценочном смысле (положительном или отрицательном). Отношения человека характеризуются целым рядом черт: их объективность как реально существующая связь между индивидом и окружающей его действительностью, субъективность (отражение этой связи в сознании индивида), динамичность, избирательность, системность. Будучи детерминированы общественными отношениями, в которых живет индивид, психологические отношения раскрывают психологический аспект общественной сущности человека. Д.Н. Узнадзе рассматривает ценностную ориентацию индивида в своей психологической концепции установки. Д.Н. Узнадзе назвал установкой индивида специфическое «состояние готовности к определенной активности, возникновение которой зависит от наличия следующих условий: от потребности, актуально действующей в данном организме, и от объективной ситуации удовлетворения этой потребности» [3, с. 83]. Понятие «ценностные ориентации», как и понятие «ценность», используется в различных гуманитарных науках, исследующих проблемы ценностей, каждая из которых пользуется его специфическим

определением. При этом в педагогике ставится цель как уяснения особенностей понимания ценностных ориентации в философии, психологии, социологии, так и разработки их общего определения, на которые мог бы опереться педагог-исследователь. Ценности в процессе интериоризации социально- деятельностного и организационного поведения становятся ценностными ориентациями, т.е. личностными идеалами и жизненными установками человека. Полагаем, что понятие «ценностные ориентации», «ценность» формируется через определение характеристик, свойственных формам общественного сознания: значимость, нормативность, полезность, необходимость, целесообразность. Выделяем три фазы формирования ценностной ориентации, а именно:

- первая фаза связывается с вхождением личности в мир ценностей, в мир ценностных отношении (присвоение ценностей общества личностью) и обеспечивает создание ценностного «образа мира». Здесь происходит формирование ценностного отношения к явлениям окружающей действительности, происходит становление и развитие ценностных ориентации личности во всех сферах ее жизнедеятельности;
- вторая фаза – с осмыслением самоценности, что связано с переоценкой ценностей, со становлением собственного «я» (преобразование личности на основе присвоения ценностей). На этой стадии процесса развития ценностного отношения к миру вплетается самосознание, процесс приобретает качественно новые характеристики: большая дифференциация ценностей, их стабилизация;
- третья фаза – с формированием собственной шкалы ценностей, системы ценностных ориентации, проектированием отношений личности к реальной действительности, что обеспечивает формирование «образа будущего». На этой стадии развития процесса ориентации происходит согласование, систематизация и построение иерархии, собственной шкалы ценностей, системы ценностных ориентации личности. Углубление ценностного отношения к окружающей действительности и процесс ориентации приобретают новые характеристики: пространственно-временную трехмерность, ценностные ориентации и самосознание устремляются в будущее – формируется жизненная перспектива субъекта в социуме. Ценностная ориентация на человека порождает устойчивые отношения, выступающие для окружающих людей как качества личности: дисциплина, вежливость, внимательность, честность, совестливость, великодушие, самоотверженность и как обобщающее гуманность. Гуманность понимается как совокупность положительных отношений к другому человеку. Ценностная ориентация на другого человека, на наш взгляд, представляет собой интегративное личностное образование, выражающееся в направленности личности на идею гуманизма, раскрывающуюся через категории достоинства, ответственности, уважения, сочувствия, содействия и характеризующееся переходом от эмоционально-положительной оценки к оценочному суждению, побуждающему активность человека по ее присвоению. Ценностные ориентации, как и ценности в целом, не имеют однозначной трактовки, поэтому мы их понимаем и определяем как социальную установку личности на какие-либо материальные производственные и профессиональные ценности. Мы считаем, что ценностные ориентации, выполняя определенные социальные функции, приспосабливают индивида к данной производственной среде, системе ее норм и ценностей, помогают реализации склонностей человека, его системы знаний и навыков, полученных в результате обучения, обеспечивает гармонизацию внутреннего мира личности, систематизирует его нормы и стереотипы и приводит их в соответствие с

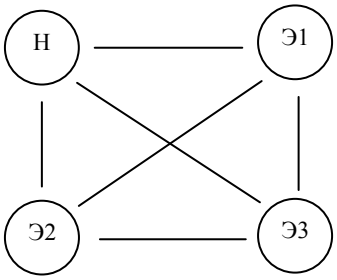
реальностью. В процессе подготовки будущих менеджеров, в первую очередь, рассматриваем ценностное отношение студента (личности) к объективным ценностям общества и в соответствующей корректировке проецируем уже сложившиеся ценностные стереотипы в профессиональную и социальную деятельность. Профессиональная коррекция ценностных ориентаций выражается в осознании и переживании производственных, управленческих процессов, установок и отношений, выраженных в нравственных личностных приоритетах, как потребностей, которые мотивируют настоящее организационное поведение студента и программируют будущую производственно-управленческую деятельность менеджера. На основании вышеизложенного выделяем следующие ценностные ориентации нравственности как элемента интегративно-аксиологического базиса социальной компетентности студентов (выпускников):

- знание и понимание (осознание ценностей, формирование ценностных установок, система ценностного мировоззрения, в том числе производственного и профессионального);
- переживание ценности как потребности (соизмерение и корреляция социальных и профессиональных ценностей, создание новых ценностных отношений и интересов, в том числе производственных и профессиональных);
- мотивация настоящего организационного поведения (необходимость выработки ценностных стереотипов в конкретных профессиональных условиях, нравственные принципы деятельности, эмоциональная основа и оценка различных, в том числе профессиональных, управленческих и производственных ситуаций);
- прогнозирование будущего организационного поведения (детерминанта ценностных ориентаций в производственной среде и стратегия профессиональных ценностей обусловленных личностными и межличностными отношениями в производственном коллективе, изменение ценностных ориентаций в соответствии с изменениями в профессионально-производственной среде).

Рассматривая ценностные ориентации, учитываем фактор недостаточной изученности этой проблемы не только в практике системы высшего образования, но и в целом в педагогической науке. Полагаем, что ценностные ориентации выступят фактором профессионального становления студента (выпускника) формирования его системы профессионально-ценностных ориентаций, социальной компетентности, в плане профессионального сотрудничества и социально-ориентированного профессионального мировоззрения. Однако следует иметь в виду, что ценностные ориентации не могут рассматриваться в качестве единственного и решающего фактора социального и профессионального развития студента, поскольку отдельно не решают проблему нравственного формирования студента (выпускника), а только в совокупности с другими компонентами интегративно-аксиологического базиса социальной компетентности. В этом случае морально-этическая (нравственная) проблематика возникает у менеджера на фоне управленческой деятельности. Ценностная ориентация как элемент интегративно-аксиологического базиса социально – деятельностной компетенции определяется системой взаимосвязанных компонентов, определяемых в изменении базовых установок (ценностных ориентаций) и мировоззрении студента. Выпускник (в частности менеджер) нового типа вносит вклад, в долгосрочное процветание организации, использует различные факторы социальной и профессиональной

взаимосвязи нравственного поведения (см. рис.1) включая интуицию, использование потенциала сотрудников, расширение их способностей и самообучения, вариантное организационное поведение для достижения социальных и производственных целей.

Рассматривая ценностные ориентации как нравственный аспект интегративно-аксиологического базиса студента (выпускника менеджера) и формирование его в структуре социальной компетентности, учитываем не только коллективистские и общекорпоративные нравственные ценности и нормы, но и порядок структурирования личностно-моральных качеств,

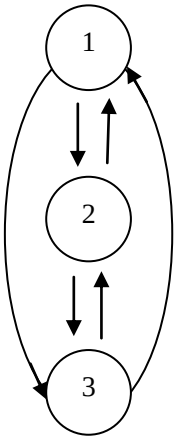


Н – нравственность; Э1 – ценностная ориентация; Э2 - нравственные нормы;
Э3 – культура чувств и эмоции

Рисунок 1. Структурная взаимосвязь компонентов нравственности как элемента интегративно-аксиологического базиса социальной компетентности

нравственных компонентов выпускников, обеспечивающихся сложным и интегрированным процессом обучения (подготовки) в системе высшего образования. Однако следует иметь в виду, что ценностные ориентации не могут рассматриваться в качестве единственного и решающего фактора, поскольку отдельно не решают проблему нравственного формирования выпускника, а только в совокупности с другими компонентами интегративно-аксиологического базиса социальной компетентности. В этом случае морально-этическая (нравственная) проблема возникает у менеджера на фоне управленческой деятельности, то есть моральные критерии, которые сложились у менеджера в процессе, предшествующем его профессиональной и социальной деятельности (социальная среда обитания, процесс обучения и воспитания в ВУЗе, система нравственного мышления) вступают в открытое противоречие с профессионально-производственной средой. В современном менеджменте, профессиональной педагогике и психологии, социологии, проблема нравственных норм менеджера в частности и организации целом рассматривается крайне слабо. Основным профессионально-нравственным принципом работы менеджера, по мнению ученых, является коллективизм, как особое качество профессиональной группы, объединенной на основе ценностно-мировоззренческой и морально-психологической общности и характеризующееся высоким уровнем сознательной дисциплины, взаимного доверия и взаимной помощи. Как подчеркивается в исследовании представителей американской школы менеджмента Дункана У.Д., Питерса Т., Уотермена Р., коллектив – это не просто общность разных людей, обладающих своими индивидуальными способностями. В каждом коллективе вырабатываются собственные морально-этические нормы, установки, ценности, традиции, поэтому управление коллективом – особая и более сложная задача,

чем управление каждым подчиненным в отдельности[4, с. 88; 5, с. 79.]. Осознание необходимости формирования корпоративного коллективного мышления и организационного поведения является фундаментальным для практики японского менеджмента, и этот принцип обосновывается современными западными исследователями Оучи У., Киллен К., Фостер Р., которые утверждают, что именно менеджер должен добиваться приверженности людей общему делу, сплочению работников в рамках формальной организации в которой человек будет значимо проявляться не через операционные навыки и усилия, а через личностные качества [6, с. 286; 7, с. 172; 8, с. 110.]. В российском менеджменте также преобладают западные принципы управления и коллективистские нравственные нормы и критерии, отводя на второй план личностные, нравственно-гуманистические мировоззренческие принципы. Так исследователь Е.Л. Дубко пишет, что в «современных условиях прежние индивидуалистические ценности не заслуживают похвал. И наоборот, всяческие универсалистские и коллективистские ценности находят поддержку в организации. Даже такой тип личности, как «человек организации» (менеджер), продукт корпоративных институтов, стараются рассматривать не в связи с утерянной автономией личности, не как отчаявшегося и покоренного индивидуалиста, а как полезного члена общества» [9, с. 59-63.]. Рассматривая нравственный аспект как элемент интегративно-аксиологического базиса социально – деятельностной, социально-личностной и социально-профессиональной компетентности, учитываем не только коллективистские и общекорпоративные нравственные ценности и нормы, но и порядок структурирования личностно-моральных качеств выпускников, который обеспечивается сложным и интегрированным процессом обучения (подготовки) в системе высшего образования. Структура социально – деятельностной компетенции, интеграционная в образовательный процесс смоделирована в последовательное построение элементов интегративно-аксиологического базиса (см. рис. 2)



1 – нравственность, 2 – толерантность, 3 – организационное поведение

Рисунок 2. Структура элементов интегративно-аксиологического базиса социально-деятельностной компетенции

Поскольку управленческая и корпоративная деятельность неоднородна и проявляется в каждой организации по своему с учетом специфики производства и труда, видим педагогическую задачу – формирование нравственных ценностей,

организацию социальных ролей, производственных функций, приобретение общих нравственно-профессиональных навыков (справедливость, добропорядочность, отзывчивость, уважительное отношение к сотрудникам и выполняемой работе и т.д.), решение которой в ходе педагогической практики позволит сформировать первичные нравственные ценности выпускника социализированые в дальнейшем в нравственные нормы, кодексы организации. Решение данной педагогической задачи, позволит включить студента в сложную сеть априорно заданных отношений, установленных программой профессионального образования менеджера в общей совокупности моральных норм и правил существующих для данной профессии.

Список литературы

1. *Мясищев, В.Н. Психология отношений. Москва-Воронеж, 1995. – 356 с. – С. 37.*
2. *Рубинштейн, С.Л. Проблема способностей и вопросы психологической теории// Хрестоматия по возрастной педагогической психологии. М., 1981. – С.49.*
3. *Экономическая психология / Под ред. И.В. Андреевой - СПб.: Питер, 2001. – 511 с.*
4. *Дункан, У.Дж. Основополагающие идеи в менеджменте: Пер. с англ. М.: «Дело», 1996. - 272 с. – С.88.*
5. *Питерс, Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления. М., 1986. – С. 79.*
6. *Оучи, У. Методы организации производства: Японский и американский подход. М., 1984.- С.286.*
7. *Киллен, К. Вопросы управления. М., 1981. – С.172.*
8. *Фостер, Р. Обновление производства: атакующие выигрывают. М., 1987. – С.110.*
9. *Дубко, Е.Л. Корпоративизм как постмодерническая форма «общественного договора»//Ведомости. Вып.1. Тюмень, НИИПЭ, 1995.- С.59-63.*

УДК 372.8:82

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ КОМИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В МЕТОДИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА ЭТАПЕ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ

© ***О.С. Соловьев***, *Московский государственный педагогический университет (г. Москва, Россия)*

SUBJECT OF COMIC WRITING STUDY IN METHODIC SCIENCE AT PRINCIPAL SCHOOL STAGE

© ***O.S. Solovyev***, *Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)*

Since XIX century the resource teachers had been interested in the subject of comic writing study at school. The system of “comic” concept was formed gradually. The analysis of current school curricula in literature by different authors showed that the skill to operate with theoretical-literary concepts, with regard to “comic” ones, is considered to be the important constituent of pupil reading competence.

Key words: history of comic writing teaching, insufficient development of concept study matters, system of “comic” idea formation, analysis of current school curricula, ways and directions in current methodic science which are considered to be the important constituent of pupil reading competence.

Проблема изучения комических произведений в школе интересовала методистов, начиная с XIX века. Система формирования понятия «комическое» складывалась постепенно. Анализ действующих школьных программ по литературе разных авторов показал, что умение

оперировать теоретико-литературными понятиями, связанными с «комическим», признаются важной составляющей читательской компетенции школьников.

Ключевые слова: система формирования представлений о комическом, анализ действующих школьных программ, пути и направления современной методической науки, составляющие читательской компетенции школьников.

E-mail: soloc85@rambler.ru

В истории методики преподавания литературы проблема изучения комического – одна из довольно значимых, а в отдельные периоды развития методической науки и небесспорных. Так, в XIX веке наметилось противостояние во взглядах на включение комических произведений в содержание школьных программ. Против изучения комических произведений выступали В. П. Скопин, И. И. Срезневский. Скопин считал, что "юмор и тонкая сатира обращаются для учеников в бессмысленное глумление [14, с. 258]. И хотя ученый включает в программы "Недоросля" Д.И. Фонвизина, "Горе от ума" А. С. Грибоедова и басни И. А. Крылова, однако при их изучении он не рекомендует формировать понятие о сатире и юморе. И. Срезневский утверждал категорично, что сатира отрицательно влияет на воспитание молодого поколения: "Чтение писателей должно быть… освобождено от всякой сатиры, карикатуры" [16, с. 20].

Сторонниками изучения комических произведений были В. И. Водовозов, В. Я. Стоюнин, В. П. Острогорский, В. П. Смирновский и др.

Своеобразным было отношение к сатирическим произведениям у В. Я. Стоюнина. Он выступал за их введение в программы, но считал, что к изучению сатиры следует обращаться после того, как "молодому воображению будут переданы и разъяснены "образы прекрасные, идеалы положительные". В этом случае, по мнению ученого, сатирические произведения будут пониматься учащимися не как смехотворные сочинения, написанные для одной потехи читателя" [17, с. 112].

В. И. Водовозов в содержание предлагаемой им программы курса словесности включал "много сатирического". Объяснял он это следующим: "Видно, такова потребность нашего развития, что всякая новая добрая мысль у нас выражается преимущественно в форме сатиры" [3, с. 135]. Чтобы учащийся под влиянием сатирических сочинений не привык относиться ко всему отрицательно, Водовозов рекомендовал преподавателю, чтобы тот, "объясняя смысл сатирического произведения… всякий раз указывал положительную сторону в идеале прекрасного, на котором оно основано" [3, с. 135].

П.В. Смирновский, рассматривая систему чтения, отношение чтения к обучению и воспитанию, отмечал, что наряду с произведениями, выражающими идеалы прекрасного, необходимо изучение и произведений, в которых художественно изображаются «телесные стороны жизни». К таковым произведениям он относил и сатирические [15, с. 175].

В другой своей работе ученый подробно останавливается на особенностях «образцовых комических произведениях» – «Ревизоре» Н.В. Гоголя и «Горе от ума» А.С. Грибоедова, давая образцы разбора [15].

Основоположник этико-эстетического направления в преподавании, В. П. Острогорский считал, что теория словесности должна дать ученикам понятия эстетические, необходимые для образованного человека, в число которых входила и сатира [10, с. 212].

В "Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях" (1890 г.) были включены сатирические произведения (басни И. А. Крылова, И. Хемницера, сатиры А. Капниста, И. Дмитриева, комедия Д. И. Фонвизина, повести, поэма и комедия Н. В. Гоголя). Однако в указаниях относительно практических упражнений отмечалось: "Замечательнейшие из произведений русской литературы с направлением сатирическим, указанные в программе, не могут не быть предметом изучения под руководством преподавателя; но делать сатирические произведения предметом сочинения учащихся отнюдь не следует" [7, с. 224].

Таким образом, в XIX веке в курс русской словесности включаются "замечательнейшие из произведений русской литературы с направлением сатирическим". Цель их введения в программы носит в основном нравственный и эстетический характер. Однако отношение к такого рода произведениям довольно осторожное. В отдельных случаях их введение сопровождается специальными комментариями, которые определяют место их изучения (после произведений несатирической направленности), либо особенности методики работы с ними (не проводить письменных работ на основе сатиры).

В XX веке проблема включения/невключения в курс словесности комических произведений в курс словесности не стоит – сатира получает равные права с серьезными произведениями. Лишь только в отношении неконкретных писателей-сатириков, их произведений возникали споры. В XX столетии обозначились другие проблемы, связанные с изучением комических произведений. Вопросы касались прежде всего методики изучения комических произведений. Во многом особенности этой методики определялись общественным развитием, идеологией, господствующей в обществе. Особенно это касается советского периода развития методической науки.

Среди исследований данного периода, посвященных проблеме изучения комического в школе, особенно выделяются труды М.А. Рыбниковой и В. В. Голубкова, которые утверждают необходимость разбора каждого произведения в соответствии с его темой, жанром, индивидуальным стилем писателя. Так, при изучении "Ревизора" Н.В. Гоголя методисты обращают внимание на характеры героев комедии, ее сатирический смысл. При анализе комических произведений Чехова в центре внимания учителя, по мнению авторов, должны быть способы построения характеристики персонажа".

М.А. Рыбникова эффективным способом осмысления произведения считала разбор содержания в процессе анализа композиции. Ею даны блестящие образцы такого анализа комических произведений, в том числе и произведения А.П. Чехова – "Хамелеон", "Человек в футляре". Особенно интересен урок по разбору рассказа "Хамелеон". Композиционный анализ, построенный как игра с "рассыпанным текстом", позволяет выявить особенности не только содержания, но и формы произведения (средства создания комического). Основные методические приемы при изучении комического, по мысли Рыбниковой, – беседа; выразительное чтение; составление плана; чтение по ролям, который рассматривается как "метод анализа произведений"; инсценировка [12].

Изучение литературы М. А. Рыбникова связывала с развитием речи. И это вполне наглядно представлено при разборе сатирических

произведений. Так, при изучении рассказа Чехова "Человек в футляре" методист предлагает изложение, включающее в себя элементы рассуждения, тема которого сформулирована в виде вопроса: "Какова развязка рассказа "Человек в футляре" и является ли она неожиданной?" [11].

Проблеме изучения юмористических и сатирических произведений в школе значительное внимание уделял в своих работах В. В. Голубков [5], который исследовал художественное мастерство таких творцов комических произведений, как Н.В. Гоголя и А.П. Чехова. В работе, посвященной Чехову, ученый классифицирует рассказы писателя, выделяет три группы: юмористические, сатирические и лирико-драматические и выявляет для каждой из групп наиболее характерные для Чехова художественные средства.

Что касается методики изучения комических произведений, то Голубков рекомендует такие приемы, как сопоставление двух произведений ("сатирический смех М.Е. Салтыкова-Щедрина и юмор Н.В. Гоголя"), выразительное чтение, инсценирование, чтение по ролям, беседа, сочинение в стиле изучаемого произведения, письменный рассказ на аналогичную тему (например, на тему ссоры гоголевских Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, но с современными персонажами).

Вопросам изучения сатирических произведений были посвящены работы современников В.В. Голубкова – А.А. Липаева (А.П. Чехов "Хамелеон"), П.Г. Воробьева (Н.В. Гоголь "Ревизор"; А.П. Чехов "Унтер Пришибеев", "Человек в футляре"), Б. В. Рождественского (М.Е. Салтыков-Щедрин "Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил"). Названные работы отличает идеологический крен; установка на то, что "литература – особая форма идеологии", задача которой "воспитать у школьников коммунистическую нравственность" [7, с. 7]. Именно такой "установкой" программы литературного чтения (1952 г.) и объясняются подходы к изучению сатирических произведений авторами работ.

Приемы, предлагаемые названными выше авторами, в основном традиционны: беседа, слово учителя, выразительное чтение, составление плана.

К данному периоду относятся и методические очерки М.Л. Семановой [13], которая подробно рассматриваются чеховские произведения для классного и внеклассного чтения ("Хамелеон", "Унтер Пришибеев", "Человек в футляре" и другие). По мнению Семановой, жизнь Чехова должна изучаться в неразрывной связи с его творчеством, с формированием и развитием представления о его мировоззрении.

В 60-е годы XX столетия внимание к проблеме изучения комического проявилась вновь. Это было обусловлено интересом к вопросам, связанным с особенностями восприятия художественного произведения. Проблемой восприятия и анализа комических произведений занимались А.М. Докусов, В.Г. Маранцман, А.С. Елеонская, М.Г. Качурин, Е.К. Озмитель, Л.В. Тодоров и др. В это же время появляются методические работы, содержащие подробнейшие рекомендации по изучению отдельных комических произведений Г.К.Бочаров, Е.П. Крупнин, И.М.Орешникова и др. Опираясь на традиции своих предшественников, ученые этого периода основное внимание уделяют путям анализа комического произведения, развитию творческого воображения в процессе изучения юмористических и сатирических произведений.

Начиная с 70-х годов активно ведутся научные исследования, связанные с проблемой изучения комического. Работы Г.И. Даниловой,

А.Р. Крайвановой, В.И. Митрохиной, И.Н. Назимова, Л.В. Новиковой, В.С. Путинцева, посвящены вопросам восприятия и анализа сатирических произведений, методам и приемам формирования понятия о сатире и юморе, читательской восприимчивости к сатире, воспитания средствами сатиры на уроках и во внеклассной работе в старших классах.

А.Р. Крайванова [8], касаясь вопроса об изучении комического в средних классах, отмечает, что на данной возрастной ступени следует только выявлять элементы сатиры и юмора; задача формирования теоретико-литературных понятий, связанных с ними, ставиться не должна. Ученый предлагает дать представление о теме и идейной направленности сатирических произведений. В качестве основного приема работы с комическим произведением называет выразительное чтение.

В.И. Митрохина [9] предлагает в 5–8 классах обобщить накопленные в начальных классах представления о комическом и дать понятие об "элементах" юмористических произведения в соответствии с программой.

Г.И. Данилова [4] считает, что школьники средних классов при изучении комических произведений должны правильно называть основные общественные пороки, высмеиваемые в произведении, видеть несоответствия между словами и действиями героев, находить в тексте такие художественные приемы создания комического, как гипербола и аллегория.

В начале 90-х годов А.В. Белова обращается к проблеме формирования понятия о комическом в 5–7 классах. Но при этом делается акцент только на восприятии и изучении сатирических произведений разных жанров. Исследователь предлагает систему формирования представлений о комическом "построенную с ориентацией на отсутствие инварианта комического, инварианта его восприятия, с учетом возрастных и индивидуально-психологических особенностей школьников" [1, с. 17].

В начале XXI века интерес к вопросам изучения комического в школе также не ослабевает. В связи с изменением общественного устройства в стране, внедрения в учебный процесс новых педагогических технологий появляются новые аспекты в решении проблемы изучения комического.

Так, в начале нового века вышли книги для учителя И.Ю. Бурдиной, Т.В. Рыжковой. И.Ю. Бурдина предлагает систему уроков по изучению творчества писателя со 2-го по 11-ый классы. Достоинство пособия – в оригинальных заданиях различных типов [2].

Т.В. Рыжкова рассматривает рассказы Чехова с позиции их киноинтерпретация на уроках литературы [13].

Диссертационные исследования М.В. Вашуковой посвящена особенностям восприятия и анализа философско-юмористической прозы 60 – 90-х гг. XX века в 11 классе, которая рассматривается на материале произведений С. Довлатова и Ф. Искандера.

В качестве важного этапа исследования традиций изучения комических произведений нами рассматривались действующие программы по литературе, разработанных авторскими коллективами под ред. Г.И. Беленького, под ред. В.Я. Коровиной, под ред. Т.Ф. Курдюмовой, под ред. А.Г. Кутузова, под ред. М.Б. Ладыгина, под ред. В.Г. Маранцмана, под ред. В.Ф. Чертова, под ред. Г.С. Меркина, С.А. Зинина и др. Проведенное исследование позволило нам выявить, что в настоящее время комические произведения входят в содержание всех действующих программ по литературе, имеющих различную концептуальную основу. Содержание

программ направлено на то, чтобы у учащихся формировалось представление о комическом, различных формах его проявления. Большое значение отводится созданию у учащихся представлений о жанрах комических произведений, средствах создания комического. Последовательность освоения тех или иных теоретико-литературных понятий, связанных с категорией "комическое", определяется заложенной в программе концепцией.

Преобладающее значение при знакомстве с комическими произведениями приобретает система поэтапного распределения учебного материала. Содержание большинства школьных программ направлено, в первую очередь, на полноту охвата жанров комических произведений, обладающих наиболее определенными структурно- и формообразующими признаками, яркой силой эстетического и этического воздействия (юмористические и сатирические рассказы русских и зарубежных писателей; сатирические сказки; анекдоты; пародии; комедии). Объем и отбор материала определяется задачей дать понятие о комическом.

Наибольший интерес вызывает программа под ред. В.Ф. Чертова [18]. В данной программе для каждого класса сформулированы ключевые теоретико-литературные проблемы, причем ни одна из них не обходит область постижения идейно-эмоционального содержания и художественной формы произведения, среди которых значительное место отводится комическому.

Уже в 5 классе ученикам дается «начальное понятие о юморе», показывается «соотношение серьезного и комического в рассказе». Полученные на уроках представления о комическом находят «выход» в творчестве учащихся. В 6–7 классах продолжается знакомство с комическим: «комическое и трагическое в рассказе»; «юмористическое произведение», «комическая ситуация»; «средства создания юмористических образов»; «антитеза»; «художественная деталь»; «речевая характеристика»; «своеобразие чеховских рассказов-сценок»; «смысл названия»; «алогизм», «гротеск», «сатира», «комическое».

Таким образом, программа готовит школьников-подростков к восприятию категории «комическое». Сам термин вводится в 7 классе. Практическое применение полученных знаний о комическом, как предписывает программа, реализуется при подготовке выразительного чтения комедии по ролям, написании сочинений, подготовке сообщений (например, о роли гротеска в литературе и других видах искусства») Кроме того, программой предусмотрены практикумы. Так, практикум «Трагическое и комическое в литературном произведении» выводит на «обобщение сведений о трагическом и комическом», позволяет рассматривать такие вопросы: «виды комического»; «сатирический и несатирический комизм»; «сочетание трагического и комического в литературном произведении как отражение противоречивой картины жизни». Все это показывает, насколько серьезно, глубоко подходят составители программы к формированию начального представления о комическом.

В 8–9 классах предполагается углубление представления о комическом («гипербола и гротеск», «трагическое и комическое», «сатирическая повесть», «романтическая ирония»); создание речевых характеристик персонажей; создание пародий на литературные жанры и др. Помимо того, разделе «Литературные жанры в зеркале пародии» (обзор) предусматривается знакомство с «пародией» и ее типами: «бурлеска» и

«травестия», а в специальном обзорном разделе «Традиции смеховой культуры в русской литературе» – закрепление таких теоретико-литературных понятий, как «комическое»; «виды комического: юмор и сатира»; «сатирический и несатирический комизм»; «ирония»; «сарказм». Можно утверждать, что программа под ред. В.Ф. Чертова не только ориентирует на формирование понятия о комическом, но и выстраивает систему работы над формированием данного понятия. Эта работа включает в себя не только непосредственно знакомство с ним на уровне литературы, но и ориентирует на обогащение и развитие этого понятия в самостоятельном чтении учащихся, в процессе их речевой деятельности. Разнообразный и интересный подбор юмористических произведений, взаимосвязь классного, внеклассного, самостоятельного чтения и работы по развитию речи в процессе освоения теоретико-литературных понятий составляют неоспоримые достоинства данной программы.

Таким образом, на основе анализа методических работ и программного материала нами выявлены следующие тенденции в подходе к формированию понятия о комическом в школе:

1. В XIX веке сатирические произведения входили в содержание курса истории и теории русской словесности. Однако "массив" произведений был весьма ограничен. К тому же произведения сатирической направленности не имели "равных прав" с произведениями несатирическими (с ними рекомендовалось знакомить после произведений с "прекрасными идеалами", не давать для самостоятельного чтения ученикам, не проводить на их основе письменные работы). Значительная заслуга методистов XIX века состоит в том, что они ввели произведения сатирической направленности в содержание гимназического курса русской словесности.

2. В XX веке сатирические произведения получают "равные права" с произведениями несатирическими. И это выводит ученых на проблему анализа комических произведений в школе. Поиски в этом направлении ведутся активно и результативно на протяжении всего столетия. Уже в современный период определяются методы и приемы, наиболее эффективные при разборе комических произведений, намечаются пути взаимосвязи классного и внеклассного чтения при их изучении, выявляется роль творческих работ на материале юмористических и сатирических произведений, учеными-методистами в помощь создаются пособия, содержащие образцы анализа комических произведений.

3. Работа в данном направлении продолжается и в постсоветский период. Помимо названных, разрабатываются и другие – более узкие – аспекты проблемы изучения комических произведений на разных этапах литературного образования: восприятие и анализ сатирических произведений, методы и приемы формирования понятия о сатире и юморе, преемственность в изучении комических произведений (начальная школа – основная школа), воспитание средствами сатиры и др.

Все это свидетельствует о важности обозначенной проблемы, о необходимости вести дальнейшие исследования об изучении комических произведений в методической науке.

Список литературы

1. *Белова А.В. Формирование представлений о комическом в литературе у учащихся 5-7 классах: Дисс. канд. пед. наук. – СПб., 1992. – 160 с.*

2. Бурдина И.Ю. Чехов в школе: Книга для учителя. – М., Дрофа, 2011. – 318 с.
3. Водовозов В.И. О воспитательном значении русской литературы // История литературного образования в российской школе: хрестоматия / Авт.-сост. В. Ф. Чертов. – М., 1999. – С.130-135.
4. Данилова Г.И. Формирование и развитие у учащихся понятия о сатире и юморе в процессе изучения литературы в школе: Дисс. канд.пед.наук. – М., 1985. – 213 с.
5. Голубков В. В. Мастерство А.П. Чехова. – М., 1958. – 198 с.
6. Голубков В.В. Методика преподавания литературы. – М., 1938. – 495 с.
7. История литературного образования в школе
8. Крайванова А.Р. Формирование у школьников читательской восприимчивости к сатире при изучении литературных произведений (8–9 кл.): Дисс. канд.пед.наук. – М., 1977. – 216 с.
9. Митрохина В.И. Анализ сатирических произведений в старших классах средней школы (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и сатирических стихотворений В. В. Маяковского: Дисс. к.п.н. – М., 1965. – 368 с.
10. Острогорский В.П. Беседы о преподавании словесности. // История литературного образования в российской школе: хрестоматия / Авт.-сост. В.Ф. Чертов. – М., 1999. – С. 201-214.
11. Рыбникова М.А. «Человек в футляре» А.П. Чехова // Очерки по методике преподавания литературного чтения. – М., 1985. – С. 200-201.
12. Рыбникова М.А. Очерки по методике литературного чтения: Пособие для учителей. – 4-е изд., испр. – М.,1985.
13. Рыжкова Т. В. Рассказы Чехова и их киноинтерпретация на уроках литературы. – М., 2007.
14. Семанова М. Л. Чехов в школе. – М., 1960.
15. Скопин В.П. О преподавании истории русской литературы в среднеобразовательных заведениях // Учитель. – 1866. – Т. 6. № 5/6. – С. 164-175.
16. Смирновский П.В. Теория словесности // История литературного образования в российской школе: хрестоматия / Авт.-сост. В. Ф. Чертов. – М., 1999. – С. 177-185.
17. Срезневский И. И. Замечания об изучении русского языка и словесности в средних учебных заведениях. – СПб, 1871.
18. Стоюнин В.Я. О преподавании русской литературы // История литературного образования в российской школе: хрестоматия / Авт.-сост. В.Ф. Чертов. – М., 1999. – С.105–129
19. Чертов В.Ф. Программы общеобразовательных учреждений. Литература 5-11 классы. – М., Просвещение, 2007.

УДК 615.825

ОСОБЕННОСТИ АКВАТИЧЕСКИХ БЕГОВЫХ ТРЕНИРОВОК В РЕАБИЛИТАЦИОННО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЯХ С ЛЮДЬМИ, ИМЕЮЩИМИ ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ В СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ

© ***Ю.И. Тихонова***, *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*
© ***С.В. Петрунина***, *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*
© ***Е.В.Дворянинова***, *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*
© ***И.А. Кирюхина***, *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*

SOME ASPECTR OF AQUATIC CROSS TRAINING IN REHABILITATION OF DIFFERENT CATEGORIES OF PEOPLE WITH DISABILITIES

© Y.I. Tihonova, Penza State University (Penza, Russia)
© S.V. Petrunina, Penza State University (Penza, Russia)
© E.V. Dvorayninova, Penza State University (Penza, Russia)
© I.A. Kiryuhina, Penza State University (Penza, Russia)

В работе представлены основные аспекты акватических тренировок в двигательной реабилитации людей с отклонениями в функциях опорно-двигательного аппарата. Исследования выявили положительную динамику и положительные результаты от комплекса учебно-методических занятий в водной среде. А также сочетание акватических упражнений и простейших беговых и плавательных действий, позволили улучшить не только функциональное состояние инвалидов, но и способствовали коррекции двигательных действий.

Ключевые слова: акватическая тренировка, плавательные движения, беговые движения в водной среде, люди с ограниченными возможностями, двигательная реабилитация

The paper presents the main aspects of aquatic training in motor rehabilitation of people with disabilities in the functions of the musculoskeletal system. Studies have shown a positive trend and the positive results from the complex teaching classes in the aquatic environment. And the combination of aquatic exercises and simple racing and swimming action improved the functional status of people with disabilities and contributnd to the correction of motor actions.

Key words: aquatic exercise, swimming movements, racing movement in the aquatic environment, people with disabilities, motor rehabilitation.

E-mail: yuliya-69@list.ru, Sweta1974@rambler.ru

Бег по глубокой воде – отличный способ улучшить результаты в беге на суше и сократить число частых травм во время обычных беговых тренировок. Исследования университета в штате Джорджия (США) показали, что четверть мили ходьбы в воде более интенсивнее, чем ходьба одной мили на суше.

При этом ходьба по глубокой воде имеет несколько преимуществ:

- возможность тренироваться во время жаркой погоды;
- возможность тренироваться без повреждения суставов.

В последнее время этот новый нетрадиционный вид тренировки находит все более широкое применение. Водный тренинг с помощью особого плавучего или спасательного жилета и без контакта с дном в бассейне обеспечивает минимум нагрузки на тело, что позволяет спортсмену увеличить число тренировок в течение дня. Сейчас водный тренинг получил в США всеобщее признание. Известный американский бегун Стив Скотт все свои утренние

тренировки проводил в воде. Причем водным тренингом занимаются не только бегуны или прыгуны, но и представители других видов спорта. Пятьдесят процентов легкоатлетов американской сборной на Олимпийских играх в Сеуле использовали бег в воде как дополнение к традиционным видам тренировки.

Американский тренер Дуг Стерн еще в 1970 году рекомендовал использовать бег в воде (не касаясь дна ногами), самому перспективному из своих подопечных, сошедшему с беговой дорожки из-за травмы. Этого студента звали С. Уильямс, позднее он стал спринтером мирового класса (А. Чирков, 2005). В 1990 году Д. Стерн организовал школу бега в воде для реабилитации участников Нью-Йоркского марафона на регулярной основе. С того времени он обучил тысячи бегунов своей системе. Стерн любил делиться мыслями о преимуществах такого бега и способах его освоения. «Вода снимает напряжение с тела, – объясняет Стерн. – Поэтому имеет смысл в случае травмы использовать тренировки в воде для восстановления здоровья, силы и выносливости».

Положение тела для правильного бега в воде сходно с положением на суше. Тело должно быть прямое, без наклона. Ладони рук обращены друг к другу, для того, чтобы легко скользить по воде. Шаг должен быть длинный и плавный. Интенсивная работа рук помогает продвигаться в воде вперед. Необходимо ровно держаться в воде, плечи и шею держать расслабленными. Сохранять вертикальное положение тела – важное и трудное задание, с которым сталкиваются все бегающие в воде.

Использование бега в воде как дополнение к обычной тренировочной программе может дать существенное увеличение в скорости, силе, гибкости, умении сохранять равновесие, но особый прирост наблюдается при развитии выносливости. Чем быстрее спортсмен двигает ногами и руками, тем сильнее сопротивление, а значит более эффективное воздействие на укрепление опорно-двигательного аппарата [1, 2].

Бег в воде характеризуется многими особенностями, которые позволяют не только избежать возникающих перегрузок при отталкивании от опоры, но и способствует ускорению притока крови к сердцу, в отличие от бега на суше, где из-за воздействия сил земного тяготения кровь скапливается в нижней части тела.

Бег в воде может использоваться как процедура, восстанавливающая организм, после интенсивных тренировок на суше в любом виде спорта благодаря все тому же более активному притоку крови к сердцу.

В наших исследованиях использовался комплексный подход, включающий в себя широкий арсенал средств, сочетающих занятия на суше и в водной среде с элементами «искусственной управляющей среды», реализуемых в условиях специализированных тренажерных систем при выполнении циклических локомоторных движений (плавание, ходьба, бег) в процессе специально организованных тренировочных занятиях [1, 2, 3].

В течение двух месяцев с экспериментальной группой инвалидов 2 раза в неделю проводились занятия в водной среде – в бассейне, – с использованием средств силовой и циклической подготовки и системы «регулируемая страховка».

Программа занятий включала в себя общеразвивающие упражнения и шагательные движения в воде, выдохи в воду, открывание глаз в воде, различные погружения в воду. По мере того как инвалиды осваивали простейшие упражнения в водной среде, им предлагались плавательные упражнения, сочетающие скольжение на груди и спине, с предварительным отталкиванием от дна бассейна и с последующими шагательными движениями.

На следующем этапе нами использовалась система «регулируемой страховки» для освоения навыков плавания. Обучение устойчивому горизонтальному положению тела в воде проводилось по традиционной схеме. Занимающиеся надевали спасательные пояса, соединенные с фалом тренажера, и, акцентируя внимание на сохранении равновесия в воде, учились принимать такое положение тела, чтобы центр тяжести тела и центр давления воды на тело совпадали. Для этого использовался методический прием давления на воду верхним плечевым поясом (Т-давления) [Терри Лафин, 1990] Одновременно с этим занимающиеся привыкали опускать голову в воду, выполняя при этом 10–15 таких заданий. После того как занимающиеся научились принимать правильное горизонтальное положение тела в воде, им было предложено освоение движений плавания по элементам: сначала, стоя на дне бассейна, они выполняли движения руками в согласовании с дыханием, затем отрабатывались движения ног в условиях системы регулирующей страховки на месте (кроль на груди, спине).

Следующий этап включал поочередное освоение движений правой и левой рукой, затем выполнялись упражнения в условиях регулируемой страховки – в той же последовательности, что и при обучении с опорой на дно бассейна. После отработки каждого движения в отдельности проводилось обучение согласованным движениям ног с дыханием, рук с дыханием, а также ног и рук с дыханием вместе.

По мере совершенствования согласованности элементов движений изучались плавательные движения в полной координации. Эти задачи решались на первых занятиях в условиях регулируемой страховки.

К концу пятого занятия занимающиеся чувствовали себя в воде более уверенно. В условиях тренировки с использованием «регулируемой страховки», время, отводимое на плавательные задания без тренажера, постоянно увеличивалось. Если с первого по пятое занятие обучение велось только с использованием регулируемой страховки, то начиная с шестого время, отводимое на занятия в воде без тренажера, возрастало: с шестого по десятое занятие оно увеличилось до 20 минут, с десятого по восемнадцатое – до 60 минут.

Следует отметить, что на последних трех занятиях «регулируемая страховка» использовалась для принятия горизонтального положения тела в воде и с целью самоконтроля выполняемых движений при плавании. Результаты проведенного исследования указывают на возможность перспективного использования тренажерного устройства «регулируемая страховка» для обучения плавательным движениям инвалидов (ДЦП).

За период эксперимента, состоящего из 16-18 занятий, испытуемые освоили простейшие плавательные движения и способны были преодолевать без посторонней помощи до 10-15 метров дистанции в водной среде. Обучение в условиях регулируемой страховки показало достаточную эффективность использования этого тренировочного средства в системе занятий с инвалидами (ДЦП).

Учебно-тренировочные занятия в сочетании с силовой и циклической направленностью в водной среде способствовали созданию щадящих условий для работы опорно-двигательного аппарата занимающегося.

Список литературы

1. *Петрунина С.В., Хабарова С.М., Логинов А.А. Биомеханические методы повышения и восстановления двигательных возможностей с*

использованием средств легкой атлетики// Монография. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2012 – 96 с.
2. *Петрунина С.В., Хабарова С.М., Кирюхина И.А. Особенности коррекции двигательных действий у людей с различной патологией в функциях опорно-двигательного аппарата// Международный Научно-исследовательский журнал ISSN 2303-9868, №5 (12) 2013. Часть 3. – С37-39.*
3. *Petrunina S.V., Khabarova S.M., Kiryuhina The basic technology of psycho-social adaptation of disabled people through individual swimming exercises // Europäische Fachhochschule, European Applied Sciences, #2 – 2013, ORT Publishing. Stuttgart, Germany, P.99-100.*

УДК 615.825

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ВЕДЕНИЮ ИМИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

© ***Ю.И. Тихонова,*** *«Пензенский государственный университет» (Пенза, Россия)*
© ***О.В. Попова,*** *«Пензенский государственный университет» (Пенза, Россия)*

FORMATIONS OF READINESS OF STUDENTS TO MAINTAINING A HEALTHY LIFESTYLE BY THEM

© ***Yu.I. Tikhonov,*** *The Penza State University (Penza, Russia)*
© ***O.V. Popova,*** *The Penza State University (Penza, Russia)*

Статья содержит теоретический и практический материал по формированию готовности студентов к ведению здорового образа жизни. Освещены вопросы структуры здорового образа жизни, организационно-педагогических действий для повышения эффективности и представлена модель формирования готовности студентов к велению ими здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровый образ жизни (ЗОЖ), здоровье студентов, составляющие структуры здорового образа жизни, модель готовности студентов к ведению здорового образа жизни.

Article contains a theoretical and practical material on formation of readiness of students to maintaining a healthy lifestyle. Questions of structure of a healthy lifestyle, organizational and pedagogical actions for increase of efficiency are taken up and the model of formation of readiness of students to command of a healthy lifestyle by them is presented.

Key words: the healthy lifestyle (HL), making structures of a healthy lifestyle, health of students, model of readiness of students to maintaining a healthy lifestyle.

E-mail: yuliya-69@list.ru, popova_olga21@inbox.ru

В современном развитии общества в высшей школе наблюдаются важные процессы, направленные на значительное улучшение системы профессионального образования. Отмечаем, что личностно-ориентированная направленность образования студентов позволяет молодежи получить качественное образование и глубокое владение знаниями ведения здорового образа жизни. Формирование готовности к ведению здорового образа жизни студентов стало актуальной задачей, стоящей перед педагогами высшей школы.

Кроме того, сложная политическая и социально-экономическая ситуация в стране и кризисные явления в обществе способствовали изменению мотивации образовательной деятельности у молодежи разного возраста, снизили их творческую активность, замедлили их физическое и психическое

развитие, вызвали отклонения социального характера в поведении. Именно в силу этих важных причин проблема сохранения и укрепления здоровья молодого поколения становится особо важной во всех сферах деятельности человека и особо остро - в образовательной области.

Одной из важных проблем в современном обществе является неспособность многих выпускников вузов быстро адаптироваться в условиях рыночной экономики. Эту проблему еще больше усугубляет низкий уровень психического состояния, физического развития и физической подготовленности выпускников вузов. В настоящее время образовательный процесс в вузе характеризуется стремлением к усовершенствованию учебных занятий, творческому поиску и внедрению авторских программ, новых педагогических технологий и моделей, однако, необходимо отметить отсутствие контроля и учета изменений в состоянии здоровья студентов. Это еще одна из серьезных проблем, связанная с ухудшением здоровья студентов и вызвана она информационной перегрузкой и неблагоприятным воздействием гиподинамии из-за недостатка времени, а в большинстве случаев, из-за нежелания заниматься физической культурой и спортом.

Актуальность и важность исследования проблемы связана с:

- ухудшением состояния здоровья студентов вузов;
- отсутствием у педагогов высшей школы четких ориентиров и реальных возможностей для полномасштабной воспитательной работы с целью сохранения и укрепления здоровья студентов;
- обоснованной универсальной современной педагогической модели оздоровления студентов, реально охватывающей все аспекты их деятельности и направленной на формирования потребности в здоровом образе жизни (ЗОЖ);
- необеспеченностью контроля и учета за состоянием здоровья студентов;
- нежеланием многих студентов к ведению ЗОЖ;
- необходимостью разработки теоретических основ инновационных оздоровительных технологий и их эффективного использования в образовательном процессе вуза.

Исследованием проблемы ЗОЖ и разработкой педагогических технологий и моделей оздоровления студентов занимается целый ряд ученых: Н.А. Агаджанян, М.В. Артюхов, В.И. Бондин, С.Г. Добротворская, В.П. Зайцев, Э.М. Казин, А.В. Карасев, Т.Г. Коваленко, И.Л. Левина, А.В. Лейфа, В.А. Лищук, В.В. Марков, Ю.В. Науменко, С.И. Петухов, Н.А. Рыбачук, Г.К. Селевко, Г.Н. Сериков, С.Г. Сериков, Ю.Н. Синицын, Н.К. Смирнов, А.Г. Трушкин, Ю.И. Тихонова и другие. Рекомендованные учеными педагогические технологии и структурной модели здоровье сбережения позволяют выделить некоторые аспекты формирования потребности в ЗОЖ, однако, в условиях меняющейся социально-экономической ситуации они не в полной мере решают задачи внедрения их в практику.

Проблема здоровья студентов является комплексной и напрямую связана с образом жизни студентов. В связи с чем, она исследована в трудах многих ученых, таких как: Ш.А. Амонашвили, Н.М. Амосов, В.А. Ананьев, Е.Ю. Барзилович, В.С. Безрукова, И.Н. Гурвич, Г.Г. Демирчоглян, В.П. Зайцев, Т.Б. Казаренкова, В.П. Казначеев, Н.А. Корниенко, В.Т. Кудрявцев, А.А. Кудряшова, Я.А. Лещенко, В.Г. Лифляндский, В.Т. Лободин, Л.М. Овчаренко, В.С. Полунин, В.Ф. Протасов, А.Ф. Синяков, Ю.И. Тихонова, В.Ф. Троицкий, и других.

Анализируя большое количество исследований в области здоровья, необходимо отметить, такие факты, как:

- в высшей школе недостаточно внимания уделяют формированию готовности студентов к ведению здорового образа жизни. В образовательный процесс вузов крайне мало внедряют современные педагогические технологии, направленные на воспитание потребности в ЗОЖ и формирование готовности к ведению здорового образа жизни студентов;

- преобладающее большинство преподавателей вузов не являются носителями современных знаний о здоровом образе жизни, в основном из-за недостатка специальных знаний в области «Педагогики здоровья» и недостаточной информированности о новейших оздоровительных технологиях в физическом воспитании студентов.

Актуальность темы исследования обусловлена противоречиями между:

- потребностями сохранения и укрепления здоровья будущих специалистов и особенностями организации образовательно-воспитательного процесса в высшей школе, инициирующими ухудшение здоровья студентов в процессе образовательной деятельности;

- необходимостью профессиональной педагогики в разработке научных подходов в организации обучения и воспитания студентов высшей школы к ведению здорового образа жизни и недостаточным вниманием к решению данной проблемы в процессе высшего профессионального образования;

- формированием готовности к ведению здорового образа жизни студентов на более высоком профессиональном уровне знаний новейших педагогических технологий и недостаточным их применением в теории и практике высшей школы.

Гипотеза исследования состоит в том, что формирование готовности к ведению здорового образа жизни студентов будет более эффективным, если будет:

- обоснована структура готовности к ведению здорового образа жизни;

- создана модель формирования готовности студентов к ведению здорового образа жизни в процессе их профессиональной подготовки;

- выявлены и внедрены в деятельность основные принципы (педагогической целесообразности, гуманистической направленности, непрерывного развития, системности и последовательности, сознательности и активности, комплексного подхода, целостности, самостоятельности), в образовательном процессе которые обеспечивают формирование готовности к ведению здорового образа жизни студентов вуза;

- представлена качественная и количественная оценка готовности студентов к ведению здорового образа жизни, определены критерии, показатели и уровни готовности студентов к ведению здорового образа жизни в условиях целостного образовательного процесса.

В соответствии с гипотезой были поставлены следующие *задачи*:

1. Изучить и проанализировать проблему формирования готовности к ведению здорового образа жизни студентов и выявить ее особенности в воспитательно-образовательном процессе вуза.

2. Экспериментально обосновать теоретико-методологические положения формирования готовности к ведению здорового образа жизни студентов вуза.

3. Определить составляющие готовности к ведению здорового образа жизни студентов вуза, выявить критерии, показатели и средства ее диагностики.

4. Представить модель формирования готовности студентов к ведению здорового образа жизни технологию ее реализации в вузе.

В ходе исследования была использована следующая система методов**:**

- теоретические: анализ философской, социологической, медицинской и психолого-педагогической литературы по проблеме исследования; анализ понятий и терминов этих наук, их систематизация; моделирование процесса по формированию готовности к ведению здорового образа жизни студентов высшего профессионального образования;

- практические: обобщение передового педагогического опыта, анкетирование, интервьюирование, беседа, педагогические наблюдения; анализ вузовской документации, результатов учебной и воспитательной деятельности; анализ психофизических параметров здоровья студентов; метод моделирования ситуации; опытно-экспериментальная работа, включенная в естественный образовательный процесс.

Теоретическая значимость исследования состоит: в уточнении содержания понятий «здоровый образ жизни» и «готовность к ведению здорового образа жизни»; в определении теоретических оснований формирования готовности к ведению здорового образа жизни студентов высшего профессионального образования (предпосылки, принципы, содержание, особенности, пути, средства, критерии); в обосновании разработанной модели формирования готовности к ведению здорового образа жизни студентов высшего профессионального образования.

Практическая значимость исследования заключается в разработке и реализации организационно-методического сопровождения процесса формирования готовности студентов к ведению здорового образа жизни; дидактических средств и методических материалов; программ факультативных курсов: «Социология и педагогика здоровья и здоровый образ жизни», «Концепция формирования готовности студентов к ведению здорового образа жизни», обеспечивающих эффективность профессиональной подготовки студентов.

Необходимо отметить, что проблема готовности студентов к ведению здорового образа жизни рассматривается нами, как *сложное интегральное состояние личности*, обладающая наличием знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления оздоровительной деятельности.

Здесь выделяем основные факторы, определяющие здоровье, к которым относятся:

- совокупность физических и психических способностей, которыми обладает организм человека - его жизнеспособность;

- целостное многомерное динамическое состояние в процессе реализации генетического потенциала в условиях конкретной социальной и экономической среды, позволяющие человеку в различной степени осуществлять его биологические и социальные функции.

На основании вышеизложенного, здоровый образ жизни и педагогическая деятельность по его формированию изучаются нами системно, поскольку нельзя без глубокого и всестороннего анализа, без четких и ясных методических разработок раскрыть содержание здорового образа жизни, его структуру, элементы которой связаны и взаимообусловлены.

Необходимо отметить, что, учитывая и моделируя совокупность всех внешних и внутренних факторов жизни человека, появляется возможность построить систему управления формированием готовности человека к ЗОЖ. Мы полагаем, что, воздействуя на механизмы здоровья путем моделирования

совокупности этих внешних и внутренних факторов и индивидуального образа жизни, мы моделируем принятие человеком ЗОЖ.

Анализ психолого-педагогической, социологической, философской и медицинской литературы по проблеме здоровья показал:

1. Здоровье является фундаментом полноценного существования и жизнедеятельности человека, условием его гармоничного развития как личности.

2. Здоровье есть категория интегральная, включающая все аспекты природы человека (биологические, психологические, социальные, духовные).

3. Здоровье как состояние и процесс обусловлено развитием общества, его духовно-нравственным состоянием. Здоровье есть категория не только биологическая, но и глубоко социальная и психологическая, регулируемая и управляемая как социальными институтами, так и самой личностью. Поэтому сохранение и укрепление здоровья студенческой молодежи является первостепенной и насущной потребностью общества.

Деятельность по ведению ЗОЖ, включенная в целостный образовательный процесс вуза, можно представить в виде схемы (рис.1).

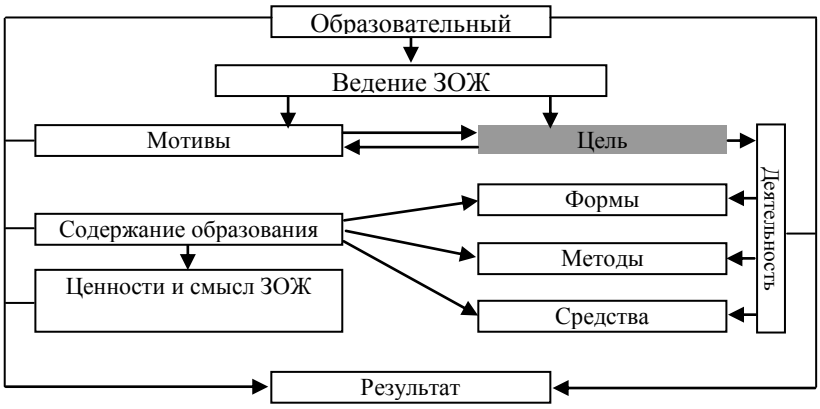


Рисунок 1. Структура деятельности по ведению ЗОЖ в условиях вуза

Нами разработаны и обоснованы показатели, определяющие четыре уровня готовности студентов к ведению здорового образа жизни, а именно:

- ***высокий уровень:*** система управляема, эффективно проводит диагностику здоровьесберегающих показателей студентов. Обеспечен высокий уровень организации элементов системы и осуществления ими своих функций. Используются оптимальные методики и технологии формирования готовности студентов вуза к ведению здорового образа жизни;

- ***выше среднего:*** система управляема, налажена диагностика процесса. Уровень организации элементов системы и осуществления ими функций достаточно высок. Методики и технологии ведения ЗОЖ при работе в соответствии с моделью адекватны решаемым задачам. Система обеспечивает формирование готовности здорового образа жизни;

- ***средний***: система управляется с трудом. Диагностика формирования готовности к ведению здорового образа жизни малоэффективна. Уровень организации элементов системы низок, отдельные элементы не выполняют своих функций. Методики и технологии формирования готовности к ведению здорового образа жизни рутинны и не достаточно эффективны. Система с трудом обеспечивает формирование готовности к ведению здорового образа жизни студентов;

- ***низкий***: система неуправляема. Отсутствует диагностика процесса формирования готовности к ведению здорового образа жизни. Организация элементов системы нарушены, связи с ней ослаблены, значительная часть элементов не выполняет своих функций. Методика и технологии воспитания готовности к ведению здорового образа жизни устарели. Система не обеспечивает формирование готовности к ведению здорового образа жизни студентов.

На основе анализа педагогических идей, концепций, подходов и теорий, ориентированных на формирование гармоничной личности, духовно и физически развитой, а также существующих педагогических здоровье сберегающих технологий и собственного опыта в системе ВПО нами разработана модель формирования готовности к ведению здорового образа жизни студентов ПГУ.

Разработанная модель нацеливает студентов на:

- формирование знаний у студентов о важности двигательной активности для здоровья человека, о правильном питании, о, методах закаливания, о вредных привычках и их отрицательном влиянии на здоровье, о заболеваниях и методах их профилактики, о санитарно-гигиенических нормах и правилах;

- развитие познавательной активности и самостоятельности студентов в области здоровья, интереса к здоровому образу жизни; положительного отношения к людям, занимающихся своим здоровьем и непосредственно физической культурой и спортом, мотивационной установки на здоровый образ жизни;

- воспитание культуры здоровья у студентов, культуры бытия, культуры питания, экологической культуры, культуры поведения и физической культуры;

- знание студентами особенности функционирования своего организма и здоровья, физических способностей, проблем в поведении, заболеваний и недугов, режима дня и отдыха, черт характера, психологических особенностей;

- развитие умений и навыков ведения здорового образа жизни, эффективно выполнять утреннюю гимнастику (комплекс упражнений), правильного ухода за одеждой и обувью, гигиенические процедуры и виды закаливаний, рационально и правильно принимать пищу, регулярно заниматься физкультурой и спортом;

- воспитание качеств личности, влияющих на укрепление здоровья студентов, коммуникабельности, силы воли и выдержки, трудолюбия, мужества, смелости и решительности, стремления к достижению успехов в своей деятельности;

- соблюдение правильного режима дня и отдыха, санитарно-гигиенических требований, участие в соревнованиях, занятия в спортивных секциях и спортивных клубах, соблюдение правил и принципов здорового образа жизни, участие в научно-практических конференциях и дискуссиях по ЗОЖ, соблюдение режима питания; профилактика различных заболеваний.

Таким образом, проведенные исследования позволили нам сделать следующие выводы:

1. На основе анализа научно-педагогического материала обоснованы основные теоретико-методологические положения и интегральная структура формирования готовности к сбережению здоровья студентов вуза, выявлены особенности и определены тенденции развития педагогики здоровья в высшей школе, определена структура здорового образа жизни, представлены критерии и их уровни в оценке готовности студентов к ведению здорового образа жизни.

2. Разработана и апробирована модель формирования готовности студентов к ведению здорового образа жизни. Реализация которой

способствовала повышению эффективности формирования готовности студентов к ведению здорового образа жизни в реальных условиях образовательного процесса в вузе, повлияла на повышение уровня здоровья у исследуемых, а также на их общую и профессиональную подготовленность, осмысление студентами и педагогами здоровье сберегающего характера организации учебной деятельности, принятию ими здоровья как ценности и готовности реализовывать его в своей настоящей и будущей деятельности для достижений успехов в жизни.

Список литературы

1. *Герчак Я.М. Актуальность инновационных подходов в исследовании влияния физической культуры на формирование здорового образа жизни студентов // Российская культура и цивилизация в современном мире: Сборник научных трудов / Я.М. Герчак. – Новосибирск: Изд-во «Архивариус-Н», 2006. – С. 140-144.*
2. *Герчак Я.М. Здоровье населения как важнейшая категория уровня развития современного общества // Современные тенденции развития мировой культуры и цивилизации: культура, образование, экономика. – I часть: Материалы международной научно-практической конференции 9-11 марта 2007 г. / Я.М. Герчак. – Новосибирск, «Архивариус-Н», 2007. – С. 174-180.*
3. *Куценко Г.И., Новиков Ю.В. Здоровый образ жизни. – М., 2010. – 215 с.*
4. *Полосов А.Д. Критерии здорового образа жизни. – Сб., 2011. – 122 с.*

УДК 37.01:802
Я 80

ТЕХНОЛОГИЯ «ЯЗЫКОВОЙ ПОРТФЕЛЬ» КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ УМЕНИЙ И КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ (НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ 051000.62)

© ***О.Н. Ясаревская***, *Пензенский государственный технологический университет (Пенза, Россия)*
© ***Е.В. Прелова***, *Пензенский государственный технологический университет (Пенза, Россия)*
© ***Д.П. Ясаревская***, *Пензенский государственный технологический университет (Пенза, Россия)*

“LANGUAGE PORTFOLIO” TECHNOLOGY AS A MEANS OF STUDENTS’ LANGUAGE SKILLS AND COMPETENCES DEVELOPMENT (MAJOR 051000.62)

© ***O.N. Yasarevskaya***, *Penza State Technological University (Penza, Russia)*
© ***Ye.V. Prelova***, *Penza State Technological University (Penza, Russia)*
© ***D.P. Yasarevskaya***, *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

В статье показываются возможности использования технологии «Языковой портфель» для развития языковых умений и компетенций студентов направления подготовки 050800.62. Авторы рассматривают разделы и их содержимое, а также приводят основные виды Языкового портфеля.

Ключевые слова: технология «Языковой портфель», языковые умения, компетенции, модель и типы Языкового портфеля.

Some opportunities of “Language Portfolio” technology usage for students’ language skills and competences development are demonstrated in the article. The authors consider its parts, contents and provide us with the main Language Portfolio types.

Key words: “Language Portfolio” technology, language skills, competences, Language Portfolio models and types.

Пересмотр концепции российского образования определяет в качестве основной задачи развития профессионального образования формирование личности и подготовки специалиста с достаточным уровнем профессионализма, конкурентоспособность которого на рынке труда определяется не только его высокой квалификацией в профессиональной сфере, но и готовностью к решению профессиональных задач в условиях двуязычной коммуникации. Кроме того, переориентация учебного процесса с преподавателя на студента предусматривает новую психологию не только студента, но и преподавателя. Это идеология, которую необходимо формировать на протяжении всей жизни, которая имеет большое значение для любого этапа образовательного процесса [1].

На наш взгляд, одним из способов решения данной проблемы является введение технологии «Языковой портфель» в учебный процесс. На кафедре иностранных языков ПензГТУ была предпринята попытка создания Языкового портфеля для студентов направления 051000.62 (Профессиональное обучение по отраслям, профиль подготовки «Экономика и управление»). Основу Языкового портфеля составили документы Совета Европы:

- «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком» [7];
- «Европейский Языковой портфель» [3].

Первый документ описывает процесс овладения иностранным языком, где дифференцировано разрабатываются основополагающие понятия для процесса обучения/изучения иностранного языка:

- общеобразовательная компетенция;
- коммуникативная компетенция;
- продуктивные и рецептивные умения;
- сферы коммуникации и т.п.

Общеобразовательная компетенция для направления подготовки 051000.62 представлена следующим образом:

1) владение культурой мышления, знание его общих законов, способность в письменной и устной речи правильно (логически) оформить его результаты (ОК-18);

2) способность осуществлять письменную и устную коммуникацию на государственном языке и осознавать необходимость знания второго языка (ОК – 20).

Коммуникативная компетенция включает в себя следующие компоненты: лингвистический, социокультурный, прагматический. Продуктивные и рецептивные умения представлены видами речевой деятельности говорением, письмом, аудированием и чтением.

В системе высшего образования используются две модели Языкового портфеля: британская модель «Европейский Языковой портфель для взрослых обучающихся и обучающихся в системе профессионального образования» [8] и модель «Европейский Языковой портфель для системы высшего образования» [9]. В своем исследовании мы опирались на вариант Языкового портфеля,

разработанный Московским государственным лингвистическим университетом при участии экспертов Совета Европы [4].

Под Языковым портфелем мы понимаем пакет документов, в которых его обладатель в течение длительного периода времени фиксирует свои достижения и опыт в овладении языком, полученные квалификации, а также виды выполненных им работ. В целом Языковой портфель – это инструмент самоконтроля, который выполняет две функции:

- социальную функцию, направленную на фиксацию достижений обучающихся в области овладения иностранными языками, фактами и опытом использования изучаемых языков в межкультурном общении;

- педагогическую функцию, обеспечивающую повышение мотивации, развитие способностей в области овладения языками, повышение качества языковой подготовки, развитие самооценки, формирование автономии обучающегося в учебной деятельности по овладению иностранным языком, способность и готовность к изучению языков на протяжении всей жизни [2].

Языковой портфель для направления подготовки 051000.62 включает три раздела:

1. Языковой паспорт (Language Passport). Данный документ отражает языковые навыки (Profile of Language Skills), таблицу самооценки (Grid for Self-Assessment), информацию об изучении языка и опыта межкультурного общения (Summary of Language Learning and Intercultural Experiences), свидетельства и дипломы (Certificates and Diplomas).

2. Языковая биография (Language Biography). Сюда входят личная информация (Personal Information), таблица самооценки (Grid for Self-Assessment), контрольные листы для самооценки по видам речевой деятельности, при помощи которых можно оценить свои языковые умения общего и профессионально-ориентированного (Self-Assessment Checklists). Все это предусматривает последовательные уровни владения: A1 – «Выживание» (Breakthrough), A2 – «Допороговый» (Waystage), B1 – «Пороговый» (Threshold), B2 – «Пороговый продвинутый» (Vantage), C1 – «Высокий» (Effectiveness), C2 – «Владение языком в совершенстве» (Mastery).

3. Досье (Dossier). Здесь помещаются конкретные материалы, свидетельствующие об уровне владения профессионально-ориентированными умениями: планы уроков, лекции, переводы, дипломы, свидетельства об окончании курсов и т.д. Сюда же можно включить информацию о практическом использовании языка и опыте межкультурного общения (Information about Language Experience and Cross-Cultural Communication).

В современной практике преподавания иностранных языков эффективно используются различные виды Языкового портфеля в зависимости от его целевой направленности:

- Языковой портфель как инструмент самооценки достижений учащегося в процессе овладения иностранным языком и уровня владения изучаемым языком (Self-Assessment Language Portfolio);

- Языковой портфель как инструмент автономного изучения иностранного языка (Language Learning Portfolio). Данный вид Языкового портфеля может также варьироваться в зависимости от одноцелевой или комплексной направленности: Языковой портфель по чтению (Reading Portfolio), Языковой портфель по аудированию (Listening Portfolio), Языковой портфель по говорению (Speaking Portfolio), Языковой портфель по письму

(Writing Portfolio), Языковой портфель взаимосвязанного развития видов иноязычной речевой деятельности (Integrated Skills Portfolio);

- Языковой портфель как инструмент демонстрации учебного продукта - результата овладения иностранным языком (Administrative Language Portfolio);

- Языковой портфель как инструмент обратной связи в учебном процессе по иностранному языку (Showcase, Feedback Language Portfolio);

- многоцелевой Языковой портфель, отражающий различные цели в области овладения иностранным языком (Comprehensive Language Portfolio).

Формы работы с Языковым портфелем в практике преподавания иностранного языка в ПензГТУ варьируются в зависимости от поставленной цели обучения, возраста, этапа или уровня овладения иностранным языком, условий обучения, индивидуальных особенностей учащегося и индивидуального стиля учебной деятельности, а также используемых методов и средств обучения. Допускается комбинация указанных видов [6].

Опыт работы с Языковым портфелем по направлению подготовки 051000.62 позволил выделить следующие преимущества данной технологии:

- возможность самостоятельного определения и оценки уровней владения иноязычными компетенциями, достигнутыми в основных сферах речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо);

- самооценка навыков владения иноязычными компетенциями посредством контрольных листов и развитие навыков рефлексии на этой основе;

- наличие условий для перехода к автономной работе обучающихся иностранному языку;

- предоставление студентам достаточной свободы и возможностей выбора в сфере внеаудиторной самостоятельной работы и создание условий для индивидуализации процесса обучения иностранному языку в неязыковом вузе;

- возможность поддерживать у обучающихся заинтересованность в самостоятельном изучении иностранного языка на протяжении всей жизни;

- возможность построения практико-ориентированных и профессионально-направленных моделей Языкового портфеля.

Таким образом, технология «Языкового портфеля» предоставляет обучающимся возможность самостоятельно проследить в динамике свой уровень владения изучаемым языком в течение определенного времени и отразить своеобразную биографию своего языкового и речевого развития. Позволяет в процессе самостоятельной работы над языком «заглянуть в себя» и получить отражение своих способностей, умений, прогресса в изучении языка и культуры, а также раскрыть и показать свои способности в овладении и использовании изучаемого языка за счет возможности представить реальные результаты и личностные продукты своей коммуникативной и учебной деятельности.

Кроме того, как показывает опыт, для эффективной технологизации Языкового портфеля имеются определённые сдерживающие моменты. Изучение опыта внедрения Языкового портфеля в ряде европейских вузов, позволяет выделить объективные и субъективные факторы, затрудняющие внедрение данной образовательной технологии.

К объективным факторам можно отнести:

- сложность проектирования учебного процесса по технологии «Языкового портфеля» при достаточно ограниченной сетке часов по иностранному языку в неязыковом вузе и необходимость индивидуальной работы преподавателя со студентом во внеурочное время;

- недостаточное методическое и технологическое обеспечение Языкового портфеля (например, отсутствие базовой online версии, необходимость внесения поправок в структуру и наполнение стандартных моделей, чтобы сделать Языковой портфель более «дружественным» для пользователя, отсутствие практико-ориентировочных дидактических моделей Языкового портфеля и т.п.) [5].

Среди факторов субъективного характера наиболее значимыми являются:

- наличие определённого психологического барьера, вызывающего у преподавателей нежелание переходить от традиционных форм и методов обучения иностранному языку к инновационной технологии «Языкового портфеля», оптимальная реализация которой требует приложения значительных усилий со стороны преподавателей и студентов;

- негативное отношение к Языковому портфелю у определённой категории преподавателей, обусловленное непониманием его сущности как лингводидактического феномена;

- неадекватность самооценки студентами собственных языковых умений и навыков [5].

Внедрение технологии «Языкового портфеля» в России началось позже, чем в странах Западной Европы, поэтому в российской образовательной системе эта инновационная общеевропейская технология пока еще находится в стадии становления и адаптации. Хотелось бы подчеркнуть перспективность использования технология «Языкового портфеля» как инновационной общеучебной технологии, обеспечивающей развитие продуктивной учебной деятельности и личности студента как субъекта образовательного процесса, а также как эффективное средство формирования навыка самоконтроля.

Список литературы

1. *Байденко В.И. Болонский процесс: проблемы, опыт, решения – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.*
2. *Гальскова Н.Д., Никитенко З.Н. Теория и практика обучения иностранным языкам. Начальная школа. - М.: Айрис-пресс, 2004. – 239 с.*
3. *Европейский языковой портфель. Перевод. – М.: «Еврошкола, 1998.*
4. *Европейский языковой портфель для филологов (преподавателей языка, письменных и устных переводчиков) в 3-х ч. – М.: МГЛУ, 2005.*
5. *Коряковцева Н.Ф. «Европейский языковой портфель для России – новая образовательная технология в области обучения иностранным языкам: Учебное пособие по курсу «Теория обучения иностранным языкам». – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – 154 с.*
6. *Литл Д., Перклова Р. Европейский языковой портфель: Пособие для учителей и преподавателей педагогических факультетов. Перевод. – М., МГЛУ, 2003. - 72 с.*
7. *Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. // Монография/ Под ред. К.М. Ирисхановой – М.: Рема, 2005.*
8. *European Language Portfolio for Adult and Vocational Language Learners, 2002.*
9. *European Language Portfolio for Higher Education, 2002.*

УДК 81.4

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ВЕБ-СЕРВИСА “РЕДУДЛ”

© ***О.Н. Ясаревская,*** *Пензенский государственный технологический университет* (*г. Пенза, Россия*)
© ***П.В. Юртайкин,*** *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

LANGUAGE PECULIARITIES OF ENTERTAINING WEB-BASED SERVICE “REDOODLE”

© ***O.N. Yasarevskaya,*** *Penza State Technological University (Penza, Russia)*
© ***P.V. Yurtaikin,*** *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

Статья посвящена исследованию языковых особенностей лингвистического дизайна с целью создания развлекательного веб-сервиса. Рассматриваются некоторые явления морфологии, стилистики и синтаксиса.

Ключевые слова: языковые особенности, лингвистический дизайн, Интернет, сленг, программирование.

The article is devoted to the research of language peculiarities of linguistic design for developing entertaining web-based service. Some phenomena of morphology, stylistics and syntax are under discussion.

Key words: language peculiarities, linguistic design, Internet, slang, programming.

В наше время трудно недооценить влияние Интернета на нашу жизнь. Сеть непрерывно вторгается в самые разные её области: от банковских операций и заказа продуктов на дом, до личных отношений. Естественно, что это вызывает всесторонние изменения самых различных жизненных аспектов.

Главным средством коммуникации является вербальное общение, а значит, язык в Сети тоже претерпевает изменения. Изучением различных аспектов этих изменений занимаются многие ученые, но наиболее интересным для нас представляются те работы, в которых изучается влияние технических особенностей Интернета (к примеру, гипертекста – основы World Wide Web) на языковые средства. Одним из направлений исследований здесь является, так называемый, «лингвистический дизайн», рассматривающий лексико-синтаксические особенности оформления как внешней, так и внутренней структуры сайтов.

Данный термин был предложен А.А. Атабековой [1]. Её изыскания в области лингвистического дизайна являются основной теоретической базой для нашего исследования. Так же изменяется и язык программистов, постоянно работающих в Интернете.

Целью нашего исследования является изучение англоязычных сайтов, дизайна приложений, а так же литературы по программированию с точки зрения как используемых лексико-синтаксических средств, так и функциональных особенностей.

Используя полученную информацию, мы разработали веб-сервис «Редудл», дающий людям новый способ самовыражения через рисование. Именно данная разновидность приложений была выбрана вследствие своей специфичности и «несетевых» корней явления, которому гипертекстовые возможности Сети дали новую жизнь. При этом, приложений такого типа на рынке представлено совсем мало, и они полны недоработок и неудобств. Используя же современный язык программистов, можно сопровождать

написанный нами код на более высоком уровне. А правильный лингвистический дизайн позволит нам обойти наших немногочисленных конкурентов в этой сфере деятельности.

Интернет представляет собой сложную социотехническую систему. Информация в этой системе представлена в виде большого количества веб-данных, мультимедиа, трехмерных изображений и прочее. Эта система представляет нестабильную, постоянно меняющуюся среду, которая функционирует 24 часа в сутки.

Веб-служба, веб-сервис (англ. *web service*) – идентифицируемая веб-адресом программная система со стандартизированными интерфейсами [3]. Чтобы пользователю было удобно пользоваться веб-сервисом, от сервиса требуется хороший лингвистический дизайн. Управление должно быть лаконичным и не заставляющим читать пользователя много непривычного текста. А чтобы объяснить пользователю все одним словом, нужно быть в курсе тенденций развития языковых средств.

Веб-сервис, цель которого развлечь пользователя, называется развлекательным. Суда так же относятся различные мини-игры, например, в нашем случае – дорисовывание друг за другом. На данный момент данная часть рынка не сильно развита, поэтому наша работа, безусловно, актуальна.

С точки зрения языкового дизайна, нужно учесть простоту и изящность фраз, использованных на страницах сайта и экранах приложения, чтобы не отвлекать пользователя от процесса игры и в то же время сделать элементы интерфейса понятными новичку.

Создавая свой проект, мы реализовывали не просто свои идеи, а идеи художественного общества. Мы общались на специализированных форумах с цифровыми художниками со всего света, чтобы выяснить их предпочтения в инструментах. Отталкиваясь от их опыта и желаний, был разработан уникальный и удобный интерфейс для работы пользователя. Но внешняя часть сайта – это только часть. Другая немаловажная часть сайта – это код. То, что работает на сервере. То, что позволяет одновременно миллионам людей со всего света пользоваться сервисом.

Создавая свое приложение, мы хотели не только узнать новое, сделать что-то полезное для пользователей, но и помочь другим разработчикам, которые могут воспользоваться нашей работой в своих проектах. Но чтобы сделать наш код удобным к использованию другими людьми, нужно написать качественные комментарии к исходникам нашего проекта. Реализовать такое можно, только хорошо погрузившись в среду разработчиков, и изучив их сленг. Основные изыскания по данному вопросу проводились А.А. Атабековой, так что логичным будет далее изложить основные положения с небольшими комментариями [2].

Само понятие «лингвистический дизайн веб-страниц» указывает на то, что из анализа исключена синхронная коммуникация в Сети, или, например, асинхронная коммуникация посредством электронной почты. Объектом исследования являются исключительно веб-страницы [1].

Понятие «лингвистический дизайн веб-страниц» означает комбинацию гетерогенных языковых единиц в целях представления знаний на сайтах Интернет.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что существуют определенные традиции в структурировании знаний на пространстве веб-страниц посредством языкового употребления, которое в то же время

раскрывает этнокультурные и социальные характеристики носителей языка [1]. Данные традиции касаются актуализации грамматической системы, использования стилистических средств и сочетания различных пластов словарного состава языка.

Рассмотрим и прокомментируем некоторые явления в области морфологии, синтаксиса и стилистики.

Прежде всего, следует отметить абсолютную доминанту имен существительных в форме единственного и множественного числа при оформлении главного меню, например, “Investor Information Careers Heritage”. Данный факт отражает общую традицию использования существительных в заголовках.

Далее следует подчеркнуть употребление императивных конструкций при оформлении гиперссылок на пространстве страницы (“Add your thoughts in Abuzz; discuss, ask, answer” (http://www.nytimes.com/)). Императивные конструкции практически постоянно применяются в дизайне ссылок. Чаще всего это ссылки на поиск (Search), связь с создателями сайта (Contact Us), добавление/чтение произведений (write stories/read stories).

В организации высказываний-гиперссылок активно используются личные и притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа (“Our News, Our Brands” (thecoca-colacompany.com/default.asp?pass=on)).

Все это упрощает понимание содержания сайта для конечного пользователя, которому не придется читать длинные тексты, чтобы понять, что хотят от него, и что хочет он.

В современной лингвистике существуют различные концепции метафоры, которые мы не обсуждаем в данной статье и принимаем наиболее традиционное деление метафор на номинативные, стандартные и индивидуальные авторские. Номинативные метафоры используются для прямой номинации, при этом переносный компонент в значении абсолютно утрачен и не воспринимается говорящим и адресатом. Подобные метафоры могут легко дословно переводиться на другие языки и при этом быть понятными всем пользователям независимо от их социально-тематической и профессиональной ориентации. К примеру, на русскоязычных сайтах данные метафоры появляются в результате процедуры: “home page” / домашняя страница, “feedback” / обратная связь, “newsroom/pressroom” / пресс-центр.

Применительно к веб-дизайну данное стилистическое средство способствует унификации Интернет-терминологии, и, как следствие, облегчает процесс ее понимания пользователям различных национальностей.

Причем лексика зачастую не отличается сложностью метафор и разнообразием, следуя тенденции к унификации Интернет-терминологии.

Использование личных и притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа встречается практически повсеместно. В основном, это формы обратной связи (Contact Us), управление и просмотр личного профиля (Your account).

В результате нашего исследования был разработан веб-сервис под названием Редудл (ReDoodle), обладающий простым дизайном и приятным пользователю внешним видом, при этом, использующий самые современные языковые конструкции для работы пользователей. На рисунке 1 представлена часть главной страницы нашего сайта.

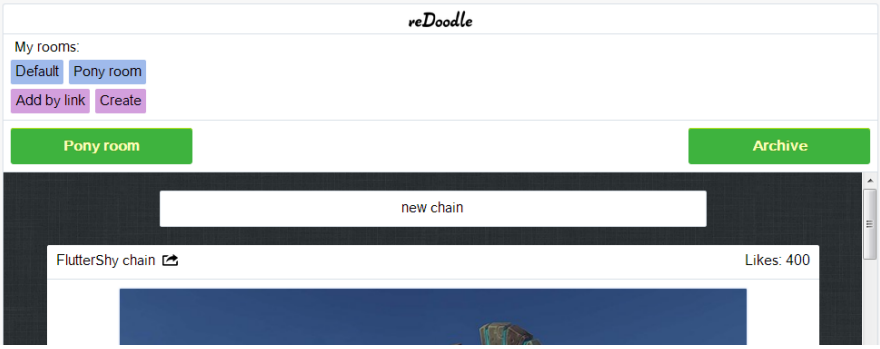


Рисунок 1. Часть главной страницы сайта

В проекте нами использован сленг современных социальных сетей. Использован один только глагол “like” вместо конструкции на подобие “i like it” или “People who like it”. Так же название сервиса написано с маленькой буквы, а большая буква находится посередине слова, это сделано для подчеркивания слова “doodle” в названии.

Императивные конструкции практически постоянно применяются в дизайне ссылок. Например, ссылки на поиск (Search), связь с создателями сайта (Contact Us).

Очень часто для удобства пользователя и красоты дизайна нами используются краткие, емкие фразы, описывающие действие. Это упрощает взаимосвязь с пользователем. Например, на кнопке для сворачивания цепочки мы пишем “in column”. Так же стоит обратить внимание на написание с маленькой буквы. Это отражает стремление языка в сети Интернет к развитию более «разговорного» стиля общения, свойственного чатам и программам мгновенного обмена сообщениями.

Та же тенденция сокращений и использования разговорного сленга наблюдается и в среде программистов, комментирующих свой код. С целью добиться максимального понимания минимальными средствами фразы сокращаются, и используется сленг.

Создавая наш веб-сервис, мы использовали данный сленг, чтобы любой человек, подключенный к Интернету и знающий английский язык, мог зайти на нашу страницу, почитать код и высказать свои мысли по поводу уместности той или иной конструкции, используемой нами. Так же он сможет воспользоваться нашим кодом для создания собственного проекта и оставить нам благодарность. Наш код и наш сервис будут удобны для использования всеми, кто владеет английским языком.

Список литературы

1. *Атабекова А.А. Лингвистический дизайн Web-страниц. – М., 2002.*
2. *Атабекова А.А. Употребление языка в процессе сообщения знаний на пространстве Web-страницы. Сборник научных трудов "Теория коммуникации & прикладная коммуникация". Вестник Российской коммуникативной ассоциации, выпуск 1 / Под общей редакцией И.Н. Розиной. – Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. – 200 с. С. 8-15.*
3. *http://en.wikipedia.org/wiki/Web_service*

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821 801.677

ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА В ЮЖНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

© ***А.Ю. Абушова,*** *Бакинский государственный университет (г. Баку, Азербайджан)*

LITERARY ENVIRONMENT IN SOUTH AZERBAIJAN IN THE SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURIES

© ***A.Y. Abushova,*** *Baku State University (Baku, Azerbaijan)*

В статье рассматриваются вопросы формирования литературной среды в Южном Азербайджане. Определено, что характерные особенности ее связаны с верностью поэтическим традициям средневековья, хотя также наблюдался синтез современных литературных традиций и устного народного творчества. Развитие получили жанры стихосложения, беллетристика, романистика, романтическая поэзия и сатира. Несомненно влияние творчества многих из писателей на последующее развитие творческой художественной мысли в регионе.

Ключевые слова: Южный Азербайджан, вторая половина XIX - начало XX веков, литературная среда, особенности поэзии.

The article deals with the formation of the literary environment in South Azerbaijan. It was determined that the characteristics associated with its fidelity to the poetic traditions of the Middle Ages, although there was also a synthesis of modern literary traditions and folklore. The development received genres of poetry, fiction, romance philology, romantic poetry and satire. Undoubtedly influenced by the work of many of the writers on the subsequent development of creative artistic ideas in the region.

Keywords: South Azerbaijan, the second half of XIX - beginning of XX centuries, literary environment, especially poetry.

E-mail: a.afet_1985@mail.ru

Литературная среда в Иране, в том числе в Южном Азербайджане во второй половине XIX века характеризуется рядом особенностей. Здесь не было сильного влияния сопредельных стран, как это было в случае северного Азербайджана, входившего тогда в состав царской России. Литературное творчество, оставаясь верным поэтическим традициям средневековья, выражалось в создании ценных сборников-диванов. Среди этих сборников выделяется принадлежащий перу Бахару Ширвани, выходца из Северного Азербайджана, который, оставаясь преданным поэтическим традициям диванов, прославился своими касидами и газелями. Художественное творчество этих поэтов нельзя игнорировать, считая это чем-то ненужным с точки зрения общего развития поэзии. К примеру, такие поэты, как Рази, писали мерсийе, которые до сих пор исполняются на поминках; в целом, творчество многих поэтов, связанное с обрядовой мусульманской риторикой, заслуживает самого пристального внимания.

В целом литературная среда в Южном Азербайджане конца XIX – начала XX веков тесно связана, как уже упоминалось выше, с литературной средой всего Ирана в целом. Это связано с тем, что писатели Южного Азербайджана в большинстве своем писали свои произведения как на азербайджанском, так и на персидском языках, они общались со своими

коллегами-персами и т.д. В этом смысле целесообразно рассматривать литературную среду в южном Азербайджане в общем контексте развития литературы по стране в целом.

Таким образом, в указанный период главной особенностью развития литературного художественного творчества был синтез устного народного творчества и письменной литературы в лице ашугской поэзии. Именно эта поэтическая традиция усилила народную тенденцию в азербайджанской литературе и дала тем самым ей новое звучание.

Литературные традиции, свойственные народной поэзии XIX века, были продолжены в лучшем виде Сейидом Абдулкасимом Набати. Исследователи его литературного творчества пишут, что «идейно-художественным источником поэзии Набати является, прежде всего, устное народное творчество. Данный подход свойственен нашей литературе уже давно. В основном используются баяты, народные песни и танцевальные мелодии. Стихи составлены на основе именно мелодики народных песен и танцевальных ритмов. Многие из этих стихов впоследствии стали особой стихотворной формой, даже жанром. Баяты, герайлы, гошма и прочие формы как раз и являются производными от народных форм. Известны в народной среде такие производные от баяты музыкальные формы, как баяты-кюрд, баяты-исфахан, баяты-гаджар, баяты-шираз и др. В подзаголовке знаменитых стихов «Прийти или нет» указано название «Баяты-тюрк»; или же в стихах «Я лишь огонь здесь разжигаю» написан подзаголовок «Кероглу». Понятно, что многие классические азербайджанские стихи основаны, прежде всего, на песенных и танцевальных народных ритмах. К примеру, Молла Панах Вагиф также мастерски использовал возможности устного народного творчества, приблизив тем самым свою поэзию к реальной жизни. Продолжателем этой линии в поэтическом творчестве стал Набати. Набати не только хорошо знал устное народное творчество, но и досконально изучил творчество самого Вагифа. В этом плане творчество Набати своим содержанием и художественными особенностями значительно обогатило сокровищницу азербайджанской литературы» [7, с. 18-19].

Рассмотрим несколько конкретных примеров. Гошма Набати (вид стихотворения) в высшей степени гармоничны и привлекательны по своему содержанию:

Нет мира без тебя для Набати!
Нет славы, уваженья, величья и почета,
Надеяться уж не на что совсем,
Прийти ль на встречу мне, иль не прийти? [там же, с. 242].

В стихах Набати некоторые украшения могут быть довольно простыми, а могут обрамляться многоцветьем смыслов на уровне диванных сборников. Здесь можно провести параллели с литературной школой Физули, с ее характерными чертами. Очарование этих стихов настольков велико, что они легко укладываются в памяти каждого, кто их читал. Они дают человеку истинное наслаждение. Набати также прославился тем, что написал великолепные теснифы. Известен он также своими суфийскими стихами, поскольку некоторое время вел жизнь дервиша. Подобный образ жизни в какой-то степени сроден народному творчеству. Дело в том, что дервишей часто привлекали для совершения обрядов омовения и погребения усопших. При этом исполнялись особые религиозные стихи с траурными нотками и звучанием. Эти стихи впоследствии были названы «мерсие». Эти стихи исполнялись на

поминках, похоронах, на местах погребения святых – пирах, и проч. Исследователи отмечают, что Набати «вошел в круг наиболее известных дервишей, затем стал среди них даже старшим – мюридом. Даже были случаи, когда у него проявлялись сверхспособности» [4, с. 471].

Стихи, которые читались на меджлисах дервишами, создавались по наитию. Они могли стихами продекламировать биографические факты из жизни умершего, причем делать это так жалобно и эмоционально, что приводили аудиторию в экстаз. Не случайно, к примеру, песня, которая как раз и исполнялась на поминках – «Унесли воды Сару» (гераи – стихотворный жанр) до сих пор оказывает на зрителей большое эмоциональное впечатление. Таким образом, фактически поминальные песни исполнялись как баяты, плачи, форма которых была заимствована как раз в устном народном творчестве. В свою очередь, творчество дервишей оказывало обратное позитивное влияние на фольклор. В этом смысле суфийские стихи Набати являются разновидностью таких народных форм творчества, как гошма, теснифы, гераи и проч. Оптимистичность стихов Набати выражается в том, что он воспевает красоту, любовь, дает им определение, воспевает природу, соловьиные трели, красоту цветов и т.д. Однако в суфийских стихах, напротив, видна лишь печаль и страдания по ушедшим дням. Здесь строфы и средства выразительности соответствуют содержанию. В целом творчество Набати являются редкостным сочетанием народности и самобытности, поскольку содержит в себе элементы, как классической поэзии, так и устного народного творчества.

В литературе Южного Азербайджана есть много последователей Набати. Среди них выделяется Мехдибек Шагаги. О нем даже написаны дастаны (устные сказания, составленные ашугами), однако творчество его до сих пор основательно не изучено. Имеется несколько стихов (гошма и газели), автором которых он является. Другой последователь Набати – это Зикри Ардебили. Особенность его творчества состоит в том, что он писал в классическом стиле. Отметим также здесь творчество Мухаммеда Халифы Азиза. Он известен своими политическими стихами о русско-иранских войнах. Большинство его газелей являются подражанием газелям Физули. Несмотря на то, что он писал свои стихи на тебризском диалекте, здесь используется очень мало персидских слов и тем самым сохраняется самобытность азербайджанского языка. Он имеет большие заслуги в неустанной деятельности по распространению и пропаганде азербайджаноязычной литературы в Иране. В особенности это касается его стараний по сохранению многих произведений устного народного творчества.

Здесь стоит также назвать женщин-поэтов, таких, как Пери ханум, Джалали Ханзаде Тебризи, Зиба ханум Ардебили, Агабейим ага и др. Агабейим ага приходится дочерью карабахскому хану Ибрагим-хану. О ее творчестве исследователи пишут, что «даже по двум стихотворениям, которые до нас дошли, видно, что она была талантливым человеком, умело использовавшим в своем творчестве возможности баяты, рифмования строф, так же, как это делали ее современники Закир, Ашуг Пери и др» [3, с. 53]:

Я ашуг, черный сад,

Черная лоза, черный сад.

Пусть раем станет Тегеран,

Не забуду Черный сад [там же, с. 52] (Кара баг в переводе означает Черный сад (в смысле густой).

Большой интерес представляет творчество поэтэссы Хейран ханум:

Душа, такая радостная, стала теперь лежбищем печали.

Разрушилась от горя душа, а была как благоустроенный чертог [6, с.72].

В творчестве Хейран ханум применялось множество поэтических фигур, которые до сих пор используются поэтами для выразительности мысли.

Литературную среду Южного Азербайджана XIX века невозможно представить без творчества Мухаммеда Багира Халгхали. Основу творчества этого поэта составили не только лирические стихи, но и эпический жанр («Тюлькюнаме»). Он умело применял в своем творчестве художественный стиль «месневи», который был использован еще Низами в поэме «Сокровищница тайн». В вышеуказанной поэме «Тюлькюнаме», которая носит аллегорический характер, умело используется противопоставление:

Кто-то возложил на голову венец,
Другой не носит даже и чепца.
Кто хан, а кто – его слуга,
Кто стал султаном, а кто – его вассалом.
Кто весел и смеется без конца,
А кто от горя чернеет тут с лица.
Кто словом может всех сразить,
А кто способен написать, как я, лишь стих [там же, с.90-91].

Гаджи Мехти Шукюхи является одним из ярких представителей литературы XIX века Южного Азербайджана. Его поэзия представлена образцами эпических и лирических стихов. Особенно выразительной является поэма «Меймунийя», которая представляет из себя произведение, написанное в сугубо реалистическом стиле. В этой поэме продолжены классические традиции художественной литературы. Язык поэмы простой, хотя художественная выразительность здесь доведена до совершенства. У него также есть произведения, написанные в стиле ашугской лирики. Основной лейтмотив его творчества – это народность.

Одним из продолжателей литературных традиций Набати является Андалиб Гараджадаги. Его творчество также основано на народных истоках. В народном стиле им написана поэма «Гиссеи Лейли и Меджнун», о русско-иранской войне. Он – также автор многих касид и газелей, а также гошмы и гераев. Он писал стихи в стиле «гейдари», когда к двустишию делаются добавления из шести строк семистопной строфой. Его стихи отличаются простотой и лаконичностью, сильным национальным колоритом, их быстро запоминали и рассказывали на меджлисах. Исследователи подчеркивают, что для того, чтобы создать легкость и выразительность стиха, автор «в своих гошма и гераи использовал внутренние и внешние рифмы, применял метафоры и повторы для раскрытия внутреннего состояния героя» [3, с. 82]. Андалиб Гараджадаги своим творчеством оказал большое влияние на формирование литературного языка, сохранение его чистоты и его обогащения.

Есть еще много ярких имен – это Сюруш по прозвищу «Шэмсюшуэра» («Солнце всех поэтов»), Сейид Рза Сабир, Зияи Ардебили, Мюзтар Табризи, Назим Ардебили, Маил Мирза Гасан Афшар, Дилсуз, Умид Али и др. В основном они писали стихи в стиле классических диванных сборников, а также в стиле ашугского стиха, проявляя тем самым свою связь с народной поэзией.

В творчестве указанных авторов продолжается традиция средневековой персиодской поэзии. Создавались газели, касиды, рубаи, которые, хотя и походили по своему стилю на средневековые образцы, в содержательном плане

уже представляли из себя что-то новое. Они могли выразительно передать новый дух времени периода XIX – XX веков.

Мирза Кязым Гази Аскерзаде Метле (1832-1892) является не только ярким представителем поэтического творчества, но и большим интеллигентом и педагогом. Довольно длительное время он работал в Ереванском консульстве секретарем, здесь он увлекся просветительскими идеями видного азербайджанского деятеля М.Ф. Ахундова. Он также создал для средней школы ряд учебников. Стихи написаны в современном стиле и являются в большинстве своем прекрасным образцом детской литературы:

Сын, сыночек, мой шалун,
Не отставай в уроках.
Учи, чтоб отвечал уроки ты, как соловей,
Пусть больше, меньше – но учи, мой дорогой.
Идет мой сын учиться в школу,
Отучится, достигнет цели он [6, с. 221].

Мирза Али Меджуз также является видным представителем сатирического жанра в азербайджанской литературе конца XIX – начала XX веков. Здесь отражены реалии иранской жизни указанного периода, в особенности азербайджанских провинций. Особое внимание уделялось политической сатире. Особенно внимательно он относился к чистоте родного языка:

«Су» говорила на воду мать,
Но не «аб»!
«Юху» называла мои сны она,
Но не «хаб»!
«Чурек» мне в руки, дав,
Мать не сказала «нан». [7, с. 56]. В первых строках даны слова на родном языке, а параллельно – на персидском.

Среди поэтов указанного периода выделяется, наряду с другими, и Байрамали Аббасзаде, который был последователем знаменитого сатирика начале XX века Мирзы Алекпера Сабира. Его произведения, а также произведения еще одного сатирика, Джаббара Аскерзаде, были своего рода памфлетами на социально-политическую и бытовую жизнь Ирана. [1, с. 117]. Среди представителей художественного слова было и немало талантливых переводчиков, например, Сиггетуль Ислам Мирза, который является автором таких известных книг, как «Книга немых», «Сборник телеграфа», и др.

В литературной среде начала XX века в Южном Азербайджане было немало способных журналистов и литературоведов. Среди них прежде всего следует назвать Таги Руфата Табризи, который печатал свои произведения в таких журналах, как «Азадистан», «Таджаддид», «Данешкеде» и др. Он известен как создатель нового слога в стихосложении [там же, с. 163]. Именно в этот период на сцене театров шли такие пьесы, как «Курбанали Кашани», «Страдающий Джамшид», «Несчастный влюбленный», и др. Тогда же была создана первая опера «Возрождение», которая до сих пор ставится на сценах театров Тебриза.

Одним из известных литературоведов был Мамедали Сафвет. Он был не только поэтом, но и исследователем литературных традиций. Ряд его литературоведческих исследований до сих пор пользуется вниманием в научных кругах. Отметим также творчество лирического поэта Ираджа Мирзы, чьи произведения до сих пор популярны среди иранцев. Оригинально сочетал в себе талант поэта и композитора, вдобавок и

исполнителя песен Ариф Газвини, который за проявленный талант был удостоен чести быть похороненным рядом с могилой Ибн Сины. Именно его литературное наследие способствовало становлению таланта народного поэта Мухаммедгусейна Шахрияра.

Ашраф Гилани и Сарраф (1853-1907) предпочитали работать в сатирическом стиле и стремились усилить в своих произведениях общественные мотивы. Они писали патриотические стихи. Выступали с обращениями к народу в связи с теми или иными событиями. Маранди в своих стихах призывал народ тесно сплотиться вокруг революционного движения Саттархана (стихи «Слышен отовсюду глас народа, пришло твое время, Саттар»). В работах Гайдарчи и Мирзы Кафара Зюнуси раскрываются самые тяжелые стороны жизни азербайджанских крестьян и самоотверженность тебризских революционеров. Схожее содержание было в произведениях Аббаса Аги, Первина Атисамина, Мирзаде Ешгина и других.

Вместе с тем ряд поэтов, таких, как Заир, Пюргям, Мухаммед Ага Гюснан, Раиз, Раджи, Сахави писали в основном стихи на религиозную тематику. В их поэзии, которая была посвящена трагедии шехидов – т.е. павших за веру – воспевалась народная печаль. К примеру, мерсие Абульгасана Раджи «были по форме разнообразными, имели большую художественную и общественную ценность. Здесь слог напоминал журчанье родника, газели – трепет души, в рубаи раскрывалось самое сокровенное в человеческой нравственности, наряду с сугубо индивидуальным звучали и нотки общечеловеческого содержания. Видно, как автор мастерски владеет языком» [2, с. 252-253].

Творчество Раджи оказало сильнейшее воздействие на таких писателей, как Сейид Азим, Сабир, Гусейн Джавид и др. В начале века в Тебризе создается театр, где ставятся пьесы драматургов из Северного Азербайджана, что создало определенный интерес у писателей к драматическому жанру. Среди публицистов своим колоритом выделяется Мирза Алекпер хан Декхуда (1879-1955), один из тех, кто возглавил революционное движение Машруте. Он прославился как автор многотомного (222 тома) издания энциклопедического словаря. Среди писателей заслуженным авторитетом пользовался также Абулькасум Лахути, половину своей жизни проживший в советском Таджикистане.

Творчество перечисленных и других писателей и поэтов Южного Азербайджана, как видно, было многообразным как в жанровом, так и в содержательном плане. На это значительное влияние оказало социально-политическое и экономическое содержание эпохи. Здесь было представлено все: начиная от стихов религиозного содержания, кончая критикой в адрес властей и любовной лирикой. Богатая творческая база, на основе которой творили мастера слова, имела народные корни; стимулом к написанию значительных произведений служили также преобразования в социальной жизни. Развитие получили многие жанры и формы стихосложения, беллетристика, романистика, романтическая поэзия и сатира. Несомненно влияние творчества многих из писателей на последующее развитие творческой художественной мысли в Южном Азербайджане и в Иране в целом.

Список литературы

1. *Антология южно-азербайджанской литературы. Баку: Эльм, 1981, 383 с. (на азербайджанском языке)*

2. *Антология южно-азербайджанской литературы. т. IV. Баку: Эльм, 1994, 404 с. (на азербайджанском языке)*
3. *Касумзаде Ф. История азербайджанской литературы XIX века. Баку: Маариф, 1974, 488 с. (на азербайджанском языке)*
4. *Кочарли Ф. Азербайджанская литература. В двух томах. Том 2. Баку: Эльм, 1981, 460 с. (на азербайджанском языке)*
5. *Пашаев М.Дж., Гусейнов Ф. История азербайджанской литературы XX века. Баку: Маариф, 1982, 427 с. (на азербайджанском языке)*
6. *Хаят Джавад. Взгляд на историю и культуру тюрок. Баку: Азернешр, 1993, 176 с. (на азербайджанском языке).*
7. *Хосров Насир. Шарафнаме. Баку: Эльм, 1997, 180 с. (на азербайджанском языке)*

УДК 821.512.162

ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ В ДРАМАХ АБДУЛЛЫ ШАИГА

© ***Ф.Г. Агамалиева,*** *Бакинский государственный университет (г. Баку, Азербайджан)*

THE PROBLEM OF LITERARY IMAGE IN PLAYS OF A. SHAYIG

© ***F.H. Agamalieva****, Baku State University (Baku, Azerbaijan)*

Азербайджанский драматург Абдулла Шаиг в своих драмах («Эльоглу», «Родина», «Халиф на час» и др.) создал много ярких образов литературных героев. С их помощью автор прививал молодежи любовь к родине, чувство гражданского долга, дружбу, терпение в трудную минуту, упорство. Каждая драма основана на сочетании реальных фактов и фантастичности событий. Отличительной чертой произведений А.Шаига является неустанное стремление к гуманистическому идеалу, что объединяет его творчество с мировой сатирой и драматургией.

Ключевые слова: Абдулла Шаиг, драматургия, азербайджанская детская литература, пьеса, воспитание молодёжи.

Azerbaijani dramatist Abdullah Shaig in his dramas ("Eloglu", "Motherland", "The Caliph for an hour," etc.) has created many striking images of literary heroes. With their help, planted by the youth love of country, a sense of civic duty, friendship, patience in difficult times, perseverance. Each drama is based on a combination of real facts and fantastical events. A distinctive feature of the works of A. Shaig is the relentless pursuit of a humanistic ideal that unites his work with the world satire and drama.

Key words: Abdullah Shaig, drama, Azerbaijani children's literature, play, education of youth.

Жизнь бедняков была одной из основных тем в творчестве А. Шаига. Автор продолжил эту линию и в пьесе «Эльоглу». Как и в других драмах, в данной пьесе развитие образа так же происходит на фоне классовых противоречий. Это – драматический конфликт на почве классовых противоречий [4, с. 228]. Здесь героям А. Шаига присуще национальное самосознание. Образ Эльоглу был нарисован драматургом как герой, обладающий интеллектом, защищающий права угнетенных, способный управлять массами. Его принципиальность подтверждает следующая мысль героя: «Уводишь подданных в сторону, говоришь крестьянам, что, сколько бы

вы ни трудились, ни суетились, все равно как были, так и остаетесь голодными; заработок ваш съедают собаки, а вас самих едят блохи» [7, с. 429].

Хотя объяснение крестьянам их прав, подготовка их к борьбе против угнетателей и не является для него непосредственной целью, все же он придает первоочередное значение этим вопросам: «Я ем не ханский хлеб, а хлеб, заработанный своими руками» [7, с. 429].

Пьеса, написанная А. Шаигом, охватывает период, когда у крестьян не было никаких прав: ханы или беки могли по желанию даже убить их [1, с. 86]. Для того, чтобы найти пути борьбы с эксплуататорами, Шаиг поместил образ Эльоглу в центр событий. Автор с самого начала готовит его к борьбе, первая искра которой уже чувствуется во фразах главного героя. Эльоглу говорит отцу: «Ты прав, отец. Мы не отдадим наши ковры хану. У хана и так много земель, стад, табунов. А все, что есть ценного у нас, – только этот ковер, который хотят отнять» [7, с. 430]. В пьесе между богачами и бедняками проводится резкая дифференциация. А. Шаиг, хорошо знавший жизнь народа, устами Полада говорит: «Все знают, что народ работает, а хан ест» [7, с. 436]. Угнетение ханом подчиненных более ясно проявляется в бедах, выпавших на долю конюха. Хан говорит ему: «Если с конем что-нибудь случится, то я с тебя заживо сдеру кожу» [7, с. 442]. Автор считает протест крестьян пока еще стихийным, и видит залог их освобождения в единении с рабочим классом.

В произведении драматург создал немало образов угнетенных крестьян: Атакиши, Самандар, Анаханым, Зохра, Зюмрюд, Балоглан, Кахраман и др. С помощью этих образов А.Шаиг обрисовал общую бедственную картину сельской жизни того времени. События здесь развиваются на фоне бытовых проблем. Вводя образ Эльоглу в центр событий, драматург меняет их направленность. Он приводит своего героя прямо в усадьбу хана, где царит беспредельная жестокость помещиков по отношению к подчиненным. Хан беспощадно избивает их, а они, безропотно подчиняясь, даже не думают выступить против его власти. Это был тот исторический период, когда еще отсутствовало самосознание, способность к консолидации. Драматург прекрасно осознавал, что для воздействия на сознание народных масс необходимо идеализировать образ главного героя, придать ему необычайную силу для успешной реализации этой задачи. Прежде всего, А. Шаиг поднимает Эльоглу до уровня очень умного, умелого, способного найти выход из ситуации образа. Например, он ловко спасает от гнева хана конюха Балоглана, для начала спрятав его, а затем проводив в безопасное место.

А. Шаиг видит причину безропотного подчинения Балоглана и других крестьян воле хана в слабости их характера. И поэтому следующая цель драматурга состояла в том, чтобы повысить роль Эльоглу в искоренении этой бесхарактерности. Фантазии автора, его широкого воображения оказалось достаточно, чтобы Эльоглу стал героем. А. Шаиг, широко используя фольклор, помещает героя в различные ситуации, из которых он выходит победителем.

Эльоглу – это образ, варьирующий между сказочным и современным героем. Он берет свои корни из фольклора, но не может возвыситься до уровня народного героя. Национальный герой – это личность, прошедшая через испытания на пути к свободе и принявшая национально-освободительные идеи. Мы не обнаруживаем этих качеств у Эльоглу, –

героя, который вырос в узкой мировоззренческой среде. Причина его становления, как героя, вовсе не в стремлении оказать помощь народу, находившегося под гнетом помещиков. Это для Эльоглу – второстепенная проблема. Прежде всего, им движет кровная месть за отца, а потом уже он превращается в борца за освобождение народа. В связи с этим использование А. Шаигом фольклорного мотива для превращения Эльоглу в народного героя исходит из собственных стремлений автора. Для этого центральный образ должен был обладать более высокими идеалами. В конце пьесы Шаиг превращает Эльоглу из фантастического образа в народного героя. Следует отметить, что образы первых произведений драматурга во многом напоминают фольклорных героев. Основная мысль пьесы заложена в мудрых словах «матери-родины» – этого светлого женского образа: «Я горжусь умными, честолюбивыми сыновьями. Иди, и освободи Родину от Рустам-хана! Не делай ничего без народа. Один в поле не воин»» [6, с. 50].

В пьесе «Эльоглу» А. Шаиг идеализировал народ и Родину. Свирель здесь является выразителем голоса народа, а Родину автор олицетворил в образе прекрасной женщины. Таким образом, драматург создал художественные символы народа и Родины. Эльоглу всецело верит в силу народа, в его единство. Основными лозунгами героя являются Родина и революция. Эльоглу выражает протест хану: «Ты падаешь от одного взмаха моей руки. Как же ты сможешь устоять перед народной стихией?» [7, с. 466].

Также следует отметить, что основной идеей в этом и других произведениях А. Шаига является претворение в жизнь идеалов народа о свободе, о достойной жизни. Исследователи отмечают, что автор, мастерски используя азербайджанские народные сказки, объединил в этих произведениях реализм и притягательную романтику, создав тем самым сюжеты, искусно направляющие детскую психику и сознание [4, с. 21].

Пьеса Абдуллы Шаига «Родина» также посвящена борьбе народа за освобождение от гнёта и деспотизма. Она была написана в преддверии Великой Отечественной войны. В тот период многие писатели-драматурги создавали драмы о героизме советских людей, о любви к родине. Здесь А. Шаиг, так же, как и в «Эльоглу», выбрал тему из устного народного творчества, иносказательно выразив освободительную борьбу народа. Для этого он взял образы легендарных героев, которые, являясь олицетворением Добра, ведут борьбу против злых сил – Гузгун-шаха, ведьм, Шимшада и дивов. Как и в других произведениях драматурга, Родина здесь так же представлена в образе красавицы. Герои Шаига спасают свою любимую Родину от врагов [6, с. 155].

Эта пьеса является одним из лучших произведений автора, созданных на базе героических мотивов азербайджанского фольклора: «драматург оживил с помощью интересных художественных средств характерный для военного периода конфликт между добром и злом, и обосновал победу первого над вторым» [3, с. 244].

В этом произведении использованы многие сказочные мотивы и образы, например, мотив хвастуна. В пьесе в роли хвастуна изображен Лалаш. При встрече с Шахмаром Лалаш представляется как богатырь, с корнями вырывающий деревья и легко бросающий массивные глыбы. Он якобы руками способен убить льва, тигра, а за один раз может съесть двух быков, арбузы величиной со скалу [7, с. 448]. Этот образ разработан в соответствии с характерными образами сказочных хвастунов. Используя его, А. Шаиг

выражает протест против поведения глупых дивов, пытается доказать превосходство спокойствия в мире над всякими проявлениями зла.

Отрицательными образами в пьесе являются Гузгун-шах, Шахмар, Визирь, Шимшад, Ведьма, дивы. Дивы по приказу Гузгун-шаха совершают нападение на село Эльмана и похищают Красавицу. Мотив похищения девушек дивами взят из «Авесты», и очень часто встречается в азербайджанских сказках. Так же, как и в сказках, Эльман вступает в противоборство со злыми силами, чтобы освободить любимую девушку. В этой борьбе дивы кажутся очень сильными. А. Шаиг противопоставляет этой силе меч, который приготовил Билиджи-баба, чья миссия в пьесе совпадает с функцией Хизра, Али, дервишей. Всякий раз, когда сказочный герой попадал в затруднительную ситуацию, ему на помощь поспевал Хизр. И здесь Билиджи-баба помогает Эльману в тяжелую минуту. Волшебный меч, который он вручил герою, также является неотъемлемым атрибутом сказочного богатыря. Волшебство злых дивов оказывается бессильным против этого меча, олицетворяющего в пьесе народную силу.

Использованный А. Шаигом образ птицы Симург (Феникс) является характерным мифологическим персонажем. Подобно сказке «Мелик Мамед», в пьесе «Родина» эта птица возвращает Эльмана в родные края в награду за спасение её птенцов. Кроме того, она спасает его, когда див Шимшад сбросил Эльмана со скалы.

Из других сказочных средств, использованных драматургом в этой пьесе, следует назвать колодец, куда бросает Эльмана Ведьма. Колодец здесь выступает в роли посредника, связывающего героя с потусторонним миром. Посредством колодца Эльман попадает во владения Гузгун-шаха, где встречается с Ведьмой. Она околдовывает его, но пришедший на помощь герою Билиджи-баба своим волшебным жезлом спасает его от чар злой Ведьмы, которую убивает своим мечом. Эльман продолжает борьбу за освобождение Красавицы, и добивается цели, убив Гузгун-шаха и его дивов.

Мастерство А. Шаига заключается в том, что он добился полной художественной завершенности в обрисовке образов. Например, в образе Лалаша автором нарисованы такие черты, которые надолго остаются в памяти читателей и зрителей. Или образ Гузгун-шаха, отличающийся своей жестокостью и эгоизмом.

А. Шаиг проверяет выносливость своих положительных героев, заставив их пройти через трудные испытания. Представители народа заняты свободным трудом. Гузгун-шах и другие сторонники деспотизма, наоборот, склонны к развлечениям и бессмысленному времяпровождению. Хотя эти отрицательные герои и являются в пьесе мифологическими образами, всё же они сохраняют в себе негативные черты, присущие людям. Драматург видит свои идеалы в положительных героях. Мечта Шаига – увидеть родину свободной, а народ – счастливым.

Одним из произведений, имеющих особую весомость в драматическом творчестве А. Шаига, является пьеса «Халиф на час»: «в пьесе, не отягощенной высоким педагогическим чувством и сухой назидательностью, созданы живые образы, с помощью интересных драматических сюжетов подвержены критике лень и тунеядство. В произведении художественно решены такие проблемы, как уважение к старшим, честный труд, дружба и самопожертвование, любовь к прекрасным традициям народа» [5, с. 468].

Тема этой пьесы восходит к сказкам «Тысяча и одной ночь»: «здесь с помощью оригинальных образов выражено отрицательное воздействие лени на характер человека и облагораживающая сила труда. Автор обогатил сюжет новыми оттенками, образами и характерами, и, заново переработав, приблизил его к уровню и вкусу молодежи, а также к требованиям театра» [6, с. 189]. Это произведение написано в духе воздействия на этическое воспитание и духовный мир молодых людей. Для еще большего усиления идеи Абдулла Шаиг объединил идеалы пьесы с фольклорными мотивами и сюжетами. Одним из таких мотивов является широко распространенная тема «правителя-самозванца» или «временного правителя».

Основными участниками пьесы являются Малик ибн Саид, его мать Сакина, сестра Наиля, друзья Фахир и Йасир, соседский мальчик Халид, Бахлул Даненде, Гарун ар-Рашид, Визирь, Абу Тавваб, Абу Максуд и другие. А.Мамедов делит участников на три группы: 1. Халиф Гарун ар-Рашид и его придворная свита; 2. Бахлул Даненде и простой трудовой люд; 3. беззаботная молодежь [6, с. 189]. Малик, Ясир и Фахир не заняты полезным трудом, а проводят все свое время за азартными играми. Малик настолько увлечен этим занятием, что, притворившись больным, берет у матери последние деньги для ставки в игре. Мечта Малика – стать халифом на час. Он говорит, что если Гарун ар-Рашид согласился бы сделать его халифом всего на один час, то он разрешил бы пьянство и азартные игры. Для того, чтобы спасти Малика от этих зол, Наиля и Халид обращаются за помощью к Бахлулу Дананде, у которого есть армия. Бахлул хочет привести его в армию и исправить.

А. Шаиг построил интересную сюжетную линию. Для того, чтобы реализовать мечту Малика, автор вводит в его дом Гаруна ар-Рашида под видом гостя. Малик превратил свой дом в гостиницу, чтобы привлечь капитал. В разговоре с халифом он говорит о своей мечте. Гарун ар-Рашид посыпает ему в кофе снотворное и велит привести во дворец. Здесь использован мотив «временного правителя». В фольклоре падишахи прибегают к нему из вынужденной необходимости. Однако, драматург, изменив некоторые особенности этого мотива, передает Малику временную власть по собственной воле самого Гаруна ар-Рашида. Мечта Малика была для халифа своего рода развлечением, по завершении которого голова «халифа на час» должна была быть отсечена. Шаиг с присущей ему дальновидностью вводит в произведение образ Бахлула Дананде и меняет ход событий.

Надо было убедить зрителя и читателя в основной идее пьесы, заключавшейся в схожести характеров Малика и Гаруна ар-Рашида (оба – лентяи и тунеядцы, оба любят праздную жизнь и развлечения). А. Шаиг возлагает миссию по воспитанию их обоих на Бахлула Даненде. В стране господствует несправедливость, здесь нет спокойствия и безопасности, народ живет в тяжелых условиях и т.д.

Бахлул Даненде говорит временному халифу Малику о важности открытия школ для детей, прокладывания торговых путей, ограничения прав сельских судей, а так же о необходимости принятия мер по пресечению пьянства, воровства, азартных игр. Малик, согласившись с ним, отдает приказ о выполнении данных работ. Услышав об этом, Гарун ар-Рашид приходит в ярость. По истечении срока правления Малика халиф снова усыпляет его при помощи снотворного и отправляет обратно домой.

В доме Малика никто не верит в то, что он был халифом. Для прояснения этого «темного» вопроса Бахлул Даненде приходит в дом к Малику, где объясняет присутствующим, что Гарун ар-Рашид устроил все это для своего личного удовольствия. После этого он увозит Малика в свою армию, чтобы спасти его от лени.

Бахлул Даненде является главным героем восточных анекдотов и идеалом А.Шаига. Абдулла Шаиг устраивает беседу между Гаруном ар-Рашидом и Бахлулом на основе анекдотов Муллы Насреддина, посвященных Тамерлану. Бахлул Даненде говорит Гарун ар-Рашиду о его жестокости и что ни один халиф не видел его смерти, в то время как он проводил нескольких халифов. В одном из анекдотов говорится об Абу Максуде, который, не желая отдавать обратно горшок с золотом, сказал, что оно превратилось в мёд. Для разрешения этой проблемы Бахлул Даненде применяет интересный способ: он говорит, что сыновья Абу Максуда, принятые им в свою армию, превратились в медведей. Абу Максуд не верит этому и говорит, что и сам не верит превращению золота в мёд. Он должен вернуть золото, иначе его сыновья останутся медведями. Используя этот анекдот, А. Шаиг хочет изменить отрицательный имидж Гарун ар-Рашида в пьесе: своей предприимчивостью Бахлул направляет халифа на стезю справедливого правителя. Мудрые слова Бахлула и поучительная история, рассказанная им, спасают жизнь Малику [8, с. 50-94].

Как уже было указано, Абдула Шаиг написал пьесу «Халиф на час» в 1911 году, а в 1957 году провел её художественную обработку [8, 435]. Хотя сюжет пьесы и взят из арабского фольклора, всё же драматург придал ему национальный колорит. Герой пьесы Малик является отменным лентяем. А. Шаиг, применяя в произведении свой собственный педагогический метод, хочет исправить отрицательные черты его характера. В целом А. Шаиг прекрасно знал все тонкости детской психологии. В своих произведениях он всегда избегал ненужных назиданий и долгих рассуждений. Такие его пьесы, как «Говорящая кукла», «Мстительный петух», «Весточка», «Чабан», «Обманутые звезды», «Мать», «Молния», «Хасай», «Родина», «Эльоглу», «Халиф на час», по своему сюжету и драматическим конфликтам очень интересны для зрителей. А. Шаиг в своих пьесах, так же, как и в сказках, рассказах, выражал злободневные социальные мысли, показав извечный конфликт добра и зла, хорошего и плохого.

Список литературы

1. *Агамиров М. Мировоззрение Абдуллы Шаига. Баку: Маариф, 1983, 242 с. (на азербайджанском языке).*
2. *Бейдили Дж. Система тюркских мифологических образов: Структура и функция. Баку: Мутарджим, 2002. 258 с. (на азербайджанском языке).*
3. *Гянджеви Н. Семь красавиц. Филол. перевод и коммент. Р.Алиева. Баку: Элм, 1983. 360 с.*
4. *Заманов А. Абдулла Шаиг. Баку: Изд-во по распространению полит. и науч. знаний Азерб.ССР, 1956. 21 с. (на азербайджанском языке).*
5. *Ибрагимов М. С фронта народности и реализма. Баку: Азернешр,1961. 524 с. (на азербайджанском языке).*
6. *Мамедов А. Абдулла Шаиг. Баку: Гянджлик, 1983, 212 с. (на азербайджанском языке).*

7. *Шаиг А. Произведения. В 5-ти т. Т. IV. Баку: Азернешр, 1977, 478 с. (на азербайджанском языке).*
8. *Шаиг А. Произведения. В 5-ти т. Т. V. Баку: Языч ы, 1978. 502 с. (на азербайджанском языке).*
9. *Эфендиев И. Незабываемый писатель, великий гуманист. Баку: Гянджлик, 1989. 231 с. (на азербайджанском языке).*

УДК 820

О.Б. РУМЕР – ПЕРЕВОДЧИК АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ

© ***С.В. Бобылева,*** *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*
© ***Д.Н. Жаткин,*** *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

O.B.RUMER AS ATRANSLATOR OF ENGLISH POETS

© ***S.V. Bobyleva,*** *Penza State Technological University (Penza, Russia)*
© ***D.N. Zhatkin,*** *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

Статья посвящена осмыслению обстоятельств обращения известного русского переводчика О.Б. Румера (1883 – 1954) к интерпретации произведений английских поэтов Томаса Уайета и Генри-Горварда Серрея. Отмечено влияние на переводчика общего состояния советской англистики 1930 – 1940-х гг., соотносившей творчество этих авторов с аристократическим течением английского гуманизма. Проанализированы стилистические приемы, тропы и фигуры речи, использовавшиеся переводчиком для передачи оригинальных художественных замыслов.

Ключевые слова: О.Б. Румер, английская поэзия, художественный перевод, компаративистика, рецепция, традиция, межкультурная коммуникация.

The article presents the facts of familiarity with O.Rumer's's creative work (1883 - 1954) of such outstanding English poets as Thomas Wyaet and Henry Surrey. It points out the characteristic for that time influence on the translator of the common for the Soviet anglistics of th the 1930 -1940 years, relating the creative work of the authers with the aristocratic movement of the English humanism. It analyses the stylistic metords, tropes, and figures of the speech, used by the translator to convey the original thoughts.

Key words: O.B. Rumer, English poetry, literary translation, Russian literary criticism, comparative analysis, reception, tradition, intercultural communication.

E-mail: darlis@list.ru; ivb40@yandex.ru

Литература в силу своей словесной природы – единственное из искусств, замкнутое языковыми границами: в отличие от музыки, живописи, скульптуры, танца и т. д. литературное произведение доступно только тем, кто знает язык, на котором оно написано. Специфика перевода художественных произведений определяется, с одной стороны, его местом среди других видов перевода, а с другой – его соотношением с оригинальным литературным творчеством. Слово выступает здесь как «первоэлемент» литературы, то есть в функции эстетической. Между исходной точкой и результатом переводческого творчества лежит сложный процесс «перевыражения» той жизни, которая закреплена в образной ткани переводимого произведения. Поэтому проблематика перевода литературных текстов лежит в сфере искусства и подчиняется его специфическим законам.

От оригинального творчества художественный перевод отличается зависимостью от объекта перевода.

Начало истории советского переводоведения связано с возникновением идеи переводимости. В начале XX в. большое значение придавалось принципу функциональных соответствий языков и текстов оригинала и перевода. Такое понимание стратегии художественного перевода базировалось на приоритетной роли подстрочника. По наблюдению П.М. Топера, «с распространением би- и полилингвизма изменилась переводческая работа», произошли трансформация роли подстрочника, «преодоление информативной функции художественного перевода» [1, с. 105]. А. Карельский писал о подстрочнике как о «сугубо вынужденной процедуре»: «...в чужом языке, как в русском, слово не только тоже многозначно по своей внутренней, имманентной форме, но и нагружено многозначительными окказиональными, дополнительными смыслами, создаваемыми контекстом данного произведения, шире – контекстом данного произведения, шире – контекстом творчества поэта, еще шире – контекстом данной национальной культуры. Всякий подстрочник – это уже ограничение смысла, уже определенный выбор из нескольких возможных» [2, с. 38].

Осип Борисович Румер, человек-полиглот, знавший 26 языков, среди которых греческий, латинский, все наиболее распространенные западноевропейские языки, языки Востока, никогда не пользовался подстрочником, проявив свою исключительность, незаурядный дар поэта-переводчика и обширные знания, помогавшие ему проникнуть в дух языка, поэзии и культуры различных наций. Он видел роль переводчика в литературе «во многих отношениях аналогичной роли исполнителя в музыкальном искусстве» [3, с. 3]. «Работаю я медленно, – писал Осип Борисович, – добиваясь возможно большей точности в передаче подлинника с наилучшим звучанием русского стиха» [3, с. 4]. Литераторами и критиками отмечена точность смысловой и эмоциональной подачи перевода, отсутствие личного пристрастия, стремление О.Б. Румера отойти от буквального перевода, приблизиться к его духу и смыслу, передать форму оригинального произведения.

С большим искусством переводил О.Б. Румер английскую лирику эпохи Возрождения. Наряду с Шекспиром, сонеты которого были интерпретированы Осипом Борисовичем до появления работ С.Я. Маршака, внимание переводчика привлекла придворная поэзия Томаса Уайета и Генри-Горварда Серрея, творчество которых связывалось в те годы с аристократическим течением английского гуманизма.

Сэр Томас Уайет (Sir Thomas Wyatt, 1503 – 1542), принадлежавший к богатой дворянской семье, «привил» сонет английской поэзии. Начал он с переводов Петрарки. И сонет, и Петрарка, и вообще итальянская лирика оказались близки Т. Уайету по той причине, что он увидел в них средство освободиться от тех условностей, которые царили в английской лирике с XIV в., когда она заимствовала их у французов. Сонет Петрарки, в котором ренессансное «открытие человека» торжествовало одну из первых побед, в котором поэт изливался как носитель только ему присущих чувств и настроений, явился для Т. Уайета откровением. Вместе с тем поэт не последовал слепо приемам Петрарки. Он перестроил порядок рифм и ввел свои новшества. Т. Уайет стал первым собственно лирическим поэтом в Англии. Однако жизнь его при дворе шла далеко не гладко. Благодаря отношению поэта к Анне Болейн и близости к опальному министру Томасу Кромвелю Т. Уайета под разными предлогами держали в Тауэре. Об этом он

писал в своем стихотворении «The Courtier's Life» («Жизнь придворного»): «In court to serve decked with fresh array, / Of sug'red meats feeling the sweet repast: / The life in banquets, and sundry kinds of play, / Amid the press of lordly looks to waste, / Hath with it join'd oft times such bitter taste. / That who so joys such kind of life to hold, / In prison joys fett'red with chains of gold» [4, p. 13] [Служить при дворе, нарядившись в новое одеянье, / Наслаждаясь вкусной трапезой, означает: / Жизнь на банкетах и разнообразных игрищах, / Под давлением необходимости разбрасывать горделивые взгляды, / Часто имеет горьковатый привкус. / Тот, кто получает радость от такой жизни, / В тюрьме радуется в золотых цепях].

В переводе О.Б. Румера стихотворение Томаса Уайета получило название «Жизнь при дворе»: «Жить при дворе, нарядами блистая, / С изысканными яствами в обед, / Забавам и пирам не видя края / И только праздный созерцая свет, – / Такая жизнь горька, в ней счастья нет. / Кто так проводит дни – живет в темнице / И в позлащенных кандалах томится» [5, с. 102]. Как видим, переводчик достаточно близко подошел к оригиналу, находя наиболее точные русские соответствия: «наряды» («array»), «изысканные яства в обед» («sug'red meats feeling the sweet repast»), «забавы и пиры» («banquets, and sundry kinds of play»). Все же Уайет отмечает новизну нарядов, необходимость регулярно их менять («fresh array»), опущенную О.Б. Румером, а придворная высокомерная учтивость, довлеющая над людьми, в четвертой строке («press of lordly looks to waste») уступает место созерцанию праздного света. Помпезность же жизни при дворе, подчеркнутая Т. Уайетом золотыми цепями («chains of gold»), несколько снижена переводчиком благодаря замещению их «позлащенными кандалами».

Имя Т. Уайета тесно связано с именем другого поэта, второй жертвы жестокостей Генриха VIII. Это – Генри Говард, граф Серрей (Henry Howard, earl of Surrey, 1517-1547 гг.). Г. Серрей был еще более высокого происхождения, чем Т. Уайет. Трижды он сидел в тюрьме, после четвертого раза был обезглавлен по обвинению в измене. Как поэт Г. Серрей был последователем Т. Уайета, хотя стихи последнего не появлялись в свет до напечатания стихов его младшего друга. Сопоставление их поэзии совершенно ясно показывает, что одна выросла из другой. Стиль Г. Серрея менее архаичен, мелодия – музыкальней, стих легче, ударения естественнее, рифмы звучнее. Т. Уайет, по примеру итальянских петраркистов, держался двух рифм для обоих четверостиший сонета. Г. Серрей разбил сонет на три четверостишия и заключительное двустишие с парной рифмой. Это определило рифмовое строение елизаветинского сонета. Поэт писал о земной любви, превознося даму сердца по образцу своих итальянских и французских учителей и попутно касаясь самых разных чувств и предметов в развитии темы придворной жизни. Примером тому может служить стихотворение Г. Серрея «Description and Praise of his Love Geraldine» («Описание и восхваление его возлюбленной Джеральдины»), которое в интерпретации О.Б. Румера получило название «Сонет» и которое является единственной широкоизвестной русскоязычной версией данного стихотворения.

Уже в первых строках перевода заметны существенные отличия от оригинала: «From Tuscane came my Lady's worthy race; / Fair Florence was sometimes her ancient seat» [6, p. 47]. [Из Тосканы происходит почтенный род моей госпожи; / Прекрасная Флоренция была когда-то ее старинным местом жительства] – «Из доблестной Флоренции ведет / Род госпожи моей свое

начало» [5, с. 103]. О.Б. Румер поменял местами первые две строки, опустив упоминание о Тоскане, заместив «прекрасную Флоренцию» («fair Florence») «доблестной» и тем самым расширив почтенность и доблестность одного древнего (слово «ancient» («старинный, древний»), кстати, также замалчивается переводчиком) рода до масштабов города в Италии. Причем автор оригинала не упоминает истоки данного рода, в то время как в переводе мы читаем: «ведет свое начало».

Далее, во второй строфе, также происходят некоторые изменения при интерпретации стихотворения на русский язык: «From tender years, in Britain she doth rest, / With Kinges child; where she taster.h costly food». [6, p. 47] [С нежнейших лет спокойно живет она в Британии / С детьми королей, где питается роскошной пищей] – «К двору привел ее судьбины путь, / Где все услады жизни наготове» [5, с. 103]. Автор перевода не называет Британию, а это может ввести читателей в замешательство относительно того, к какому именно двору принадлежит Джеральдина в момент написания стихотворения. Эпитет «судьбина» несет в русском языке негативный оттенок, предполагая тяжкую, трудновыносимую жизнь, хотя в оригинале она живет спокойно («doth rest») и питается роскошной пищей. Кроме того, О.Б. Румер добавляет: «Где все услады жизни наготове», тем самым искажая восприятие образа невинной, добродетельной Джеральдины.

В конце стихотворения из русского перевода исчезает строка, отражающая облик Джеральдины при первой встрече лирического героя с ней в деревне Хандсон (Гендсон): «Bright is her hue, and Geraldine she hight» [6, p. 47] [Ярок ее образ и Джеральдиной ее зовут]. Г. Серрей подчеркивает молниеносность, незабываемость первого впечатления. Только имя и яркий образ ее – вот все, что осталось в памяти лирического героя от этой встречи, и, как представляется, осталось навсегда. Ее добродетель дана свыше, ее красота аристократична: «Her beauty of kind; her virtues from above»; ср. у О.Б. Румера: «Она подобна ангелу в раю» [5, с. 103]. Г. Серрей сожалеет о необходимости расстаться с ней в Виндзоре, восклицая: «And Windsor, alas! doth chase me from her sight» [6, p. 47] [А Виндзор, увы! отдаляет меня от нее]. В переводе сожаление уступает место злости («А Виндзор злой нас разлучает ныне»), привнося новый, более негативный оттенок негодования.

Несмотря на некоторые расхождения с оригинальным текстом, следует отметить мастерство передачи О.Б. Румером рассмотренных нами произведений Томаса Уайета и Генри-Горварда Серрея, в особенности учитывая, насколько сложен перевод на русский язык произведений старых английских мастеров. О.Б. Румер был убежден, что самые лучшие переводы получаются не тогда, когда интерпретатор следует синтаксическим и лексическим соответствиям, а когда он занимается своеобразным творческим изысканием, не соотносимым с въедливым буквализмом. Этой убежденностью О.Б. Румера проникнуты и его переводные произведения, наглядно подтверждающие, что перевод поэзии – это настоящее, высокое искусство.

Список литературы

1. *Топер П.М. Перевод и литература: творческая личность переводчика // Вопросы литературы. – 1998. – № 6. – С. 178 – 195.*
2. *Карельский А. Творческая индивидуальность переводчика и его «стилистический слух» // Иностранная литература. – 1994. – №6. – С. 237 – 248.*

3. Аникст А.А. Предисловие // Румер О.Б. Избранные переводы. – М.: Сов. писатель, 1959. – С. 3 – 6.
4. Wyatt Th. Selected Poems. – L.: Fyfield Books, 2003. – 312 p.
5. Румер О.Б. Избранные переводы. – М.: Сов. писатель, 1959. – 332 с.
6. Surrey H. Selected Poems. – L.: Fyfield Books, 2003. – 354 p.

УДК 820

ГУСТАВ ШПЕТ О КРИСТОФЕРЕ МАРЛО

© ***А.А. Рябова,*** *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*
© ***Д.Н. Жаткин,*** *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

GUSTAV SHPET ABOUT CHRISTOPHER MARLOWE

© ***A.A. Ryabova,*** *Penza State Technological University (Penza, Russia)*
© ***D.N. Zhatkin,*** *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

В статье рассматриваются статьи, примечания и комментарии, рукописные и машинописные работы филолога и философа Г.Г. Шпета, а также его переписка с А.А. Смирновым и Н.И. Игнатьевой, подтверждающие его интерес к творчеству Кристофера Марло и представляющие его неосуществленные замыслы перевода произведений английского драматурга. Высказывается предположение о том, что Г.Г. Шпет мог бы стать одним из лучших переводчиков и исследователей произведений Марло.

Ключевые слова: Марло, Г.Г. Шпет, драматургия, традиция, межкультурная коммуникация.

The article examines articles, notes and comments, handwritten and typewritten works of philologist and philosopher G.G. Shpet, and also his correspondence with A.A. Smirnov and N.I. Ignatyeva, which prove his interest to Christopher Marlowe's creative work and represent his unrealized prospects of translating literary works by the English playwright. It suggests Shpet could become one of the best interpreters and researchers of Marlowe.

Key words: Marlowe, G.G. Shpet, drama, tradition, intercultural communication.

E-mail: asnowflake@yandex.ru; ivb40@yandex.ru

Выдающийся философ Г.Г. Шпет впервые упомянул имя Марло в 1922 г. в первом выпуске своих «Эстетических фрагментов», процитировав признание Фауста из «Трагической истории доктора Фауста» в переводе К.Д. Бальмонта и восприняв это признание как автохарактеристику англичан, становившуюся их идеальным обликом в глазах немцев: «И я давно покончил бы с собою, / Когда бы сладость чувственных отрад / Отчаянья в душе не побеждала» [4, с. 203].

В книге «Густав Шпет и шекспировский круг», вышедшей в издательстве «Петроглиф» в 2013 г., в числе прочего, опубликована переписка А.А. Смирнова и Г.Г. Шпета. Отношения двух ученых были достаточно близкими, они часто встречались лично, к тому же сами годы начала Большого террора не способствовали письменным откровениям. Поэтому в отдельных случаях остается лишь догадываться, что имели в виду участники переписки. Так, 19 октября 1933 г. А.А. Смирнов писал Г.Г. Шпету: «…то, что Вы сообщили о Марло, меня приводит в большое смущение. Расскажу все мои мысли на этот счет при встрече, теперь уже

недалекой» [2, с. 73]. Эта же тема получила продолжение в письме А.А. Смирнова Г.Г.Шпету от 4 ноября 1933 г.: «Вы не сообщаете, какое же постановление было принято относительно Марло. Меня этот вопрос волнует – чисто дружески, понятно. Когда я буду в Москве, расспрошу Вас непременно о подробностях» [2, с. 77]. Можно предположить, что Г.Г. Шпет высказывал идею подготовки нового перевода «Трагической истории доктора Фауста», а, может быть, и полного перевода пьес Марло, вызывавшую определенные сомнения у А.А. Смирнова.

И все-таки у Г.Г. Шпета появились основания приступить к изучению источников о Марло с целью последующего выполнения перевода его трагедии о Фаусте, – вероятно, его идея получила одобрение в издательстве «Academia», которое к тому времени возглавил Л.Б. Каменев, в недавнем прошлом входивший в состав Политбюро. Зная об интересе Г.Г. Шпета к творчеству Марло, А.А. Смирнов сообщал ему 3 марта 1934 г. о получении нового зарубежного издания, не особо значимого, но способного привлечь внимание параграфом о Марло: «Получил, наконец, прибывшего в Библиотеку Университета по моему заказу Ed. Eckhardt'a, Das engl. Drama in Zeitalter der Reformation und der Hochrenaissance. Brl.-Lpz. 1928, но это оказалась очень мало интересная работа: никакой конструкции, мало анализа, почти одна "география". Есть эта книга у Вас в Москве? Если нет, могу захватить, чтобы показать. Может быть, Вас заинтересует параграф о Марло» [2, с. 111]. В том же письме содержалась интересная оценка деятельности М.П.Алексеева и В.К. Мюллера с однозначным предпочтением первого из них, а также предложение привлечь М.П. Алексеева к подготовке *подсобного* материала о творчестве Марло (вероятно, вступительной статьи и комментариев к переводу «Трагической истории доктора Фауста»): «…недавно видел у М.П. Алексеева подбор разных работ о Марло и узнал, что он интересовался им специально. На мой взгляд, Алексеев много интереснее В.К. Мюллера, и если бы Вы захотели поручить ему что-нибудь подсобное о Марло, когда будете его создавать, он выполнил бы это неплохо» [2, с. 111].

По машинописи, хранящейся в семейном архиве Е.В. Пастернак, в 2013 г. был впервые опубликован датируемый октябрем 1934 г. «Ответ на критику Д. Мирского», представляющий собой отклик на недошедший до нас отзыв Д.П. Мирского о редакционно-переводческой работе Г.Г. Шпета над совершенствованием перевода «Макбета», выполненного С.М. Соловьевым. В своем «Ответе…» Г.Г. Шпет выразил понимание роли Марло в становлении английского белого стиха, восприняв его творчество в качестве звена эволюции, непосредственно предшествовавшего Шекспиру:

Английский белый стих до Марло характеризуется следующими чертами: это пятистопный ямб, расположенный в «куплеты», т. е. пары последовательных строк, в которые вкладывается законченная мысль. Организующий принцип здесь очень ясен и однообразен; но стих получается скучный и монотонный. Марло преодолевает эту монотонность, разбивая форму куплета; тем большее значение приобретают теперь паузы и цезуры, которые становятся единственной скрепой смысловых единиц, отношений и масс. Шекспир сперва воспринимает белый стих в форме, приданной ему Марло, но затем все больше разнообразит ритм, ставя под метрическое ударение слабоударные слоги, вводя хориямбы, женские и слабые окончания

строк, переходные строки (enjambements), – однако далеко не прощальные и т. п.» [2, с. 220].

Эволюция, пережитая английским белым стихом в эпохи королевы Елизаветы и короля Якова, от Марло до умершего в 1625 г. Джона Флетчера, и полностью охватившая период творчества Шекспира, была, по мнению Г.Г. Шпета, связана не только со «сменой вкусов, моды, поэтической конвенциональности», но и с происходившими идеологическими и социальными сдвигами [см.: 2, с. 224]. Исследователь проводил аналогию между эволюцией елизаветинской драматургии и эволюцией А.С. Пушкина-драматурга, неуклонно соблюдавшего цезуру после второй стопы в «Борисе Годунове», однако полностью отказавшегося от такого однообразия в «Маленьких трагедиях», отдав предпочтение подвижности и богатству форм [см.: 2, с. 220].

В одной из своих лучших филологических работ – «Комментарии к “Посмертным запискам Пиквикского клуба”» – Г.Г. Шпет обращал внимание на фрагмент начала главы XV романа Ч. Диккенса:

– Там ждут, – лаконически доложил Сэм.

– Именно меня, Сэм? – осведомился м-р Пиквик.

– Ему нужны исключительно вы, больше никто ему не нужен, как говорил личный секретарь дьявола, уволакивая доктора Фауста, – ответил м-р Уэлер (пер. А.В.Кривцовой и Е.Л.Ланна) [3, т. 1, с. 233].

По замечанию Г.Г. Шпета, «поскольку речь идет об английской литературе, прежде всего вспоминается прекрасный *Фауст* Марлоу», где в концовке дьяволы уводят главного героя, а на сцене появляется Мефистофель, который, впрочем, «не произносит слов, которые цитирует Сэм» [5, с. 109]. Утверждая, что «едва ли Уэлер видел на сцене или читал эту пьесу» [5, с. 109], Г.Г. Шпет подводит к мысли о знакомстве героя с одной из английских пантомим первой трети XVIII в.

На стадии подготовительной работы Г.Г. Шпет принял активное участие в подготовке восьмитомного «Полного собрания сочинений» Шекспира, однако 5-ый том этого издания, вышедший первым в 1936 г. под редакцией С.С. Динамова и А.А. Смирнова, равно как и последующие тома, не содержал ни одного упоминания имени ученого, к тому времени уже находившегося в ссылке. Вместе с тем в семейном архиве Е.В. Пастернак сохранились впервые напечатанные в 2013 г. комментарии и примечания Г.Г. Шпета к целому ряду шекспировских произведений, первоначально готовившиеся в качестве справочного аппарата для «Полного собрания сочинений». В примечаниях к пьесе «Мера за меру» Г.Г. Шпет солидаризируется с мнением Эдмунда Керчевера Чемберса, автора вышедшего в 1930 г. в Оксфорде двухтомника «Уильям Шекспир: Исследование фактов и проблем» («William Shakespeare: A Study of Facts and Problems»), что содержащийся во второй сцене I акта намек на венгерского короля вызван не текущими политическими событиями, а аллюзией из «Тамерлана Великого» Марло, где «речь идет о мире, заключенном и вероломно нарушенном “венгерским королем” Сигизмундом» [2, с. 420].

В письме Н.И. Игнатьевой, отправленном из Томска 13 марта 1936 г., ссыльный Г.Г. Шпет предлагал ей выйти на контакт с Мухомором <литературоведом, редактором издательства «Academia» А.М. Эфросом>, который поначалу высказывал чрезмерно восторженные похвалы переводам Г.Г. Шпета, а после репрессий в отношении последнего стал столь же

чрезмерно преуменьшать их ценность, и убедить его, «что *Фауст* Марло уже в значительной части <…> сделан, и было бы вопиющим позором для его чести и высокого имени, если бы перевод этой трагедии был поручен другому лицу» [1, с. 402]. Дальнейшая судьба перевода «Трагической истории доктора Фауста», выполненного (полностью или частично) Г.Г. Шпетом, нам неизвестна.

После расстрела Г.Г. Шпета 16 ноября 1937 г. его имя надолго было вычеркнуто из истории отечественной науки, с конца 1980-х гг. к читателям стали возвращаться его философские работы, несколько позже – психолого-педагогические, культурологические исследования, избранные письма. Марло серьезно заинтересовал Г.Г. Шпета в последние годы жизни, незадолго до ссылки и гибели, в следствие чего многие его замыслы остались неосуществленными. Те минимальные материалы, что сохранились в текстах отдельных недавно опубликованных рукописей Г.Г. Шпета, в его переписке с А.А. Смирновым, позволяют говорить о том, что при благоприятном стечении обстоятельств Г.Г. Шпет мог бы стать одним из лучших переводчиков и исследователей творчества Марло.

Список литературы

1. *Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. 720 с.*
2. *Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / Отв. ред.-сост., предисловие, комментарии, археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедриной. – М.-СПб.: Петроглиф, 2013. – 760 с.*
3. *Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба: В 3 т. / Пер. А.В. Кривцовой и Е.Л.Ланна при участии и с комментарием Г.Г. Шпета; вступ. ст. И.Т. Смилги. М.-Л: Academia, 1933 – 1934. Т. 1 – 3.*
4. *Шпет Г.Г. Искусство как вид знания: Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007. 712 с.*
5. *Шпет Г.Г. Комментарий к «Посмертным запискам Пиквикского клуба» // Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба: В 3 т. / Пер. А.В. Кривцовой и Е.Л. Ланна при участии и с комментарием Г.Г. Шпета; вступ. ст. И.Т. Смилги. М.-Л: Academia, 1934. Т. 3. С. 5 – 352.*

УДК 821.112.2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИИ «ANGST/СТРАХ» В РОМАНЕ П. ЗЮСКИНДА «ПАРФЮМЕР»: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© ***И.В. Казанцева,*** *Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия)*

CONCEPTUAL FEATURES OF THE EMOTION «ANGST / FEAR» IN THE NOVEL OF P. SÜSKIND «PARFUMER»: THE LEXIKAL AND STYLISTIC ASPECTS

© ***I.V. Kazantseva,*** Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia)

Статья посвящена выявлению способов языковой репрезентации концепта «Angst/Страх» в семантическом пространстве немецкого языка на материале романа П. Зюскинда «Парфюмер» с использованием принципов теории ценностей и теории принятия решений. Они рассматриваются как феномены, отражающие специфику национальной концептосферы, передающие общечеловеческие представления о страхе.

Ключевые слова: концепт, теория ценностей, теория принятия решений, страх.

The article is devoted to finding ways to linguistic representation of the concept «Angst / Fear" in the semantic space of the German language based on the novel of P. Süskind "Parfumer" using the principles of value theory and decision theory. They are regarded as phenomena, reflecting the specific national concept sphere conveying universal concept of fear.

Key words: concept, value theory, decision theory, fear.

E-mail: inna-kazanceva@yandex.ru

В настоящее время в лингвистике ведущая роль отводится познающему субъекту, особенностям его взаимодействия с реальностью через органы чувств и различные когнитивные процессы. Накопленные элементы личного опыта – когниции – иерархически структурируются в определенную систему, концепт. Другими словами, концепт формируется в процессе мыслительной деятельности индивида, проявляя себя по-разному в зависимости от его целевой установки, сложившейся у него системы ценностей, проявляясь впоследствии в языке, в семантике языковых знаков, образуя языковую картину мира. В данном случае можно наблюдать сплетение принципов теории ценностей и теории принятия решений. Гипотетически единый образ мира может найти несходное отражение в языке через призму мировосприятия отдельных познающих субъектов, поскольку в его основу положены различные ценности и принципы принятия решений.

Логичным является также констатация того факта, что концепты с учетом указанных особенностей реализуются в языковой системе посредством различных средств: лексем, фразеологических сочетаний, свободных словосочетаний, предложений и текстов. Семантика этих языковых средств определяется именно концептом. Она может быть системно-ориентированной и общепринятой, но нередко концепт сам навязывает дополнительные, нестандартные смыслы выбранным языковым формам.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности реализации эмоции «Angst/Страх» как концептуального образования на лексическом уровне и с учетом стилистических характеристик задействованных языковых единиц.

Эмоция является своеобразным проводником между внутренним миром человека (отношением к окружающему миру, другим людям и самому себе) и объективной действительностью. В связи с этим становится интересно, как

какая-либо эмоция, сила её проявления, её характер влияют на выбор языковой единицы, который в свою очередь предполагает конечный анализ результата – соответствие эмоции реальности и имеющемуся опыту. Оценка эмоции осуществляется с учетом определенных потребностей индивида. Низкая вероятность удовлетворения потребности делает эмоции отрицательными [1]. К ним в первую очередь относится предмет нашего исследования.

Эмоция страха постоянно и активно переживается людьми. Страх затрагивает как эмоциональную, так и мыслительную сферы. Его наличие и стабильность продиктованы психологической необходимостью для человека, как форма его защиты от окружающих факторов и способ сохранения при их отрицательном воздействии.

Синонимический ряд «Angst» включает 11 слов – *die Angst* (страх), *die Scheu* (боязнь), *die Beklemmung* (стеснение), *die Furcht* (страх), *der Schreck* (ужас), *der Schrecken* (ужас), *der Schauder* (ужас), *das Grauen* (ужас, страх), *das Grausen* (ужас), *das Entsetzen* (ужас), *die Panik* (паника). Доминантой в этом ряду выступает слово *Angst* [2, с. 103].

Для анализа языковой репрезентации концепта «Angst/Страх» был выбран роман П. Зюскинда «Парфюмер». Опубликованный впервые в Швейцарии в 1985 году, он сразу завоевал популярность и продолжает занимать прочное место среди мировых бестселлеров до настоящего времени.

Главный герой романа Жан Батист Грену́й – необычный от природы человек, реальным миром для которого является мир запахов. Именно этот роман был выбран для анализа репрезентации концепта «Angst/Страх», так как именно в нем данный концепт находит яркое языковое выражение. Грену́й – это человек, которому чужд страх, испытываемый всеми людьми. Его страх имеет несколько иную природу: Греную страшно лишь тогда, когда он теряет ароматы, которые дороги для него. Особенную образность эмоция страха находит в сценах убийства девушек, которых он убивал, чтобы заполучить их запах.

Для выражения концепта «Angst/Страх» в романе П. Зюскинда «Парфюмер» используются различные лексические единицы. Объем романа составляет 330 страниц, материал выборки составляет 32 группы примеров с различными структурами. Анализ лексической наполняемости предмета исследования в романе позволяет сделать следующие выводы.

Чаще всего встречается лексема *Angst*. Из 54 лексических единиц 25 составляет лексема *Angst* (46%). Она встречается в сочетании с глаголами, прилагательными, существительными, а также в составе сложных слов.

В сочетании с глаголами (14):

- sie hatten Angst;
- die Angst befällt;
- er bekämpfte mit der Angst;
- die Angst überfiel ihn;
- die Angst kehrte…ein.

В сочетании с прилагательными (7):

- die kindliche Angst;
- die grässliche Angst;
- die sorgfältig vergessene Angst;
- eine alte abgelegte Angst;
- spontane Angst;

- laute Angst.

В сочетании с существительными (2):

- Griff der Angst;
- Fieber der Angst.

Сложное слово – Angstschweiß (2).

Частотность использования данной лексемы свидетельствует о её употребительности и однозначности.

Второй по частотности является лексема *Schreck* и ее производные (9) (16,6%):

- в качестве существительного *Schreck* (4):
  - gelähmt vor Schreck;
  - starr vor Schreck;
  - kalt vor Schreck;
- в качестве прилагательного *schrecklich* (1);
- в виде производных глаголов с данным корнем (4):
  - erschrecken;
  - aufschrecken.

Далее следующие лексемы встречаются достаточно редко и представляют собой единичные случаи синонимичной вариации при выражении указанного концепта. Это в первую очередь лексема *Furcht* (2):

- die wiederaufbrechende Furcht;
- die Furcht legte sich.

В двух случаях для выражения страха была использована лексема *bang*:

- ein banges Gefühl;
- wurde ihm bang.

Зафиксирован также один случай употребления лексемы *Panik*.

В остальных случаях эмоция страха была передана описательным способом, например при помощи сравнения (sonderbares Frösteln), конъюнктива (…als wäre es kälter geworden) и т.д.

Использование различных лексем для выражения концепта «Angst/Страх» позволяет передать состояние страха в различных оттенках и сделать речь автора более разнообразной, что в свою очередь помогает читателю точнее почувствовать эмоциональное состояние героев произведения, оценить соответствие реального мира виртуальному в использованных средствах языка. Здесь имеются в виду также используемые им образные описания социальных феноменов в целом, и эмоциональных в частности. Продуктивность анализа оценочности, метафоризации эмоций несомненна. Неслучайны поэтому попытки установления лингвистами психологических, в целом культурных причин, лежащих в основе сравнения человеческих эмоций с определенными фактами культуры и природы.

С целью определения содержательных, стилистических характеристик концепта страха необходим анализ его многочисленных художественных контекстов.

Немецкое слово *Angst* сочетается с такими глагольными лексемами, как *bekommen, kriegen, haben, unterdrücken, bekämpfen, einjagen, machen, geraten, schweben, auslösen, hervorrufen, vermeiden, dauern, auftauchen, sich steigern, erhöhen* и др. Оно обычно выступает в функции объекта действия (*bekommen, kriegen, haben, unterdrücken, bekämpfen, einjagen, machen, auslösen, hervorrufen,*

vermeiden и т.п.). Данная функция отчетливо проявляется в следующих примерах из романа П. Зюскинда «Парфюмер», например:

a) Das heißt, **er bekämpfte mit der Angst,** nicht zu wissen, **die Angst** vor dem Wissen, und es gelang ihm, weil er wusste, dass er keine Wahl hatte [4, c. 175].

b) Aber **sie bekam ein banges Gefühl**, **ein sonderbares Frösteln**, wie man es bekommt, wenn einen plötzlich eine alte abgelegte Angst befällt [4, c. 55].

c) **Sie war so starr vor Schreck**, als sie ihn sah, dass er viel Zeit hatte, ihr seine Hände um den Hals zu legen [4, c. 56].

Эмоции в данном случае являются психологическими объектами; они продуцируются кем-либо или чем-либо. С психологической точки зрения эмоции здесь пассивны, являются реакцией на какое-либо событие.

Номинант эмоций *Angst* может выступать и в функции субъекта действия (die Angst packt j-n., Angst befällt j-n.), например:

a) …kehrte in das Herz Antoine Richis' **die Angst** ein wie ein hässliches Gift [4, c. 256].

b) Nun **legte sich die Furcht** über das Land [4, c. 249].

Названные номинации эмоции страха выступают в примерах в качестве метафоры. В некоторых случаях зафиксированы метафорические описания рассматриваемого явления (*auftauchen, sich steigern* и т.п.). Именно их метафорическое использование в речи представляется наиболее интересным с точки зрения культурологии и этнолингвистики.

Первичные и переносные номинации служат важным источником информации, поскольку в них заложены ценности этноса, индивида, выступающие мотивами используемого переноса значения. Благодаря этому номинации приобретают различные нестандартные оценочные характеристики и эмотивные признаки.

Именно метафора сообщает основную информацию об эмоциях, поскольку она базируется на принципе сопоставления человеческих переживаний с различными объектами мира. Метафора в данном случае привлекает принципы теории принятия решений и теории ценностей отдельного индивида, позволяет в силу иерархической структуры указанных теорий соотнести новый образ с исторически сложившейся, культурно обусловленной картиной мира.

Изучение особенностей употребления в речи номинации группы *Angst (Furcht, Schrecken, Scheu* и др.) свидетельствуют о том, что немецкое языковое сознание приписывает им антропонимические, зоонимические и натурморфные свойства – *packen, lähmen, steigern, treiben, vermindern, erfassen, sich steigern, wachsen, abfallen, aufflackern, überstehen, toben* и т.д.

Страх сковывает, парализует наши реальные поступки (*packen, ergreifen, lähmen* и др.), например: Grenouille war wie **gelähmt vor Schreck** [4, c. 268].

Этой эмоции часто приписываются характеристики человека, и П. Зюскинд активно использует персонификации, например:

a) Nun **legte sich die Furcht** über das Land [4, c. 249].

b) …kehrte in das Herz Antoine Richis' **die Angst** … [4, c. 256].

Более того она представляется носителям немецкого языка как сжигающее человека существо, например: Als ihm das klargeworden war, schrie er so **fürchterlich laut**, **als wurde er bei lebendigem Leibe verbrannt** [4, c. 171].

Эмоции страха могут исчезать, уходить, например: **Die Angst fällt ab**...; … **überfiel ihn die grässliche Angst**, er hätte ihn auf immer verloren [4, c. 51]).

Достаточно продуктивны клишированные высказывания типа *aus/vor Angst, Schrecken etw. machen, tun.* Их использование связано с передачей причинного характера эмоций (…**aus lauter Angst** vor seinem Glück **nicht schlafen konnte** [4, с. 143]).

Страх может изменяться с точки зрения количественных характеристик, как правило, расти *(sich steigern, wachsen* и др.), воспламеняться *(aufflackern).* Переживание эмоции *Angst* часто эксплицируется через соматические компоненты, например: **zähneklappernde** Angst, или Sie war so **starr vor Schreck**, als sie ihn sah, dass er viel Zeit hatte, ihr seine Hände um den Hals zu legen. Это подчеркивает силу и интенсивность страха, его отрицательную психологическую направленность (адъективные словосочетания *feige Angst* и *furchtbare Angst*) [3, с. 334].

Номинации группы эмоций *Angst* активно употребляются определениями, выраженными прилагательными или причастиями, например: *tödliche, überstandene, tiefe, heftige, unsägliche, suchende Angst, unaussprechliche Furcht, panisches Entsetzen* и т.п.

Номинации страха могут реализовываться посредством сравнения, например: "Nein, das sollst du nicht!" schrie Baldini entsetzt, und es schrie aus ihm **die ebenso tief verwurzelte wie spontane Angst vor der Verschwendung seines Eigentums** [4, с. 269].

При этом следует указать на сопоставление *Angst* с отрицательно маркированными лексемами немецкого языка: *scheußliche Wehe, schwerer Schatten, das Gift* (… kehrte in das Herz Antoine Richis' **die Angst ein wie ein hässliches Gift** [4, с. 256]).

Страх часто ассоциативно соотносится с физиологическими ощущениями человека: *kalter Schrecken, kalte Angst* и др. Следовательно, он обладает, согласно представлениям немцев, очевидными натурморфными признаками.

Примечательны употребления в немецкой речи лексемы *Angst* с прилагательными, являющимися производными от синонимичных ему понятий: *schreckliche, furchtbare, grauenvolle Angst*. Ср: Und in ihren Augen war **eine furchtbare Angst** [4, с. 178]. Здесь речь идет о плеоназме на лексическом уровне. Его использование сопряжено с намерением говорящего показать силу указанной эмоции, степень её проявления и усиление эффекта на слушающего.

Не менее необычны обозначения эмоций, которые сочетаются со словами, семантика которых им противоположна, например: *ein wunderbares Entsetzen* [4, с. 128], *freudiger Schreck* [4, с. 139]. В данных примерах фигурирует оксюморон, цель которого состоит в создании образности на принципе контраста используемых понятий.

В группе эмоции Angst обнаружены также употребления субстантивной метафоры, например, *eine neue Welle der Angst und Entsetzen* [4, с. 233] , *der Krampf des Schreckens* [4, с. 274] и др.

Все названные концептуальные особенности стилистического оформления эмоции страха подтверждаются её природой: она является реакцией человека на воздействующее окружение, она влияет на действия индивида с учетом сформировавшейся в его сознании концептуальной модели. Человек дает оценку личным и внешним возможностям, принимает решение о выборе средств для передачи сложившейся ситуации с учетом мотивационных принципов, имеющейся системы ценностей.

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные концепты как фиксаторы мыслительного процесса обладают этнической спецификой. Она в свою очередь обусловлена бытом народа, стереотипными моделями поведения его представителей и находит отражение в языке, семантике отдельных её компонентов (лексемы синонимического ряда *Angst*) или в конкретных ситуациях использования языковых единиц, связанных с национаь-культурными особенностями соответствующего народа.

Список литературы

1. *Душков, Б.А., Королев, А.В., Смирнов, Б.А. Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика / Б.А. Душков, А.В. Королев, Б.А. Смирнов. 2005г.*
2. *Национальная психологическая энциклопедия. – Электронная версия:*
3. http://vocabulary.ru/dictionary/896/word/psihologicheskaja-gotovnost.
4. *Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты [Текст]: в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – М.: Гнозис, 2008. – 373 с.*
5. *Pestova, N.V. Expressionistische Dichtung zur adäquaten Übersetzung der «absoluten Metapher» / N.V. Pestova // Das Wort. Germanisches Jahrbuch GUS. – 2005. – S. 329-340.*
6. *Süskind, Patrick Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders / P. Süskind. – Zürich: Diogenes Verlag, 1994. – 330 S.*

УДК 821.161.1

ПУТИ МОДИФИКАЦИИ РОМАННОГО ЖАНРА

© ***А.А. Тимакова***, *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*

НАЗВАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ

© ***A.A. Timakova***, *Penza State University (Penza, Russia)*

В статье обосновывается сюжетообразующая возможность темы народной жизни в рамках отдельной типологической разновидности романного жанра – народного романа. Автор, опираясь на творческие достижения Д.В. Григоровича, делает вывод о том, что развитие народного романа продолжилось и в народнической литературе на единой содержательной основе – жизни народа.

Ключевые слова: народный роман, сюжет героя, романы Д.В. Григоровича, народническая литература, типологические разновидности жанра.

The possibility to organize the subject of novel from people's life in a separate variation of the novel genre – national novel is stated in the article. The author, based on the creative achievements of DV Grigorovich, concludes that the evolution of national novel continued in populist literature on the basis of a unified content – the life of the people.

Key words: national novel, story of the hero, D.V. Grigorovich novels, populist literature, typological variations of the genre.

E-mail: anntimakova@rambler.ru

Сюжетообразующим стержнем романа является судьба личности, её становление и развитие на фоне общественной жизни, что помогает осмыслить героя как часть всего общества. Это известный и привычный

жанровый фрейм, распространившийся в русской литературе с первой трети XIX века. Все, что не соответствует канонам жанра, часто обретает индивидуальное жанровое наименование или признается не совсем удачным в художественном отношении. Однако именно модификация – основа эволюции. Отступление от романной схемы, даже размывание границ жанра есть своеобразное литературное «отрицание отрицания» и началось оно, как только роман выкристаллизовался из массы прочих художественных форм. Сюжет героя не всегда может воплотить в себе всю полноту авторского замысла, многообразие общественных явлений и их сложность по отношению друг к другу, динамику изменений жизни на протяжении значительного временного периода. Автору в определенных случаях становится тесно в предлагаемых ему жанром рамках, в чем он сам и признается: «Для меня повесть – рама» (А.И. Герцен о романе «Кто виноват?»); «Вещь, над которой сижу и тружусь теперь…не похожа ни на повесть, ни на роман» (Н.В. Гоголь о поэме «Мертвые души»); «...Пишу нечто «прощальное», некий роман-хронику сорока лет русской жизни…» (А.М. Горький о повести «Жизнь Клима Самгина»).

Таким образом, композиционным стержнем романа может быть не только судьба героя, его становление и развитие. Часть эпохи в её прямом воплощении – жизни народа – вполне самостоятельный сюжетообразующий материал для романного жанра в одной из его типологических разновидностей: народный роман.

Народный роман оформился в творчестве писателя середины XIX века Д.В. Григоровича («Рыбаки» 1953 г., «Переселенцы» 1955 г.). Однако явное нарушение классической формы жанра, признаваемой современниками автора в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, отразилось и в оценке указанных романов писателя. К примеру, П.В. Анненков, известный своей приверженностью к эстетическим сторонам искусства, в 1853 году обратил внимание на то, что в произведениях Д.В. Григоровича наблюдается прежде всего «тяжелая борьба между литературной манерой и бытом» [1, с.59]. Критик не увидел в художественной манере Д.В. Григоровича гармонического сочетания формы и содержания, поскольку «нероманный» предмет повествования до романов «Рыбаки» и «Переселенцы» находил свое отражение лишь в очерках периода «натуральной школы».

Начинал Д.В. Григорович как автор физиологий («Деревня», «Антон-Горемыка», «Капельмейстер Сусликов», «Неудавшаяся жизнь» и др.), причем «маленький человек» в его произведениях выходит за рамки индивидуальной ограниченности. Опыты анализа внутренней, психологической жизни крестьянина позволили писателю сделать вывод о возможности создания произведения, в основе которого – цельный и самодостаточный образ из народа. Цель автора – представить широкое полотно простонародной жизни, показать «жизнь провинциального быта» (выражение автора) крайне важной частью общенациональной жизни. Не случайно издание «Проселочных дорог» в 1872 году Д.В. Григорович сопроводил подзаголовком «Роман без интриги», что указывает именно на перенос внимания с сюжета на поток жизни в её ментальных, бытовых, социальных проявлениях.

Здесь мы видим максимальное проявление в романном жанре эпического как родового признака: «Своеобразие границ эпического сюжета – их открытости, условности, случайности – также находит свое объяснение в природе основной сюжетной ситуации. Ни каким-либо отдельным событием,

ни всей их совокупностью эпическая ситуация не создается, а также не преодолевается или отменяется… Сущность мира, которая раскрывается в эпической ситуации, остается неизменной. Отсюда и дублирование главного события в эпике, и необязательность или отсутствие в ней развязки» [6, с. 115]. Иными словами, отсутствие романной интриги в её привычном смысле в народном романе можно объяснить перенесением внимания с героя как идейного центра произведения на поток жизни, отражаемый героями из народа; герой в этом случае не лишается личностных черт, но ценен он именно как представитель народной жизни. Таков и образ рыбака Глеба Савина (роман «Рыбаки»). Для автора это типичный, косный в своих устоях и верованиях персонаж: «Старый рыбак, как все простолюдины, вставал очень рано. Летом и весною просыпался он вместе с жаворонками, зимою и осенью – вместе с солнцем… Наши мужички начинают спать на дворе с самого Благовещения. Несмотря на то, что в эту пору утренники холоднее зимних, семейства покидают избу и перебираются в сени или клети; даже грудные младенцы, и те (поневоле, впрочем) следуют за своими родителями. На печке остаются одни хворые старики и старухи. Переселение на дачу происходит, как видите, раненько: все, и малые и большие, корчатся от стужи под прорванными тулупишками, жмутся друг к дружке и щелкают зубами; но что прикажете делать! Таков уж исконный обычай!» [3]. Глеб символизирует патриархальную правду, ментальные признаки русского человека, и это явилось важным этапом укрепления темы народной жизни в качестве самостоятельной и сюжетообразующей. Развиваясь, эта тема найдет отражение в творчестве писателей-народников.

Народническую литературу традиционно делят на две основные части: первая часть о русской пореформенной деревне, жизни крестьянских масс, вторая же о судьбах интеллигентов-революционеров, посвятивших себя служению народу, идее его «пробуждения» [4, с. 439]. В произведениях первой части – романы П.В. Засодимского «Хроники села Смурина» и Н.Н. Златовратского «Устои» – «выяснение сущности веками сложившихся коренных устоев народно-крестьянской жизни, общинных ритуалов, раскрытие психики мужика, его бытия, всей его философии жизни в зависимости от общинной формы землепользования, а с другой стороны – процесс распада патриархально-общинных отношений и порожденных ими представлений о действительности» [4, с. 441]. Как видим, цель авторов не нова: показать жизнь народа в исторической перспективе. Однако социальные реалии 1870-80-х гг. позволили народной тематике несколько обособиться в художественную группу произведений, называемую по распространенному движению народнической.

По сути своей романы П.В. Засодимского и Н.Н. Златовратского представляют собой один из векторов развития народного романа, его новое воплощение. Сюжет здесь также сформирован не историей героя, а событиями крестьянской жизни, её течением в драматическую эпоху крушения вековых ценностей. И хотя часто народническую литературу исследуют в этнографическом ключе [7], на наш взгляд, более правильным будет отделять цели от средств и не приравнивать ознакомительные этнографические зарисовки к опытам создания крупной жанровой формы, посвященной основам народной жизни. Критик Н.В. Шелгунов для характеристики явно выделяющейся в литературе второй половины XIX века художественной линии писателей-народников предложил термин «народный

реализм» [8]. Он может быть принят как условное, рабочее определение повествовательной специфики произведений из народной жизни, однако реализм как качество художественного произведения и как творческий метод не может быть поделен на тематические виды. Как писал В.Г.Белинский, «если изображение жизни верно, то оно и народно», или, иными словами, ненародного реализма быть не может.

Н.А. Вердеревская в своей известной работе «Русский роман 40-60-х годов XIX века» указала на наличие впечатляющего разнообразия определений романного жанра, относящихся только к 70-м годам XIX века – их более тридцати. Однако проблему исследователь видит не в количестве типологических разновидностей жанра, а в отсутствии системы их выделения: «Если речь идет о романах народнических, значит, исследователь признает необходимым проводить жанровое формовыделение по признаку авторской идеологической позиции – и тогда возможен разговор о романах революционно-демократических, либеральных, консервативных, славянофильских, марксистских и пр. Если исследователь считает нужным использовать термин «роман из народной жизни», «рабочий роман» или «роман о духовенстве» – перед нами градация по признаку тематическому…» [2, с.12-13]. На наш взгляд, более продуктивным представляется признание жанра как «содержательной формы» (В.М. Переверзин) [5], поскольку «рост познавательного потенциала понятия «жанр» связан прежде всего с содержательно-смысловой его трактовкой» [5]. Модификация романного жанра в его типологическую разновидность «народный роман» происходит, таким образом, по тематическому, содержательному аспекту и по совокупности его структурных признаков: специфика сюжета, персонажей, позиции автора и способов её выражения и др. Изучение нормативных категорий народного романа является предметом отдельного теоретического исследования, здесь же скажем, что выделение народного романа с позиций истории литературы подтверждается многочисленными образцами русской романной прозы, в которых сюжет определялся именно самостоятельностью проявления темы народной жизни.

Список литературы

1. *Анненков П.В. Критические очерки. СПб, 2000.*
2. *Вердеревская Н.А. Русский роман 40-60-х годов XIX века. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980.*
3. *Цит. по: Григорович Д.В. Избранное. М.: Худож. лит., 1976.*
4. *История русского романа. В 2 тт. Т.2. М.-Л.: Наука, 1964.*
5. *Переверзин В.М. Большая эпическая форма в русской литературе: пути жанрового изучения. Новосибирск: Наука, 2007. С. 14.*
7. *Тамарченко Н.Д. Эпика // Литературоведческие термины (материалы к словарю). Вып. 2. Коломна, 1999.*
8. *Чеботарева Е.Г. Проза писателей-народников как художественное явление 1870-х гг. // Гуманитарные исследования. 2008. № 4. С. 152-157; Фокеев А.Л., Чеботарёва Е.Г. Демократическая очеркистика 1860-х годов и народническая литература (традиции и преемственность) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Т. 2. № 4. С. 131-134.*
9. *Шелгунов Н.В. Литературная критика. Л., 1974. С. 288.*

УДК 811.111'24

РУССКИЙ ИДИОМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

© ***Н.В. Щенникова,*** *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*

THE RUSSIAN IDIOM OF THE ENGLISH LANGUAGE: PECULIARITIES OF FINITE VERB FORMS USAGE

© ***N.V. Schennikova,*** *Penza State University (Penza, Russia)*

В статье постулируется объективное существование русского идиома английского языка как особой знаковой системы, характеризующейся массовым распространением и системой устойчивых типовых структурных и функциональных закономерностей. В частности, автор описывает специфику употребления личных форм глагола в англоязычной речи носителей русского языка. Сделаны выводы о закономерностях порождения речи на неродном языке и грамматическом идиоэтнизме неаутентичной англоязычной речи, обусловленном прагмалингвистическим переносом синтаксических средств вербализации мысли.

Ключевые слова: личные формы глагола, русский идиом английского языка, этноспецифика речи, речевая норма, модели речевого поведения, грамматический идиоэтнизм, билингвальная языковая личность.

The paper postulates the Russian idiom of the English language as a specific semiotic system characterized by mass spreading and the system of typical structural and functional regularities. The author specifically describes peculiarities of using modal verbs in the English speech of Russian-speaking people. Some conclusions are drawn on regularities of non-native speech production and grammatical idioethnicity of non-authentic English speech determined by a pragmalinguistic transfer of syntactic means of thought verbalization.

Keywords: finite verb forms, the Russian idiom of the English language, speech ethnospecificity, speech norms, speech patterns, grammatical idioethnicity, bilingual identity, pragmalinguistic transfer.

E-mail: schennikova@list.ru

Формирование неродной языковой компетенции у носителей русского языка происходит в основном в процессе формального, специально организованного обучения. По сравнению с языком, на котором говорит английский этнос (далее язык-источник), результат освоения английского языка в искусственных условиях педагогического дискурса представляет собой в той или иной степени видоизмененную форму английского языка и обладает рядом специфических черт. Вслед за В.М. Савицким и его учениками [1, 2] мы считаем обоснованным определить модификацию английского языка, представленную в языковом сознании его русскоязычных пользователей, как *русский идиом английского языка* (РИАЯ). Это соотносится с определением, которое сформулировал В.А. Виноградов: «Идиом – общий термин для обозначения различных языковых образований – языка, диалекта, говора, литературного языка, его варианта и других форм существования языка. Термин *идиом* используется в тех случаях, когда определение точного лингвистического статуса языкового образования затруднено» [3]. Иноязычную компетенцию русскоязычных учащихся традиционно рассматривали с точки зрения лингводидактики как набор ошибок и девиаций и разрабатывали методические алгоритмы борьбы с ними. Одним из центральных понятий в этой учебно-методической и дидактической проблематике является понятие интерференции (от англ. interference – "вмешательство, помеха, препятствие"). Высоко оценивая достижения отечественной и зарубежной лингводидактики [4-8

и др.], теории речевых ошибок и межъязыковой девиатологии [9-15 и др.], мы считаем, что необходимо изучить модифицированную англоязычную компетенцию с точки зрения теоретической лингвистики на всех языковых уровнях. Это иной подход к данной проблематике: наше описание идиома носит констатирующий характер и не имеет целью отразить несовершенства лингводидактических усилий и индивидуальные огрехи учащихся и преподавателей. РИАЯ в нашем понимании – реальная, широко распространенная, достаточно эффективно функционирующая на международной арене и полноправная коммуникативная система, существующая параллельно с английским языком-источником. Идиом обладает рядом специфических черт по сравнению с аутентичным языком и с теми его модификациями, которые используются носителями других языков (итальянский, китайский, немецкий идиом английского языка и проч.).

Цель нашего исследования – полиаспектное описание РИАЯ как самостоятельной коммуникативной системы, особенностей его структуры и функционирования по сравнению с языком-источником. Необходимость изучения международных коммуникативных систем, которые в глобальном масштабе приобретают всё большее значение, определяют актуальность исследования. Эта форма английского языка являет собой тот инструмент, с помощью которого современное российское общество может принимать участие в межкультурном общении и быть вовлеченным в качестве активного субъекта в процессы мировой глобализации и интеграции. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении РИАЯ не с учебно-методических и дидактических позиций, а под углом зрения кросс-культурной коммуникации. В наши задачи входит выяснить, как общение на РИАЯ между носителями русского и английского языков способствует передаче особенностей российского менталитета; как происходит кодирование смысла на этом идиоме, представляющего собой гибрид двух ментальностей; и что получается, когда участники коммуникации общаются на разных модификациях одного и того же языка. Исследование проводится с 2005 г. и продолжается по настоящий момент. Материалом исследования послужил корпус языковых образований (на настоящий момент 3.500), собранных в результате наблюдения за устной и письменной речью пользователей идиома, опроса русскоязычных и англоязычных информантов, экспериментов с участием пользователей РИАЯ. Для анализа этноспецифики процессов формирования и формулирования мысли на идиоме был использован индуктивный метод: конкретный корпус собранного речевого материала на идиоме является источником информации о сформированной аппроксимативной системе, в которой проявляются характерные для субординативных билингвов новые когнитивные и речевые структуры, не присущие их первичному языковому сознанию.

Идиоэтнизм РИАЯ представляет собой сложный и объемный исследовательский объект, затрагивающий фонетический, грамматический, лексико-фразеологический аспекты. Среди факторов грамматического идиоэтнизма мы выделяем этносоциокультурные, прагматические, структурно-языковые, когнитивные. В рамках статьи описаны некоторые частные структурно-языковые аспекты речи на идиоме, а именно особенности употребления личных форм глагола. Как известно, системы видовременных форм русских и английских глаголов не изоморфны. Описанию их различий посвящен ряд теоретических и учебно-методических работ. Специфика каждой

видовременной системы проявляется не только на семантическом уровне, но и на формальном уровне: в русском языке преобладают синтетические видовременные формы, в английском языке – аналитические. Восприятие, отражение, категоризация и творческая модификация мира осуществляется индивидом посредством грамматических категорий внутреннего кода индивида, т. е. семиотической матрицы его родного языка. При переключении на какой-либо внешний код, в данном случае на семиотическую систему английского языка, индивид не может полностью отключить когнитивно-коммуникативные структуры родного языка и полностью заместить их соответствующими структурами неродного языка в силу законов высшей нервной деятельности. Отсюда склонность осуществлять семиотическое моделирование видовременных форм неродного языка на базе универсальной семиотической матрицы видовременных форм глагола родного языка. Иными словами, склонность русскоговорящих билингвов адаптировать видовременные формы английского языка к формам русского глагола и устанавливать негибкие ассоциативные соответствия между разноязычными формами (например, английские перфектные формы всегда соответствуют русским формам совершенного вида) создает условия для пополнения списка черт своеобразия речи на РИАЯ.

Многолетние наблюдения и анализ образцов письменной и устной речи русскоязычных билингвов позволили нам сделать некоторые выводы о частотных массовых отклонениях пользователей РИАЯ от аутентичной нормы применения видовременных форм, т. е. о норме РИАЯ в этом аспекте.

- **В речи на РИАЯ глагольная форма Past Continuous употребляется чаще, чем в аутентичной английской речи.** В аутентичной английской речи форма Past Continuous употребляется при одновременном использовании формы Past Simple (*When I arrived, he was crying bitterly*), при передаче двух или более параллельных действий с обычным указанием времени (*At five yesterday he was washing up, while she was walking the dog*) и с составным предлогом *between ... and ..., from ... to ...* в тех случаях, когда требуется эмфатически подчеркнуть процесс и продолжительность действия. Чаще в последнем контексте употребляется форма Past Simple, кодирующая факт состоявшегося действия. Пользователи РИАЯ часто не учитывают этого, отождествляют форму Past Continuous с формой русского глагола несовершенного вида прошедшего времени и применяют форму Past Continuous там, где аутентичная речевая норма предписывает форму Past Simple. Например,

Русская речь	Речь на РИАЯ	Аутентичная речь на английском языке
Я учил английский два года.	I was learning English for two years.	I learnt English for two years.
Они работали вчера 5 часов.	They were working for 5 hours yesterday.	They worked for 5 hours yesterday.

- **В речи на РИАЯ не дифференцируются оттенки значений оппозиции Past Simple – Past Continuous в отличие от аутентичной английской речи в следующих случаях:**

Past Simple	Past Continuous
регулярное, обычное действие	**спланированное, преднамеренное, однократное действие**
From five to seven Jack **texted** his friends.	From five to seven Jack **was texting** his friends.
I **briefed** them on the safety instructions.	I **was briefing** them on the safety instructions.

Past Simple	Past Continuous
знание человека о предмете разговора полное и у него нет желания продолжать обсуждать данную тему	**знание человека о предмете разговора неполное и у него есть желание услышать от собеседника дальнейшую информацию об этом**
Did you hear about the bribery scandal?	Did you hear about the bribery scandal?
Yes, my assistant **told** me about it.	Yes, my assistant **was telling** me about it.
Yes, I **read** about it.	Yes, I **was reading** about it.

- **В речи на РИАЯ часто не дифференцируются оттенки значений оппозиции Simple – Continuous глагола *to be* для характеристики человека и его поведения в отличие от аутентичной английской речи.** Специфика РИАЯ в выборе видовременных форм проявляется в отношении глагола *to be*, когда необходимо дискриминировать общую характеристику человека, с одной стороны, и характеристику его поведения в конкретном случае, с другой стороны. Русскоязычные билингвы часто пренебрегают этим потенциалом грамматических форм кодировать значимые оттенки смысла. Причем часто употребление форм Simple может вызвать у собеседника более негативные эмоции, поскольку звучат более резко и беспристрастно:

Русская речь	Речь на РИАЯ	Аутентичная речь на английском языке
Ты ведешь себя глупо!	You are foolish!	You are being foolish!
Ну ты и зануда!	You are a nuisance!	You are being a nuisance!
Ты что ведешь себя так грубо?	Why are you so rude?	Why are you being so rude?

- **В речи на РИАЯ английская предикативная конструкция с глаголом-связкой *to be* для передачи свершившегося действия употребляется в целом реже, чем в аутентичной английской речи.** Межъязыковой анизоморфизм обнаруживается в тех случаях, когда пользователям РИАЯ нужно передать совершившееся действие (*опоздал, уехал, лег спать, заболел, вышел, закончил, кончился*). В этих случаях русская речевая норма предписывает употребление глагольной формы совершенного вида. Носители английского языка осмысливают эти ситуации как состояния, являющиеся результатом действия, и грамматически оформляют их с помощью предикативной конструкции с глаголом-связкой *to be*. Русскоязычные билингвы, опираясь на грамматические каноны родного языка, осуществляют прагмалингвистический перенос и склонны употреблять глагольные формы Present Perfect:

Русская речь	Речь на РИАЯ	Аутентичная речь на английском языке
Он ушел.	He has gone away.	He is gone. He is away.
Он вышел.	He has gone out.	He is gone. He is out.
Он вернулся.	He has returned.	He is back.
Он лег.	He has gone to bed.	He is in bed.
Он заболел.	He has fallen ill.	He is ill.
Он закончил.	He has finished.	He is through.
Он умер.	He has died.	He is dead.

- **В отличие от аутентичной английской речи, на РИАЯ не встречается структурно зависимая глагольная форма Present Simple в специальных вопросах особого типа *What do we do next? Where do we go now? Who do we refer to for instructions?*** Пользователи РИАЯ прибегают к другим грамматическим средствам: конструкция *be going to*, модальным сказуемым с *should* и формой Future Simple: *What are we going to do next? Where should we go now? Who will/shall we refer to for instructions?* Предписанный

английской речевой нормой Present Simple не согласуется с системой видовременных форм русского языка, пользователи РИАЯ не находят обратной ассоциативной связи и, как следствие, не употребляют форму Present Simple для грамматического оформления подобных вопросов.

- **В речи на РИАЯ употребляется форма Present Perfect для оформления высказываний в следующих специфических контекстах: *я забыл – I have forgotten, я слышал – I have heard, я узнал – I have learnt, мне сказали – I have been told*, и не употребляется Present Simple, предписываемый нормой аутентичной английской речи.** Употребление формы Present Perfect для грамматического оформления таких высказываний согласуется с аутентичной английской речевой нормой, но лишь отчасти, поскольку для разговорного стиля предпочтительным является использование формы Present Simple: *I forget, I hear, I learn, I am told*. Например, *I forget his name. I hear they are getting married.* Пользователям РИАЯ эта форма представляется неудобной, т.к. они не находят регулярного соответствия в видовременной системе родного языка. Более того, с их точки зрения, она никак не кодирует результат состоявшегося действия, как это делает русский глагол прошедшего времени совершенного вида.

- **В речи на РИАЯ редко употребляются глаголы в форме Continuous, принадлежащие списку non-Continuous в одних из своих значений.** Усвоив список глаголов, в норме не употребляющихся в форме Continuous в одном из значений, пользователи РИАЯ зачастую не владеют алгоритмом использования этих глаголов в других значениях в форме Continuous.

Русская речь	Речь на РИАЯ	Аутентичная речь на английском языке
See в значении “встречаться”, “посещать”	I’m meeting Susan tonight. They are going sightseeing.	I’ll be seeing Susan tonight. They are seeing sights.
Hear в значении “получать известия”	I'm getting all news about his life and work regularly now.	I’m hearing all about his life and work regularly now.
Like, love в значении “испытывать положительные эмоции” *Hate* в значении “испытывать отрицательные эмоции”	How do you like your new job? I like it/I hate it.	How are you liking your new job? I’m loving it/I’m hating it.

Формулировки средней колонки не возбраняются английской аутентичной нормой, но регулярное и систематическое неупотребление аутентичных форм в тех случаях, когда они предписаны и рекомендованы речевой нормой английского языка, также является чертой идиоэтничной речи на неродном языке.

- **В речи на РИАЯ не употребляется форма Present Perfect Continuous с глаголами чувственного восприятия, ментальной активности, желания и другими глаголами, в норме не употребляющимися в форме Continuous в отличие от аутентичной английской речи.** Пользователи РИАЯ не употребляют форму Present Perfect Continuous с глаголами чувственного восприятия, ментальной активности, желания и другими глаголами, в норме не употребляющимися в форме Continuous. Однако употребление этих глаголов в форме Present Perfect Continuous является отличительной чертой разговорной нормы английского языка. Такое грамматическое оформление высказываний выполняет отдельную прагматическую функцию, а именно подчеркивает

интерес говорящего или возбуждает интерес слушающего к происходящему, придавая высказыванию эмоциональную окраску. Например, *I've been wanting to meet you. I've been hoping to have another talk with you. I've been hearing about you problems too long.* Русскоязычные билингвы не знают этой особенности и, как следствие, не употребляют Present Perfect Continuous с глаголами группы non-Continuous для достижения указанной прагматической цели.

- **В отличие от аутентичной английской речи, на РИАЯ не употребляется форма Future Continuous для выражения запланированного будущего действия.** Согласно английской речевой норме для выражения запланированного будущего действия употребляются формы Present Continuous и Future Continuous. В определенных контекстах разницы в значении между этими формами нет: *I'm seeing Joanna at the office at 5. I'll be seeing Joanna at the office at 5.* Но пользователи РИАЯ используют в подавляющем большинстве случаев форму Present Continuous и не употребляют форму Future Continuous. В некоторых контекстах запланированного будущего действия форма Future Continuous имеет дополнительное значение: 'возможность или вероятность какого-либо еще действия, сопряженного с указанным будущим запланированным действием'. Например, *I'll be seeing Joanna at the office at 5. Is there anything you'd like me to tell her?* или *We'll be starting in a short time. Don't go out.* Русскоязычные билингвы не употребляют форму Future Continuous для передачи этого семантического потенциала. Более того, пользователи РИАЯ не пользуются формой Future Continuous с глаголами, в норме не употребляющимися в форме Continuous. Например, *You may take my bike, I shan't be wanting it anymore. You'll be wanting your notes later, so don't put them away. I'll be knowing your brother at Oxford. What's he like?* На РИАЯ форма Future Continuous употребляется реже, чем в аутентичной английской речи. Это еще один яркий пример того, что регулярное и систематическое неупотребление рекомендованных аутентичных форм индицирует неаутентичную речь.

Итак, в статье описаны некоторые особенности употребления личных форм глаголов в англоязычной речи носителей русского языка. Они были установлены с помощью сопоставления неаутентичной речи с изосемантической речью на языке-источнике. В целом не нарушая требований английской языковой системы, пользователи идиома в своей речи допускают массовые устойчивые отклонения в синтаксическом аспекте от нормы и узуса аутентичной английской речи. Они подсознательно выбирают те грамматические конструкции, которые являются структурно-семантическими аналогами конструкций родного языка, и избегают тех конструкций, аналогов которым они не находят. Предпочтения одних способов объективации мысли на английском языке другим устанавливаются в языковом пространстве РИАЯ при корректирующем и интерферирующем влиянии системы, нормы и узуса русского языка как внутреннего кода пользователей идиома. Мы считаем, что синхроническое описание идиома как самостоятельной коммуникативной системы позволит определить его структурно-функциональные особенности по сравнению с языком-источником, с одной стороны, и другими его идиомами, с другой стороны. РИАЯ заслуживает научного внимания как реально функционирующий

субъект языкового континуума, в котором сосуществуют языковые образования разного генеза и разного функционального потенциала.

Список литературы

1. *Савицкий В. М., Куровская А.Е. Национальная специфика английский речи (грамматический аспект) / В.М. Савицкий, А.Е. Куровская. – Москва: МГПУ, 2004. – 145 с.*

2. *Савицкий В. М., Плеханов А.Е. Идиоэтнизм речи (проблемы лексической сочетаемости): пособие для студентов и преподавателей / В.М. Савицкий, А. Е. Плеханов. – Москва: МГПУ, 2001. – 188 с.*

3. *Виноградов В. А. Идиом // ЛЭС. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – С. 171.*

4. *Гальскова, Н.Д., Гез, Н.И. Теория обучения ИЯ: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студентов лингв. ун-ов и фак. ин.яз. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.*

5. *Рогова, Г.В., Верещагина, И.Н. Методика обучения иностранному языку на начальном этапе в средней школе. – М.: Просвещение, 1991. – С. 47-77.*

6. *Колкер, Я.М. и др. Практическая методика обучения иностранному языку: Учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 264 с.*

7. *Пассов, Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Русский язык, 1989. –*

8. *Ter-Minasova, S.G. Traditions and innovations: English language teaching in Russia // World Englishes. – 2005. – Vol. 24, No. 4. – P. 445-454.*

9. *Дебренн, М. Типология формальных ошибок русскоязычных студентов во французском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2005. – Т. 3, вып. 1. – С. 70-81.*

10. *Acar, A. The "communicative competence" controversy. Asian EFL Journal. – 2005. – № 7(3). – P. 55-60.*

11. *Jenkins, J. World Englishes. – London and New York: Routledge. – 2003. – 233 p.*

12. *McArthur, Tom. Oxford Guide to World English. – Oxford University Press, 2003. – 501 p.*

13. *McKay, S.L. Teaching English as an International Language. – Oxford University Press, 2002. – 150 p.*

14. *Quirk, R. Language varieties and standard language // World Englishes: Critical Concepts in Linguistics. / Edited by Kingsley Bolton and Braj B. Kachru. – London and New York: Routledge, 2006. – Vol. 3. – P. 501-511.*

15. *Trimnell, E. Why You Need a Foreign Language & How to Learn One. – Beechmond Crest Publishing, 2005. – 236 p.*

ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 130.2

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

© ***С.Н. Волков***, *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

TO THE PROBLEM OF SCIENCE AND EDUCATION DEVELOPMENT AT THE PRESENT STAGE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

© ***S.N. Volkov***, *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

В статье рассматриваются проблемы в образовании на современном этапе развития общества. Говорится о формирующихся пластах культуры, где происходит подмена рационального иррациональным. Ставится проблема дальнейшего развития образования в потребительском обществе.

Ключевые слова: наука, дерационализация, культура, эзотерика

Problems in education at the present stage of society development are considered in the article. Forming culture strata where rational is replaced by irrational is under discussion. The problem of further education development in the consumer society is set by the author.

Key words: science, derationalization, culture, esotericism

В динамике становления науки вообще и приращения научного знания существуют периоды стагнации, в которых мысль замедляет темпы развития. Нечто подобное наблюдается на современном этапе, поскольку в целом высшее образование испытывает серьезные метаморфозы в организационном плане и находится в состоянии бифуркации, под которой следует понимать, неопределенность и неустойчивость дальнейшего развития. Мнение на этот счет А. И. Фурсова таково: «Болонская система, на мой взгляд, это просто катастрофа высшего образования … … в системе образования появилась масса чиновников. Иного слова как паразиты, я не могу для них подобрать, это люди, которые паразитируют на процессе образования. Они следят за тем, чтобы правильно заполнялись те формы, которые соответствуют Болонской системе …» [7]. Мнение подобного рода связано с формой образования, а форма порождает в дальнейшем следствии неопределенные перспективы.

Наука в условиях становления информационного общества находится в состоянии «не движения». Общество потребителей не ориентировано на созидание новых технологий в массовом количестве. Этим занимается элитная часть, среди которой и образованные, и подготовленные интеллектуально люди. Высшее образование через систему тестирования при проверке знаний лишает студента возможности ставить проблему. Студент выбирает из предложенных ему вариантов ответа правильный. Это далеко не творческий процесс, и он подводит к дальнейшим амбициям, в числе которых система примитивных отвлечений от глобальных проблем и

поиск средств удовлетворения личностных запросов (досуговые и развлекательные потребности).

Вопрос стоит о научном познании картины мира. Этот вопрос вставал в ученой среде периодически на разных этапах развития научной мысли. К примеру, что-то подобное просматривается в критических ответах Карла Поппера Томасу Куну. «На мой взгляд, “нормальный” ученый, как его описывает Кун, - это человек, достойный сожаления … … “Нормальный ученый”, описанный Куном, обучен плохо. Он обучен в духе догматизма, он жертва индоктринации. Он усвоил технику, которую может применять, не задаваясь при этом вопросом, почему (например, в квантовой механике). Вследствие этого он стал тем, кто может быть назван “ученым-прикладником”, в отличие от того, кого я назвал бы “чистым ученым” …» [4, с. 529-530]. Не углубляясь в полемические высказывания мыслителей, можно предположить, что подобный вопрос сегодня сместил свой крен в сторону подготовки бакалавров и магистров.

Заглядывая чуть глубже, на уровень подготовки выпускников средних школ, перед сдачей ЕГЭ, можно также констатировать то, что ряд дисциплин стали просто выхолощенными из системы среднего образования. Достаточно отметить факт «исчезновения» астрономии, как предмета. У Фурсова встречаем высказывание относительно того, что «… из школы вытесняются ряд предметов и на них сокращаются часы. Это физика, математика. Астрономию вообще выдавили из школы. Её нет. И это создает очень хороший фундамент для дерационализации знания. Человек, который не знаком с основами астрономии, может поверить в астрологию, в магию, и в какие-то другие вещи …» [7]. Можно осторожно спрогнозировать то, что в ближайшем будущем фэнтезийный жанр, уже вытеснивший жанр научной фантастики, создаст предпосылку создания «прошлого в будущем». Нечто схоластическое (в смысле стагнации научной мысли) происходит на современном этапе, и видимо, осуществляется подмена рационального иррациональным, хотя декларируемый фон образовательной среды вроде бы соответствует требованиям времени.

Интересно и то, что ряд научных направлений сегодня становится объектом дискуссий относительно своего статуса. К примеру, если вопрос заходит о космологии, то правомерно спросить: «К какому типу науки относится она – к естественной или гуманитарной?». Именно так формулирует данный вопрос В.М. Розин и рассуждает на эту тему. В его представлении, безусловно, первично космология есть наука естественная. Она изучает физическую Вселенную. Подходы и методы в исследованиях также физические. Но своеобразие объекта космологии – Вселенной – налицо. Ссылаясь на А.Л. Зельманова, В.М. Казютинского, которые находят в космологии, как дисциплине «… физическое учение о Вселенной как целом, включающее в себя теорию всего охваченного астрономическими наблюдениями мира, как части Вселенной …» [Цит. по 2, с. 10], Розин отмечает, что «… если Вселенная задает смысл и цель существования человека, то космолог, изучая её, тем самым уясняет сам себя и природу человека (дух познает духовное?). Не оказались ли мы опять на территории гуманитарной науки? ...» [5, с. 18]. В определении Ф.Ю. Зигеля: «Космология занимается наиболее общими вопросами строения и эволюции всего мира в целом … … Космология всегда была и остается сферой идеологической борьбы идеалистического и материалистического

мировоззрений» [1, с. 5]. В таком понимании космология тяготеет более к гуманитарному знанию, нежели естественнонаучному.

Тем не менее, данный вопрос все же из научного миропонимания и из спорных моментов самой науки. Вместе с этим, сохраняется то, что сегодня философия науки определяет демаркацией знания, разграничением подлинно научного и эзотерического, а вместе с тем мистического мировоззрения. Дерационализация знания, о чем говорит А. И. Фурсов, имеет весьма тонкие основополагающие нити переплетения академического и эзотерического. Проблема явно социальная. В курсах школьной программы и вузовского образования, эзотеризм, как таковой отсутствует (исключения могут составлять лишь исторические аспекты ознакомительного характера с персоналиями, носителями эзотерического знания, как в философии, так и в курсе «Концепция современного естествознания»). Что же касается общества и общественного мнения в нем, то о формировании эзотерической платформы мироощущения, безусловно, можно говорить. И отсутствие в среднем и высшем образовании дисциплин, жестко регламентирующих мысль учащегося в рамках научного миропонимания, способно привести к неустойчивости мнения относительно природных процессов и в целом основ мироздания.

Ещё одним социальным феноменом в настоящее время является процесс смещения крена от жестко регламентируемого образования к поверхностному просвещению. Преимущественно в этом вопросе прогрессирует медиапросвещение. Любая форма экранизированной информации (ТВ, Интернет, бытовые устройства) определяет общие, а иногда и противоречивые, установки на понимание естественнонаучных, социально-культурных, политических, экономических ситуаций в мире. Трансляция знаний превращается в «фон», который есть лишь заполнение обстановки во время приготовления пищи в быту, выполнение иных жизненно необходимых процедур (посещение магазинов, перемещение в общественном транспорте, ожидание очереди в больнице и пр.). Наличие высокотехнологичного оборудования в виде настенных экранов в офисах или дисплеев мобильных устройств (телефонов, коммуникаторов, планшетов) обеспечивают доступ к информации, в том числе просветительского характера, легко и свободно. Информационное общество, тяготеющее к потребительству, заботиться о «схватывании» информации, дабы быть «в курсе событий», но не беспокоится о глубине получаемых знаний, отстраняя либо «на потом» серьезный анализ происходящего, либо «давая на откуп» иной категории населения, более узкой и именуемой интеллектуалами.

Теперь коснемся непосредственной проблемы данной статьи. Если образовательный процесс высшей и средней школы нацеливает учащегося на механический ответ в тестах, и не учит ставить проблему (при отсутствии на занятиях дискуссий, предметных споров, отстаиваний мнений), то не выступит ли эзотерика основой мироощущения, о чем уже говорилось выше? Вероятно, можно сказать, что подобное захватит умы абсолютного большинства людей, и в частности молодежи, будет неверным. Но часть здраво мыслящего населения вполне может принять эзотерическое, как норму восприятия и объяснения мира.

Под термином «эзотерическое» следует понимать идею, теорию, предназначенную только для внутреннего круга посвящённых в мистические таинства людей. Это «внутренняя» информация, которая нередко поступает к человеку, разделяющему мистические убеждения через интуицию, инсайт

и откровения. По мнению Л. В. Фесенковой «… Под эзотерикой понимают тайное знание, которое имеет иррациональную компоненту, уходящую корнями в глубины человеческой психики. Она апеллирует к мистическому опыту, находящемуся вне пределов рационального и тем более научного анализа…» [6, с. 5]. Зачастую эзотерическое сливается с оккультным. А этот термин обозначает учения, которые признают существование в мире сверхъестественных, недоступных научному исследованию феноменов и сил и разрабатывают особые «практические» способы взаимодействия с ними через магию, спиритизм и т.п.

Мистическое как вполне определённое, резко очерченное явление человеческого духа, возможно лишь при условии, что оппонент, другое, прямо противоположное начало того же самого человеческого духа, уже наличествует – это осознание числа как сущности вещей и организации Вселенной у Пифагора, Логоса как единого начала всего сущего у Гераклита, дао в даосизме, единого у Плотина и т.д.

Мистика как таинственное, сверхъестественное, по определению не уловимое в строгих определениях науки и доступное лишь чувственно-сверхчувственному переживанию человека, свидетельствующему о существовании Абсолюта, трансцендентного. Мистика как феномен культуры возникает лишь там и тогда, где и когда рефлектирующая человеческая мысль сознаёт своё бессилие перед загадками бытия.

Упрощение в образовании подходов к осмыслению действительности создает прецедент формирования культурного слоя, в котором отдельные смысловые оттенки происходящих социальных, политических, экономических процессов в обществе воспринимаются «приближенно» и утрированно. Точно также как фэнтезийный жанр заставляет сознание повернуться лицом к прошлому, в целом культурные тенденции начинают «скатываться» к примитивным формам мироощущения. Отсутствие, как такового, атеизма (или его наличие в обществе, как нечто «вульгарного и грубого», недостойного культурного человека) обрекает формирующийся ум молодого индивида к приятию идей эзотерического толка, либо попросту «выдерживания нейтралитета» по отношению к иррациональному. Снижение роли образования ведет к примитивизации культуры в целом. Чем примитивнее культура, тем меньше в ней места для чёткой дифференциации социальных функций, но, с другой стороны, тем непосредственнее её религиозный мистицизм с элементарными жизненными потребностями. Поэтому в таких культурах смешение социального и мистического происходит значительно быстрее, чем в высокоразвитых культурах.

Как отмечает в своем диссертационном исследовании А.Р. Кожаринова, говоря о массовой культуре, «… Массовая культура примитивизирует науку, редуцируя сложнейшие проблемы к легким для восприятия утверждениям. В итоге у масс формируется ложное мнение о легкодоступности научного знания, а также о собственной осведомленности. Масскульт мифологизирует науку и научную деятельность, превращая их из сложного явления в простой, но магический акт. Объяснительный потенциал мифа приходит на помощь при поиске надуманных связей, необходимых для заполнения лакун в образовании массовизированного индивида с его некритичным сознанием …» [3, с. 18]. Современному обществу видимо требуется некое функциональное распределение в получении знаний: будущему рабочему – исключительно производственные знания,

интеллектуалу-политику – политические, менеджеру – узко специализированные навыки управления и т.д. Что касается демаркации знания – научное – ненаучное – то, последнее, видимо, должно сохраниться для тех, кто увлечен эзотерикой и мистикой. Понятие компетенций в образовании бакалавров, приводит «ни к чему». Технически ориентированный человек получает общее и «размытое» представление о гуманитарных составляющих в образовании, и наоборот.

Сознательное пространство современного обучающегося заполняется эклектикой мозаичного содержания. Массовое и доступное иногда становится в восприятии фундаментальным (по мнению самих учащихся) и базовым. В таком состоянии необходимо задумываться о перспективах массового и элитного образования, которое уже определилось, как надобность, но ещё не «запустилось», как механизм. Государство, заинтересованное в существовании элит, должно приложить усилия для их воспитания и подготовки. А сделать это можно лишь через систему образования, которое должно быть по форме лучшее.

Список литературы

1. *Зигель Ф.Ю. Астрономия в её развитии. – М.: Просвещение, 1988. – 159 с.*
2. *Казютинский В.М. Традиции и революция в современной астрономии. Дис.; ИФ РАН. М., 1999.*
3. *Кожаринова А.Р. Трансляция специализированного знания массовой культурой: культурфилософский анализ. // Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 2010. – 20 с.*
4. *Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.*
5. *Розин В.М. Демаркация науки и религии: Анализ учения и творчества Эммануэля Сведенборга. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 168 с.*
6. *Фесенкова Л.В. Дискурсы эзотерики. Философский анализ. – М.: Едиториал, УРСС, 2001. – 240 с.*
7. *Фурсов А.И. Образование в опасности [Электронный ресурс] http://www.youtube.com/watch?v=AQC6-wn2JaY Дата обращения 16.10.2013*

УДК 130.2

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАДАПТАЦИИ ДЕВИАНТНЫХ ЛИЦ С ПОСТФОЛЬКЛОРНЫМ СОЗНАНИЕМ

© ***С.Н. Волков***, *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*
© ***О.С. Жарова***, *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

EXISTENTIAL ASPECT AS A METHODOLOGICAL GROUND OF THE PSYCHOLOGICAL RE-ADAPTATION OF THE DEVIANT INDIVIDUALS WITH POST-FOLKLORE CONSCIOUSNESS

© ***S.N. Volkov***, *Penza State Technological University (Penza, Russia)*
© ***O.S. Zharova***, *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

В статье авторы рассматривают философско-экзистенциальные подходы в оценке и дальнейшей практической реализации методов реадаптации с молодежью. Обосновывается необходимость выявления «личностного стержня» у индивида, ориентированного на девиантные формы поведения. В этом случае, как считают авторы, выбор модели поведения остается за самим человеком и не нарушает его экзистенциального существования.

Ключевые слова: постфольклорное сознание, экзистенция, реадаптация, «другое сознание».

In the article the authors examine the philosophical and existential approaches to the evaluation and further practical implementation of rehabilitation techniques with young people. The necessity of identifying "the personal stem" of the individual, based on the deviant behavior forms is proved. In this case, the authors say, the choice of the behavior model is up to the man himself and does not violate his existential existence.

Keywords: post-folklore consciousness, existence, re-adaptation, "another consciousness".

E-mail: swolf63@mail.ru; biryuza8@yandex.ru

Под постфольклорным сознанием мы понимаем совокупность мыслительных актов (включая желания индивида, его бессознательные инстинкты, представления, идеи, образы и его обязательства перед обществом), дающих возможность существовать человеку в обществе, сохраняя при этом свою аутентичность, индивидуальность, и форм их представления, присущих современному информационному техногенному обществу.

Рассмотрим подробнее постфольклорное сознание с точки зрения возможной социальной опасности для общества. Способ существования носителя постфольклорного сознания, представляющего подобную опасность, всего лишь патологичен социально, но не физиологически. Поэтому, работая с такой проблемной личностью, психолог либо психотерапевт не должен навязывать уже готовую модель поведения, пытаясь социализировать клиента, а должен стремиться регулировать его сознание, реадаптацировать его в социуме.

С наших позиций, «под реадаптацией следует понимать, прежде всего, восстановление истинно благоприемлемых для общества поступков у индивида (к примеру, гота или панка), который уже «адаптировался» в своём мире, сделал его комфортным для себя и не желает самостоятельно разрушать его» [4, с. 192]. В этом случае необходим толчок извне.

Попытаемся разобраться с методами психокоррекции, на которые должен ориентироваться психолог в работе с постфольклорно ориентированной личностью (тот случай, когда это несет опасность для самого индивида и для общества) для того, чтобы те общественные ценности, которые он отвергает, против которых протестует, стали для него приемлемыми. Только в этом случае он станет полезным, а не опасным для общества. Таким образом, реадаптация есть процесс восстановления природной аутентичности, исключающей антиморальные убеждения, ценности и, конечно, действия.

Насколько видится авторам, проблему реадаптации так же, как и самого постфольклорного сознания, необходимо рассматривать в экзистенциальном ключе. Многие существующие методики ресоциализации проблемных личностей подразумевают подстройку их сознания под некий общественный эталон. Такая «ломка» индивида чаще всего направлена на подавление его экзистенциальных переживаний, которые он не способен актуализировать. Скорее всего, такая терапия не даст положительного результата. Напротив, такие методы могут вызвать сильные душевные муки, способные даже привести человека к болезни. Стремление поменять модель поведения человека с той, к которой он привык, на ту, которая является социально приемлемой, могут спровоцировать нервно-психические перегрузки. Они могут стать настолько сильными, что потребуется помощь психотерапевта или даже психиатра.

Экзистенциальные же методы подразумевают мягкость и легкость в приспособлении к окружающему миру. Человек как бы остаётся самим собой с учётом переоценки собственных возможностей и поведенческих моментов в социуме. Подобные методики подразумевает поиск и принятие смысла существования для человека с отличными от других взглядами, что позволит ему чувствовать себя полноценной личностью. С точки зрения экзистенциального подхода, в случае противоправных действий со стороны индивида такое понятие как патология психики является некорректным, более уместным видится понятие «отклоняющееся поведение», которое экзистенциальный подход в силах понять и объяснить. М. Варнок в своей книге «Экзистенциализм» утверждает: «превыше всего задача показать людям, что они свободны, открыть им глаза на то, что всегда остаётся правдой, но что по тем или иным причинам может быть не всегда осознанно, а именно: у человека есть свобода выбора, выбора не только того, что делать в каждом конкретном случае, но выбора ценностей и образа жизни вообще» [5, с. 1]. Так и в модели поведения постфольклориста важнейшими элементами являются свобода выбора ценностей и стремление соответствовать самому себе. Если речь идёт о представителе какого-либо субкультурного направления в рамках постфольклора, который становится неадекватным в личностном или общественном планах, то на первый план в реадаптации такой проблемной личности выступают компоненты именно экзистенциального плана.

Приведем основные поведенческие направления в работе психолога или психотерапевта с подобной категорией людей с целью формирования у них адекватной модели поведения в социуме.

Во-первых, необходимо предоставить клиенту право самостоятельно сделать выбор (не опираясь на логические комментарии и разъяснительные моменты).

Во-вторых, специалисту стоит сдерживать себя и других от прямых советов и рекомендаций. Не стоит ссылаться на какие-либо общепринятые установки и догмы, так как для человека с постфольклорным сознанием в этом случае большую значимость будут все равно иметь индивидуальные установки.

В-третьих, следует прививать человеку способность делать что-либо, ориентируясь при этом только на возможный конечный результат.

Психологу следует понимать, что человек, принимая ценности какой-либо постфольклорной среды, сохраняет при этом ценности, которые прививались ему с детства. На основании этого специалист может строить предположения о «другом сознании». Однако то, что реально он может понимать – это та часть жизни человека, в которой он пытается сделать свой выбор. Поэтому главным направлением работы психолога должно являться требование осуществления этого выбора.

В экзистенциальной психологии необходимо учитывать помимо мотивов, идеалов, норм поведения также весь спектр чувств клиента. Чувства являются побуждающим фактором для осуществления какой-либо деятельности. Чувства руководят людьми. Ресурсы чувств человека скрыты в интуиции. В случае «запирания» клиентом своих чувств вглубь психики, перед специалистом встает задача их «вытаскивания» наружу. А. Бергсон описывает этот процесс следующим образом: «смутное желание постепенно превращается в глубокую страсть … слабая интенсивность этого желания вначале состояла в том, что оно казалось … изолированным и чуждым… Но мало-помалу оно проникало в большее число психических элементов и окрашивало их, так сказать, в свой собственный цвет» [1, с. 54]. Таким образом, чтобы совершить экзистенциальный выбор, чувства должны быть обострены.

Однако сделать это нелегко, т.к. человек стремится дистанцироваться от внешних условий с целью сохранить независимость и целостность своего «Я», своего экзистенциального существования как некоего ядра. По мнению О. Больнова, «размежёвываясь внутренне со всем этим в подлинном свершении и переживании, он обретает в самом себе окончательную уверенность и безусловность» [3, с. 37].

Таким образом, согласно экзистенциальной концепции реадаптации индивида в социуме с целью регулирования его сознания, в своей работе психотерапевт или психолог должен придерживаться идеи совмещения желаний клиента, его воли и автономности, решений и действий, проявления чувственной сферы сознания.

Индивид с постфольклорным сознанием, например, яркий представитель какого-либо неформального течения, испытывая духовный дискомфорт от несоответствия его экзистенциальных потребностей эталонному нормативу общества, вероятно, способен задуматься: «а не есть ли на самом деле моя экзистенция – ложь?». Возможно, именно в этот момент, когда человек по-настоящему способен задуматься над смыслом своего существования, и вступает в силу методология экзистенциальной психотерапии.

Состояние личности должно соотносится с её желаниями. Желания могут носить и противоречивый характер. В этом случае диапазон идей и высказываний индивида может быть довольно широким – от крайне отрицательных до крайне положительных. За эти положительные моменты в восприятии действительности и стоит уцепиться специалисту, сделав на них акцент в дальнейшем процессе анализа экзистенциальных потребностей клиента. Необходимо убедить клиента в том, что его истинные желания как

раз направлены в положительное русло (например, завести нормальных друзей, а не виртуальных, полноценную семью с обычными стеротипными установками на счастье, на здоровый быт с сопутствующими материальными ценностями, найти хорошую высокооплачиваемую работу, стать человеком, важным для общества, для своей страны и т.д.). Это и будет являться отправной точкой экзистенциальной психокоррекции.

Затем, исходя из такой установки, человек подходит к тому моменту, когда сам начинает задумываться о том, что нужно что-то менять. И в этом плане эффективнее всего он сможет это сделать только самостоятельно, т.к. никто, кроме него самого, не в силах сломить его волю и насильственным путем заставить изменить своим взглядам и убеждениям. Таким образом, только сам клиент может решить, как можно поменять свои ценностные ориентиры и разобраться в своей экзистенции. Консультантом лишь должна быть сформулирована идея «я – хозяин своей судьбы».

После того, как подобная установка принимается сознанием индивида, чтобы перейти от размышлений о своем способе существования к достижению практических результатов, консультанту на следующем этапе психокоррекции следует внушить клиенту идею того, что необходимо начинать действовать, так как одни лишь размышления над проблемами собственного бытия носят абстрактный характер на уровне мечты. Поэтому основной целью для человека должно стать стремление воплотить их в жизнь своими конкретными действиями.

Следующим, завершающим шагом экзистенциальной психокоррекции должна стать актуализация рассуждений клиента о своем новом способе существования. Постановка проблемы «что у тебя есть и чего из этого ты хочешь?» в этом случае позволит активизироваться чувственной сфере, что в свою очередь сможет подтолкнуть человека к изменению его образа жизни и характера поступков. Выйдя из кабинета специалиста, он способен перестраивать свой способ существования.

Попытку обосновать экзистенциальные методы в работе психоаналитиков предпринял Л. Бинсвангер, предложив по сути дела экзистенциальный психоанализ. Его теория именуется как Дазайнсанализ. С позиций фрейдистов, она является «реакционным» движением назад к «духу». Дазайнсанализ делает попытку восстановить статус духовного начала в психиатрии как науке. «Неотъемлемая свобода человека» больше не рассматривается как нечто абстрактное. Свобода есть, прежде всего, самоопределение духа, способствующее выполнению необходимых духовных потребностей человека или ограничению их выполнения. Она может рассматриваться в виде провоцирующего фактора в проявлении возможных патологических феноменов психики. С позиций Бинсвангера, наука не должна представляться как борьба против свободы и духа. Духовное начало должно охватить науку как движение духа, а инстинктивность, которую наука открывает в человеке, становится значимым фактором в психоаналитической оценке человека.

Под термином экзистенция «духа» Бинсвангер понимает сознание, свободу и разум. С его позиций, рано или поздно наука подходит к противоречию, связанному с тем, что ей приходится делать выбор: будет ли сознание явлением чисто органического происхождения или же это нечто «таинственное, находящееся в континууме бытия»? [2, с. 37]. Делается вывод по поводу того, что разум человека связан напрямую с природой,

бытием. В результате этого создаётся предпосылка «коперниканского» переворота, перехода от строго материалистических взглядов в науке о сознании к идеалистическим. Трансцендентальная диалектика в этом случае выступает философской опорой для практической психологии и психиатрии.

Суть концепции Бинсвангера «бытия-в-мире» (Dasein) заключается в том, что мир есть не-«я». Однако существовать человеческое «я» в отрыве от обособленного мира не может. Сущность человека определяется его бытием-в-мире. Человек озабочен сутью бытия. Эта озабоченность – чувственный элемент опыта и познания. Способ, который выбирает в своём существовании человек, опирается на чувственные восприятия, которые присущи ему как данные изначально до и независимо от опыта. В этом просматривается смысл экзистенциального априори. Иными словами, человек сам определяет своё место в мире в зависимости от экзистенциальных потребностей [там же].

Нарушение его бытия, исходя из таких взглядов и ориентиров, приводит к нарушению экзистенции, что впоследствии выражается в психопатологии. Экзистенция не есть дух. Экзистенция есть способ выражения духа, способ существования человека в мире.

В духе экзистенциального учения Бинсвангера идея «Я-концепции» – одна из обычных форм проявления отчуждения. Поэтому, если человек принимает для себя установку жить по своим внутренним, исключая влияние общественного мнения, законам, он ещё в силах самостоятельно как-то определить самого себя и вести себя в соответствии с этим представлением. В этой ситуации уместно заметить, что такого человека можно переориентировать на иные ценности, выдвинув другую точку зрения на бытиё, которая подтолкнёт человека оставаться в контакте с впечатлениями, получаемыми от внешнего мира в каждый данный момент, и позволить постоянно возникающим потребностям и желаниям управлять его поведением.

Последним важным моментом в философской концепции Бинсвангера является понятие «инстинкта». Это единственное, что остается, по его мнению, у человека, когда последний лишается духа. И, наоборот, дух остаётся тогда, когда человек полностью лишается жизненной силы. В психоанализе Бинсвангер считает необходимым выделить инстинкт, который движет человеком. В этом случае его требуется рассматривать как феномен, направленный на объект и оценивающий объект. Если в таком смысле инстинкт человека сохраняет свои жизненные функции, проблемы человека могут быть разрешены. Если нет – возникает потребность обращения к психотерапии и даже гипнотерапии.

Что же касается чувства тревожности, связанного с необходимостью выбора, то консультирование клиентов должно заключаться в обучении их более позитивному пониманию этого состояния. Необходимо научить клиента использовать чувство тревожности в качестве энергии, которая способна стимулировать принятие на себя ответственности и определенного риска с целью сделать выбор и что-то поменять в жизни. Клиент должен осознать, что неспособность сделать такой выбор может привести его к ощущению бессилия и депрессии. Депрессия может рассматриваться как застревание в ситуациях, в которых они могли бы чувствовать себя уверенно и безопасно. Вместо этого экзистенциальные проблемы проявляют себя в ощущении упадка сил и безрадостности.

Таким образом, при выборе экзистенциального подхода в реадаптации индивидов с постфольклорным сознанием, вступающим в диссонанс с общественным сознанием, специалист должен убедить своего клиента, что жизнь есть предоставление волнующего выбора, способного раскрыть его истинный потенциал. В этом случае экзистенциально ориентированный человек, чувствующий неудовлетворённость существующим положением дел, вероятнее всего, пожелает сам изменить свою духовную ориентацию.

Список литературы

1. *Бергсон, А. Собрание сочинений: в 4 т. / А. Бергсон. – М., 1992. – Т. 1. – 336 с.*
2. *Бинсвангер, Л. Бытие-в-мире / Л. Бинсвангер. – М.: КСП+; СПб.: Ювента, Ленато, 1999. – 300 с.*
3. *Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма / О.Ф. Больнов. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.*
4. *Волков, С. Н. Добро и зло в современном мистицизме / С. Н. Волков. – Пенза: ПТИ, 2001. – 229 с.*
5. *Warnock, M. Existentialism / M. Warnock. – London: Oxford University Press, 1970. – 278 p.*
6. *Жарова, О. С. От ложной экзистенции к подлинному экзистенциальному существованию / О. С. Жарова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – Тамбов: Грамота, 2012. – № 6. – Ч. 2. – С. 83.*

УДК 101.1:316

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ПОНИМАНИИ ФЕНОМЕНА МОТИВАЦИИ*

© ***Е.В. Гайнутдинова***, *Астраханский государственный технический университет* (*г. Астрахань, Россия*)

COGNITIVE APPROACH IN UNDERSTANDING THE MOTIVATION PHENOMENON

© ***E.V. Gainutdinova***, *Astrakhan State Technical University. (Astrakhan, Russia)*

В конце XIX – начале XX веков наблюдается динамика развития психологического знания, что находит свое отражение и в активном исследовании проблемы мотивации. Мне, как философу, необходимость обращения к психологическим особенностям изучения мотивации, была обусловлена поиском оснований для выявления основных различий в психологическом и философском подходах. Как было обнаружено, значительный вклад в изучение проблемы мотивации внесли и продолжают вносить достижения когнитивного подхода в психологии, благодаря которому особое значение приобретают не биологические детерминанты деятельности, а личностные, связанные с особой ролью сознания в деятельности. Если предыдущие направления развивались и продолжают развиваться в русле

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 8255.

тенденции к статичности, то когнитивное направление в основе своей тяготеет к исследованию механизмов детерминации с позиции динамики человеческой активности.

Ключевые слова: мотивация, соотношение «человек-окружающая среда», биологические детерминанты, личностные детерминанты, когнитивное направление, актуализация потребностей, динамика развития субъекта.

At the end of XIX – the beginning of the XX centuries dynamics of development of psychological knowledge is observed that also finds the reflection in active research of motivation problem. To me as to the philosopher, the necessity of the appeal to psychological features of motivation studying was caused by search of the bases for detection of the main distinctions in psychological and philosophical approaches. As it was revealed, achievements of cognitive approach in psychology made and continue to make the significant contribution to the studying of motivation problem thanks to which special value is gained not by biological determinants of activity, but the personal ones connected with a special role of consciousnesses in activity. If the previous directions developed and continue to develop in line with a tendency to static character, the cognitive direction in its basis gravitates to the research of determination mechanisms from the position of human activity dynamics.

Key words: motivation, ratio "the person - environment", biological determinants, personal determinants, the cognitive direction, updating of requirements, dynamics of subject development .

E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

В конце XIX – начале XX веков наблюдается динамика развития психологического знания, что находит свое отражение и в активном исследовании проблемы мотивации. Необходимость обращения к психологическим источникам, занимающихся изучением мотивации, была обусловлена поиском оснований для выявления основных различий в психологическом и философском подходах. Если для современной философии мотивационный процесс зачастую является одним из этапов развития деятельности, то в психологии под мотивацией понимают и как саму деятельность, и как систему детерминационных механизмов или совокупность причиняющих факторов, влияющих на начало тех или иных действий. Психологи сосредотачивают внимание на мотивации, а в социальной философии наблюдается разграничение потребности, которая рассматривается как объективно-необходимый детерминант человеческой деятельности и мотивации, которая представляет собой систему идеально-регулятивных механизмов, обусловленных сознанием.

Значительный вклад в изучение проблемы мотивации внесли и продолжают вносить достижения психологии, в рамках которой проводились исследования механизма развития потребности, мотива, стимула в человеческой деятельности на уровне практических экспериментов. В большей степени это связано со школой психоанализа, а также таким направлениями, как психофизиология, этология благодаря которым возникло новое понимание мотивации в целом и потребности в частности, определившееся в том, что человеку, также как и животному, присущи природные инстинкты, которые не просто направляют его действия, но и становятся основой его деятельности. Каждое направление вносило свои коррективы в исследовании феномена мотивации. Бихевиористы отмечали врожденных характер поведенческих реакций, связав инстинкт и потребность, тем самым признавая неактуальность понятия «мотивация»; психоанализ также отмечали врожденный характер поведенческих реакций, полагая их в основе мотивации. В дальнейшем активное исследование мотивации проходило в русле таких направлений, как гуманистическая, гештальт-психология, когнитивная психология, где основной акцент делался

именно на личностных особенностях поведения индивида, обусловленное сознанием, либо психическим развитием человека, отмечая важную особенность субъекта в осмысленности своих действий [*2*, с. 163]. Исследователи данных направлений не замыкали свои воззрения на потребностях, для них равнозначно важно было проследить особенность развития потребностей в деятельности на уровне мотивации, механизмы принятия решений, механизм постановки цели, роль и значение волевого акта в деятельности, что вносило понимание мотивации как динамического образования, зависимого от ситуации и индивидуальных желаний субъекта. В настоящее время наиболее активно в исследовании мотивации развивалась интегральная психология, объединяющая накопленный опыт и учитывая проблемы предшествующих направлений, что способствовало попытке создания общих концептуальных подходов. При этом следует учесть, что на всем протяжении исследований феномена мотивации формировалось различное понимание ее содержания, но вполне очевидным в большинстве позиций было признание за мотивацией тех механизмов, которые стоят у истоков начала деятельности.

В основном проблема мотивации возникает у ученых в русле исследований любых механизмов, служащих источником активности человека, начиная с понятия «драйва», «аффекта» и продолжая более сложными концептами, как мотив, стимул, потребность, цель, воля и т.д.. например, одной из методологических проблем является особенности соотношения потребности и мотивации, поскольку психологи зачастую не отделяют данные понятия одного от другого. Это связано с тем, что, как правило, потребность в психологии считается как составная часть мотивации, поэтому стираются границы между пониманием того, что в деятельности осознается, что осуществляется механически, либо вопрос о сознании снимается вообще, подменяя его понятием «психика». Ж. Нюттен справедливо отмечает то, что психология должна исследовать поведение как целое и призывает психологов объяснять поведение, возникающее в осмысленном социальном контексте, при этом полагая, что «психологии следует выйти за пределы явлений в том виде, в котором они предстают перед субъектом, для того, чтобы исследовать их детерминанты и процессы, лежащие в их основе» [8, с. 41-42]. Вместе с тем в психологии понятие «сознание» все чаще замещается психическими особенностями, лишая тем самым основания для целостного конструкта поведения субъекта, особенно мотивационной стадии.

Проблемы в исследовании мотивации заключаются также и в том, как отмечает Х. Хекхаузен, что на начальных этапах исследования происходил более живой обмен научными и результатами конкретных исследований, тогда как в последнее время психология характеризуется разветвленностью и неравномерностью развития отдельных областей [11, с. 21], что, в свою очередь, не могло не отразиться и на взаимоисключении существующих и существовавших мотивационных концепций. Между тем Х. Хекхаузен отмечает также и общую тенденцию современной психологии, согласно которой мотивация всегда рассматривается как результат взаимодействия личности и ситуации, в связи с чем мотивация представляет собой актуальную направленность на какую-то цель, мотивационную тенденцию, для объяснения которой необходимо привлекать не только ситуативные или личностные факторы по отдельности, но и те и другие [11, с. 27]. В этом

вероятно и состоит проблемное поле мотивации, которое формируется на основании того, какие механизмы детерминируют деятельность субъекта и в какой последовательности, какие мотивы и в каком количестве актуализируются и направляют деятельность, каковы источники и границы воли в реализации целей субъектом, а также насколько внутренние условия и внешние ситуации способствуют формированию намерений и привычек (относительно автоматическое действие). Здесь, мне кажется, мы сталкиваемся с сокращением цепочки действий из-за ненадобности постоянного повтора механизма его реализации, поскольку цель определена и результат вполне определен.

По сути, в ходе развития представлений о мотивации в психологии можно выделить следующие направления:

1. Биологизаторский: от бихевиористов до психоанализа (бихевиористы: Д.Б. Уотсон, Э. Торндайк, Скиннер; представители психоанализа:, З. Фрейд, А. Адлер, К.Г. Юнг, Э. Фромм, К. Хорни, С. Салливан, Ф. Франкл; А.Ф. Лазурский, Н.Н. Ланге; Г. Мюррей и др).

2. Гуманистический: гештальтпсихология (Вертхаймер, К. Левин, Г. Мэрфи, Д. Гилфорд и др.), гуманистическая психология (К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Олпорт, С. Мадди, К. Обуховский и др.), экзистенциальная психология – В. Франкл;

3. Когнитивный (Л. Фестингер, Дж. Роттер, Х. Хекхаузен, Дж. Аткинсон, Д. Макклелланд, Ж. Пиажэ; А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, А. Бандура и др.);

4. Интегративный (Зарубежные психологи: Х. Хекхаузен, Д.М. Босс, Ж. Нюттен; отечественные психологи: Е.П. Ильин, Д.Н. Леонтьев, В.А. Иванников и др.).

Между тем подобное разделение носит чисто условный характер с целью подчеркнуть те или иные особенности в формировании позиций относительно характера и роли мотивации в деятельности, а также вопрос о соотношении потребности и мотивации. Однако было бы не правильно отмечать этапы развития представлений о мотивации, не указав при этом на то, что существует большое количество попыток сопоставить и выявить общие закономерности тех или иных психологических исследований, а также проследить основные этапы развития данных представлений относительно мотивации. Не претендуя в этом плане на какую-то исключительность в указании данных этапов, для меня, в первую очередь, было важным показать и систематизировать основные закономерности в развитии понимания феномена «мотивации». В отличие от тех исследователей, кто пытался представить подобные этапы с указанием временных границ, я, в свою очередь, сделала акцент не на временном ограничении тех или иных мотивационных концепций, поскольку в той или иной форме, большей или меньшей степени данные тенденции существуют и в настоящее время, а показать динамику развития представлений о мотивации.

В этой связи особого внимания заслуживает когнитивное направление, в русле которого приоритетным было активное исследование соотношения «человек-окружающая среда». Подобного рода тенденция предопределила дальнейшее изучение человека с точки зрения динамики его развития, где особую роль в данном процессе уделяли непосредственно соответственно обществу, что также вносило определенные коррективы в понимании человеческой сущности и роли сознания в жизнедеятельности человека, а также подчеркивало многогранность и уникальность

человеческой натуры. По сути, в когнитивном подходе на первое место выходят концепции, согласно которым особое значение приобретают не биологические детерминанты деятельности, а личностные, связанные с особой ролью сознания в деятельности. Если предыдущие направления развивались и продолжают развиваться в русле тенденции к статичности, то когнитивное направление в основе своей тяготеет к исследованию механизмов детерминации с позиции динамики человеческой активности. По всей видимости, данная особенность обусловлена тем, что изучение потребности проходит в процессе появления исследований ситуационно-динамических мотиваций, пользуясь терминологией Д.А. Леонтьева [10, с. 7-8]. Относительно исследования мотивации в целом когнитивный подход вновь актуализировал в психологии достижения нейронауки, а именно представления о том, что мозг действует аналогично компьютеру, а значит и его действия возможно спрогнозировать и подвергнуть объективному исчислению. По всей видимости, это было связано с активацией исследований в области психофизиологии в первой половине XX века. Таким образом, был предопределен иной стиль анализа интеллектуальной системы человека и в дальнейшем получил свое развитие информационный подход. Для исследования мотивации это очень значимый момент, поскольку в данной тенденции как и заложены были предпосылки тех теорий мотивации, которые смогут представить более объективный анализ работы механизмов мозга и соответствующих реакций. Конечно, это одна из граней исследования феномена мотивации, но подобного рода научные поиски способствовали развитию в дальнейшем интегрального подхода в изучении мотивации.

Особое внимание в этой связи привлекают не сами потребности, как таковые, а процесс их реализации в деятельности, поскольку для видоизменения потребностей на уровне актуализации и линии их удовлетворения настолько различны и индивидуальны, что суть потребности, как первичного источника активности субъекта, может кардинальным образом меняться. Сторонниками такой позиции выступают, как правило, те исследователи, кто рассматривает мотивацию как процесс возникновения или развития потребности, тем самым понимая под потребностью либо желание, либо нужды. Обращает на себя внимание исследование когнитивных процессов, которые осуществил, специалист в области генетической психологии, Ж. Пиаже. Он изучал познавательные механизмы и их активацию на генетическом уровне. При этом он говорил о том, что развитие перцепции связано со схемами действия более высокого порядка, чем она сама. Иначе говоря, познание, согласно его мнению, с самого начала связано со схемами действия, с которыми ассимилирован предмет (от схем-рефлексов до схем, являющихся результатом различных видов научения), а перцептивные структуры с самого начала следует, вероятно, рассматривать как структуры, связанные с более широкими структурами [9, с. 13-15].

Д. Макклелланд один из тех исследователей, кто в своей концепции мотивации уделял большое значение когнитивным переменным, полагая, что они не только влияют на возбуждение мотива, но также сопровождают связанное с ним поведение и следуют за ним [7, с. 536]. При этом он подробное рассматривает четыре потребности: достижения, успеха, аффилиации, власти и избегания. Несмотря на то, что Д. Макклелланд, как

специалист в области управления, акцентирует внимание на формирование личностных и социальных аспектах деятельности субъектов и их индивидуальные усилия, упрощает, тем не менее, систему мотивации, понимая под ней актуализированный мотив, а когниции, привычки, умения и возможности выводит за ее пределы. Наряду с этим автор рассматривает мотив как энергетический источник поведения, но в то же время выводит его из регулярно возникающей потребности. Между тем справедливо замечает Б.Ф. Ломов тот факт, что нельзя ограничиваться зависимостью человека от социального способа существования, поскольку психические процессы, состояния и свойства существуют не вне живого человеческого организма, а являются функцией мозга, сформировавшегося и развившегося в процессе биологической эволюции и исторического развития человека [6, с. 342].

По сути, Д. Маккленлланд под мотивацией понимает актуализированный мотив, куда включаются требования ситуации или активационные сигналы, основанные на естественных стимулах (хотя в своей книге он употребляет понятие естественные мотивы, что по всей вероятности, означает, что исследователь не дифференцирует данные понятия), которые приводят, если они связаны с мотивационной диспозицией, к возникновению мотивации [7, с. 208-209]. Структура такой мотивации подчинена взаимосвязи факторов, связанных с ситуацией и факторов, которые связаны с личностью. Вероятно, исследователь, таким образом, пытался объединить биологический и личностный аспекты в мотивации и с другой стороны обозначить границы их влияния, тем самым для него абсолютно определенно то, что в процессе мотивации активное значение приобретают как внешние факторы (такие как факторы среды), а также и внутренние (в частности, актуализированный мотив). Проблема заключается в другом, что для него мотивация выступает как предпосылка к импульсу к действию и затем к самому действию. По всей видимости, для Д. Маккленлланда мотивация – это статичный императив, основанный на ощущаемом дефиците, что приводит к актуализации диспозиций. Между тем подобный подход, несмотря на важное исследование мотива достижения, исключает такое важное для понимания мотивации понятие сознание, которое дает человеку более многогранно воспринимать и реагировать как на внутренние необходимости и понимать под ними какие-то ситуативные желания с учетом волевого и ценностного факторов.

Тенденцию понимания осознанного поведения субъекта можно найти у А. Бандуры, который, считая мотивацию нестатичной по механизму развития, и в результате не ограниченной влиянием только внешних факторов или внутренних. В ином случае, если исследовать позиции, согласно которой действия человека обусловлены реакцией на основные стимулы поведения, то, по его мнению, такие концептуальные структуры теорий не могут учитывать всей сложности человеческого реагирования, поскольку данный факт воспринимается как понимание одностороннего процесса управления, при котором «индивиду отводится роль объекта, пассивно реагирующего на причуды внешних влияний, обрушивающиеся со всех сторон» [1, с. 18]. В этом видит особенность влияния радикального бихевиоризма, равно и как понимание того, что многие исследователи, когда ограничивают систему существующих мотивов, также не хотят учитывать все сложности человеческого реагирования, так как никакими внутренними мотивами не объяснить многочисленные вариации поведения в тех или иных

случаях [1, с.14]. При этом он отмечает, что не подвергает сомнению таким образом существование мотивированного поведения, а только то, в какой степени такое поведение можно объяснить воздействием импульсов [1, с. 14]. В качестве примера он приводит такое занятие как чтение, которое обладает всеми признаками действия, в высшей степени мотивированного, но у каждого данный процесс обусловлен разными целями и смыслом. Мне кажется, что речь здесь идет не об определении степени мотивированности, а о том, что осуществляется актуализация разных потребностей. В этом как раз и состоит сложность, когда сознание и понимание тех или иных необходимостей приобретает субъективный характер. По сути, когнитивистский подход у А. Бандуры к мотивации наметил проблемное поле, связанное с процессом осознания не только того, в чем чувствуется необходимость, но и условий удовлетворения этой необходимости.

В сущности, когнитивные теории мотивации строились и строятся на том, чтобы показать, как отмечал В.А. Иванников, регулирующую роль познавательных и эмоциональных процессов, благодаря которым деятельность осуществляется, поскольку для него, как и многих исследователей, очевидным фактом является то, что «эмоции участвуют в переосмыслении ситуации, актуализируя одни мотивы и тормозя другие; убеждения – сплав знаний и эмоциональных отношений меняют побудительную силу мотивов и их иерархию; познавательные процессы часто включаются в процесс мотивации как разрешающий фактор, определяя средства и способы, время и место действия» [3, с. 161]. Если обратиться к психологическим концепциям мотивации, то большинство из них либо отождествляют понятия мотив и мотивация, либо ставят в зависимость мотивации от мотива или наоборот, но так или иначе, мотив оказывается в теории непосредственно связан с мотивацией, впрочем как и потребность. Однако из таких различных пониманий соотношения мотива и мотивации складываются и различные представления о структуре мотивации и последовательности и содержании тех механизмов, которые ее составляют, а также складываются и такие представления, что мотивация – это один из механизмов деятельности, не имеющей какой-либо структуры. В частности, об этом говорил Е.П. Ильин, который в этой связи подразделял определения мотивации в соответствии с двумя направлениями, первое из которых рассматривает мотивацию со структурных позиций, как совокупность факторов или мотивов; второе – рассматривает мотивацию не как статичное (В.Д. Шадриков), а как динамичное образование, как процесс, механизм (В.А. Иванников) [4, с. 65-66].

По сути, гуманистическое и когнитивное направления в психологии сближает понимание и исследование человека как активного и осознающего свои действия существо, который не сколько реагирует, ведомый своими инстинктам, сколько пытается ими управлять. Это приобретает особую актуальность в условиях, когда «фальсификация история и политики – самая благоприятная область существования властвующей элиты, поскольку своими мифами и иллюзиями, навязываемыми обществу, она создает оптимальные условия жизнедеятельности субъекта власти» [5, с. 267]. Как отмечал Б.Ф. Ломов, эти направления, возникшие как реакция на биологизаторские концепции, отвергают представление о человеке как биологическом механизме, управляемом внешними стимулами и

неосознаваемыми инстинктами, «единицами» поведения человека являются не реакции, а действия (actions) [6, с. 344].

Таким образом, когнитивное направление в психологии, а также создание последующих концепций, ориентированных на достижения представителей когнитивной психологии, относительно характера детерминирующих механизмов и сущности мотивационного процесса в деятельности наметили важные моменты в понимании как личностных, так и социальных особенностей субъекта, определив и активно исследовав субъекта именно с динамической точки зрения. Важным моментом в этой связи является то, что человек рассматривался не как жестко детерминированный автомат, а мыслящий, способный сознавать свои поступки и желания, имеющий возможность свободы выбора, стремящийся к целеполаганию, а также моделировать свое поведение с учетом морально-этической и ценностной составляющей.

Список литературы

1. *Бандура А. Теория социального научения. – СПб: Евразия, 2000. – 320 с.*
2. *Гайнутдинова Е.В. Традиция психоанализа в понимании потребности. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3 (32). С.163-167.*
3. *Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – СПб.: Питер, 2006. - 208 с.*
4. *Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2011. 512 с.*
5. *Карабущенко П.Л. Элита власти в вертепе политической фальсификации. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1 (34) С. 264-273.*
6. *Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. - М.: Наука, 1984. – 445 с.*
7. *Макклелланд Д. Мотивация человека. – СПб.: Питер, 2007. – 672 с.*
8. *Нюттен Ж. Мотивация, действия и перспектива будущего. / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.*
9. *Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация. / Пер. с фр. Э. Пчелкиной. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.*
10. *Современная психология мотивации. / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. 343 с.*
11. *Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. - 2-е изд. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.*

УДК 101.1::316
ББК 87
Д 69

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ТРИАДА КАК АЛГОРИТМ ИСТОРИИ: АРХАИЧЕСКИЕ КОРНИ И АКТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ПЕРИОДИЗАЦИЙ

© ***Б. А. Дорошин,*** *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

DIALECTICAL TRIAD AS AN ALGORITHM OF HISTORY: ARCHAIC ROOTS AND ACTUAL MEANING OF CLASSICAL PERIODIZATIONS

© ***B.A. Doroshin,*** *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

В статье рассматриваются параллели между трёхчастными структурами мифоархетипического символа мирового древа как системного обобщения архаические представления о мире, человеке и генезисе родовой общности, периодизаций общественно-исторического развития И. Флорского, Д. Вико, Г. Гегеля и А. Цешковского, а также диалектической триады. Выявляется преемственность в указанных периодизациях,позволяющая рассматривать их как своеобразный развёртывающийся во времени идейный комплекс, абстрактным выражением которого является диалектическая триада а также признаки его археттипической фундированности как проявления духовно-физического изоморфизма человека и детерминирующей его среды. На основе актуального социокультурного материала обосновывается вывод о частичном совпадении текущего этапа развития общества периоду синтеза из концепции А. Цешковского.

Ключевые слова: мировое древо; историческая периодизация; диалектика; миф; архетип; изоморфизм; антропокосмизм.

The parallels between three-parts structures of a myth-archetypical symbol of a world tree as the system generalization of archaic ideas about the world, a person and the genesis of a patrimonial community, periodizations of socio-historical development by I. Florskiy, D. Viko, G. Gegel and A.Tseshkovskiy, and also a dialectic triad are considered in an article. The continuity in the specified periodizations comes to light. It allows to consider them as the peculiar ideological complex developing in time. The abstract expression of which is the dialectic triad and also the signs of its archetypical founding as manifestations of spiritual and physical isomorphism of the person and the environment determining him or her. On the basis of the actual sociocultural material the conclusion is made. It says about partial coincidence of the current period of development of a society with the synthesis period from A.Tseshkovskiy's concept.

Key words: world tree; historical periodization; dialectics; myth; archetype; isomorphism; anthropocosmism.

Архаические представления о времени были связаны с мифологическим образом мирового древа как символической моделью вселенной (корни относятся к её хтоническим глубинам, ствол – к наземному миру, крона – к небесной сфере), изоморфным образу мирового человека (с чем связана ассоциация корней, ствола и кроны с частями тела человека), а также образу находящейся в процессе развития родовой социальной общности, с чем связана её представление в виде генеалогического древа и ассоциация корней с прошлым (предки), ствола с настоящим (ныне живущее поколение) икроны – с будущим (потомки) [10, с. 399]. Полисемантичность и многослойность образа мирового древа, раскрывающая его антропокосмический (социоантропокосмический) и архетипический характер [5], объясняет реминисценцию его признаков в

представлениях о структуре и хронологии тех или иных процессов, в частности, в периодизациях общественно-исторического развития.

Итальянский средневековый мыслитель Иоахим Флорский (ок. 1132–1202) разработал историософскую концепцию, представляющую развитие общества как последоватедльную смену трёх его состояний, обусловленных поочерёдным доминированием в сознании людей трёх лиц христианской Троицы. Эпоха Отца, продолжавшаяся от Адама до Иисуаса, отличалась погруженностью людей в плотское существование и религиозностью, основанной на страхе, в силу которого почитание Бога имело сходство с преклонением рабов перед господином. Эпоху Сына Иоахим отсчитывал от времени боговоплощения до своего, представляя себя новым пророком и характеризуя эту вторую стадию истории житием людей как по плоти, так и по духу и отношением к Богу по образцу сыновнего почитания отца. Эпоха Святого Духа, согласно расчётам Иоахима, должна была начаться после 1260 г., под влиянием предполагавшегося им укоренения его учения. Тогда ожидалось выявление подлинного смысла истории в свободном и непосредственном почитании Бога, исходящем из сердца каждого человека, не предписанном никакими властями и документами, когда отпадёт необходимость в бюрократической иерархии церкви и в регламентации Ветхого и Нового заветов. Выходец из крестьянской среды, И. Флорский, очевидно, выразил в этом учении не только недоверие трудящихся масс к духовному феодалитету с его книжной учёностью, но и глубинные, укоренённые в неисчислимом по количеству лет и веков опыте Жизни народа в тесном единстве с природой, архетипические представления о структуре времени, а возможно, и отголоски исторической памяти о наиболее ранней, «дожреческой» первобытной религиозности. Не исключено, что данные аспекты учения И. Флорского сыграли определённую роль в том, что за ним последовал ряд более или менее подобных, включая не только другие оппозиционные религиозные течения(в том числе амальриканство, содержавшее аналогичное трёхчастное деление истории на эпохи воплощения Бога-Отца в Аврааме, Сына – в Христе и Святого Духа – во всех людях, что предполагало их «чистоту» и свободу, упразднение институализированной религиозности) [7, с. 281–283], но и построения светской историософии времён классической рациональности.

Одним из них является учение итальянского философа Д. Вико (1668–1744), который усматривал в историческом развитии всякого народа круговорот трёх эпох. Открывающий данный цикл «век богов» – эпоха завершающейся первобытности и зарождения основ цивилизованного порядка. Оно выражалось в деятельности родовых лидеров создававших своей хозяйственной и организаторской деятельностью «очаги» цивилизации в форме больших патриархальных семейств, объединявших не только родню, но и людей прибившихся к этим «отцам-основателям» и зависимых от них. Отчасти совпадая с иоахимовой эпохой Отца хронологически, «век богов» « сближается с ней и господством принципа отцовской власти (хотя и по-разному акцентуированного: в первом случае – на уровне религиозного символизма, а во втором – с опорой на историческую конкретику), а также характеристиками религиозности как основанной на страхе и покорности [4, С. 92–97]. «Век героев» наступает в связи с обострением противоречий между домочадцами (рабами, считавшимися в эпоху патриархального рабства «младшими» неполноправными членами семьи) и патриархами,

вынужденными для защиты своего господства от «многочисленных восставших» объединяться в военизированные сословия. Характерную трансформацию получает всвязи с этим центральный героический сюжет мировой культуры о поединке героя со змеем / драконом, символизировавшем укрощение патриархами дикой природы. Однако в мифе о Кадме – одном из таких культурных героев, основателе Фив,, из посеянных им в первое в мире распаханное поле зубов побежденной им гигантской змеи прорастают вооружённые люди, а сам Кадм превращается в дракона, пишущего законы кровью. Социальная борьба, в которой стороны по законам мифологического мышления героизировали себя и демонизировали противника, разрешается компромиссом – наделением патриархами домочадцев землёй с правом пользования за соответствующие повинности и созданием аристократического государства как посредника между верхами и низами [4, с. 97–112]. Хотя Д. Вико описывает эти установления на примерах из античности, они, с точки зрения современной науки определяют сущность средневекового феодализма, что позволяет соотнести «век героев» и эпоху Сына из учения И. Флорского, в которой, с её религиозными войнами, духовно-рыцарскими орденами и еретическими антифеодальными движениями героическое начало было выражено едва ли меньше. «Век людей» относится к Древнему Риму времён республики и империи, проявляя ряд черт современного Д. Вико нового времени. Его основной параллелью с эпохой Святого Духа И. Флорского является равенство, проявляющееся и в том, и в другом случаях, в главных сферах жизни соответствующих обществ: у средневекового мыслителя это религия, а у новоевропейского философа – личные, экономические и политические права [4, с. 113–114].

Г. Гегель положил принцип триады в основу своего учения о самопознании абсолютного духа и его стадиях. Развивая подход И. Флорского, и в то же время, находясь под влиянием Д. Вико, христианскую догму о триединстве Бога он истолковывал как символическое выражение диалектического движения идеи от тезиса через антитезис к синтезу. В истории человечества также выделяются три стадии, отражающие развитие свободы духа, как его основного качества: соответствующий детству восточный мир, знающий, что свободен один; соответствующий юности и поре возмужания греко-римский мир, знающий, что свободны немногие; и соответствующий духовной зрелости германский мир, знающий, что свободны все. [3, с. 64–66]. Примечательно, что характеризуя проявления духа в истории, Г. Гегель использует древесную метафору [1, с. 397], что свидетельствует в пользу разрабатываемого здесь предположения об архетипической подоплёке трёхчастных исторических периодизаций.

Польский младогегельянец А. Цешковский (1814–1894) предложил несколько иную концепцию периодизации всемирно-исторического процесса. Он не только сознательно антропоморфизирует структурацию его сущностных характеристик, но и эйдетически маркирует его как нечто тотальное метафорой организма, с чем связывает истинное, в его понимании, трихотомическое членение этого процесса [2, с. 176].

Представляется, что такая, проникнутая холистически-органицистскими мотивами, характеристика экстраполированной на историю диалектики близка (и, вероятно, может быть объяснена в этом контексте) с идеей изоморфизма как отражения в человеческом мышлении и его результатах состояния и структуры мозга, организма в целом, и всего

комплекса составляющих вселенной, являющихся факторами его формирования, в чём выражается более общий духовно-физический изоморфизм человека Богу как его «образа и подобия» [11, с. 54, 56]. Таким образом, оба подхода гегелянский в переосмыслении А. Цешковского, и предложенный в рамках формирующейся в условиях постнеклассической рациональностий новой научной парадигмы, сближает не только наличие органицистского аспекта в рассмотрении проблемы тождества мышления и бытия, но и апелляция к идее Бога как первопричины и первообразца.

Это совпадение отстоящих друг от друга почти на два столетия подходов, выявляющее актуальность и более раннего из них вполне закономерно, если рассматривать его с точки зрения той диалектической логики, которую автор этого подхода сделал основанием собственной периодизации всемирно-исторического процесса.

Историософская концепцция А. Цешковского в определённом смысле предвосхищает некоторые значимые черты постнеклассического будущего.

Именно к будущему обращён основной пафос этой концепции. Вслед за Гегелем её автор видит в развитии человеческого общества проявление диалектической триады. Главным атрибутом, отличающим друг от друга людей соответствующих трёх эпох он считает характерный для них способ «установления будущего», фактически являющийся, с точки зрения польского мыслителя, стержнем их отношения к миру, в котором находят своё концентрированное выражение основные характеристики присущего им образа жизни. Выступающая в качестве тезиса древность – стадия, на которой человек утверждается на арене исторического бытия как существо, пребывающее в «дотеоретической неосознанности» и ведомое внешними силами провидения и природы как проявлениями мирового духа. Соответственно этому человечество жило «больше инстинктивно», что обусловливало преобладание предчувствия – основы «историовдохновения» или «историопрорицания» [2, с. 175, 173].

Антитезис в исторической триаде А. Цешковского – это германский мир: рационалистическое новое время и, христианское средневековье как его предпосылка. Их обобщение как антитезиса является одним из ключевых моментов переосмысления философско-исторической схемы немецкого классика его польским последователем. Первый из них усматривал наступающее будущее и начавшийся синтез «исторического опыта» и «рационального, сознательно модернизированного организованного устроения» уже в современном ему новоевропейском настоящем – в конституционной монархии прусского типа [2, с. 173]. Согласно же второму, средневековый и новоевропейский германский мир выступают в истории как антитезис древности с её чувственно-интуитивным «историопрорицанием», поскольку «с появлением христианства у нас больше нет пророков», что открыло путь настоящему (для польского философа) времени с его рациональным «установлением будущего» в форме историософии [2, с. 174].

Подлинный же синтез, согласно А. Цешковскому, должен наступить в грядущем, когда «установление будущего», а значит, отношение к миру будет осуществляться посредством воли [2, с. 173] и практики. Образуемый ими посттеоретический праксис обнаруживается как синтез теоретического и непосредственно практического, как «практическое, которое уже включает в себя теоретическое». При этом осознание будущего предполагает и его осуществление, что связывалось А. Цешковским с различением факта как

объекта, внешнего, отчуждённого и пассивного по отношению к субъекту; и действия, как активного события, которое не отчуждено от субъекта, осознанно его осуществляющего; и с приоритетом действия как сущности посттеоретического пракссиса [2, с. 174]. Такой подход соответствует ситуации в постнеклассике, далёкой от характерного для классической науки дистанцирования субъекта и объекта и уделяющей большое внимание их взаимному влиянию и изменению; рассмотрению человеческого действия в контексте взаимодействия со сложными исторически развивающимися синергетическими системами: объектами современных биотехнологий, в первую очередь генной инженерии, медико-биологическими объектами, крупными экосистемами и биосферой в целом, человеко-машинными системами, включая системы искусственного интеллекта, социальными объектами и т.д., в качестве их компонента [5]. Данное качество человеческого действия, усиливающееся по мере роста и развития многообразных связей в системе «человек – техника – природа», соответствует, в свою очередь, прогнозировавшемуся некогда А. Цешковским единству субъективного и объективного как проявлению посттеоретического праксиса. К тому же последний являет собой «субстанциальный синтез бытия и мышления», получивший, как представляется, на текущей стадии общественного развития своё отражение в следующих явлениях и процессах.

- Возрастающая актуальность императива высокой компетентности, осознанности и ответственности в подготовке и реализации всякого существенного действия (соответствие «осознанному действию» в концепции А. Цешковского), в условиях расширения и углубления человеко-мирных связей, неоднозначного по своим последствиям роста человеческого могущества и соответствующего ему «общества риска».
- формирование широкого спектра направлений научно-практичесской деятельности, прикладных наук, наукоёмких технологий, реализующих «осознанное действие» как практическое, которое уже включает в себя теоретическое».
- Повышение значения экономических и социально-политических факторов и целей в научной деятельности; междисциплинарный синтез естественных («наук о природе», знания о бытии) и гуманитарных («наук о духе», знания о сознании (и мышлении человека) и сознательном бытии) наук; антропологизация науки, проявляющаяся в утверждении системного подхода, идей глобального эволюционизма, синхроничности, антропного принципа и т.д.
- Интеграция части процессов человеческого мышления в инфокоммуникационную среду, обусловленное её возможностями их развитие и дополнение различными практическими аспектами, что концептуально обобщается как формирование информационного общества, общества знания, виртуализации общества.

Главное содержание синтеза как сущности будущего в концепции А. Цешковского выражается в новом качестве отношений людей с мировым духом, снимающем крайности таковых на предшествующих стадиях всемирно-исторического процесса. На первой стадии – в древности люди были покорны ему и представляющим его силам. Это состояние соответствует характеристикам эпохи Отца по И. Флорскому, «века богов» по Д. Вико и Древнему Востоку, характеризующемуся, согласно Г. Гегелю,

свободой лишь монарха, представляющегося воплощённым богом [3, с. 166]. В эту отдалённую эпоху люди всецело подчинены природному и социальному порядку, который представлялся им как предопределяемый своей имманентной духовной основой. На второй стадии согласно А. Цешковскому, человечество обретает «истинное самосознание», которое соответствует самосознанию мирового духа, и является теоретической основой будующего праксиса [2, с. 175]. При сопоставлении этой стадии с вторыми стадиями из других трёхчастных общественно-исторических периодизаций выясняется достаточно непростой характер этого умозрительного «истинного самосознания».Структурно-типологические параллели этой стадии – эпоха Сына И. Флорского, «век героев» Д. Вико и греко-римский мир Г. Гегеля сближает возросшая дуальность и напряжённость между человеком и комплексом физических и духовных факторов его бытия. В череде этих отчасти сходных друг с другом как соответствия антитезису в диалектической триаде стадий такая дуализация, «разрыв» архаического «единства в многообразии» одном из своих наиболее ранних проявлений была связана с кризисом эллинского мира, обусловившим генезис философии, уже на первых этапах которого произошло «раздвоение» мира: с одной стороны, на атомы и пустоту (Демокрит), а с другой –на мир идей и мир вещей (Платон). Развиваются представления о духе как трансцендентном начале, а о том, что раньше считалось его проявлениями – как о его несовершенных отражениях. В связи с этим между человеком, миром и духом возникает и постепенно нарастает разграничение, всё чаще влекущее за собой отчуждение. Отношение человека к божественному характеризует уже не фаталистическая покорность (считавшаяся нормой для рабов, детей и женщин по отношению к «домовладыке» в патриархальной архаике), а сыновняя преданность (более свойственная взрослым сыновьям или наделённым земельным паем домочадцам), предполагающая большую степень субъектности, самостоятельного и сознательного волеизъявления. Человек осознаёт себя не локальным и низкоуровневым проявлением божества, его «нисхождением» как и прочее сущее, а его «образом и подобием». Это, особенно начиная с эпохи Возрождения способствовало утверждению субъект-объектного отношения человека к миру как носителя божественных достоинств – свободы и творчества, богоподобного «венца творения» и «царя природы», а в эпоху Просвещения обусловило мнение об открытых наукой рациональных истинах как о высшем или божественном знании. Последнее отражено в идее А. Цешковского о совпадении на второй стадии всемирно-исторического процесса «истинного самосознания» человечества с самосознанием мирового духа. Разумеется, если исходить из представления о божественном происхождении мира, или реализации в нём мирового духа, то нельзя отрицать причастности к нему знаний о мире, особенно столь обширных и действенных по своим последствиям, какие были сделаны за последние столетия. Однако их действенность оказалась в немалой степени разрушительной для мира в его экологическом измерении, а также для отношений человека с духом, не только ослабленных, но и во многих случаях утраченных в силу нигилизма как издержки демифологизации сознания под воздействием научно-технического прогресса; и, наконец, как следствие, – для самого человека в аспектах его физического и душевного здоровья. Все эти проявления интегрального кризиса вида «человек

разумный», поразившего его в XX в. [9, с. 13] побуждают усомниться в оценке самосознания человечества стадии антитезиса как соответствующего самосознанию мирового духа, а его последующей реализации – как осуществления «познанной истины» [2, с. 174].

Тем не менее, представляется, что третья стадия всемирно-исторического процесса, определённая А. Цешковским как время синтеза, и соответствующая в этом ряду изменений и вероятных перспектив дня сегодняшнего, имеет определённый потенциал формирования более равновесных отношений человека и системы факторов, образующих и определяющих его бытие. Он может быть раскрыт через снятие крайностей с одной стороны, нивелировки человеческой субъектности в архаиической системе традиционной социокультурной регламентации и природного детерминизма, основанием которой мыслилось имманентное ей духовное начало; а с другой стороны – гипертрофии человеческой субъектности до опасного и деструктивного волюнтаризма, предпосланной экстракцией духа из природы в сферу трансцендентного. Эта альтернатива может получить теоретическую разработку в рамках диалогизма и коммуникационной философии, обосновывающей в качестве своей несущей организационно-смысловой фигуры субъект-субъектные отношения, подлинность которых предполагается фиксируемой по критерию неопосредованности, максимально проявляющейся в отношении к Богу [6, с. 251]. В контексте антропокосмизма как мировоззренческого основания новой парадигмы мышления, такие диалогические отношения человечествас природой и духом предполагают не только физические, но и духовные, как рациональные, так и внерациональные практики, позволяющие снимать дискретность и дихотомичность человека и универсума с его неявными, имманентными и трансцендентными, причинами, аспектами и следствиями [9, с. 54, 76]. Гармонизация взаимодействия человечества с «субстанциальным целым» [3, с. 166], возможность которой предполагает данная альтернатива, в той или иной мере согласуется с идеей А. Цешковского о соединении в грядущем праксисе сознательной человеческой и божественной воль.

Список литературы

1. *Бакрадзе к. с. Избранные философские труды. Том II. Система и метод философии Гегеля. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1973. – 464 с.*
2. *Глазков А. П. Понятие историософии А. Цешковского и философия истории Гегеля // Каспийский регион:политика,экономика,культура.– 2012. – № 4(33). – С. 172–179.*
3. *Каримский А. М. Философия истории Гегеля. – М.: изд-во МГУ, 1988. – 270 с.*
4. *Киссель М. А. Джамбаттиста Вико. – М.: Мысль, 1980. – 197 с.*
5. *Криничная Н. А. Дерево-человек: к проблеме синкретизма и дифференциации фитоантропоморфного образа (по материалам нарративного фольклора Карелии) // Труды Карельского научного центра РАН. – 2010. –№4. – С. 77–85.*
6. *Можейко М.А., Майборода Д.В. Другой // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 250-251.*
7. *Соколов В. В. Средневековая философия: Учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. – М.: Высш. школа, 1979. – 448 с.*

8. *Степин В.С. Наука // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов, 1998. // Национальная философская энциклопедия. URL: http://terme.ru/dictionary/175/word/nauka (дата доступа: 08.09.2013).*
9. *Стерледев Р. К. Эзотерический антропокосмизм: философский анализ: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. 350 с.*
10. *Топоров В. Н. Древо мировое// Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 398–406.*
11. *Холманская М.С., Гусева М. С. Мифология и физиология духовно-физического изоморфизма // Сознание и физическая реальность. – 2008. – № 9. – С. 52–56.*

УДК 130.2

НАДГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК НОВАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЭКРАННОМ ФОРМАТЕ

© ***С.Е. Ковалева,*** *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

THE ABOVEGEOGRAPHICAL SOCIETY AS A NEW SOCIOCULTURAL REALITY IN SCREEN FORMAT

© ***S.E. Kovalyeva****, Penza State Technological Academy (Penza, Russia)*

В данной работе излагается авторское видение надгеографического общества, как социального феномена нового типа, создаваемого в виртуальной среде посредством экрана. Автор выделяет негативные аспекты, формируемые специфическими чертами надгеографического общества. Автор высказывает идею о том, что экран формирует разрывное фрагментарное мышление. Цельность в восприятии большинства сущностных характеристик виртуального мира надгеографического общества отсутствует. Рождается мифологическое пространство, подменяющее истинный смысл бытия на ирреальный, отвлеченный.

Ключевые слова: экран, экранная культура, экзистенция, мифологическое сознание, социокультурная реальность, надгеографическое общество, виртуальность.

The author's view of the abovegeographical society as a social phenomenon of a new type is described in the article. This phenomenon is created in the virtual world with the help of the screen. The author underlines the negative aspects formed by the specific characteristics of the abovegeographical society. The author believes that screen shapes fragmentary thinking. There is no perception integrity of the majority of the essential characteristics of virtual world in abovegeographical society. There appears a mythological world substituting the real meaning of life for irreal one.

Key words: screen, screen culture, existence, mythological consciousness, sociocultural reality, abovegeographical society, virtuality.

E-mail: Kovaleva-se@rambler.ru

Современная реальность предстает в виде формирующегося нового технологического уклада, который обусловливается как экономическими, так и социокультурными факторами. По мнению И. Агамирзяна – это циклы исторического характера, как-то: «…индустриализация, «промышленная революция» в Европе, в результате которой сложился современный миропорядок … … Сейчас впервые в истории человечество может создавать «надгеографические» сообщества. Это уже стало заметным в социальных

сетях, где есть интеграция в сообщества по языковому признаку, но нет интеграции по географическому…» [7].

В экзистенциальном смысле личность, оказавшись в поле виртуального пространства, приобретает свободу. Как отмечает Э. Девис, «…термин «виртуальная реальность» врезался в массовое сознание и оказался под прицелом всевозможных популярных футурологов… …когда оказалось, что технология не способна перенести человека в цифровой сон, виртуальная реальность осталась фундаментальным смыслом компьютерной культуры…» [1, с. 271]. Личность в такой форме организации жизни, как компьютерная культура, с одной стороны способна позиционировать себя любым удобным способом, так как она свободна. С другой стороны, оказывается в растерянности, поскольку, как такового фона, для своего представления нет. Компьютерная среда позволяет процветать обману, фальсификации, и это понимается любым пользователем сетей. Поэтому отсюда одновременно и свобода, и неопределенность в выборе «кто есть я?».

Формируемое надгеографическое сообщество, как виртуальная реальность, есть, как уже отмечалось, социальный феномен нового типа, не имеющий аналогов в истории, и обладающий скрытыми аспектами своего онтологического базиса. В вопросах современного социокультурного истолкования надгеографического сообщества следует отметить факт исчезновения живого социокультурного взаимодействия между людьми, что в духовном смысле не может распространять длительное время свое влияние на общающиеся персоны. Как показывает современная специфика общения в социальных сетях, в особенности, при создании групп по интересам или сообществ по профессиональным принадлежностям, рано или поздно, назревает потребность увидеть живые лица участников общения в сетях, проведения живых встреч, вечеринок в стиле Open Air и т.п.

Одним из наиболее негативных аспектов в оценке перспектив формирования надгеографических сообществ в сетях является невозможность личностной самоидентификации пользователя, как личности. Человек, выступающий элементом высшей ступени развития всего живого на Земле, безусловно, обладает и физической, и духовной составляющими. Самоидентификация, в широком смысле, говоря обобщенным языком, есть социокультурный феномен, в котором «… личность обнаруживает себя в качестве субъекта и элемента культуры, творцом собственного культурного Я и подсистемой более широких отношений культуры, субъектом постоянно возобновляющегося культурного диалога Я и Я …» [3, с. 92]. Экранная культура в сетях Интернета предполагает наличие дополнительных компонентов в проблеме самоидентификации личности. Главным вопросом становится соотношение реального и виртуального. Человек пребывает одновременно в двух мирах, которые требуют его самооценки, самопрезентации, и, наконец, самоидентификации.

Виртуализация через экран, как отмечает В.С. Завьялова, имеет свою специфику. «… Специфика сетевого поведения, принимающего унифицированные формы в плане оперирования информацией (гипертекст, организованный в персональные страницы пользователей, электронные дневники, множественность виртуальной личности и пр.), позволяет рассматривать виртуальную коммуникацию как принципиально новый способ самовыражения и самореализации личности, постепенно перерастающий в новый культурный тип поведения …» [5]. Алгоритмизация

и стандартизация поведения в сетях являются основанием «жизни по шаблону». Рано или поздно личность осознает факт своей ограниченности. Выбор, безусловно, есть, только выбор этот «шаблонный».

В связи с таким пониманием свободы становится наглядным и понятным ограниченность человека в сетевом пространстве, которое представляется экраном, и, видимо, «рамочность» пространства сродни абстрактным представлениям о низе, верхе и боковым границам. Объем и формы в большинстве случаев также недоступны. Человек лишен возможности осязания, обоняния, тактильных ощущений. Эта неполноценность восприятия виртуального мира и есть ограниченность свободы, которая представляется иллюзией в надгеографических сообществах. «Рамочность» экранного пространства требует дополнений и виртуального мироощущения с духовными и даже эзотерическими построениями в сознании.

Одновременно с этим, то, что следует понимать в негативном аспекте выглядит как некая потеря собственного «Я» [2], растворение в огромном массиве информации. Это и есть проблема, связанная с самоидентификацией личности.

Проблема самоидентификации личности в виртуальном пространстве может выглядеть совершенно в ином свете, а именно в формировании у пользователя спиритуалистического концепта. В данном контексте речь идет о потребностях индивида «влиться» в природу виртуальной среды, стать её частью. Спиритуалистическое начало в этом видится через призму духовного единения человека и мнимой реальности. Спиритуалистический аспект в рамках возможных надгеографических сообществ с позиций философии проявляет себя в неосознанной потребности части населения в эпоху информатизации всех жизненных процессов найти свою духовную нишу. Таким образом, можно сказать, что «техногенный мир формирует духовное начало в человеке».

Интересным выглядит точка зрения Ч. Тарта. Он уподобляет человеческое мышление алгоритму мышления машины, вписывая сознание индивида в киберпространство безболезненно. Позиция Тарта определяет то, что может именоваться «ускользающим Я»; то, что не «увянет», а напротив, расцветет в случае внедрения человека в формирующееся надгеографическое сообщество [9, с. 53]. Тарт выступает «за» кибердуховность.

Подобный социальный феномен требует оценить формирующееся сознание при рождении нового типа реальности – надгеографического сообщества. Именно процесс появления на свет такого топоса формирует сознание с теми духовными и имиджевыми аспектами, о которых говорилось выше. Экран специфичен для восприятия информации, в связи с чем образы, присутствующие в нем также специфичны. Они могут быть подобием реальности (фото, видео, графические и анимационные изображения людей, животных), а могут выглядеть как символы, знаки, цифры. Сознание индивида углубляется в смысловую гамму подобного. В реальной жизни с такими смысловыми единицами человек встречается значительно реже.

По мнению П.К. Огурчикова, экран в кинематографе «ориентирует на подражание эталонным образцам, манипулируя ценностями и создавая иллюзию реальности » [4, с. 2]. В сетевых виртуальных пространствах процесс аналогичен. В случае возникновения надгеографических сообществ человек становится ориентированным на подражание эталонным образцам, создавая свой персональный образ. Следовательно, то, что формирует экран, скорее относится к мифологическому сознанию, чем к какому-то иному.

Классическое понимание мифологического сознания далеко от того сознания, что формируется экраном. Новое мифологическое сознание, рожденное экранной культурой, решает одну из главных антропологичных задач, а именно, – восполнение недостатка возможностей человека, купирование страхов и полное избавления от них перед недосягаемым и неконтролируемым в жизни. Надгеографическое сообщество становится неким мнимым раем, где человек реализует свои потребности. Однако, оставаясь в реальном социуме, его внутренний мир раздваивается. И вторая половина человеческого «Я», затягиваясь виртуальностью, со временем погружается в миф настолько глубоко, что не замечает овладение его сознанием совершенных технологий подчинения, контроля и выгодных кому-то установок и приоритетов.

Если в классическом понимании миф предстает как моделирование реальности, оптимально подходящей под объяснение любого природного или социального феномена, то экранный миф усиливает это моделирование в десятки раз. И это одна из основных функций новой мифологии, рождающейся в виртуальном пространстве, и феноменально проявляющейся через экран.

Компьютерные технологии в техническом аспекте твердо стоящие на позициях логики, алгоритмизации, программирования, в эстетическом проявлении выглядят алогичными, создавая иллюзорность восприятия без каких-либо жестко регламентированных установок и пожеланий. Человек – творец виртуальной ситуации и себя самого как элемента, позиционировавшегося в ней. По мнению В.С. Завьяловой, «… человек в сети не имеет таких отягощающих параметров, как физическое тело, время и расстояние. Здесь человек это бесплотный разум, перемещающийся в доли секунды в пространстве и времени и оперирующий информацией. Это кажется огромным шагом на пути к эволюции человека, к его обожествлению …» [5]. Виртуальное пространство сетей в Интернете, и то, что сегодня декларируется, как потребность эпохи к созданию надгеографических сообществ, выглядит суррогатным смешением трансцендентного пространства, которое создает сам человек и псевдотрансцендентного объема информации, не связанного с сознанием личности, но существующим самостоятельно, объективно. Сетевая среда не предполагает регламента мысли. Не исключена её самоорганизация и отклонение от заданных условий бытийности. В виду чего человек-пользователь и перспективный член надгеографического сообщества сможет удовлетворить свои внутренние, духовые амбиции на определенном этапе. Вероятнее всего – на начальном, когда сам индивид только становится участником подобных сообществ.

Следует разделять понятия сетевого сообщества и надгеографического общества. Как истолковывается на современном этапе «… сетевое сообщество – это специфическая форма социальной структуры, опытно устанавливаемая эмпирическими исследованиями в качестве характеристики «Информационной эпохи» …» [6]. *Сетевое сообщество* есть объединение по целям и общим интересам. Длительность существования подобного сообщества неопределенна. Один из основных принципов сетевых сообществ – свобода выражений индивидуализма. Построение любого сетевого сообщества, к примеру, в социальных сетях, базируется на привлечении внимания к конкретной идее, ради которой и создается данное сообщество.

Надгеографическое общество есть глобальная киберструктура, определяемая устойчивыми правилами бытийности в виртуальном пространстве и уподобляющаяся некому государству с жизнеустройством и взаимоотношениями, прежде всего, экономического и культурного характера. Надгеографическое общество не решает задач социального характера, как-то здравоохранения, образования, воспитания и пр. Оно не является полноценно претендующим на статус нового реального мира. Реорганизация в надгеографическом сообществе происходит не в полном объеме, как переключение узла в сетевом сообществе, но внутри собственной структуры, в локальных пределах.

Таким образом, экран формирует новую социо-виртуальную реальность – надгеографическое общество глобального масштаба. Также «рамочность» восприятия виртуального мира, что влечет за собой неполноценность картины предоставляемого аудиовизуального контента. Надгеографическое общество не способно предоставить цельную картину своего информационного пространства. Однако, оно способно купировать потенциальные возможности индивида самоидентифицировать себя как личность. Экзистенция личности испытывает «раздвоение». Негативным последствием подобного выступает проблемное восприятие объективной реальности и, как следствие этого, девиантность поведения в социуме.

Список литературы

1. *Дэвис, Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис; пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачининой, В. Харитонова. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 480 с.*
2. *Жарова, О. С. От ложной экзистенции к подлинному экзистенциальному существованию / О. С. Жарова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – Тамбов: Грамота, 2012. – № 6. – Ч. 2. – С. 83.*
3. *Корнеев, В.И. Самоидентификация личности, как философско-культурологическая проблема: дис. ... кандидата филос. наук: 24.00.01 / В.И. Корнеев. – М., 2000. – 169 с.*
4. *Огурчиков, П.К. Экранная культура как новая мифология (на примере кино): Автореф. дис. ... доктора культурологии: 24.00.01 / П.К. Огурчиков. – М., 2008. – 35 с.*
5. *Завьялова, В.С. Самоидентификация личности в условиях сетевых коммуникаций: постановка проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://huminf.tsu.ru/jurnal/files/vol5/4-zavyalova.pdf*
6. *Кремлева, С.О. Сетевые сообщества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.follow.ru/article/116*
7. *Эксперты обсудили роль хай-тека в будущем [Электронный ресурс] // Национальное деловое партнерство АЛЬЯНС МЕДИА. – Режим доступа: http://www.allmedia.ru/headlineitem.asp?id=683813*
8. *Gibson, W. Neuromancer / W. Gibson. – New York: Ace Books, 1984. – 51 p.*
9. *Tart, Charles T. Waking Up / Charles T. Tart. – Boston: Shambhala, 1987. – 87 p.*

УДК 94(470)

СОЗДАНИЕ ПЕНЗЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

© ***А.А. Понякин,*** *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*

CREATION OF PENZA BRANCH OF THE RUSSIAN SOCIETY FOR HISTORIC PRESERVATION AND CULTURE

© ***A.A. Ponyakin,*** *Penza state university (Penza, Russia)*

Статья посвящена созданию Пензенского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры – одной из самых массовых общественных организаций в истории Советского союза и Российской Федерации.

Ключевые слова: памятник, учредительная конференция, история Пензенской области, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

The article is devoted to the creation of Penza branch of the Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture - one of the most popular social organizations in the history of the Soviet Union and the Russian Federation.

Key words: monument, the founding conference of the history of the Penza region, the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture.

E-mail: ponyakin@bk.ru

Культурная политика государства всегда неразрывно связана с сохранением памятников истории и культуры, популяризацией культурного наследия в интересах настоящего и будущих поколений. На протяжении второй половины XX в. на территории Российской Федерации в этой области важную и неотъемлемую роль сыграло Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, которое во все периоды своей истории было тесно связано с государственными органами, несмотря на свою общественную природу.

Постановлением Совета Министров РСФСР от № 882 было учреждено Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Для подготовки учредительного съезда Всероссийского общества охраны памятников был организован центральный организационный комитет. В состав комитета введены известные писатели, ученые, архитекторы, художники, искусствоведы [3, с. 2].

Во второй половине 1965 года в Пензенской области, как и в других субъектах РСФСР, началась активная деятельность по подготовке учредительных конференций на местах.

Исполком Пензенского областного Совета народных депутатов от 09.06.1965 № 525 принял решение об организации областной учредительной конференции общества с целью формирования перечня делегатов на республиканскую конференцию, обсуждения проекта устава общества и внесения предложений по организации общества.

Таким образом, областной учредительной конференции предшествовали городские и районные. Для проведения городских и районных учредительных конференций по решениям горрайисполкомов создавались городские и районные оргкомитеты. В состав оргкомитетов входили работники органов и учреждений культуры, народного образования, представители общественных и комсомольских организаций, краеведы. На заседаниях оргкомитетов рассматривались вопросы об основных мероприятиях по подготовке к районной

(городской) учредительной конференции, об организации информации в газетах о ходе подготовки к конференции, задачах и целях общества.

Районные (городские) учредительные конференции проходили в следующем порядке: слушался доклад о целях и задачах создаваемого общества, происходили выборы совета районного (городского отделения) общества (примерно 12-15 человек и 3-5 человек) в ревизионную комиссию), происходили выборы делегатов на областную конференцию (5 человек от города или района).

Перед оргкомитетами и впоследствии советами областные власти ставили серьезные задачи, такие как организация широкой пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в печати, по радио, проведение лекций и бесед, привлечения широкой общественности, населения к участию в выполнении государственных задач по охране памятников истории и культуры. Районные и городские оргкомитеты, а затем избранные советы должны были организовывать выявление и учет лиц, желающих вступить в общество, осуществлять предварительную запись их в члены общества, создавать первичные организации.

Районные (городские) оргкомитеты должны были систематически информировать областной комитет о подготовке к проведению районной учредительной конференции, о проводимых мероприятиях, о количестве вступивших в члены общества и т.д. [1, л. 80].

В период до конца 1965 года во всех районах Пензенской области были проведены районные учредительные конференции. Причем в каждом районе они собирали разный количественный и качественный состав.

Так в Сосноборском районе Пензенской области на первой учредительной районной конференции всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, прошедшей 21 ноября 1965 года присутствовало 210 человек. По результатам доклада председателя районного комитета по подготовке к учредительной конференции Д.М. Мезитова был учрежден совет районного отделения общества из 15 человек во главе с краеведом, директором Сосновоборской восьмилетней школы Меньшиным В.Ф. Также были избраны делегаты на областную конференцию в количестве 5 человек [1, л. 25].

Вместе с тем в Белинском районе Пензенской области на первой учредительной районной конференции всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, прошедшей 24 ноября 1965 года присутствовало всего 96 человек из числа работников образования, культуры, партийных и советских учреждений, колхозов и совхозов. Президиум конференции состоял из А.С. Видиной – заведующего отделом пропаганды и агитации районного комитета КПСС, М.Н. Лазутовой – заведующего районным отделом народного образования, П.Ф. Максяшева – директора государственного музея В.Г. Белинского. Учредительная конференция проходила по вышеизложенной схеме. По итогам конференции был избран президиум Белинского районного отделения всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в количестве 16 человек, ревизионная комиссия в количестве 5 человек. Также были избраны делегаты на областную учредительную конференцию в количестве 6 человек [1, л. 116].

В Земетчинском районе Пензенской области учредительная конференция 9 декабря 1965 года собрала 45 человек [1, л. 100]. Таким образом следует отметить, что в районах Пензенской области население по-разному

относилось к созданию новой общественной организации, что отразилось на количестве посещаемых местные учредительные конференции.

На основании изложенного следует констатировать, что в ходе подготовки и проведения учредительных конференций в Пензенской области на местах возникали существенные трудности, особенно в плане привлечения общественности. Так в докладной записке директора Пензенского областного краеведческого музея А. Магдеева от 26 ноября 1965 года сообщалось, что «в целом по области создание оргкомитетов и осуществление основных мероприятий по организации работы по проведению районных и городских учредительных конференций проходят слабо. Дело в том, что проводимая компания по памятникам является совершенно новым делом в работе исполкомов местных Советов и их отделов культуры. Многие считают, что отделения всероссийского общества должны создаваться в районах максимального скопления памятников культуры, в то время, как отделения общества должны создаваться во всех районах и городах вне зависимости от того, есть ли там памятники или нет» [2, л. 133].

По состоянию на конец ноября 1965 года оргкомитеты и учредительные конференции были проведены в 20 районах Пензенской области, в остальных данная работа была не проведена. В данной ситуации Пензенский облисполком был вынужден срочно командировать на места своих сотрудников для проведения необходимых мероприятий до конца года и полного отчета о проделанной работе на очередной сессии областного Совета депутатов трудящихся. Путем использования административного ресурса на местах до конца 1965 года все организационные мероприятия были выполнены, учредительные конференции во всех районах и городах были проведены, на них присутствовало 2250 человек [2, л. 36].

27 декабря 1965 года в г. Пензе состоялась учредительная конференция Пензенского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. На областную конференцию был избран 131 делегат, прибыло 90 делегатов и 15 человек приглашенных. Социальный состав делегатов был следующий: работников культурно-просветительских учреждений – 28 человек, советских и партийных работников – 12 человек; комсомольских работников – 3 человека; учителей – 19 человек; музейных работников – 8 человек; пенсионеров – 8 человек.

На учредительной конференции сообщалось, что в обстановке мощного экономического и культурного строительства, небывалого политического подъема прошла компания по выборам советов районных и городских отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. На учредительных конференциях районных и городских отделений шел разговор о более эффективных формах использования исторического и культурного наследия нашего народа в идеологическом воспитании трудящихся, о новых формах и средствах сохранения ценнейших памятников революционного движения, археологии, архитектуры и изобразительного искусства. Отмечалось, что в области сохранились памятники и памятные места, связанные с народно-освободительной борьбой против царского самодержавия, за установление Советской власти и ее упрочнение. На том момент было установлено, что только исторических памятников в области около 50, а памятников воинской славы более 700. Докладчики пояснили, что выполняя поручения партии и правительства государственные и общественные организации осуществляют мероприятия по сохранению памятников истории и

культуры. Организовано шефство предприятий промышленности и транспорта, колхозов и совхозов, учебных заведений и других организаций над памятниками. В этой работе активно действовали коллективы пензенских заводов «Тяжпромарматура» и Дизельного, Кузнецкого завода химического машиностроения, совхоза «Комбинат» Пензенского района, общественность р.п. Золотаревка, г. Белинского и многих других.

Вместе с тем на учредительной конференции было отмечено, что в деле охраны и пропаганды памятников есть множество серьезных недостатков. Проведенные работы по сохранению памятников не обеспечили необходимого благополучия в этом деле.

По итогам работы Пензенская учредительная конференция вынесла ряд постановлений: считать охрану памятников важным делом общественности и государства; одобрить устав Всероссиийского общества охраны памятников истории и культуры, развернуть работу по созданию первичных отделений общества на местах, расширить шефство организаций над памятниками. Вместе с тем на учредительной конференции Пензенское отделение ВООПИК приняло свое первое важное управленческое решение: к 50-летию Советской власти органам общества при взаимодействии с государственными органами и организациями необходимо было привести в порядок историко-революционные памятники, памятники боевой славы и связанные с именем В.И. Ленина, установить необходимые мемориальные доски на зданиях.

Также на учредительной конференции был избран совет областного отделения общества во главе с президиумом в составе: В.М. Есина – начальника Управления культуры облисполкома, В.И. Лебедева– преподавателя пензенского педагогического института, Л.З. Левиной – заместителя директора областного краеведческого музея, а также избраны делегаты на всероссийскую учредительную конференцию, которая состоялась в 1966 году в г. Москве. Делегацию возглавил заместитель председателя облисполкома А.Н. Власов. В июне 1966 года в г. Москве состоялся учредительный съезд Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Таким образом, создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры является важной вехой в деле сохранения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Непосредственно со дня своего возникновения ВООПИК обозначилось как структура со строгой иерархией. Но в то же время четко прослеживается двоякая структура этой организации. С одной стороны ВООПИК возникло на основании решения федерального органа власти, но то в же время механизм организации общества подчеркивал его общественный характер.

Возникновение Пензенского отделения ВООПИК является переломным моментом в системе государственной охраны памятников. Именно с этого времени тематика сохранения исторического наследия все более проникает в широкую общественность. Организационная структура ВООПИК была рассчитана на то, чтобы приобщить к проблеме сохранения памятников большую часть населения независимо от места его проживания. Определенно стоит отметить, что создание Пензенского отделения ВООПИК положительного сказалось на сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Большая часть памятников истории и культуры, находящихся на территории Пензенской области, была постановлена на государственную охрану благодаря усилиям Пензенского отделения ВООПИК.

Список литературы

1. *Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.р-2470. Оп. 1. Д. 1.*
2. *ГАПО. Ф. р-2470. Оп. 1. Д. 2.*
3. *Шулепова Э.А. О роли государственного и общественного руководства охраной памятников истории и культуры // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры/Труды НИИ культуры. М., 1979.*

УДК 32

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

© ***А.Р. Салгириев,*** *Чеченский государственный университет (г. Грозный, Россия)*

POLITICAL ELITE AS POLITICS ACTOR

© ***A.P. Salgiriev****, Chechen State University (Grozny, Russia)*

В статье анализируется субнациональный уровень политических элит Северного Кавказа, их ресурсная база и стратегии активности. Раскрываются механизмы формирования и рекрутирования элит на Северном Кавказе, приведены результаты экспертного опроса и социологические исследования раскрывающие качество и прочность пребывания у власти региональных элит, их структурные характеристики.

Ключевые слова: политические элиты, рекрутирование элит, Советская власть, Северный Кавказ, ЮФО, социологические исследования, качество элит.

This article analyzes the sub-national level of the political elites of the North Caucasus, their resource base and strategy activities. Mechanisms of formation and recruitment of elites in the North Caucasus, the results of the expert survey and case studies reveal the quality and strength in power of regional elites, their structural characteristics.

Key words: political elite, elite recruitment, the Soviet government, the North Caucasus South Federal District, case studies, the quality of the elites.

E-mail: 010585@list.ru

В изучении политических процессов на Северном Кавказе, важным представляется анализ субнационального уровня политических элит, ресурсов и стратегии активности элит. Следует различать административно-политические элиты субъектов федерации, состав которых определяется по занимаемым государственным либо муниципальным должностям, а также этнические элиты. Их состав на Северном Кавказе связан с активистами неправительственных организаций – этнополитических, религиозных, традиционно-клановых. Вместе с тем, между данными отраслевыми элитами есть обмен кадрами, ресурсами влияния, политико-идеологическими проектами.

Сегодня недостаточно изучена роль политических элит республик как актора политических процессов в условиях Северного Кавказа. Они воспроизводились в годы советской власти номенклатурной системой по общему государственному образцу. Представители номенклатуры перед тем, как получить высшие должности, как правило, работали в центральных органах власти. Руководящих работников назначал ЦК КПСС. Подобная практика оказала серьезное влияние на рекрутирование элит.

Но прежде, чем анализировать рекрутирование элиты в постсоветский период, попытаемся проследить динамику процесса в историческом ракурсе, поскольку особенности социально-экономического и исторического развития, социокультурная специфика макрорегиона находят отражение в настоящее время.

Система советского федерализма при наличии стратегии формирования «советского народа» посредством «расцвета и сближения советских наций» не только не сохраняла, но и в значительной степени генерировала политические притязания этнических элит. Объективная основа для притязаний складывалась благодаря ускоренному социально-экономическому развитию союзных и автономных республик, областей и округов за счет всемерной поддержки центра. Она получила дополнительный импульс в постсоветское время, когда обретение большей самостоятельности от центра было истолковано элитами как обретение национальной государственности.

Ключевая характеристика полиэтничного и поликонфессионального макрорегиона Северного Кавказа – жесткая взаимообусловленность социокультурных, этнополитических и экономических процессов [1]. Указанное переплетение разнопорядковых факторов усиливает взаимодействие (прямые и обратные связи) факторов, создает своеобразный замкнутый круг причинно-следственных связей.

Эта особенность усилилась в конце 1980-1990-х гг. в силу ряда объективных причин. В период «перестройки» и последующие годы актуализировались этнический и религиозный компоненты элитогенеза, которые в отдельные моменты приобретали значение главного фактора. Разрушение всей советской системы и «полураспад» России, открыв новые возможности для политического конструирования Северного Кавказа, чрезвычайно усилили значимость этнополитического принципа как основы стратификации общества. Новая политическая реальность в условиях слабости федерального центра была закреплена правовыми средствами – «суверенизацией» автономий, конституционным оформлением притязаний титульных наций на верховенство. Это, в свою очередь, актуализировало этнополитические и территориальные противоречия и конфликты между республиками Северного Кавказа и внутри самих республик между титульными народами, а также титульными народами и другими группами населения. В условиях архаизации экономической и социокультурной сфер обращение к этническому началу стало неизбежным. Приоритетное значение по сравнению с гражданскими правами и свободами вновь приобрела этноклановая характеристика (принадлежность к роду, клану, этносу, религиозной общине).

Во взаимодействии федеральных и региональных властвующих элит прослеживаются две основные тенденции: 1) жесткая конкуренция в борьбе за ресурсы в условиях их дефицита; 2) неформальные соглашения («пакты») о разделе сфер влияния путем обмена ресурсами [2, с. 5-14].

В интересующем нас аспекте особенно важна вторая тенденция. Ее суть в том, что федеральная элита для удержания власти ищет опору в лице региональных элит. Поддержка центральной элиты региональными «вознаграждается» тем, что региональным элитам прощаются злоупотребления. Практика взаимного политического торга приводит к внутреннему разложению элит и их дальнейшему отчуждению от интересов общества.

Подтверждение гипотезы: с середины 1990-х гг. республики Северного Кавказа демонстрируют «управляемое» голосование. Так, от первого ко второму турам выборов Президента РФ (июнь-июль 1996 г.) уровень

поддержки основных конкурентов – Б.Н. Ельцина и Г.А. Зюганова в республиках полностью изменился. Это повлекло за собой федеральные дотации в экономику Северо-Кавказских республик, прощение коррупционных скандалов и подтасовок голосований. Характерна поддержка правящей партии на выборах на уровне 75% и выше. На 2010 г., по расчетам Н.В. Зубаревич, дотационность консолидированных бюджетов республик Северного Кавказа колебалась от 58% в Адыгее и Кабардино-Балкарии до 90% в Ингушетии [3].

Экспертный опрос представителей административных элит ЮФО в 2001 г. показал, что основные «недостатки» элит – коррумпированность (71,4% ответов), недостаточный профессионализм (68,6%), подбор руководящего состава по родству и дружбе (42,9%), закрытость процесса принятия решений для посторонних (40%). Большую роль в формировании состава элит играют неформальные внутригрупповые нормы и ценности, не правовые ограничения, введенные клиентелой главы региона [Там же].

Более поздние социологические опросы подтвердили данные тенденции. Так, в июле 2007 г. Российская академия государственной службы организовала анкетный опрос в 14 субъектах РФ (выборка 2000 чел.), в т.ч. – в 11 регионах Южного федерального округа (свыше 1600 чел.) [5, с. 11, 17-18.]. На вопрос «Какие факторы в ближайшем будущем будут определять прочность пребывания в эшелонах власти?» массовые респонденты всех регионов выстроили такую последовательность: богатство – 46,8%; профессионализм – 44,7%; престижное образование – 30,1%; лояльность политическому режиму – 28%.

Наблюдается различие восприятия качеств элит опрошенными жителями республик (Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания) и краев (Краснодарский и Ставропольский края). Так, в оценках «центров власти» жители республик большее место отводили полпреду Президента РФ (4-е ранговое место – 21,4%). А жители краев отводят влиянию представителя Президента в системе региональной власти более скромное место (7-я ранговая позиция, 17%). Среднее значение по ЮФО – 19,6%.

Касаясь основных требований, которым должна удовлетворять элита, жители республик ниже оценивают значимость фактора «высокой нравственности» (8-я ранговая позиция, 25,9%), а респонденты в краях дают более высокие оценки (3-я ранговая позиция, 33,1%). Средняя по ЮФО – 33,4% [6, с. 17-18].

Большие расхождения связаны с ответами на вопрос о том, что региональные элиты по качественным критериям не вполне соответствуют своему статусу. Так, 58,4% жителей республик согласны с этим, но лишь 46,1% жителей краев разделяют эту позицию при среднем значении по ЮФО 49,1%.

Значительны расхождения, касающиеся оценки вхождения в состав элит представителей криминальных кругов. У жителей республик эти оценки разделяют 51,7% респондентов, у жителей краев – 40,3% при среднем значении по ЮФО – 42,3%. Это касается также оценок недостатков в деятельности элит. Жители республик намного чувствительнее относятся к «подбору руководства по родственным и приятельским признакам» (46% при 30,3 % в краях и 37,3% в среднем по ЮФО). Весьма отличаются и предпочтения предлагаемых типов руководителя: у жителей республик гораздо больше запрос на «патриотов» (56,8%, против 39,9% в краях и 45,8% в среднем по ЮФО), а население Кубани и Ставрополья почти в равной степени предпочитает и «патриотов», и «прагматиков» (36,3% против 29,6% среди жителей республик).

Третий из массовых анкетных опросов был проведен Северо-Кавказской академией государственной службы в апреле-мае 2009 г. (около

1500 респондентов, 12 субъектов федерации в ЮФО до его разделения) [7, с. 58-59]. На вопрос «Кто в значительной степени способствует объединению людей, проживающих на территории ЮФО?» респонденты назвали (по убывающей) «государственную власть в субъектах РФ в соответствии с ее компетенцией» – 17,55%; «общественные организации и объединения» – 13,87%; «местное самоуправление» – 13,46%; «религиозных деятелей» – 12,51%; «полномочного представителя Президента РФ в ЮФО» – 6,22%. На наш взгляд, это крайне тревожный признак децентрализации власти элит и низкой популярности полпредств в массовом мнении. Характерно, что на вопрос «Кто в значительной степени способствует объединению людей, проживающих на территории ЮФО – власть или гражданское общество?» респонденты из краев и областей дали сбалансированные ответы (власть и гражданское общество – по 35,94%), а в Карачаево-Черкесии рейтинг элит низок (23,84% в сравнении с 41,06% у гражданского общества). Настораживает и то, что от 22,7 до 30,71% опрошенных затруднились с ответом (КЧР, Ингушетия, Чечня) [8, с. 50].

Рассогласование статусов и интересов элит в ряде Северо-Кавказских республик нередко уравновешивалось сменой политических лидеров, не всегда без осложнения политической ситуации. Например, итоги избирательной кампании по выборам президента Республики Адыгея в 2002 г. показали, что смена поколений не вела к демократизации политических установок элит [9, с. 16-43]. Скорее, произошло замещение одних недемократических установок другими, что тормозит демократизацию политической системы.

Анализируя структурные характеристики политических элит, имеет смысл обратиться к биографическим социально-статусным параметрам их высшего состава: глав администраций (президентов республик и губернаторов), глав правительств и законодательных собраний (около 40 чел.). Вот как характеризовал этот состав А.В. Понеделков на начало 2000-х гг. по Южному федеральному округу (в 13 субъектах РФ – 8 республиках, 5 краях и областях). Средний возраст выборки по всем регионам был 53,6 года, образовательный уровень – все имели высшее образование, а 47,2% – два и более высших образования, 33,3% имели ученую степень кандидата или доктора наук [10, с. 190-191]. Сравнение показало, что лидеры республик несколько моложе (52,6 лет против 55,2). Они гораздо реже имели техническое и аграрное образование (59% против 80%) и, соответственно, чаще – социогуманитарное. Лидеры республик резко выделялись на фоне областных и краевых наличием ученых степеней – 43% в сравнении с 20% [Там же].

Системное изучение политических элит, определение возможности элит в стабилизации политических процессов региона, контроль их деятельности со стороны государственной власти поможет сформировать развитый, эффективный, политически-ориентированный класс, который будет обладать реальными возможностями обеспечивать и удовлетворять потребности граждан при их активном участии.

Список литературы

1. *Салгириев А.Р. Историческая и социально-образовательная мысль. (12) // Ресурсы власти политико-административной элиты России. Краснодар. 2012. № 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://hist-edu.ru/hist/book_2_2012/salgiriev.pdf. (дата посещения: 21.04.2013).*

2. *Мацузато К. Предисловие // Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная? М., 2004. С. 5-14.*
3. *Зубаревич Н.В. Социальный атлас российских регионов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socpol.ru/atlas/portraits/r_sk.shtml (дата посещения: 03.06.2012).*
4. *Там же.*
5. *Российские элиты в зеркале социологии. Информ.-аналитич. материалы / авт. кол.: В.Г. Игнатов, А.В. Понеделков, А.М. Старостин и др. Ростов н/Д, 2007. С. 11, 17-18.*
6. *Российские элиты в зеркале социологии. Информ.-аналитич. материалы / авт. кол.: В.Г. Игнатов, А.В. Понеделков, А.М. Старостин и др. Ростов н/Д, 2007. С. 17-18.*
7. *Рудой В.В., Денисова Г.С., Иванова А.А. и др. Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма. Информ.-аналитич. материалы межрегион. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2010. С. 58-59.*
8. *Рудой В.В., Денисова Г.С., Иванова А.А. и др. Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма. Информ.-аналитич. материалы межрегион. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2010. С. 50.*
9. *Цветков О.М. Адыгея в 2000-2009 гг.: победное шествие этничности // Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. Ростов н/Д, 2010. Часть 1. С. 16-43.*
10. *Понеделков А.В. Политико-административные элиты России в середине 90-х гг. XX в. и 10 лет спустя (теоретический и прикладной аспекты анализа). Ростов н/Д, 2005. С. 190-191.*
11. *Там же.*

ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА, СОЦИОБИОЛОГИЯ, ПРАВО

УДК 908(470.57)

ЭТНИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПАРАДИГМЫ И ПАРАДОКСЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

© ***И.М. Габдрафиков***, *Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия)*
© ***Ф.Г. Сафин,*** *Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия)*
© ***А.И. Фатхутдинова,*** *Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия)*

ETHNIC AND LINGUISTIC IDENTITIES: PARADIGMS AND PARADOXES OF THE RESULTS OF CENSUSES (BY THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC BASHKORTOSTAN)

© ***I.M. Gabdrafikov,*** *Institute of ethnological studies of Mi. R.G. Kuzeev Ufa scientific center, Russian academy of sciences (Ufa, Russia)*
©***F.G. Safin,*** *Institute of ethnological studies of Mi. R.G. Kuzeev Ufa scientific center, Russian academy of sciences (Ufa, Russia)*
© ***A.I. Fatkhutdinova,*** *Institute of ethnological studies of Mi. R.G. Kuzeev Ufa scientific center, Russian academy of sciences (Ufa, Russia)*

В данной статье на основе материалов всесоюзных переписей населения 1979, 1989 гг., Всероссийских переписей населения 2002, 2010 гг. предпринята попытка изучения динамики этнической и языковой идентичностей в языковых ареалах Башкортостана, являющегося по своему составу полиэтничным. Обосновывается тезис о том, что переписи на территории республики показали определенные расхождения в этнической и языковой идентичности населения, особенно среди титульного народа – башкир.

Ключевые слова: этническая и языковая идентичности, полиэтничный регион, перепись населения.

This article based on the materials of the all-national population census 1979, 1989, the all-Russia population census 2002, 2010 attempts studying changes of ethnic and linguistic identities in linguistic areals of polyethnic Bashkortostan. The article discloses the point that the census held in the republic displayed divergence of ethnic and linguistic identity of the population, especially among the titular ethnic group – the Bashkir.

Key words: ethnic and linguistic identities, polyethnic region, the population census.

E-mail: ildargab@yandex.ru, failsafin@mail.ru, aygul_kamila@mail.ru

Постперестроечный период трансформации российского общества не только сбавил температуру накала этнического фактора, а наоборот все больше усилил его. Обострению этнической проблемы порой способствует проводимая в регионах национальная политика, связанная с созданием особых приоритетов для представителей титульного этноса. В национальных республиках этнический фактор приобретает и политическое значение. Этническая элита, повышая численность и долю титульного населения, пыталась оправдать уже распределенные должности между представителями

титульного этноса в органах государственной власти, экономики и в других сферах.

В этом смысле особое место занимает Республика Башкортостан, в которой еще с советских времен не утихают споры вокруг башкирской и татарской идентичности населения западных и северо-западных районов республики. Данная проблема не перестала существовать и по настоящее время, но и приобрела более масштабный характер, периодически возобновляясь накануне очередных переписей населения [2, с. 101–134; 4, с. 94–100; 16; 8; 10].

Показательно то, что первая постсоветская Всероссийская перепись 2002 г. выявила невообразимый рост башкирского населения в республике (на 141 %), что вызвало определенную тревогу и возмущение общественности республики в связи с необъективным подсчетом численности населения.

В предыдущих переписях также имелись определенные перекосы, связанные с численностью башкирского и татарского населения. По переписи 1989 г. численность башкирского народа по сравнению с 1979 г. уменьшилась на 72 тыс. чел. Такое заметное уменьшение численности башкирского населения объяснялось высокой миграцией из республики, а также восстановлением своей этнической идентичности и татарского самосознания населением западных и северо-западных районов республики. Как известно, часть татар, во время переписи населения 1979 г. была включена в состав башкирского населения [5, с. 41–46]. За указанный период численность татарского населения Башкортостана увеличилась на 180 тыс. чел. Естественный прирост на 1000 чел. населения в республике в 1989 г. составил 8,2 чел., тогда как в Бурятии – 12, Калмыкии – 14,2, Туве – 18,8, Дагестане – 21 чел. [14, с. 36].

Среднегодовой естественный прирост населения в 1979–1989 гг. составлял 37,4 тыс. чел. В то же время ежегодно из республики выезжало 27,2 тыс. чел., что являлось самым высоким показателем среди автономных республик Российской Федерации [9, с. 102].

С 1989 по 2002 гг. численный рост башкир в целом по Российской Федерации составил 329 тыс. Наибольшее положительное сальдо в России за это время имели чеченцы (463 тыс.чел.). По Республике Башкортостан рост численности башкир составил 357 494 чел.

Разница в численном росте башкирского населения по Республике Башкортостан, и в целом по Российской Федерации за 2002 г. объясняется значительным сокращением башкир в других субъектах федерации. А с 2002 по 2010 гг. снова наблюдается значительное сокращение численности башкир уже почти на 90 тыс.

Численность татарского населения республики с 1 120 702 в 1989 г. уменьшилась до 990 702 чел. в 2002 г., сократившись на 130 тыс. чел. По переписи 2010 г. татары, хотя и незначительно (18 593 чел.), но снова увеличиваются, превысив более миллиона человек (1 009 295), составив 25,4 % в этническом составе населения Башкортостана [6, с. 30].

При общем росте населения республики за межпереписной период имели тенденцию увеличения на 100,1 % – марийцы (рост на 61 чел), на 100,5 % белорусы (79 чел.). Татары составили 88,4 %, украинцы – 73,7 %, русские – 96,3 % , мордва – 81,5 % от уровня 1989 г.

Анализ динамики численности башкирского населения в Российской Федерации показывает, что с 2002 по 2010 гг. башкиры сократились на 88 835 чел. Больше половины сокращения – 49 015 чел. – приходится на

одноименную республику. Снова получается парадоксальная ситуация, связанная с очередным уменьшением численности башкирского населения в республике. За межпереписной период с 1989 по 2002 гг. (13 лет) башкиры увеличиваются на 357 494 чел., а тут практически за такой же период (8 лет), происходит значительное сокращение башкир.

Русские, составившие в республике по переписи 1989 г. 1 548 тыс. сократились в 2002 г. до 1 490 тыс. чел. (сокращение на 57 576 чел.), а в следующие межпереписные восемь лет, т.е. с 2002 по 2010 гг. уменьшение численности русского населения составило 57 809 чел. – столько же, сколько было за предыдущие межпереписные тринадцать лет. Таким образом, с 1989 по 2010 гг. численность русских в Башкортостане уменьшилась на 115 385 чел., при сокращении их доли в этнической структуре населения с 39,3 % до 36,0 %.

С 1989 по 2010 гг. помимо русских имели тенденцию к сокращению: украинцы более чем на 35 тыс. чел, чуваши и мордва более 11 тыс., белорусы и немцы на 5 тыс., евреи почти на 3 тыс., марийцы и удмурты более 2 тыс., латыши на 839 чел.

Тенденция увеличения наблюдалась у следующих народов: армяне с 2 258 до 9 407 чел, узбеки – с 2 282 до 7 945 чел., азербайджанцы – с 2 373 до 5 737 чел., казахи – с 3 564 до 4 373 чел., таджики – с 735 до 4 127 чел., вьетнамцы – с 12 до 1 337 чел.

В целом, с 2002 по 2010 гг. численность населения Башкортостана уменьшилась на 32 044 чел.

С 1989 по 2002 гг. за пределами Республики Башкортостан численность башкирского населения увеличилась в Челябинской, Тюменской, Самарской областях, а также в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономном округах. В Оренбургской, Пермской, Курганской областях, а также в республиках Татарстан и Удмуртия, особенно заметно проявилась тенденция сокращения численности башкир (см. табл. 1).

С 2002 по 2010 гг. башкиры увеличились лишь в двух субъектах – в г. Москва на 668 чел. и в Ямало-Ненецком автономном округе на 365 чел. В Тюменском и Ханты-Мансийском автономном округах доля башкир в 2010 г. по сравнению с 2002 г. составила 99,6 % и 98,9 % соответственно (см. табл. 1).

Таблица 1 – Динамика численности башкирского населения в ряде областей и республик Российской Федерации *

Название субъекта	1989 г.	2002 г.	2010 г.	в % к 2002 г.
Челябинская область	161169	166372	162513	97,7
Оренбургская область	53339	52685	46696	88,6
Пермская область (край)	52326	40740	32730	80,3
Свердловская область	41500	37296	31183	83,6
Тюменская область	41059	46575	46405	99,6
Ханты-Мансийский АО	31151	35807	35428	111,2
Ямало-Ненецкий АО	6830	7932	8297	104,6
Республика Татарстан	19106	14911	13726	92,0
Курганская область	17548	15343	12257	79,9
Самарская область	7495	7885	7290	92,4
Удмуртская Республика	5217	4320	3454	80,0
г. Москва		5941	6609	111,2

* Таблица составлена по: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 45–47; Национальный состав населения Башкиркой АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа. 1990; Текущий архив Федеральной службы Государственной статистики РФ.

В этом ряду особое место занимает Пермская область (см. табл. 1). Башкиры в Пермской области (крае) в 1970 г. составили 47 812 чел., в 1979 г. – 48 752, в 1989 г. – 52 326, т.е. их численность каждый раз увеличивалась [7, с. 131–132]. Во время переписи 2002 г. данный показатель снизился сразу на 12 тыс. чел., а в 2010 г. на 8 тыс. чел., составив уже 32 730 чел. [6, с. 31]. Показательно то, что численность башкир имела наивысший рост в 1989 г., когда в самой республике она заметно уменьшилась. За двадцать лет башкиры в Пермской области сократились на 20 тыс. чел.

Численность сельского населения с 1989 по 2002 г. увеличилась на 51 250 чел. Несмотря на это, тенденция сокращения наблюдается у многих национальностей. Например, численность русских сократилась на 4 582 чел., татар – 146 248 чел., чувашей – 1 908 чел., марийцев – 1 867 чел.. украинцев – 3 048 чел., мордвы – 2 213 чел.. удмуртов 1 084 чел. Увеличилась численность лишь белорусов на 2 095 чел. и других национальностей на 4 773 чел. Столь резкое увеличение белорусов, возможно, объясняется тем, что во время предыдущих переписей часть белорусов идентифицировала себя русскими. Парадоксом высокого роста численности среди жителей сельских поселений явилось резкое увеличение башкирского населения, на 205 тыс. чел. Если рассмотреть общий естественный прирост башкирского населения за указанные годы, то такого скачка в резком изменении численности башкир в сторону увеличения явно недостаточно. Анализ данных переписи населения за 2002 г. показывает, что увеличение численности и доли башкирского населения происходило в основном за счет изменения этнической идентичности татар и других национальностей в пользу башкир. О чем свидетельствуют данные динамики роста и признания родным языка своей национальности. Проведенные авторами и рядом других ученых, в том числе и зарубежных, полевые исследования подтверждают о происходивших во время проведения переписи фактов включения в состав башкир жителей татарских населенных пунктов [2, с. 101–121].

В то же время проведенный анализ предварительного прогнозирования роста населения в этническом разрезе рядом авторов [9, с. 102–122; 4, с. 94–100] свидетельствовал о возможном росте татарского населения в республике, а не башкирского, т.к. основной контингент мигрантов из стран Ближнего Зарубежья были представителями татарской национальности (до 44 %) [13].

По расчетным данным Института демографии Государственного университета – Высшей школы экономики, опубликованным в Электронной версии бюллетени «Население и общество в Демографическом еженедельнике «Демоскоп Weekly» рождаемость у башкир за период с 1989–2002 гг. по сравнению с 1979–1989 гг. сильно снизилась. О чем говорят и уменьшившиеся число родившихся (в Башкирии число родившихся сократилось с 20 тыс. в 1989 г. до 11–12 тыс. в 1999–2002 гг.) и индекс детности, рассчитанный по данным переписи (снизился с 862 в 1989 г. до 474 в 2002 г. – почти наполовину). Прямые расчеты численности башкир с использованием статистических данных естественного и механического движения дают результаты намного ниже переписных (почти на 200 тысяч) [1, с. 4].

Вывод специалистов Института демографии, сводится еще к тому, что «в башкиры были записаны не только татары, но и представители других народов Башкортостана (порядка 50–100 тыс. чел.) [1, с. 4].

По переписи 1989 г. 498334 (57,1 %) башкир, 473 059 (42,2 %) татар, 263 008 (17,0 %) русских, 66328 (56,0%) чувашей, 70 622 (66,8 %) марийцев проживали в сельской местности.

По данным переписи населения 2002 г. из всего башкирского населения 703 666 чел. (57,6 %) проживало в сельской местности, а 517 636 чел. (42,4 %) в городах. По переписи 2010 г. численность башкир сельчан немного уменьшилась (695 523 чел.), но при этом несколько увеличилась их доля (59,3 %). Среди татар по переписи 2002 г. в сельской местности проживало 326 811 чел.(33 %), а по переписи 2010 г. – 387 109 чел. (38,4%). За рассматриваемый период численность сельского татарского населения увеличивается на 60 298 чел. Однако статистические органы и миграционные службы не фиксируют такую масштабную миграцию татарского населения из городов в сельские места, и не отмечают столь высокую рождаемость татар на селе. Это, прежде всего, связано с тем, что определенная часть татарского сельского населения западных и северо-западных районов вновь стала идентифицировать себя татарами.

Из всего русского населения Башкортостана в 1989 г. 263 008 (17,0 %), в 2002 г. 258 426 (17,3 %) проживало в сельской местности, а в 2010 г. 333 188 чел. (23,2 %), т.е. рост составил 74 762 чел. Не исключено, что в состав русского населения были инкорпорирована небольшая часть православных чувашей, мордва и других этносов, проживающих в сельской местности. Несмотря на эти «вливания» численность русских в республике имела тенденцию сокращения.

Признание родным языка своей национальности по переписи 2002 г. у представителей титульной национальности – башкир, имеет место незначительного сокращения – на 4,5 %. Эти показатели всегда имели политический аспект, ибо на высоких форумах лидеры и активисты башкирского национального движения утверждали об ассимиляции башкир татарами, якобы из-за обучения на татарском языке в школах западных и северо-западных районов. Однако цифры говорят об обратном. По переписи 2002 г. среди башкир по сравнению с 1989 г. численность лиц, признавших родным язык своей национальности, т.е. башкирский увеличилась на 212 025 чел. Хотя анализ этноязыковой идентичности башкир и других национальностей республики предыдущих переписей показывает менее заметную кривую динамики роста или же снижения. Показатели признания родного языка у башкир из переписи в перепись неуклонно росли. Особенно заметно этот показатель повысился между переписями 1979 и 1989 гг. – на 10,3 %.

Как отмечено в данных переписи 2010 г. 935 810 чел. признали свое владение башкирским языком. А по данным переписи 2002 г. таковых было 1 056 871 чел. Получается, что за 8 лет 121 061 чел. забыли башкирский язык. Однако, как мы знаем, языковая ситуация имеет тенденцию стабильного сохранения, резких колебаний и изменений за такой короткий срок просто невозможно. Таким образом, нам остается только утверждать о (громадной) фальсификации владения башкирским языком в республике органами статистики [3].

Увеличилась численность башкир, владеющих татарским языком, которая достигла 449 207 чел. [6, с. 31], что составляет 36,8 % всех башкир в республике. Хотя по переписи 1989 г. доля таковых составляла всего лишь 20,7 %. Такая тенденция, прежде всего, наблюдается в западных и северо-западных районах, в своем большинстве население которых татароязычное. Таким образом, татароязычное население данных регионов было административным путем включено в состав башкир. Отсюда и высокая доля башкир владеющих татарским языком.

В республике в 2002 г. 1 396 947 чел. отметили свое владение татарским языком, т.е. 34,04 % населения республики было татароязычным. А в 2010 г.

данный показатель сократился до 1 063 507 чел. [6, с. 48–53], т.е. за 8 лет, численность лиц, владеющих татарским языком, или татароязычное население, сократилось на 333 440 чел., составив уже всего лишь 26,1 % от всего населения республики. Небывалый случай? Что столько людей сразу забыли язык?

Если провести анализ этноязыковой идентичности и владения языками, то с 1970 по 1979 гг. среди башкир, признание родным языка своей национальности, выросло на 39 004 чел., татарского – на 9 433 чел. За межпереписной период с 1979 по 1989 гг. численность башкир с родным башкирским увеличилась немногим более на 3,5 тыс., составив 42 644 чел. При этом из всех башкир, доля признавших язык своей национальности, увеличивается с 64,4 % до 74,7 % , при уменьшении численности башкир с родным татарским языком с 307 632 (32,9 %) до 178 449 чел. (20,7 %), сократившись на 129 183 чел. По переписи 2002 г. родной язык не учитывался, а было зафиксировано лишь владение языками. По этому пункту 875 376 чел. отметили свое владение башкирским языком, что на 212 025 больше, чем по предыдущей переписи. Одновременно увеличилось количество татароязычных башкир на 62 тыс. чел., составив 240 968 чел.

У татарского населения, наблюдалась обратная тенденция – снижение доли признания родным татарского языка. Если в период советских переписей данный показатель снижался небольшими цифрами, то между переписями 1989 и 2002 гг. на 9,9 %. Почти столько, сколько выросла доля башкироязычного населения. Данные показатели не выдерживают логики развития объективных тенденций этнической и этноязыковой идентичности самих этносов и процессов, происходящих внутри них.

В данном случае налицо фальсификация по вопросу владение языками, видимо, сотрудники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, не совсем понимают объективных тенденций этнических и этноязыковых процессов. Несмотря на то, что многие отечественные этнодемографы и этносоциолингвисты подвергли сомнению и критике результатов Всероссийской переписи 2002 г. [11, с. 39–41; 12], по Республике Башкортостан на очередной переписи 2010 г. допускаются новые факты фальсификации, связанные с численностью населения и владения языками.

Анализ динамики этнического состава населения в республике в районном разрезе также трудно поддается для понимания процессов изменения численного соотношения башкирского и татарского населения в Башкортостане. Ибо в одних районах наблюдается постепенное снижение то башкирского, то татарского населения. Или же происходит резкое увеличение одних за счет сокращения других. В то же время анализ этноязыкового состава населения, в том числе и башкирского, показывает, что он в течение всего периода остается стабильно – татарским. Для более объективного осмысления указанных процессов, следовало бы провести анализ в контексте изменения динамики соотношения башкирского и татарского населения по степени их возрастания или уменьшения в районном разрезе.

Список литературы

1. *Все ли российские народы верно посчитали?// Демоскоп Weekly. № 319–320. 4–17 февраля 2008. Электронная версия бюллетеня Население и общество. Институт демографии Государственного университета – Высшей школы экономики. / htth:// www.demoscope.ru/weekely/2008/0319/tema05.php.*

2. *Габдрафиков И.М. Перепись населения в Башкирии: материалы полевой этнографии // Этнография переписи – 2002 / Под ред. Елены Филиповой, Доминика Ареля, Катрин Гусеф – М.: ОАО «Авиаиздат», 2003. С. 101–134.*
3. *Габдрафиков И.М. Чудовищная фальсификация или геноцид народов? К итогам переписи населения 2002 г. в Башкирии // Халык ихтыяры (Воля народа). 2004. Ноябрь. №10.*
4. *Ксавье Ле Торривеллек. Перепись и идентичности: Башкирия в октябре 2002 года // Этнография переписи – 2002.– М.: ОАО «Авиаиздат», 2003. С. 94–100.*
5. *Кузеев Р.Г. Межнациональные отношения: история, теория, пути демократического обновления. Уфа, 1990. С. 41–46.*
6. *Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2012.*
7. *Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990.*
8. *Сафин Ф.Г. Вопросы этнической и языковой идентификации тюркского населения Республики Башкортостан. Казань: Изд-во «Фэн», 2005.*
9. *Сафин Ф.Г., Фатхутдинова А.И. Этническая и языковая идентичности в региональном измерении: феномен Башкортостана (1959-2002 гг.) Уфа, 2012. 152 с.*
10. *Сафин Ф.Г. Этнодемографические и этноязыковые процессы в современном Башкортостане // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях (Этнологические очерки). М., Старый сад. 2005. С. 102-122.*
11. *Степанов В.В., Тишков В.А. Этническое измерение России // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2007. С. 39– 41.*
12. *Тишков В.А. на совещании Общественной палаты РФ 05.02.2007 заявил о фактах фальсификации итогов переписи 2002 г. // газ. Воля народа. 2008. №38.*
13. *Хуснутдинова Л.Г. Адаптация мигрантов и вынужденных переселенцев в Башкортостане. Уфа, 2012.*
14. *Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей Российской Федерации. М.: 1992.*
15. *Юлдашбаев А.М. Статистика и ее любители. Уфа, 2009.*

УДК 378 (510)

О ПРИНЦИПАХ ПОДГОТОВКИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В КНР[3]

© ***С.Б. Дугарова,*** *Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)*

ABOUT PRINCIPLES OF TRAINING OF QUALIFIED PERSONNEL IN CHINA

© ***S.B. Dugarova****, Zabaykalsky state university (Chita, Russia)*

В статье рассматриваются предпринимаемые меры правительства для подготовки высококвалифицированных кадров КНР. Руководство КНР активно использует традиционные ценности одновременно с современными методами управления для устойчивого социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: Конфуцианство, концепция, высококвалифицированные кадры, мораль, качество, подготовка.

In the article the measures to prepare qualified personnel are described. China's leaders actively using both traditional values with modern methods of management for the sustainable socio-economic development.

Key words: Confucianism, the concept, highly qualified personnel, morality, quality, training.

E-mail: sveta.sod@gmail.com

Современное китайское общество находится на переломном этапе своего развития. Процессы глобализации и регионализации поставили перед государством и обществом трудную задачу, сохранив свою идентичность, приспособится к глобальным изменениям. Современное состояние Китайской Народной Республики определяется учеными как «находящееся в процессе трансформации». Данная трансформация характеризуется увеличением разрыва между бедными и богатыми слоями населения, замедлением роста благосостояния деревни, диспропорций в развитии города и деревни, разрывом в распределении доходов, изменением социальной стратификации и некоторыми другими факторами. Эти тенденции могут привести к социальным противоречиям и конфликтам в обществе и, как следствие к хаосу и дезинтеграции.

В поисках ответов на вызовы времени руководство страны пытается опереться на ценности конфуцианской культуры и стремится показать преемственность традиций политической культуры Китая.

Реформы в современном китайском обществе регламентируются общей концепцией «построения социализма с китайской спецификой». Если раньше основной упор делался на стратегию «приоритета экономической эффективности», то на новом этапе модернизации центральной задачей стал переход от «одностороннего экономического рывка» к «всестороннему построению общества малого благоденствия», требующему одновременного развития экономики, политики, социальной сферы, а также всестороннее развитие человека. Этот поворот был ознаменован на XVI съезде партии, проходившем 8-15 ноября 2002 г. в Пекине. На съезде была выдвинута такая модель социального развития, где «человек – основа, а согласованное развитие экономики и общества – основной ценностный ориентир».

[3] Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение No. 14.B37.21.0977

Осуществление научной концепции развития, совершенствование рыночной экономической системы, создание гармоничного общества требует масштабной подготовки высококвалифицированных кадров.

После образования КНР проблема подготовки кадров приобрела большое значение и стала важной задачей для работы правящей партии и правительства. Изучение данной проблемы начинается в конце 70-х гг. XX в. В это же время возникает научная дисциплина, изучающая закономерности развития и реализации человеческого потенциала. В Китае высококвалифицированные кадры обозначаются понятием "женьцай" (人才). Существует множество определений значения данного слова. В словаре «Цыхай» (Море слов) «женьцай» – «это люди, обладающие способностями» («цайнэн жэнь») или «люди, имеющие эрудицию и талант» («цайсюе жень»). «Современный словарь китайского языка» даёт следующее определение: «женьцай» – это люди, обладающие высокими моральными и деловыми качествами, совмещающие добродетель и талантливость, имеющие разнообразные преимущественные индивидуальные способности. Еще 2500 лет тому назад термин «женьцай» упоминался в «Книге песен» (Ши-цзин) в разделе «Малые оды» (Сяо я): «Если цзюньцзы сможет обладать (женьцай), то в мире воцарится радость». Термин «женьцай» имеет двоякий смысл: в произведениях на старом китайском литературном языке вплоть до династии Сун, он часто выражал «добродетель» (сян), «образованность, ученость» (ши), «одаренность» (цай); постепенно он стал выражать такой смысл: «человек, обладающий моральными качествами и выдающимися способностями» [1, с. 22].

Таким образом, «женьцай» – слово с китайской спецификой. В английском языке наиболее близкое к «женьцай» слово «talent», выражающее «талант» (тяньцай), еще с таким же смыслом есть слово «genius». Эти два слова означают естественный, врожденный талант человека и поэтому различны с «женьцай».

Китайские ученые дают разные определения понятию «женьцай». Из наиболее характерных можно выделить три основных: во-первых, «женьцай» – это люди, которые обладают обязательными специальными знаниями, высокими техническими навыками, соответствующими способностями к креативному труду, тем самым привносящие различный большой вклад в развитие науки, преобразование природы и общества, в прогресс человечествах [2, с. 15]; во-вторых – это люди, осуществляющие креативную деятельность для развития общества и человечества, привнося большой вклад в различные области, отрасли и работу [3, с. 35]; в-третьих – это люди, обладающие внутренней благоприятной природой, которые в определенных условиях, посредством непрерывного старания и упорства могут достичь креативного результата, тем самым оказывая большое влияние на общественный прогресс и развитие [4, с. 18].

Таким образом, все эти определения делают акцент на социальном развитии и творческой инициативе. Однако данные определения подчеркивают достигнутый творческий результат, как следствие привнесенного вклада в общественный прогресс. Такие большие рамки ограничивают или сужают сферу понятия человеческого потенциала. Поэтому, например, скрытый (латентный) человеческий потенциал не входит в данную область определения.

Итак, на теоретическом уровне «женьцай» можно определить как людей, обладающих определенными знаниями, квалификацией и моралью, способных к осуществлению креативной работы, осуществляющих большой вклад или оказывающих большое влияние в практике общественного развития или прогресса человечества. В этом определении есть три значения: первое –

что «женьцай» имеют определенные знания и навыки, вне зависимости от опыта приобретенных знаний, квалификации или академического образования, это необходимое условие «женьцай»; во-вторых – креативный труд является основным критерием «женьцай», то есть «женьцай» – это люди, которые могут заниматься креативным трудом, вне зависимости от уже сделанного вклада или будущего вклада в общественное развитие, во избежание игнорирования скрытого (латентного) потенциала. Фактически, скрытый потенциал является наиболее важным в структуре человеческого потенциала, наиболее ценным для его развития. В-третьих, «женьцай» должны обладать высокой моралью, стремлением к общественному развитию и человеческому прогрессу. А некоторые, обладающие специальными глубокими знаниями и навыками, но приносящие вред развитию общества вовсе не могут называться «женьцай».

Интересы народа, развитие человека становятся главной темой современности. В этой связи важно место занимают концепции «человек в основе всего» и «народ в основе всего», которые исходят из национальной культуры Китая. Самое раннее упоминание данной ценностной идеи связано с именем философа Мэн-цзы (III век до н.э.).

В качестве практической программы действий принята «стратегия создания державы высококвалифицированных кадров» (жэньцай тянго чжанлюе). Она была выдвинута в 2003 г. в «Решении ЦК КПК и Госсовета по укреплению работы по подготовке высококвалифицированных кадров». Подчеркивалось, что «государство с большим по численности населением должно превратиться в державу высококвалифицированных кадров» [5, с. 30]. Для реализации курса принципы традиционной духовной культуры, коренящиеся в конфуцианстве, играют далеко не последнюю роль.

Одним из аспектов кадровой политики руководства КНР является утверждение образцового морального поведения работников. Следует отметить, что в октябре 2002 г. была принята «Программа построения гражданской нравственности», в которой выдвинут принцип «добродетельного правления» («и дэ чжи го»), который связывается с продолжением курса «строительства социалистической духовной цивилизации» и общим выражением курса «трех представительств». Этот принцип в настоящее время прочно укоренился во всех аспектах жизнедеятельности китайского общества. Воплощением «и дэ чжи го» является упорный труд, путь праведного (законного) обогащения [6, с. 43].

Следует отметить, что термин «дэ» приобрел у Конфуция значение «морального воспитания», «нравственность», «добродетель». В современном словаре китайского языка также упоминается: «Высококвалифицированный работник – человек, обладающий высокими моральными качествами (жэньцай ши дэцай цзянбэй дэ жэнь)» [7, с. 1144].

Важное значение в процессе воспитания высококвалифицированных кадров также имеют и такие требования, как «пять принципов любви»: «любить Родину», «любить народ», «любить труд», «любить науку» и «любить социализм». Эти принципы близки к истолкованию конфуцианского принципа «чжун» (преданность, верность, прямота по отношению к работе, рабочему месту). Еще Дэн Сяопин в свое время выдвинул критерии оценки высококвалифицированных кадров, которые были близки к принципу «чжун». В частности, отмечалось, что высококвалифицированный работник должен соответствовать «теории обладания четырьмя»: «обладать идеалом», «обладать моралью (нравственностью)», «обладать культурой» и «обладать дисциплиной»[8, с. 54].

В 2003 г. ЦК КПК и Госсовет издали «Постановление по дальнейшему укреплению работы с кадрами», и подчеркнули необходимость решительной реализации научной концепции кадров: «Только при наличии определенных знаний и навыков, можно провести креативную деятельность. Чтобы содействовать социалистической материальной культуре, политической культуре, строительству духовной цивилизации, сделать большой вклад в великое дело строительства социализма с китайской спецификой, партии и государству необходимы высококвалифицированные кадры». Данная научная концепция нового времени раскрывает богатый смысл нового содержания «женьцай»: во-первых, обладание обязательными знаниями и навыками, во-вторых, осуществлять креативную деятельность, в третьих, привнести вклад в дело «строительства трех культур» (саньгэ венмин дяншэ). При этом, знания и навыки являются внутренней энергией «женьцай», креативная деятельность – это основная воспроизведенная форма данной энергии, а вклад в общественное развитие – это результат энергии «женьцай».

Высококвалифицированные кадры были обозначены руководством КНР в качестве первого стратегического ресурса страны. Для его развития были выдвинуты следующие условия: первое – это улучшение образовательной среды (повышение инвестиций в образование, улучшение материальной и технической базы учебных заведений и т.д.); второе – реализация концепции "человек с основе всего", которая заключается во всестороннем развитии талантов, создании справедливого механизма конкуренции, предоставлении человеку больше возможностей для творческого развития и карьерного роста; третье – преобразование природной среды, заключающееся в улучшении экологической обстановки, а вместе с тем и условий для людей, проживающих в разных территориях; четвертое – улучшение социальной среды, а именно на основе идей "тройного представительства" создать атмосферу "уважения труда, уважения знаний, уважения талантов, уважения творчества". Таким образом, в последнее время руководители КНР не только уделяют большое внимание духовному развитию кадров, но и активно стремятся к созданию специальных условий, экологической обстановке и социальной атмосфере, строительству передовой культуры человеческих ресурсов, основанной на уважении, заботе и доверии к человеку.

В Китае неоднократно переиздавалось «Пособие по ведению идейно-политической работы», в котором примечателен раздел, где описываются методы идейного воспитания в коллективах фирм, предприятиях, учебных заведениях. В частности, большое внимание уделено «наследованию в методах идейно-политической работы». Под этим образом понимаются некоторые морально-этические принципы китайской цивилизации, ссылка на которые принесет «ощутимые плоды в деле воспитания высококвалифицированных кадров» [9, с. 67].

Обосновывая свою кадровую политику, руководство КНР постоянно апеллирует к трактовкам конфуцианских мыслителей. Объясняя реальные меры по реализации своей политики, руководители Китая приводят цитаты из стихов, в которых говорится о важности использования и привлечения «новых сил». Так, в июне 2000 г. на выступлении в Высшей партийной школе при ЦК КПК Цзян Цзэминь процитировал цинских мыслителей: «Я молю Небо вновь встряхнуться, отбросить все препятствия и неустанно рождать таланты» [10]. Вопрос о привлечении талантливых и мудрых людей напрямую связан с благополучием в социальной сфере и с процветанием всей страны.

Таким образом, процесс подготовки высококвалифицированных кадров в КНР можно свести к следующим основным принципам: во-первых – реализация принципа "человек в основе всего", а именно всестороннее развитие способностей человека, свободное творческое развитие. Во-вторых, всестороннее внимание духовному развитию, укрепление моральных качеств работников и поощрение креативной деятельности, тем самым не оставлены без внимания когнитивный, психологический и деятельностный подходы. В-третьих, формирование нового общества, от которого зависит успех реформ, во многом зависит от новой стратегии по привлечению высококвалифицированных работников. В четвертых, совершенствование условий в системе подготовки кадров (улучшение таких сфер как образовательной, материальной и социальной, а также преобразование экологической обстановки). В пятых – руководство КНР также привлекает и активно использует принципы конфуцианской культуры в осуществлении этой стратегии, но в откорректированном и дополненном варианте. Это напрямую относится к тому, что провозглашал Дэн Сяопин в своей «теории обладания четырьмя». Эта группа ценностей связана с формированием «новых работников», которые будут обладать, с одной стороны, «духом коллективизма, патриотизма, правильными ценностными ориентирами», а с другой –будут реализовывать справедливые интересы и идеи, будут обладать современным научным знанием, творческой потенцией, эффективным мышлением и социалистической моралью.

Список литературы

1. *Ли Чжэпин. Женьцай тяньго чжанлюе = Стратегия державы высококвалифицированных кадров. Пекин, 2010. 230 с. – Кит. яз.*
2. *Лин Цзэян. Чжунго женьцай - Высококвалифицированные кадры КНР. Пекин, 2008. 450 с. – Кит. яз.*
3. *Чэнь Чангуэй. Женьцай хуэйгуэй = Возвращение высококвалифицированных кадров. Гуанчжоу, 2003. 216с. – Кит. яз.*
4. *Гао Цюаньвэй. Женьцай гуоди цзиньчжэнли = Международная конкурентоспособность высококвалифицированных кадров, 2010. 457 с. – Кит. яз.*
5. *Ли Чжэпин. Женьцай тяньго чжанлюе = Стратегия державы высококвалифицированных кадров. Пекин, 2010. 230 с. – Кит. яз.*
6. *Ван Сяоси. И дэ чжи го дубэн = Управление на основе добродетели / Ван Сяоси. – Нанкин, 2001. - 245 с. - Кит. яз.*
7. *Сяндай ханьюй цзидиан = Современный словарь китайского языка. – Пекин. Вайюй цзяосюе чубаньшэ, 2002. – 269 с. - Кит. яз.*
8. *Ли Чжэпин. Жэньцай тянго чжанлюэ юй чжунго тэсэ дэ жэньцай цзыюань кайфа = Стратегия державы высококвалифицированных кадров и развитие человеческих ресурсов с китайской спецификой / Ли Чжэпин. – Бэйцзин: Кэсюе чубаньшэ, 2010. – 271 с. – Кит. яз.*
9. *Хань Юйфан, Линь Цюань, Ян Цзиньюнь, У Му, Си Вэньци, Лю Ян. Сысян чжэнчжи гонцзо фанфа цзяочэн = Пособие по методам идейно-политической работы / Хань Юйфан. – Бэйцзин, 2001. – 224 с. – Кит. яз.*
10. *И бу лиши, цзонгши цзай будуань янцзин дэ гочэн чжун шисян цзиди дэ фачжан. И гэ дан, цзонши зцай идай дайжэнь дэ син лаоцзяо ти чжунван чэнь цзиди дэ шимин = История, всегда в своем непрерывном движении, не прекращает свое развитие. Партия, в процессе смены старого новым поколением, осуществляет свою миссию. - Режим доступа: http: // www. dayangwang.com. – Загл. с экрана.*

УДК 314.148

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА[4]

© ***И.В. Кучумов***, *Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия*)
© ***С.С. Алексеенко***, *Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия*)

DISCUSSION QUESTIONS ETHNODEMOGRAPHY STUDIES OF RUSSIAN POPULATION OF SOUTHERN URAL

© ***I.V. Kuchumov,*** *Kuzeev Institute for Anthropological Studies, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia)*
© ***S.S. Alekseyenko***, *Kuzeev Institute for Anthropological Studies, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia)*

Статья посвящена обсуждению дискуссионных проблем изучения демографии русского населения Южного Урала. Авторы анализируют изъяны современной региональной историографии и намечаются возможности применения новейших методов исследования.

Ключевые слова: этнодемография, русские, Южный Урал, Башкортостан.

The article is devoted to the discussion of controversial issues of studying demographics Russian of the population of the Southern Urals. The authors analyze the shortcomings of current regional historiography and provides opportunities for the application of the latest methods.

Key words: ethnodemography, Russian, South Urals, Bashkortostan.

E-mail: ivku@yandex.ru; afotinias@mail.ru

Русское население Республики Башкортостан – наиболее крупная по численности этническая группа в этом регионе. По результатам проведения Всероссийской переписи 2010 г. в республике насчитывалось 1432906 человек (36,1 % части населения, указавшей национальную принадлежность), которые идентифицировали себя как русские. Указанная группа населения в силу своего численного преобладания, доминирования в ведущих отраслях народного хозяйства, высокой урбанизированности, уровню образования и т.д. издавна играет особую роль в развитии Республики Башкортостан, во многом определяя социальный облик этой экономически мощного, высокоразвитого региона, связывающего Европу с Азией.

В течение длительного времени (с XVI/XVII вв.) здешнее русское население проживает на полиэтничной территории, которая этносоциологами характеризуется как зона с одним из самых высоких в стране индексов этнической мозаичности (т.н. коэффициент Б.М. Эккеля) [2, с. 24–25]. С самого начала русская колонизация на Южном Урале столкнулась на своем пути с финно-угорскими и тюркскими общностями и вступила с ними в многоплановое взаимодействие. Если в центральной России, на территории своего раннего расселения русские во многом являлись этносом в его традиционном понимании, то в зонах этнических контактов (в частности, на

[4] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №13-01-00146

Южном Урале) у них наблюдались процессы, которые больше были похожи на те, что наблюдаются у социальных групп, в частности, сословий. Можно, например, указать на перемены идентичности у части нерусских этнических групп, связанные с их переходом в православие, обрусение и т. д. – явления, которые постоянно сопровождают историю местных сообществ на протяжении почти пяти веков. Привилегии, престиж, которыми в отличие от других культурных групп, обладали русские, наиболее явственно проявлялись именно в этноконтактных (межцивилизационных) зонах, приводя, как уже отмечалось, к интеграции в собственно русскую общность групп населения, имевших до этого иные культурные и исторические корни [8, с. 174].

«Межэтническое взаимодействие в регионе всегда было достаточно интенсивным. С течением времени сменялись те группы, которые в наибольшей степени были вовлечены в процесс взаимовлияния, сменялись территории, где происходило наиболее интенсивное взаимодействие, изменялся сам характер процессов, но процесс взаимодействия и взаимовлияния не прекращается и по сей день» [3, с. 11]. Поэтому мы согласны с мнением тех исследователей, которые полагают, что стратегия «рассказать историю русских отдельно от всех остальных жителей империи… заведомо обречена на неудачу», и проблему необходимо анализировать в рамках треугольника «русские – нерусские – государство» и даже еще большего числа акторов [6, с. 9, 31].

Как справедливо констатирует Р.Г. Кузеев, влияние русского культурного суперстрата на жизнь этносов региона в конкретно-исторических проявлениях изучено пока слабо [5, с. 207]. Отечественная историография разрабатывала эту тему довольно поверхностно, сводя ее к анализу динамики социальной структуры и образовательного уровня, а также урбанизации этносов. Сторонники классического «этнографического» направления ограничивались констатаций взаимовлияний в традиционной материальной и духовной культуре. Глубокий многоуровневый анализ межэтнического и межкультурного взаимодействия, разработка теоретических моделей этих процессов на примере отдельных этнических групп отечественным исследователям еще предстоит осуществить.

Распространенные на сегодняшний день в научной, а чаще всего в популярной литературе и публицистике оценки роли и места русских в истории, экономике и культуре Башкортостана вряд ли можно назвать объективными. Региональные историки пока не смогли выработать адекватные концепции межэтнического взаимодействия, соответствующие современному уровню науки. В 1992 г. Р.Г. Кузеевым была предпринята попытка рассмотреть многовековую этническую историю Волго-Уральского региона с использованием подхода, напоминающего известную теорию «большой временной длительности». В силу своей неразработанности и исключительной сложности многоплановая тема межэтнического взаимодействия русских с нерусскими этносами и этническими группами Урало-Поволжья была упомянутым исследователем лишь обозначена.

В отечественной науке в последнее время во многом под влиянием зарубежной историографии стало складываться понимание важности изучения того, «как власти структурировали пространство империи, устанавливая и меняя административное деление» [6, с. 7]. Однако в историографии Республики Башкортостан пока еще сохраняется традиция определять пространственные границы исследовательской темы рамками современных административно-территориальных образований. Но если такой подход

допустим, когда речь идет о периоде, соответствующем времени их существования, то вряд ли будет корректно использовать границы нынешних республик и областей при изучении далекого прошлого того или иного региона. Несмотря на то, что большинство историков предпочитают игнорировать этот вопрос, он имеет принципиальное значение, поскольку в предшествующие эпохи социальные отношения в широком смысле этого слова функционировали не в тех территориальных границах, что возникли в основном после 1917 г. В этой связи заслуживает внимания предпринятое Р.Г. Кузеевым описание дореволюционной этнокультурной истории крупного региона, сделанное без учета современных административно-территориальных рамок, что позволило ему с большой долей объективности показать ее характер и вектор динамики [4]. А.И. Миллер недавно высказал интересную мысль о большей продуктивности не регионального, а ситуационного подхода. Это предполагает отказ от концентрации внимания на определении границ изучаемого пространства [6, с. 28].

Но применительно к XX в. такие подходы не применимы. Во-первых, несмотря на свой чисто административный характер, границы республики являлись по сути политическими, поскольку внутри них реализовывалась национальная политика, шло формирование и распад идентичностей, а общественно-политическая жизнь характеризовалась значительным влиянием этнического фактора. Ситуация, которую описывал на страницах упомянутой выше книги Р.Г. Кузеев – а он остановился на рубеже XIX–XX вв., была во многом иной, и границы дореволюционных губерний вообще не несли никакой политической нагрузки. Представляется, что региональные историки не учитывают достижений политической географии, для них Башкортостан остается сугубо географическим или в лучшем случае административно-территориальным образованием, но отнюдь не социальным. Впрочем, это относится и к большинству местных историографий в России.

Административно-территориальная нестабильность выбранного для исследования географического пространства создает серьезные трудности при анализе статистических данных в широких хронологических рамках. Характеризуясь в литературе в историко-географическом и этнокультурном понятии как Башкортостан (Башкирия), до 1865 г. эта территория являлась частью Оренбургской губернии, затем была разделена на Оренбургскую и Уфимскую губернии, в 1917 г. из которых выделилась Малая Башкирия, в 1922 г. ставшая, путем присоединения Уфимской губернии, Большой (БАССР). В последующие годы эта территория еще не раз подвергалась внешним пространственным трансформациям, завершившимся в 1934 г. В последнее время в связи с появившимися проектами реформы административно-территориального устройства России возможны новые переделы внешних границ республики. В случае реализации этих планов для исследователей в очередной раз возникнут два основных вопроса: как соотнести «новые» статистические данные с прежними территориальными конфигурациями, и как наложить «новую» территориальную идентичность на прежние пространственные конфигурации.

Указанные проблемы не позволяют проводить сравнительные исследования в достаточно долгом хронологическом срезе. В такого рода ситуациях возможны два варианта решения проблемы. Первый – создание базы первичных данных и использование ее в различных пространственных группировках. История российской экономической статистики знает

грандиозный опыт В.П. Семенова-Тян-Шанского по тотальному пересчету массового материала при подготовке многотомной публикации «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (изд. 1900–1911 гг.). Такой подход, конечно, позволяет получить гомогенную источниковую базу и показать то или иное явление в его развитии. Однако тот же В.П. Семенов-Тян-Шанский, «переформатируя» в указанной работе огромный массив данных по предложенной им модели, ставил перед собой цель предложить новую схему экономического районирования страны. Иначе говоря, его инструментарий был направлен на конструирование новой реальности, а не на изучение прошлой. Поэтому путь, избранный этим автором и который иногда в гораздо меньших масштабах пытаются повторить историки и этнологи, мало пригоден для ретроспективных исследований. Некорректно применяя этот метод, современные авторы, сосредотачиваясь на форме, мало уделяют внимания содержанию.

Применительно к нашей работе следует заметить, что многочисленные административно-территориальные изменения, происходившие в исследуемом регионе с середины XVI в. были не просто формальными актами. За ними стояли крупные трансформации социально-экономического уклада, конфигураций и идентичности сообществ, проживавших на данной территории. Так, созданный на базе Оренбургской и Уфимской губерний автономный Башкортостан (сначала, в 1917 г., как демократический, а с 1919 г. – советский) имел совершенно иную политическую и идеологическую основу, чем его предшественники. Советская национальная политика, в рамках которой была создана башкирская национальная автономия, активизировала этническое самосознание у проживавшего на данной территории населения. Отныне пути развития данной территории во многом (хотя, конечно, не абсолютно) определялись ролью этнического фактора, что в какой-то мере делает сравнение статистических показателей с предшествующим периодом не совсем корректным и не всегда целесообразным.

Современные социальные общности на территории Республики Башкортостан, являясь наследниками населения, проживавшего на Южном Урале в предшествующие столетия, не были, тем не менее, его полными клонами. Этническое самосознание, которое ранее существовало наряду с другими формами культурной идентичности (в первую очередь, религиозной), в XX в. стало доминирующим благодаря, с одной стороны, его легитимизации в качестве формального принципа существования «национальных» административно-территориальных образований, а с другой – в связи с насильственной маргинализацией той же религиозной идентичности. В тоже время сохранялась сложная ситуация с языком как критерием культурной идентичности.

Процесс формирования современных представлений об этнической идентичности не был одномоментным явлением. Это хорошо показал М.И. Роднов, который, анализируя первичные материалы переписи 1920 г. по Белебеевскому уезду – подворные карточки – обнаружил, что у русских широко была распространена форма записи национальности как «великорос» (с вариантами «великорус», «великоросс» и пр.) [7, с. 34]. Публикуя эти источники, исследователь оговорил все случаи такого обозначения национальной принадлежности, однако в составленных им сводных таблицах он, по примеру многих своих коллег и по сложившейся еще в советской историографии традиции, уверенно называет их «русскими». Представляется, что столь активное и даже агрессивное авторское вторжение в публикуемый источник (а М.И. Роднов утверждает, что он публикует именно источник, хотя

по сути создал из него свою исследовательскую конструкцию) и навязывание читателям собственной безапелляционной интерпретации на основе позднейших представлений об этничности некорректны, упрощают реальную картину того времени и способны ввести исследователей в заблуждение.

Как уже отмечалось выше, в исследуемое М.И. Родновым время понятие «великорус» (во всех его вариантах) не всегда и не полностью обозначало тех, кого мы сегодня с уверенностью называем русскими. Наличие в ходе переписи различных обозначений для тех, кого М.И. Роднов категорически записал в русские – это не изъян переписной кампании, не ошибка интервьюируемых или переписчиков, а фиксация того переходного состояния, той точки бифуркации, которая была характерна для периода, когда современные представления об этнической идентичности еще только формировались. В тоже время такие ответы респондентов свидетельствуют, видимо, о том, что в ходе проведения переписчиками могли сохраняться прежние представления о национальной принадлежности, применявшиеся в период проведения переписи 1897 г. (поскольку вопросы о религиозности населения большевиками в 1920 г. не ставились, этническая идентичность могла определяться и по языку – трудно представить, что неграмотные крестьяне могли четко соотнести себя с какой-то «общностью национального самосознания»). Примером тому как раз являются встречающиеся в подворных карточках переписи упоминания национальности «православные» – явный пережиток прежних классификаций населения.

Этническая идентичность населения, позже однозначно определяемого как русские, в рассматриваемый период была аморфной, слабой и непоследовательной, а приверженность большевистского режима в первые годы революции пролетарскому интернационализму препятствовала вызреванию массового чувства русской национальной идентичности [1, с. 18-35]. Как отмечает Д.Л. Браденбергер, «этнографы, которым была поручена подготовка к первой советской переписи населения в середине 1920-х годов, напрасно искали доказательства существования ярко выраженного чувства русской национальной общности. Вместо этого они обнаружили, что крестьяне не видят разницы между белорусами, великороссами и украинцами, либо без разбора считая друг друга «русскими», либо определяя самосознание по более явным региональным особенностям». Полевые исследования, проводившиеся в те годы, показали, что у крестьян совершенно отсутствует чувство национального сознания или принадлежности к более крупному политическому сообществу [1, с. 25]. Привычная для крестьян религиозная идентичность позволяла им не проводить явной границы между различными этническими группами православных [5, с. 22].

Список литературы

1. *Браденбергер Д.Л. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. 416 с.*
2. *Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа: Гилем, 1996. 199 с.*
3. *Коростелев А.Д. К проблеме изучения этнически смешанных селений Урало-Поволжья // Мы и как удмурты, и как чуваши... М., 2007. С. 7–27.*
4. *Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.*

5. *Кучумов И.В. К проблемам идентичности и межкультурного взаимодействия (на примере русского населения Башкортостана). Уфа, ДизайнПолиграфСервис, 2010. 136 с.*
6. *Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.*
7. *Роднов М.И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. М.: ИЭА РАН, 2009. 121 с.*
8. *Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. М.: Наука, 2005. 383 с.*

УДК 502.173:591.5

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДИКОГО СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ (RANGIFER TARANDUS L.) КАК ОТКЛИК НА ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ

© ***Н.В. Малыгина***, *Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)*

WILD REINDEER (RANGIFER TARANDUS L.) DEFENSIVE EHAVIOUR AS SOME REACTION ON OUTER IRRIGATION

© ***N.V. Malygina***, *Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Eltzin (Ekaterinburg, Russia)*

Статья посвящена поведенческим характеристикам дикого северного оленя в ответ на действие различных факторов беспокойства как антропогенные, так и природного происхождения. При этом обсуждается вероятность приспособления животных к внешним раздражителям в аспекте разнообразия самосохранительного поведения как адаптации к изменяющимся условиям внешней среды.

Ключевые слова: дикий северный олень, факторы беспокойства, оборонительные реакции, поведенческие характеристики, адаптация.

This article is devoted to some wild reindeer behavior characteristics as a reaction on natural and anthropogenic irrigators. A discussion of wild reindeer defensive specimen as some adaptation to the altering environmental conditions has been opened.

Key words: wild reindeer, irrigators, defensive reactions, behaviour characteristics, adaptation.

E-mail: adelaviza@gmail.com

Реакция дикого северного оленя в ответ на действия антропораздражителей – наиболее показательная характеристика этологической активности этих животных в аспекте разнообразия самосохранительного поведения как адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. Объект исследования: таймырская популяция дикого северного оленя (Rangifer tarandus L.). Цель работы – выявление характера и закономерностей оборонительного типа активности дикого северного оленя в ответ на действие различных факторов беспокойства. Методы. В период с 1984 по 2002 г.г. были проведены полевые работы продолжительностью 19 месяцев, в том числе более 600 часов наземных и 500 часов авианаблюдений дикого северного оленя на территории Восточного Таймыра. Общая протяженность маршрутов авианаблюдений составляла около 60 тыс. км. Классический метод изучения поведения животных – прямое наблюдение и описание. "Описывая его (поведение – уточнение автора) словами, мы, тем самым, создаем модель" [1, с. 6]. Отмечался

источник беспокойства, описывалась реакция животного, последовательность поз с момента появления опасности до состояния покоя или перехода к другому виду активности, делались схематизированные зарисовки типа реакции, характера, направления передвижения, отмечались фоновые раздражители: направление ветра, место расположения наблюдателя, характерные особенности рельефа. В целом, мы руководствовались теоретическими и методическими указаниями отечественных и зарубежных исследователей [1; 2; 6; 12]. Основным методом получения информации явился, так называемый, эксперимент в природе, при котором условиями для проведения работы является естественная среда обитания животных, а фактор беспокойства вводился наблюдателями искусственно. Результаты и обсуждение. Движения выявления и ознакомления источника опасности у дикого северного оленя начинаются с позы настороженности – олень напряжен, высоко поднял голову, навострил уши (пассивно-оборонительная реакция). Эта поза предшествует движению (активно-оборонительная реакция) [5]. Направление ветра. Движение животных при выявлении источника беспокойства зависит от направления ветра. Если направление ветра от животного к человеку, но по какому-либо сигналу животное получает тревожный импульс (к примеру, на слух), то между позой настороженности и началом движения время может быть очень продолжительным. Причем бег происходит по касательной направления движения, а в конце каждой «дорожки» - обязательна остановка в позе настороженности (рис. 1 А). Если направление ветра от наблюдателя к животному прямо или чуть в сторону, то животные всегда движутся «елочкой» (рис. 2 Б), в конце каждой дорожки остановка в позе настороженности. В обоих случаях бег может быть заменен «прыжком оленя». Движение по обеим схемам происходит до тех пор, пока животные не приблизятся на такое расстояние (как правило, разное при разных фоновых факторах – рельеф, освещенность и т.д.), которое позволяет оленю распознать тревожащий его объект. Распознание идет через обоняние, это подтверждается работами [4]. Оно у дикого северного оленя развито лучше всего, затем – слух и очень слабо – зрение. Сезон жизненного цикла животных. Самая низкая реактивность (реакция на фактор беспокойства) у беременных самок в апреле-мае-июне, когда движение запрограммировано стереотипом годового цикла животных. У этой возрастной группы самая сильная мотивация движения, и эта поведенческая доминанта ослабляет действие раздражителя. Подобная схема реактивности наблюдается у предгонных самцов в августе-сентябре-октябре в период осенних миграций, поведенческая доминанта – движение, ослабляет действие раздражителя. Летом (июль) у всех половозрастных групп одинаковая мотивация – стремление к восполнению дефицита зеленых кормов, жировка и летний нагул, этим определена поведенческая доминанта - пастьба и отдых, которая лишь в какой-то мере смягчает действие раздражителя. В целом реактивность животных летом значительно выше, чем в весенний период у беременных самок, а в осенний у предгонных самцов. Размер и половозрастной состав испытуемой группы. Стада, состоящие, главным образом, из телят и важенок, реагировали острее, чем группы, состоящие из быков. В них явно видны элементы панического столкновения и скучивания животных, возможно, главным образом, из-за повышенной возбудимости телят, которые при появлении раздражителя всегда стремятся к матери.

Стада «рогачей» реагируют слабее всех остальных половозрастных групп. Представляет особый интерес реакция животных-одиночек. Отдельное животное – это совсем не то, что животное в группе, где превалирует стадный инстинкт. У них в большей степени проявляется индивидуальность в поведении, оно более сложно и разнообразно, иногда с элементами игрового поведения. При этом в целом звери-одиночки показали более низкую реактивность, чем животные в группах. Одиночные особи, присоединившиеся к группам, были менее активны, чем те, что изначально находились в пределах группы. Табунки численностью менее 10 особей реагировали слабее, чем крупные стада. Варианты активно-оборонительных реакций стад диких северных оленей в зависимости от численности представлены на рис. 2. Рис. 2 А – представляет схему активно-оборонительной реакции (движение) стада, численностью более 10 голов. В ответ на действие наземного раздражителя – животные убегают, причем, по прямой направления точки расположения источника беспокойства – происходит раскол большого стада. Одна группа широкой шеренгой, а затем в затылок, влево, а другая – вправо от преследовавшего раздражителя. Рис. 2 Б - представляет кинограмму активно-оборонительной реакции (движение) стада, численностью до 10 голов (1-9). В этом случае раскола на две части не наблюдалось, а стадо, даже плотно сгруппированное, разбегалось в россыпь. При всех вариантах движения стада, сначала начинает бег вожак (обычно это самка), через 30 сек., начинает двигаться стадо, еще через 30 сек. Стадо догоняет вожака и далее они двигались синхронно (рис. 3 В). На Рис. 7 – Г показана группировка стада вокруг вожака. При действии фактора беспокойства сверху (летательный аппарат) реакция животных зависит от высоты полета и преактивности, на самой последней ступени (1V) увеличение скорости движения всегда наблюдается от периферии к центру (рис. 3 – А, Б, В, Г), затем стадо убегает, как правило, в сторону от летательного аппарата. При низкой высоте полета большая группа животных нередко раскалывается на несколько мелких, которые разбегаются в разные стороны. Фоновые факторы – естественные раздражители, к ним относятся: гнус, ветер (интенсивность и направление его), температура, в значительно меньшей мере освещенность и рельеф местности. Климатический фактор, в весенне-осенний период ослабляющий действие искусственного раздражителя, летом (в июле) вызывает реакцию, которая становится поведенческой доминантой, часто сводящей на «нет» не только действие антропогенного фактора беспокойства (оборонительный тип активности), но и доминанту, запрограммированную для данного сезона стереотипом годового цикла (пищевой тип активности). Пример: в июле 1986 года в 1 км на юг (вверх по течению р. Верхняя Таймыра) проводились наблюдения за двумя группами северных оленей. Животные демонстрировали типичный для этого времени пищевой тип активности, который при действии раздражителя сменялся оборонительным типом. 14 июня начался массовый вылет кровососущих насекомых, необычно интенсивный, даже для этого временного периода («дни гнуса»). Животные перестали реагировать на раздражители, даже на взлетающий и приземляющийся 15 и 16 июля вертолет. С 16 июля начался массовый ход оленей на север, в горы Бырранга, который продолжался 3-е суток. Нами отмечено, что у дикого северного оленя развита система ассоциативной связи, т.е. при отсутствии фактора беспокойства животное «на выходе» дает такую же реакцию, как и

при наличии этого фактора. В июне 1986 года (р. Верхняя Таймыра) нами наблюдалось действие вездехода на пасущихся рядом 3 стада оленей (n=1-9). 2 стада через 26 час приблизились к бывшему месту нахождения вездехода и продемонстрировали, по крайней мере, 3 из всех вариантов реакций в ответ на действие фактора беспокойства (при отсутствии последнего). О наличии ассоциативной связи говорится в работах ряда авторов [7; 11; 4]. Рассчитан расход энергии при действии фактора беспокойства – 64 Ккал/мин при беге и 20 Ккал/мин при ходьбе на 80 кг веса животного); 57,5 и 21,6 Ккал/мин, определенному [10] по правилу «Шага Гольда», которое предполагает энергозатраты на движение 3 х 10-4 Ккал/грамм/шаг. Энергозатраты и энергопоступления у всех животных, в том числе и у дикого северного оленя, строго сбалансированы природой. Если вводится искусственный фактор беспокойства, то увеличенные энергозатраты в связи с появившимся и усиливающимся оборонительным типом активности могут быть компенсированы за счет увеличения притока питательных веществ, т.е. усиленной пастьбой. Таким образом, постоянный фактор беспокойства вызывает усиленный пресс на пастбищные ресурсы, что ухудшает физиологическое состояние животного [14; 8; 17; 7; 9; 20]. И, тем не менее, все вышеописанное по оборонительному типу активности следует рассматривать как первичный эффект действия раздражителя на диких северных оленей. Материалы многочисленных авторов говорят о возможности адаптации крупных млекопитающих к антропогенным факторам беспокойства, например, волков Аляски – к действию авиации, европейских и американских оленей – к автодорожным и железнодорожным магистралям, промышленным коммуникациям [3; 14; 15; 20]. В частности, карибу Аляски могут привыкнуть к действию летательных аппаратов и снегоходов, и карибу и дикие северные олени не реагируют на действие сильных раздражителей, если не ассоциируют их с негативным фактором – охота [7; 20; 21]. Мы полагаем, что оборонительный тип активности, представляющий собой сложный поведенческий акт, является одним из элементов самосохранительного поведения и отдельным параметром адаптации животных к изменяющимся условиям внешней среды.

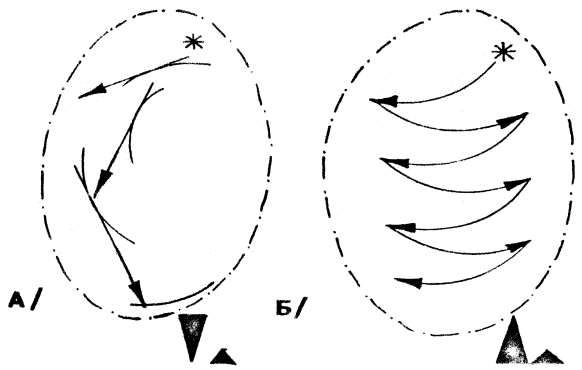


Рисунок 1. Типы движения дикого северного оленя при выявлении источника беспокойства

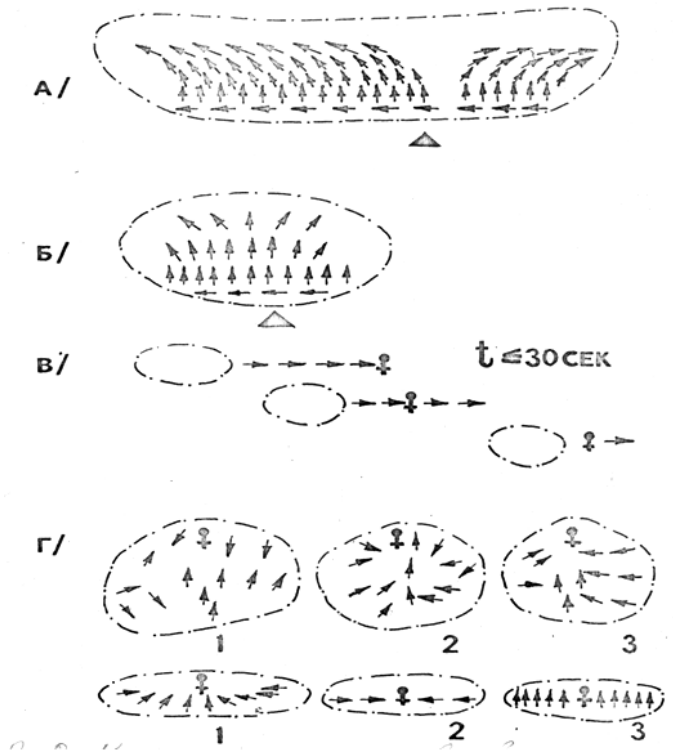


Рисунок 2. Динамика оборонительного типа активности дикого северного оленя

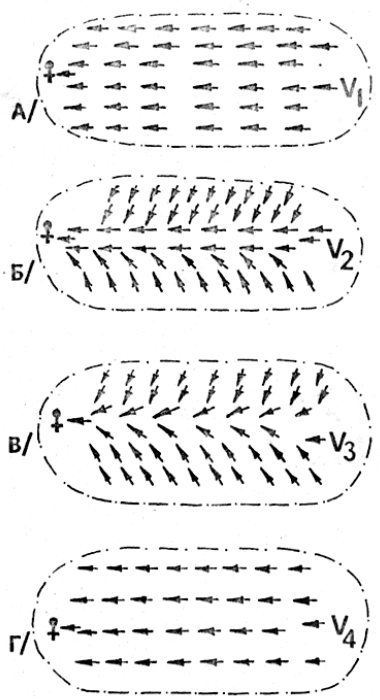


Рисунок 3. Динамика оборонительного типа активности дикого северного оленя при действии летательного аппарата

Список литературы

1. *Баскин Л.М. Поведение копытных животных. – М.: Наука, 1976. – 295 с.*
2. *Зайцев В.А., Зайцева В.К. Методы изучения экологии и поведения кабарги в Сихоте-Алине Бюл. МОИП, отд. биол.1980. – Т. 4. – С. 3 – 10.*
3. *Куприянов А.Г. О применении вертолета при промысловом отстреле дикого северного оленя / Сельское хозяйство Крайнего севера. – Магадан. – 1980. – Ч. 7. – С. 214–215.*
4. *Куприянов А.Г. Дикий северный олень Западной Сибири (биология, использование, охрана): Автореф. дисс... канд. биол. наук. – М., 1988. – 19 с.*
5. *Малыгина Н.В. Поведенческие характеристики дикого северного оленя (Rangifer tarandus L.) в период охоты в контексте стратегии и механизмов рационального природопользования // В мире научных открытий. Красноярск. 2012. № 3.3. 39. с. 293-316.*
6. *Панов Е.Н. Методологические проблемы в изучении коммуникации и социального поведения животных // Итоги науки и техники. Зоология позвоночных. ВИНИТИ. – М., 1983. – С. 5–70.*
7. *Bergrud A.T., R.D. Jakimchuk and D.R. Carruthers. The buffalou the north: caribou (Rangifer tarandus) and human developments // Arctic. – 1984. – Vol. 37 N. 1. – P. 7 – 22.*
8. *Calef J.W., Debock E.A. and Lertie J.M. The reaction of barren ground caribou to aircraft // Arctic. 1984– v. 29 (4). – P. 201 – 212.*
9. *Davis I.L. and Valkenburg P. Caribou distribution, population characteristics, mortality and response to disturbance in Northwest Alaska // Studies of selected wildlife and fish and their use of habitats. – 1979. – P. 13 – 52.*
10. *Davis J.L., R.T. Shideler and R.E. Le Resche. Range reconnaissance – Fortymile Caribou Herd // Fortymile Caribou Herd Studies 1973-1975. – 1978. – v. 17-6(17-7). – P. 42.*
11. *Dean F.C. and D.N. Tracy. McKinley's shuttle bus system and the management of traffic impact upon wildlife. // Recreational impact on wildlands conference proceedings. – Kaltle: U.S. Forest Service No R – 6 – 001, 1979. – P. 263 – 270.*
12. *Dufrenze F. Alaska's animals and fishes. – Portland: Metropolitan Press, 1946. – 297p.*
13. *Grant E.C., Mackintosh J.H. A comparison of the social postures of some common laboratory rodents // Behaviour, 1963, N. 21. – P. 246 – 259.*
14. *Klein D.R. Potential impact of accelerated nothern development on caribou and reindeer population and ecology // Proc. of the first Int. Reindeer and caribou Symp. / Univ. of Alaska, 1975. – N. 1. – P. 3 – 4.*
15. *Merser E., S. Mahoney, K. Curnew and C.Finlay. Distribution and abundance of insulat Newfoundland caribou and the effects of human activities // Proceedings of the second North American caribou workshop, Val Morin, 1984. MC Jill Subarctic Res Pap, N. 40 / MC Jill Univ. – Montreal, 1985. – P. 327.*
16. *Miller F.L., Jonkel J., Fessien D. Group cohesion and leadership response by barren – ground caribou to men – made barriers // Arctic, 1972. Vd. 25. – N. 3. – P. 31 – 34.*
17. *Reimers E. Growth rates and body size differences in Rangifer, a study of causes and effects // Rangifer. – 1983. – Vol. 3, N 1. – P. 3 – 15.*
18. *Roseneau D.I. and J.A. Curatolo. The distribution and movements of the Porcupine Caribou Herd in the northeastern Alaska and the Jukon Territory // Studies of mammals along the proposed Mackensize Valley Ias Pipeline Route, 1975. – Ser. N. 36. – P. 1 – 82.*

19. *Scogland T. And O. Molmen. Prehistoric and present habitat distribution of wild mountain reindeer at Dovrefjell // Proceedings of the second international reindeer: caribou symposium Roros, Norway. – Trondheim, 1980. – P. 799.*
20. *Shiedeler R.T. Impacts of human developments and land use on caribou: a literature review / Alaska department of fish and game. – 1986. Vol. 12. – 128 p.*
21. *Sokolski S.M. Wild reindeer of the upper beaches of the Pechora River // Wild Reindeer of the firts interdepartmental conference on preservation and rational utilization of wild reindeer, 1974. (Transl. From Russian) / American Publ. Co., New Deiky. – 1984. – 309p.*
22. *Valkenburg P. and Davis J.L. The reaction of caribou to aircraft: a comparison of two herds // Proc. of the first North American caribou workshop / Can Wildl. Serv Spec. Publ. – 1985 – P. 7 – 9.*
23. *White R.C., Thompson B.R., Skogland T., Person S.J., Russel D.E., Holleman D.F., Luick J.R. Ecology of Caribou at Prudhoe Bay, Alaska // Ecological investigations of the Tundra Biome in the Prudhoe Bay Region, Alaska Bid. Rap. Univ. Alaska – 1975. – Spec. Re. 2. – P. 151 – 201.*

УДК 94 (47).085

«РАБОТНИК С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ» В СОВЕТСКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ ЛИБЕРАЛЬНОМ ПРАВЕ

© ***Т.А. Мищенко,*** *Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского (г. Новозыбков, Россия)*

“A WORKER WITH FAMILY RESPONSIBILITIES” IN THE SOVIET AND EUROPEAN LIBERAL LAW

© ***T.A. Mishchenko,*** *Bryansk State University them I.G. Petrovsky (Novozibkov, Russia)*

Обращение к советскому опыту регулирования женского труда может способствовать установлению гендерного равенства в сфере оплачиваемого труда в современном обществе. Автор рассматривает эволюцию советской правовой модели в 1930 – начале 1980-х гг. от охранительной к более сбалансированной с позиций равных трудовых и семейных прав мужчин и женщин. Сравнительный анализ советской и либеральной европейской правовых моделей указывает на разные подходы к реализации права на труд (охранительный и антидискриминационный), но также указывает на общую «точку соприкосновения»: после 1975 г. в европейской и советской правовых моделях появляется категория «работник с семейным обязанностями».

Ключевые слова: советская правовая модель, европейское либеральное право, охранительный подход, антидискриминационный подход, работник с семейными обязанностями.

Appeal to the Soviet experience in regulation of women's work can promote gender equality in the world of paid work in contemporary society. The author examines the evolution of the Soviet legal model in the 1930s - early 1980s . the conservative to a more balanced in terms of equal work and family rights of men and women. Comparative analysis of the Soviet and liberal European legal models indicate different approaches to the realization of the right to work (conservative and anti-discrimination), but also points to a general " point of contact" : after 1975 in the European and Soviet legal models appears category of " workers with family responsibilities."

Key words: Soviet legal model , European liberal right , conservative approach , an anti-discrimination approach , a worker with family responsibilities.

В СССР идея равенства полов утверждалась через заботу государства о женщине, что позволяет обозначить советский гендерный порядок как этакратический [См. 8, с. 436-462]. Женственность репрезентировалась как материнский долг перед государством и материнское счастье женщины в семье: «Если материнство в оценке капиталиста, а вслед за ним и капиталистического государства – частное дело женщины, противопоставляемое ее профессиональной деятельности, то в социалистическом обществе материнство признано государством социальной функцией женщины, и поэтому здесь данное противоречие исчезает» [1,с.260]. Конституция 1936 г. (и соответственно Конституция РСФСР 1937 г.) закрепила принцип равноправия между женщинами и мужчинами в статье 122 Конституции СССР и статье 126 Конституции РСФСР: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни» [10]. Однако равенство полов лишь формально защищало женщину, на практике была создана предпосылка для дискриминации по признаку пола. Уравнивались не мужчины с женщинами, а женщины с мужчинами: «В результате то, на что надо равняться всем, должно соответствовать мужским представлениям и мужским ценностям» – справедливо отмечает Н.В. Перевышин [14, с. 241]. Идея равенства полов через заботу государства о женщинах из «сталинской» Конституции перешла в трудовое право. Именно с 1930-х гг. советское трудовое право приобрело охранительный характер, а в послевоенную эпоху эта тенденция получила дальнейшее развитие.

В Конституции 1977 г. (и соответственно в Конституции РСФСР 1978 г.) принятых в «эпоху развитого социализма», акценты были несколько смещены и восторжествовал принцип «женщина и мужчина имеют равные права» [11].

Принцип закрепления равных прав впервые был дополнен гарантиями фактических возможностей: женщинам обеспечивались равные с мужчинами возможности в профессиональной подготовке, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе.

В КЗоТ РСФСР 1972 г. выделение женщин в особого субъекта трудового права сохранялось по трем основаниям:

a) физиологические особенности женского организма, связанные с функцией материнства;

b) состояние активного материнства трудящейся женщины (беременность, роды, наличие грудного ребенка);

c) социальная роль женщины-матери по воспитанию малолетних детей [18, с. 167].

Дифференциация советского трудового законодательства по физиологическому основанию выделяла в особую категорию работников не только женщин, но и подростков, инвалидов: «Женский организм – более слабый по сравнению с мужским, быстрее старится, в организме подростка учитывается его продолжающийся рост и неустойчивые, не сформировавшиеся нравственные, психические качества, в организме инвалидов – ограниченная их трудоспособность. Учет этих особенностей дает возможность указанным субъектам права осуществлять на равных основаниях те же права, что и у других субъектов, без ущерба для их организма» [19, с. 48]. Таким образом, устанавливалось, что трудовые права и обязанности мужчины – это норма, женщине для равного с мужчиной

положения в сфере труда необходимо дополнительное регулирование: «Социализм создает женщине условия для равного осуществления с мужчинами прав и помогает совмещать роль женщины как труженицы производства с материнством» [20, с. 11].

Категория «материнство» в советском трудовом праве характеризовалось как «активное» и «социальное», что наделяло женщину, имеющую детей до 12 лет дополнительными льготами и трудовыми гарантиями. При этом на супруга матери, имеющей детей до 12 лет, являющегося отцом ребенка (детей) эти льготы и гарантии не распространялись.

Обобщим характеристики советской правовой модели регулирования женского труда с помощью следующей структуры:

1. При приеме на работу действовали нормы-льготы, гарантии и запреты;
2. В сфере ограничения женского труда применялись нормы-ограничения и рекомендации;
3. Льготы в связи с материнством;
4. Льготы женщинам в сфере пенсионного обеспечения.

Льготы при приеме на работу женщин зависели от профессии и статуса ее мужа (военнослужащий, молодой специалист) и состояния «активного материнства» (беременность, ребенок до года). Норм-льгот для мужчин при приеме на работу законодатель не предусматривал.

К нормам-гарантиям относится статья 73 Основ трудового законодательства (ст. 170 КЗоТ 1972 г.), которая запрещала отказывать женщинам в приеме на работу по мотивам, связанным с беременностью или кормлением ребенка [12]. Согласно ст. 139 УК РСФСР такой отказ считался преступлением, равно как и увольнение женщины по этим мотивам, и предусматривал для виновных в этом должностных лиц наказание в виде исправительных работ на срок до одного года или увольнение от должности [22]. Однако для соблюдения данных гарантий должен был существовать доступный механизм правовой защиты. Женщины, чьи трудовые права были незаконно ущемлены по причине «активного материнства», как правило, не обращались в суд, особенно в сельской местности. Обобщенная практика прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране труда и здоровья женщин показала в 1977 г.: «Не изжиты факты незаконных отказов в приеме на работу, а также увольнение беременных женщин и матерей, имеющих детей в возрасте до одного года» [См.: 2,3,4].

Нормы – запреты содержались в списке тяжелых и вредных работ, который действовал с 1932 г. на основе Постановления Народного комиссариата труда (НКТ) СССР. Однако в годы Великой Отечественной войны множество женщин было принято на вредные и тяжелые производства, и в дальнейшем Постановление НКТ СССР не соблюдалось. Так, в металлургической и машиностроительной промышленности женщины работали пультовщиками, сталеварами, вальцовщиками, на горячей прокатке металла, вырубщиками, кузнецами, травильщиками. В химической промышленности – абсорбщиками, башенщиками, где имели дело с ядовитыми веществами. На предприятиях всех отраслей промышленности женщин привлекали к загрузке топлива ручным способом, назначали кочегарами, на железнодорожном транспорте женщины допускались к работе тормозильщиками, сцепщиками на разгрузке угля из вагонов в

ручную [См.: 2,3,4]. К тому же, многие женщины были задействованы на работах, где на их организм влиял комплекс неблагоприятных факторов, который ранее не был включен в список. Так, в начале 1970-х гг. в сельском хозяйстве было допущено к применению для защиты растений около 200 пестицидов. На работу с ядохимикатами и минеральными удобрениями в колхозах и совхозах ежегодно привлекалось 70 тыс. человек, из них 80% женщин. В результате у женщин, имеющих длительный контакт с пестицидами, часто рождались недоношенные дети с малым весом, а у матерей в грудном молоке обнаруживался яд ДДТ [5]. Всего из 839 видов сельскохозяйственных работ 148 являлись тяжелыми и вредными. Однако лишь в 1978 г. новые списки были утверждены. Вывод женщин с запрещенных новых списком работ был произведен в течение трех лет с их переквалификацией (с сохранением за это время до 6 месяцев прежней зарплаты и других льгот) и трудоустройством на другие работы [18, с. 168].

Работающая женщина в силу своих физиологических особенностей и социальных функций должна была быть ограждена от тяжелого, ручного, ночного труда. Ограничен предел подъема тяжестей женщинам на работе – 20 кг (ст. 160 КЗоТ). В 1980 г. эти нормы были снижены до 15 и 10 кг и установлен общий за рабочую смену суммарный предел переноса и передвижения женщиной тяжестей (ст.68 Основ трудового законодательства) [18]. В вопросе о ночном труде женщин в СССР проявлялась «политика двойных стандартов», когда ограничение ночного труда дополнялось исключениями в силу целесообразности, а изменение режима труда женщин возлагалось на администрацию предприятий, но до 1980-х гг. так и не было прописано законодательно.

Нормы-рекомендации содержались в списках Госкомтруда, Министерства здравоохранения СССР, Министерства сельского хозяйства СССР и ВЦСПС, где перечислялись виды работ, на которых необходимо было преимущественно применять труд женщин. Например, женщинам-механизаторам должны были в первую очередь предоставлять тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины более удобные в эксплуатации, наиболее совершенных конструкций.

Однако ограничение труда женщин, нормировавшее его по степени тяжести, наличию ночных смен, механизации и автоматизации в условиях охранительной правовой модели не имело практического применения. Нормы-предписания не соблюдались, рекомендации – игнорировались. Только после 1975 г., объявленного ООН Годом Женщины, пристальное внимание государственных органов и частые проверки заставляли министерства и ведомства придерживаться многих рекомендаций и ограничений в организации труда женщин.

Дискурс льгот в связи с материнством охватывал описанные выше гарантии при приеме на работу, облегченные условия труда (запрещение привлекать к работе в ночное время, к сверхурочным работам и работе в выходные дни, направлять в командировки). Статья 70 Основ законодательства о труде и статья 164 КЗоТ предусматривали, что матери кормящие грудью и женщины, имеющие детей в возрасте до одного года в случае невозможности выполнения прежней работы переводятся на более легкую работу. При этом средний заработок сохранялся исходя из прежней заработной платы за последние шесть месяцев, не считая времени отпуска по беременности и родам. Если же на новой работе заработок выше, чем

прежний, то труд женщины оплачивается по фактическому заработку [См. 15]. Колхозное законодательство также предусматривало облегчение труда женщин в период «активного материнства». Так статья 33 Примерного устава колхоза закрепляла за женщинами – членами колхоза право на отпуск по беременности и родам, право беременных на предоставление им более легкой работы [20, с. 47].

Основы законодательства о труде (статья 71) и соответствующее кодексы предусматривали предоставление женщинам специальных отпусков по беременности и родам – 56 календарных дней до и 56 календарных дней после родов, а в случае родов с осложнениями или рождения двух и более детей – 70 календарных дней. В 1921 г. женщинам-роженицам впервые были установлены пособия. В 1970 г. пособие состояло из единовременных выплат на предметы ухода за новорожденными в размере 12 рублей и пособия на кормление ребенка в размере 18 рублей [17]. При рождении первого ребенка работающие и (или) обучающиеся с отрывом от производства женщины получали единовременное пособие 50 рублей, при рождении второго и третьего ребенка – по 100 рублей на каждого.

В тех случаях, когда мать ребенка не работала и не училась, единовременное пособие выплачивалось работающему или обучающемуся без отрыва от производства отцу ребенка в пониженном размере [18, с. 173]. В целях создания возможностей для материнского ухода за новорожденными и малолетними детьми, женщинам по их желанию предоставлялись дополнительные частично оплачиваемые отпуска до достижения ребенком возраста одного года с выплатой ежемесячных пособий в зависимости от места проживания матери от 35 до 50 рублей в месяц. Отпуск без сохранения заработной платы предоставлялся по заявлению матери до достижения ребенком полутора лет.

Работающим женщинам, имеющим двух и более детей в возрасте до 12 лет, предоставлялись помимо ежегодных оплачиваемых отпусков дополнительный трехдневный оплачиваемый отпуск; первоочередное право на получение ежегодного отпуска в летнее или другое удобное для них время; право на дополнительный отпуск по уходу за детьми без сохранения заработной платы продолжительностью до двух недель; право на оплачиваемый отпуск по уходу за больным ребенком.

Итак, нормы-льготы были наиболее эффективным инструментом защиты прав трудящихся женщин в условиях охранительной правовой модели. За 1960 – начало 1980-х гг. государство существенно расширило их количество, глубину и адресность. Так основные льготы были адресованы трудящейся матерям с детьми до одного года, часть льгот соотносилась с понятием «социальное материнство» и охватывала работающих женщин с детьми до 12 лет; некоторые льготы направлялись работающему мужчине с детьми, если не могли быть адресованы женщине.

Льготы для женщин по пенсионному обеспечению выражались главным образом в понижении пенсионного возраста и стажа работы. В 1964 г. женщинам пенсионный возраст для пенсии по старости был снижен по сравнению с пенсионным возрастом мужчин на 5 лет и составлял 55 лет. Стаж работы, необходимый для получения пенсии, у женщин установлен также меньшей продолжительности и составлял 20 лет. Женщины, родившие пять и более детей и воспитавшие их до восьмилетнего возраста, имели

право на пенсию по старости с 50-летнего возраста при стаже работы не менее 15 лет [18, с. 60].

Советская охранительная правовая модель, в отличие от европейской, не испытывала на себе влияние протестного движения, деятельности феминистских организаций, не изменялась под влиянием судебных прецедентов. В тоже время в правовой науке и правоприменительной практике других стран формировались иные подходы к регулированию женского труда. Распространенной в европейских правовых системах стала либеральная модель, основанная на роли государства в социальных, в том числе трудовых правоотношениях, в качестве арбитра: «Принимая законы, государство создает некие «правила игры», считающиеся справедливыми в данный момент времени большинством населения или социальной группой, лоббирующей тот или иной законопроект. По мере изменения соотношения социальных сил в обществе, окружающей социальной среды эти правила могут меняться. Не меняется только одно – роль государства – арбитра, стоящего на страже принятых в установленном порядке правил игры» [7, с. 29]. В канву либеральной концепции вписывается антидискриминационный подход к регулированию женского труда, который исходит из положения: «работники равны независимо от пола». Соответственно, они обладают равным объемом прав, обязанностей, гарантий этих прав. Женщина, как разумное существо, способна сама определить, какую работу она хочет и может выполнять, а какая является для нее опасной, вредной, тяжелой. Либеральное государство берет под особую защиту лишь беременных женщин и матерей с малолетними детьми. Таким образом, только физиологические особенности являются основанием для особой защиты трудящихся женщин, в отличие от советского права, где выделялись категории «активного материнства» и «социального материнства».

Определенное сближение советской и европейской моделей регулирования труда можно отметить после принятия Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW, 1979 г.) [13]. Правительства более ста стран подписали «Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». СССР ратифицировал эту Конвенцию в 1980 г. Большинство развитых западных стран издало законодательные акты против дискриминации граждан по половому признаку прежде всего в сфере трудовых отношений, в том числе в вопросах оплаты труда. Таким образом, в странах Европы, прежде всего скандинавских, происходила постепенная трансформация правового государства в правовое социальное государство. Мировой опыт показал справедливость слов бывшего президента США Ф. Рузвельта о том, что «будущее принадлежит идеалу, который будет представлять нечто среднее между капитализмом США и коммунизмом СССР» [Цит. по: 9, с. 105-111].

В начале 1980-х гг. доминирующей идеей в концепции равных прав является появление нового субъекта права – «работника с семейными обязанностями». В решениях Всемирной конференции в Копенгагене 1980 г. было записано: «Другой важной мерой явилось бы уравнение заработной платы трудящихся различных полов, что создало бы равные возможности для отцов и матерей для осуществления выбора между работой по найму и домашней работой. Австрия сообщает о том, что рабочие группы обсуждают в настоящее время вопрос о внесении поправок в социальное законодательство с целью предоставления мужчинами возможностей для

более широкого выполнения своих семейных обязанностей путем разделения декретного отпуска между супругами и распространения на ведущего домашнее хозяйства мужа медицинского страхования его жены, которая занята на оплачиваемой работе. Некоторые страны (среди них Дания и Исландия) рассматривают такой шаг в качестве цели» [6].

В 1981 г. были приняты Конвенция МОТ №156 и Рекомендация №165 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями», где регулировались правовое положение мужчин и женщин, сочетающих профессиональные и семейные роли. Несмотря на то, что Конвенция МОТ №156 не была ратифицирована СССР (это намечалось на 1991 г.), в 1981 г. комплексная программа поддержки семей с детьми нашла закрепление в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». В советском гендерном дискурсе осознается необходимость не только социальной защиты женщины-матери, но и трудящегося мужчины-отца: «Следовало бы, по нашему мнению, предоставлять льготы по стажу для выплаты по временной нетрудоспособности в размере 100% заработка молодым людям до 30 лет, имеющим детей. Они по окончании среднего специального или высшего учебного заведения начинают трудовую деятельность, как правило, с зарплатой не более 120-130 рублей. И если в молодой семье жена на время ухода за маленьким ребенком вынуждена оставить работу или даже только до годичного возраста ребенка возьмет отпуск без оплаты, то на троих (а если второй ребенок, то и на четверых) членов семьи одной заработной платы мужа недостаточно и семья станет малообеспеченной.» [21, с. 65].

В начале 1980-х гг. при разработке мер социальной защиты семьи обращают внимание на расхождение требований к семейным обязанностям и профессиональному самоутверждению женщин: «…С этих позиций отпуск на срок более двух лет по уходу за ребенком вряд ли согласуется с профессиональными интересами большинства женщин» [16, с. 57] и «…встает вопрос о целесообразности предоставления отпуска по уходу за малолетним ребенком не только матери, но и отцу, бабушке, другим родственниками» [16, с. 56].

Таким образом, комплекс норм права, регулирующих труд женщин, отвечал принципам «охранительного права», при этом не всегда имелся эффективный механизм защиты льгот и гарантий женского труда, постоянно в производственной практике обходились запреты на использование женского труда на вредных для организма работах. Дискриминация мужчин-работников была связана с тем, что их социальные функции родителя, члена семьи, способного ухаживать за родственниками не рассматривалась. Однако после 1979 г. под влиянием международного права мы отмечаем сближение советской и либеральной моделей регулирования труда женщин с помощью формирования нового субъекта права: «работник с семейными обязанностями». Дальнейшая эволюция советской охранительной модели в антидискриминационную было прервано политикой перестройки и распадом СССР.

Список литературы

1. *Бильшай В.Л. Устранение остатков неравенства между мужчиной и женщиной и значение этого факта для международного женского*

движения// Советское государство и право в период развития строительства коммунизма. Харьков. 1962. С. 260.
2. *ГАРФ. Ф.5451. Оп. 27. Ед. хр. 204. Л. 1,2,23.*
3. *ГАРФ. Ф.5451. ед. хр. 210. Л.9;*
4. *ГАРФ. Ф.5451. ед. хр. 159. Л.35.*
5. *ГАРФ. Ф.7523. Оп. 117. Ед. хр. 2836. Л.147.*
6. *ГАРФ. Ф.7928. Оп.3. Ед. Хр. 5049. Л.174.*
7. *Жданова Т. Современные подходы к правовому регулированию труда женщин. Перспективы развития права, регулирующего женский труд в России // Юрист. 2001. №7.*
8. *Здравомысова Е.А., Темкина А.А. Советский этакратический гендерный порядок/ Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история/ Под ред. Н.Л. Пушкаревой.- М., 2003.*
9. *Коломайцев В. Цивилизация XXI века// Свободная мысль. 1996. №11.*
10. *Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1936 г. // URL: http://ppt.ru/texts/index.phtml?id=15879&PrintVersion=1.*
11. *Конституция СССР. 1977 г. // URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/chapter/6/#600.*
12. *Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. Закон СССР от 15.07.1970 г. // URL: http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-zakony/g5g/page-2.htm.*
13. *Пантелеев Б. Конвенции о борьбе с дискриминацией женщин: марафон длиною в полвека //Женщина Плюс… 2004.№1.*
14. *Перевышин Н.В. Гендерная симметрия или гармония полов: что нужно и как этого достичь?// Гуманитарное образование и социальный контекст. СПб. 2007.*
15. *Разъяснение ВЦСПС от 22 декабря 1950 г.// Бюллетень ВЦСПС. 1951. №1.*
16. *Сергеева Г.П. Профессиональная занятость женщин: проблемы и перспектива. М., 1987.*
17. *СП СССР. 1970. №15. Ст.123// Социальное обеспечение и страхование в СССР.*
18. *Толкунова В.Н. Абрамова А.А. Охрана труда женщин в СССР// Сравнительное трудовое право. По материалам советско-британского симпозиума. М., 1987.*
19. *Толкунова В.Н. Дифференциация правового регулирования женского труда// Советское государство и право. 1968. №11.*
20. *Толкунова В.Н. Дифференциация правового регулирования социального обеспечения женщин и детей// Труды ВЮЗИ. Социальное обеспечение в СССР за 60 лет (правовые аспекты). М., 1979.*
21. *Толкунова В.Н. О принципах советского трудового права и трудовых льготах женщинам// XXV съезд КПСС и развитие науки трудового права и социального обеспечения. М., 1978.*
22. *Уголовный кодекс РСФСР // URL:http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=8627*

УДК 331.548

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РЫНКА ТРУДА: ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ, ВЗАИМОСВЯЗИ, ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫПУСКНИКОВ

© ***О.В. Прокофьев***, *Финансовый университет при Правительстве РФ, филиал в г. Пензе (г. Пенза, Россия)*
© ***И.Ю. Сёмочкина***, *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

THE FACTORS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND LABOR MARKET: STATUS ASSESSMENT, RELATIONSHIP, IMPACT ON PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF GRADUATES

© ***O.V. Prokofiev***, *Finance University under the Government of the Russian Federation, Penza branch (Penza, Russia)*
© ***I.U. Semochkina,*** *Penza State Technological University (Penza, Russia)*

Статья посвящена анализу системы взаимного влияния факторов социально-экономического развития и рынка труда страны с позиции теории автоматического управления. Выявлены возможные случаи нерегулируемого состояния системы. Проведена качественная оценка уровня значений факторов на основе сопоставлений с мировыми статистическими данными. Предложены меры приведения системы к регулируемому состоянию на региональном уровне.

Ключевые слова: рынок труда, система факторов рынка труда, статистические индексы, самоопределение выпускников

The article is devoted to the analysis of interference factors in the socio-economic development and the labor market of the country from the perspective of the automatic control theory. The possible cases of the unregulated system state were identified. The qualitative assessment of the level of the factor values was based on the comparison with world statistics. Measures to bring the system to a managed at the regional level were proposed.

Key words: labor market, the system of labor market factors, statistical indexes, self-determination of graduates.

E-mail: ius@pgta.ru

Национальный рынок труда (РТ) представляет собой одну из важнейших подсистем рыночной экономики, выполняющую ряд функций: воспроизводство рабочей силы, отвечающей современным потребностям; обеспечение распределения потоков рабочей силы между отраслями и регионами; стимулирование роста производительности труда; активизация мобильности рабочей силы и др. Специфика способов реализации этих функций в РФ позволила говорить о наличии российской модели РТ [1]. Её особенность заключается в наличии комплекса специфических проблем и в поиске, внедрении методов их преодоления [2]. Характерные черты российской модели:

– высокая занятость, причём в процессе распространения кризиса существенно снижается не занятость, а уровень заработной платы;

– разница между регистрируемой безработицей и безработицей, оцененной по результатам социологических исследований;

– высокие издержки увольнения и низкие темпы создания новых рабочих мест;

– наличие низкой территориальной мобильности рабочей силы;

– наличие практики теневой оплаты труда;

– неравенство в оплате труда между отраслями и отдельными компаниями.

Движение на пути к развитому РТ, как и к системе рыночной экономики в целом, может быть проиллюстрировано, абстрагируясь от детального анализа, с помощью конечного результата работы экономики - достигнутого качества жизни человека. Важным сводным показателем результатов экономической деятельности является индекс человеческого развития (ИЧР), рассчитываемый ООН [3]. Индекс варьируется в пределах от 0 до 1 (наивысший уровень развития). Динамика ИЧР России за 2000-2012 г.г. отображена на рисунке 1 с доверительным интервалом прогноза индивидуальных наблюдений с вероятностью 0,95. Уравнение линейного тренда имеет вид: $ИЧР = -11{,}690 + 0{,}006 * Год$, и показывает положительную динамику: ИЧР возрастает, в среднем, на 0,006 в год. Коэффициент детерминации R^2 = 0,94.

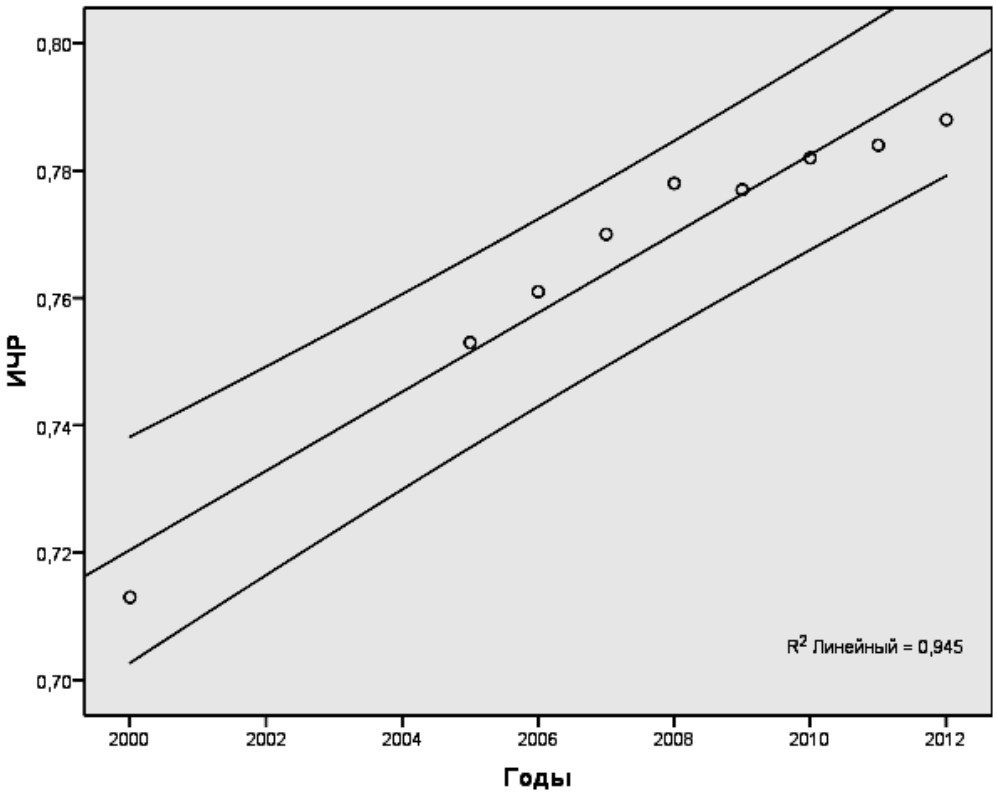


Рисунок 1. Динамика ИЧР России по данным ООН

Препятствиями на пути к высокоэффективному РТ являются исторически сложившиеся социально-экономические диспропорции и противоречия:

– недостаточная сбалансированность спроса и предложения рабочей силы, особенно в профессиональном и в квалификационном разрезе;

– отсутствует рынок доступного арендного жилья, что ограничивает трудовую мобильность населения;

– высокая степень монополизации экономики, что позволяет работодателям диктовать условия занятости;

– относительно низкий уровень производительности труда, в сравнении с технологически развитыми странами и др.

Процесс профессионального самоопределения выпускников вузов происходит в ходе реализации сложных социально-трудовых отношений. На состоянии этих отношений сказывается непосредственное влияние внешних и внутренних (системообразующих, связанных с предложением труда) факторов рынка труда, которые формируют РТ. Факторы образуют многочисленные причинно-следственные связи, представимые с точки зрения систем автоматического управления [4, 5].

С точки зрения теории систем управления, факторы и РТ в силу своей природы образуют замкнутые системы с положительной обратной связью (ОС), где W_{ij} – передаточные функции звеньев, x_k – уровни величин – характеристик звеньев, а на входе находится суммирующий элемент ($x_3=x_1+x_4$).

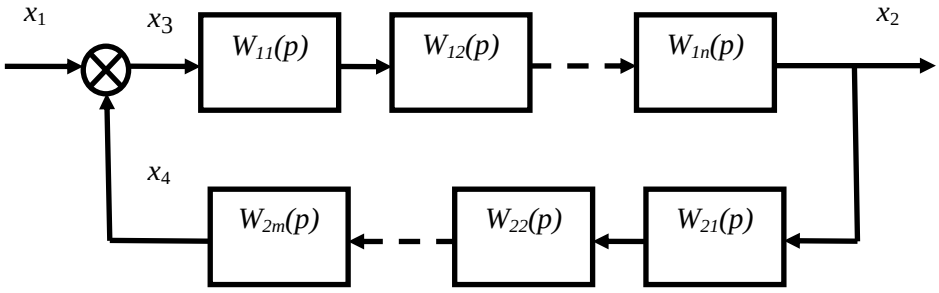


Рисунок 2. Схема замкнутой системы управления

Передаточная функция всей системы (рис. 2), описывается выражением:

$$W(p)=\frac{W_1 p}{1-W_1(p)\,W_2(p)}, \qquad (1)$$

где

$$W_1(p)=W_{11}(p)\cdot W_{12}(p)\ldots W_{1n}(p),$$
$$W_2(p)=W_{21}(p)\cdot W_{22}(p)\ldots W_{2m}(p).$$

В теории систем автоматического управления такие цепи из преобразующих звеньев являются контурами с положительной ОС, не обеспечивающими регулирование системы. Для того, чтобы система была в регулируемом состоянии, необходимо наличие отрицательной, по отношению к величине x_1, ОС с величиной x_2. Причём, чем глубже отрицательная ОС, тем меньше внешние характеристики системы зависят от изменений характеристик части системы без ОС (передаточной функции $W_1(p)$). Стихийное построение системы за счёт взаимодействия факторов формирует положительную (зачастую, неявную) ОС, придающую свойства, прямо противоположные желаемым. Регулируемость системы может быть только при использовании звеньев с отрицательной ОС, специально создаваемых государством.

Системный подход, основанный на представлении взаимодействия факторов, может быть использован с помощью оценок состояния факторов, статистических показателей их динамики. При этом дать качественные оценки уровней можно с помощью лингвистических переменных, описать посредством правил нечёткого вывода [6]. Но даже простейшие оценки

состояния фактора как «низкое», «среднее», «высокое» возможны, в частности, с помощью сопоставления с данными по статистике стран мира. Прямым или косвенным образом, факторы РТ могут быть оценены как с помощью отечественных статистических показателей, так и в международных рейтингах. Качественные выводы по состоянию факторов РТ становятся доступными, когда проводятся сопоставления, относительные оценки по данным стран мира.

Индекс человеческого развития [3], рассчитываемый ООН. В 2013 г. ИЧР составлен для 186 стран, у России 0,788 (55-е место).

Индекс восприятия коррупции (ИВК) [7], составляемый международным движением по противодействию коррупции *Transparency International*, измеряет уровень восприятия коррупции в государственном секторе страны. ИВК России – 28 (133-е место).

Индексный рейтинг инвестиционной привлекательности стран [7], составляемый Национальным рейтинговым агентством [8]. Под инвестиционной привлекательностью страны понимается обобщенная характеристика совокупности экономических, социальных, политических и правовых предпосылок, определяющих целесообразность инвестиций в национальную экономику. Значение для России 1000, максимальное – 1105.

Валовой внутренний продукт (ВВП) **на душу населения** по паритету покупательной способности, рассчитываемый ООН [9]. По данным ООН за 2011 г. в России 14,808 тыс.$, максимальное значение 46,982 тыс.$.

Рейтинг «легкость ведения бизнеса» рассчитывается Всемирным банком [10]. В рейтинге 2012 г. Россия заняла 112 место из 185 стран.

Расходы на исследования и разработки (в % от ВВП), рассчитываемые ООН [3]. Текущие и капитальные расходы (государственные и частные) на творческую работу, проделанную для повышения знаний и использования знаний для новых прикладных областей. Данные для 94 стран за 2005-2010 г.г.: значение для России 1,3%, максимальное значение 4,3%.

Доля занятого населения, рассчитываемая ООН [3]. Определяется как доля занятого населения от 25 лет и старше. В 2013 г. она рассчитана для 188 стран, наименьшее значение 37,2; значение у России 62,8.

Безработица среди молодёжи, рассчитываемая ООН [3]. Определяется как доля населения в возрасте 15–24 лет, которая не имеет оплачиваемой занятости или самозанятости, но является работоспособной и занимается поиском оплачиваемой работы или способа самостоятельного заработка. Данные для 112 стран за 2005-2011 г.г.: минимум – 2,8%, для России – 15,7%.

Государственные расходы на образование, оцениваемые ООН [3]. Общие государственные расходы (текущие и капитальные) на образование, в процентах от ВВП. Данные для 153 стран за 2005-2011 г.г.: минимальное значение 1,2%, значение для России 4,1%, максимальное значение 14%.

Чистый поток прямых иностранных инвестиций, оцениваемый ООН [3]. Сумма собственного капитала, реинвестированных доходов, долгосрочного и краткосрочного капитала (в % от ВВП). Данные для 182 стран за 2007-2011 г.г.: минимум – 5,9%, значение для России 2,8%.

Приток частного капитала, оцениваемый ООН [3]. Сумма чистых прямых иностранных инвестиций и портфельных инвестиций, выраженная в

процентах от ВВП. Данные для 153 стран за 2007-2011 г.г.: минимальное значение 55,2%, значение для России 1,7%, максимальное значение 214,8%.

Для графического представления «портрета» рынка труда и его факторов в форме единой диаграммы пронормируем показатели по формуле (2):

$$\text{нормированное значение} = \frac{\text{значение для РФ} - \text{наименьшее значение}}{\text{наибольшее значение} - \text{наименьшее значение}}. \qquad (2)$$

Диаграмма нормированных статистических показателей РФ приведена на рисунке 3. Нормированные показатели отображают значения величин относительно размаха распределения в статистической выборке для стран мира. Из диаграммы следует, что преимуществом – стартовым условием для развития рыночной социально-экономической системы – является относительно высокий уровень человеческого развития. Выше среднего находятся также показатели занятости, что согласуется обоснованной рядом исследователей «российской моделью рынка труда» [1, 2]. В то же время, большинство внешних факторов рынка труда находятся на неблагоприятном уровне, что делает потенциально возможным развитие причинно-следственных связей (рис. 2). Поэтому состояние факторов, в целом, объективно предопределяет нерегулируемый процесс на выходе системы. Показатели стран наиболее часто являются корреляционно связанными и это можно проиллюстрировать на примере исследования предполагаемой зависимости ИЧР от ИВК.

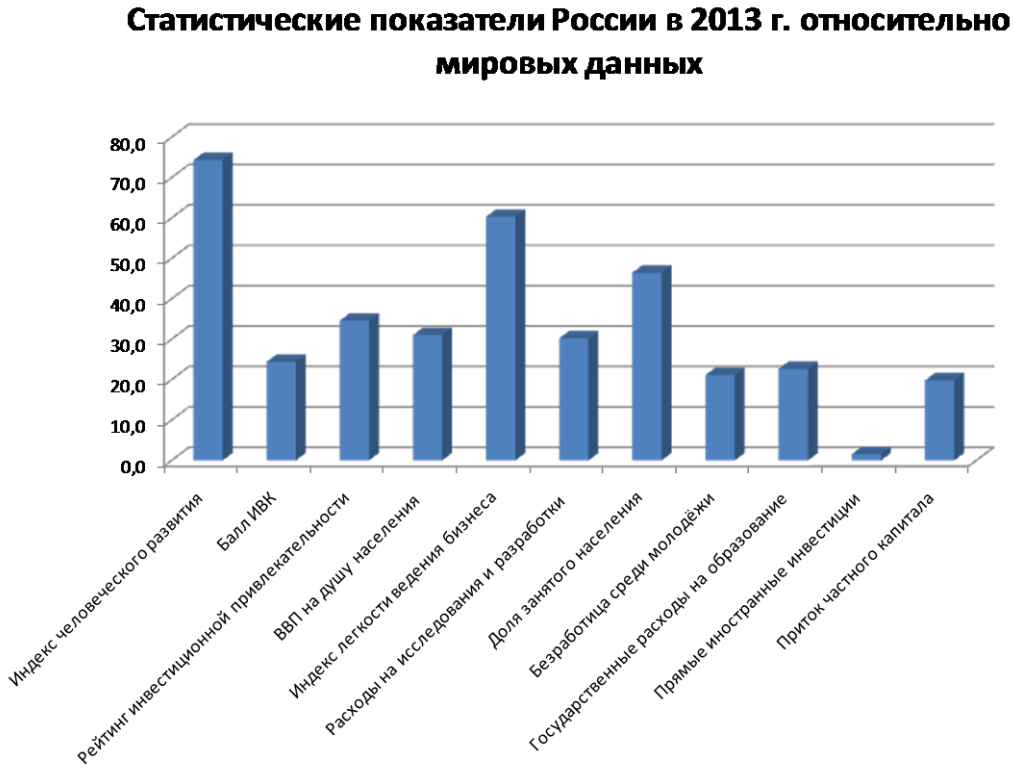


Рисунок 3. Статистические показатели России в 2013 г.

Для упрощения интерпретации результата произведена замена ИВК нормированным значением (наименьшее значение соответствует наименьшему восприятию коррупции). После процедуры «Подгонка кривых», проведённой в среде *SPSS*, и исключения незначимых параметров получено уравнение модели

$$ИЧР = 0{,}891 - 0{,}007\,ИВК_{н}^{2} \qquad (3)$$

графически изображённой на рисунке 4. Уменьшение нормированного ИВК увеличивает ИЧР страны на величину, пропорциональную квадрату приращения. Параметры модели значимы на уровне 0,005. Несмотря на значительное упрощение действительности, отсутствие в модели ряда факторов, доля объяснённой вариации зависимой величины составляет 52%.

Движение к высокоэффективному первичному РТ находится на начальном участке пути и связано с глубокими институциональными преобразованиями, позволяющими приблизится к группе наиболее развитых стран. Важную роль в этом процессе играет и «настройка» системы образования, отвечающая создаваемым рабочим местам молодых специалистов.

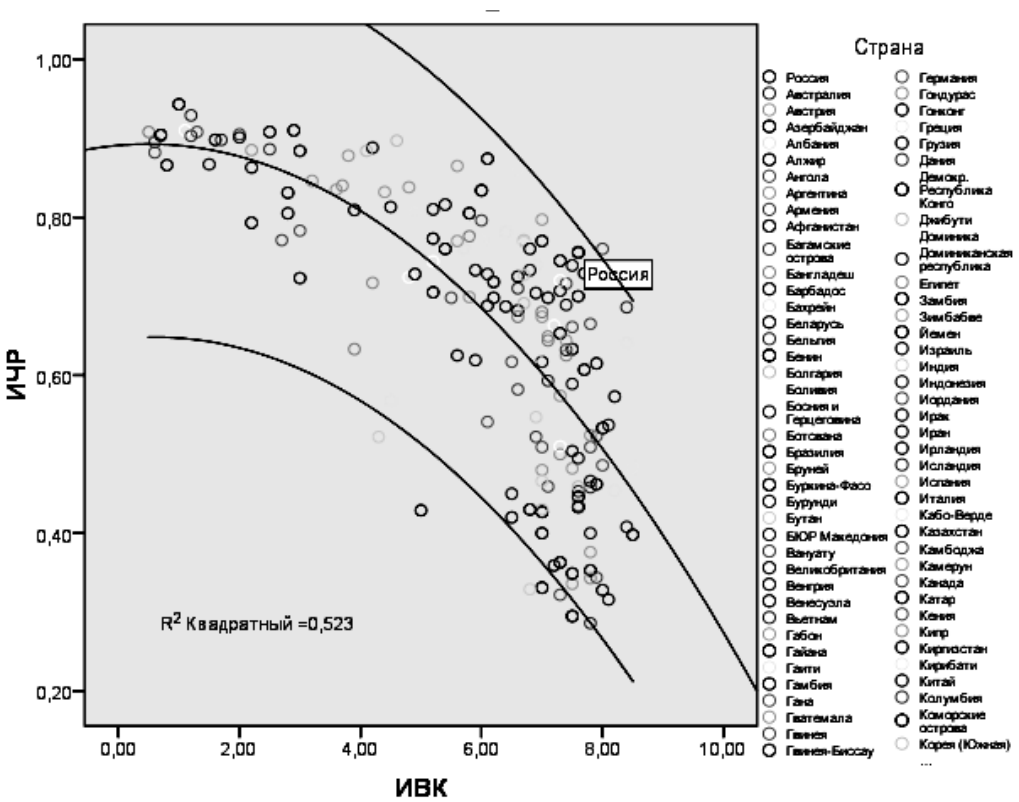


Рисунок 4. Поле рассеяния для величин ИЧР и ИВК, модель параболического тренда с вероятностью прогноза 0,95

Наличие неиспользованных ресурсов показывает зависимость ВВП на душу населения (2005 *PPP* $) от государственных расходов на образование (в % от ВВП), изображённую на рисунке 5. Положение страны на диаграмме показывает, что при этой доли государственных расходов на образование (немного меньше среднего показателя) экономический эффект во многих странах выше. Не снижая значения особенностей (климатических, географических, ресурсных) разных стран, можно предположить

существование значительного неосвоенного пространства для роста экономической отдачи образования и оптимизации подготовки профессиональных кадров. В свою очередь, эффективность образования, как и само существование человеческого капитала, не мыслимо без социальных лифтов и полноценного РТ. Налаживание отрицательных ОС с объектом управления, в т.ч. с состоянием профессиональной адаптации выпускников, возможно на основе мониторинга их трудоустройства.

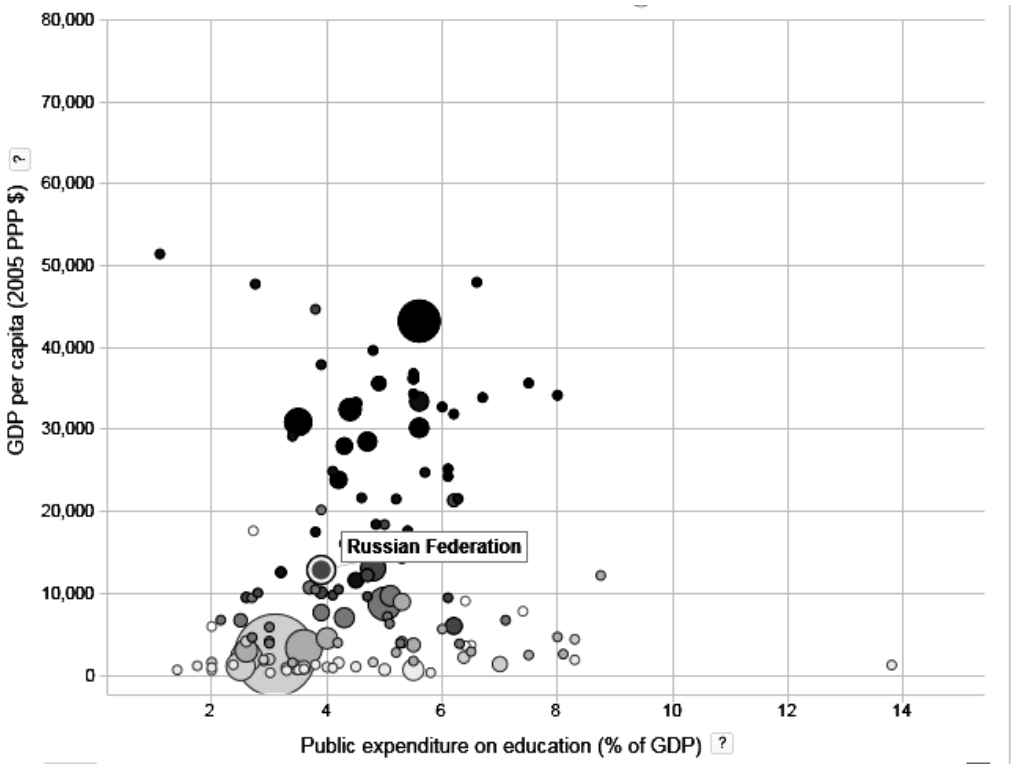


Рисунок 5. Поле рассеяния величин ВВП и государственных расходов на образование

Обеспечение устойчивого развития региональной экономики требует расширения участия работодателей и их объединений в деятельности учреждений профессионального образования с целью установления соответствия результатов профессионального образования требованиям современного производства и экономики. Особую сложность представляет подготовка специалистов для инженерно-технических отраслей экономики, характеризующихся быстрым инновационным развитием технической, технологической, информационной составляющих производственной деятельности. Одной из основных концепций современного инженерно-технического образования является практико-ориентированное обучение.

Подготовка востребованных специалистов обеспечивается системой подготовки инженерных кадров, в т.ч. на базовых кафедрах создаваемых совместно с высокотехнологичными предприятиями и организациями реального сектора экономики. Базовые кафедры, имеющие в своем составе ведущих специалистов предприятий, решают основные задачи подготовки кадров под конкретный заказ предприятий: организация производственных

практик на базе предприятий; курсовое проектирование, проведение лабораторных практикумов, дипломное проектирование на базе и по тематике предприятий; государственная итоговая аттестация.

К настоящему времени в Пензенском государственном технологическом университете совместно с ведущими предприятиями региона создано 8 научно-образовательных центров и активно ведется работа по созданию базовых кафедр. Обеспечивается возможность использования уникального оборудования этих предприятий для реализации учебной деятельности и проведения научных исследований; создаются необходимые условия для подготовки востребованных специалистов, развития системы непрерывного образования [11]. Многоуровневая структура непрерывной профессиональной подготовки университета отражает запросы работодателей, ориентирована на потребности региональной экономики, постоянное повышение качества подготовки, эффективно решает проблемы дефицита квалифицированных кадров и нацелена на расширение сотрудничества с предприятиями региона. Тем самым обеспечивается практически полное трудоустройство всех выпускников и студентов старших курсов.

Список литературы

1. *Р.Капелюшников. Доклад «Конец российской модели рынка труда?». – 2009. http://www.liberal.ru/anons/4480*
2. *В.Гимпельсон, Р.Капелюшников. Российский рынок труда между нормой и аномалией. http://www.hse.ru/news/68418439.html*
3. *Human Development Report 2013, United Nations Development Programme. http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2013/download/*
4. *Matlab. Справочник по Matlab http://www.exponenta.ru/soft/matlab/potemkin/book2/chapter10/plot.asp*
5. *А.Леоненков. Нечёткое моделирование в среде MATLAB и fuzzyTECH. – СПб: БХВ-Петербург, 2005. – 736 с.*
6. *Transparency International. Значения ИВК 2012. http://www.transparency.org.ru/docman/ivk/znacheniia-ivk-2012/download*
7. *Индексный рейтинг инвестиционной привлекательности стран.*
1. *http://www.ra-national.ru/ratings/world-raitings/index-raiting/*
9. *GDP per capita (2005 PPP $). http://hdrstats.undp.org/en/indicators/20206.html*
10. *The World Bank. Проект Doing Business. http://russian.doingbusiness.org/rankings*
11. *Прокофьев О.В., Сёмочкина И.Ю. Профессиональная адаптация выпускников вуза на рынке труда. Журнал «Информатизация образования и науки». М., ФГУ ГНИИ ИТТ «Информика». 2011, вып. 2(10) , с. 116-126.*

УДК 330.341.2
ББК 65.01

РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДАХ (ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ)

© ***С.Г. Пьянкова,*** *Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)*

DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN MAINSTAYS (FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE)

© ***S.G. Pyankova,*** *Institute of Economics, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)*

Автором рассмотрено создание новых рабочих мест в отраслях, не связанных с градообразующими предприятиями, представлены предложения ученых в направлении решения проблем моногородов, проанализированы результаты поддержки из федеральных, региональных и местных институтов развития субъектов малого и среднего предпринимательства в монопрофильных территориях, предложена долгосрочная Программа поддержки и развития предпринимательства в Российской Федерации.

Ключевые слова: монопрофильные территории, программа, предпринимательство, инвестиции.

The author examined the creation of new jobs in industries that are not related to the forming enterprises, offers suggestions of scientists to solve the problems single-industry towns, analyzed the results of support from the federal, regional and local institutions for development of small and medium enterprises in the single-industry areas, proposed a long-term program of support and development business in the Russian Federation.

Keywords: single-industry areas, the program, entrepreneurship, investments.

E-mail: silen_06@list.ru

В последние годы исследования многих ученых направлены на развитие предпринимательства в монопрофильных территориях. Особое внимание было акцентировано в период кризиса 2009 года, когда уменьшилась реализация их продукции и многие предприятия стали закрываться.

Правительство РФ и ученые предложили ряд мер по улучшению состояния моногородов.

На уровне Правительства РФ в 2009 году была утверждена Программа федеральной поддержки монопрофильных городов, одними из основных целей которой была – диверсификация экономики города (создание новых производств и предприятий сферы обслуживания населения и бизнеса), развитие малого и среднего бизнеса. Достижение указанных целей приведет к уменьшению ключевых рисков, привлечению инвестиционных ресурсов [1].

В целях реализации вышеуказанной Программы в монотерриториях были составлены Комплексные инвестиционные планы развития, направленные на снижение монопрофильности территории. В частности, в табл. 1 представлено количество созданных рабочих мест в 2011 году в рамках реализации Комплексных инвестиционных планов монопрофильных территорий Свердловской области.

Таблица 1 – Количество созданных рабочих мест в 2011 году в рамках реализации Комплексных инвестиционных планов монопрофильных территорий Свердловской области [2]

Город	Количество созданных рабочих мест, ед.	из них в отраслях, не связанных с градообразующими предприятиями, ед.
Нижний Тагил	1445	1108
Каменск-Уральский	1646	1123
Асбест	1281	1205
Волчанск	16	16
Краснотурьинск	110	110
Красноуральск	291	152
Качканар	45	45
Полевской	73	73
ВерхняяСалда	62	62
Североуральск	20	20
Серов	1666	1666
Всего по моногородам Свердловской области	6655	5580

Из табл. 1 видно, что 84% новых рабочих мест в монопрофильных городах создаются в отраслях, не связанных с градообразующими предприятиями.

Исходя из анализа статистических данных по 84 монопрофильным муниципальным образованиям Свердловской области установлено, что в период с 2008 по 2010 годы в основном новые рабочие места создавались в магазинах. Наблюдается за 3 года: увеличение количества магазинов практически во всех монопрофильных территориях; практически постоянное количество павильонов, аптек и аптечных магазинов; снижение количества столовых, палаток и киосков.

Доктор экономических наук, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН, член правления Института современного развития Евгений Гонтмахер в газете «Голос России» от 07.10.2009 видит одним из вариантов действий для решения проблемы моногородов следующее: «в моногороде вместо одного градообразующего предприятия необходимо создать россыпь предприятий малого бизнеса. Но это требует очень глубокого экономического анализа, чтобы посмотреть: может ли та рабочая сила, которая есть в наличии, быть «переформатирована» для, допустим, пяти небольших предприятий, которые могли бы выйти на российский и даже международный рынок со своей продукцией или услугами и быть конкурентоспособными. Но здесь, повторю, должен быть сделан тщательный анализ, потому что в Пикалево попытались это сделать, и – неудачно. Из-за чего и разразился конфликт. Там один завод, построенный в советское время, был расчленен на три части без всякого экономического анализа. То есть, проведена самая примитивная варварская приватизация, и в результате мы получили то, что получили. Так что делать это нужно более обоснованно и планово. Тем более, если на этом заводе есть какие-то площади, цеха, какое-то оборудование, запасы, которые можно было бы использовать для развития малого бизнеса» [3].

Особую роль в поддержке моногородов в кризисный и посткризисный периоды сыграли институты развития в регионах и городах, такие как Фонды поддержки предпринимательства. Также существенную роль в поддержке моногородов играет Внешэкономбанк.

Реализация мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства осуществляется Внешэкономбанком в рамках муниципальных программ. Здесь действуют основные формы поддержки: гранты начинающим предпринимателям, компенсация процентной ставки, образовательные мероприятия, создание бизнес-инкубаторов, а также другие формы поддержки [4].

Солнцев О.Г., Хромов М.Ю., Волков Р.Г. в своей монографии отмечают, что вмешательство государства в инновационные процессы вызвано необходимостью создания стимулов к инновациям, которых не генерирует в достаточной степени рыночная среда. Конкретно следует компенсировать «провалы рынка», которые, в частности, обусловливают следующие факторы: ограниченная способность малого и среднего инновационного предпринимательства к концентрации ресурсов, необходимой для реализации проектов [5].

Кузьминов Я.И. и Юдкевич М.М. указывают, что «институты развития выполняют главную задачу экономической теории - обеспечивают предсказуемость результатов определенной совокупности действий (т.е. социальной реакции на эти действия) и таким образом привносят в экономическую деятельность устойчивость» [6].

Исследуя зарубежную практику, выявлено, что формирование институтов развития моногородов сопровождается законодательной поддержкой городской политики государством, а также комплексом государственных и муниципальных мероприятий социальной направленности, основным из которых является «Поддержка развития малого бизнеса за счет государственных средств, местных бюджетов и общественных фондов» [7].

Ведущие зарубежные институты развития создавались в форме госкорпораций (Германия, Япония), госпредприятий (Бразилия, Мексика), госучреждений (Китай, Канада) и акционерных обществ со 100-процентным госучастием (Южная Корея). В процессе эволюции банки развития стран Азии были преобразованы в акционерные общества, в отношении некоторых встал вопрос о приватизации, а институты Америки и Европы сохранили статус госкомпаний [8].

В табл. 2 представлены финансовые ресурсы ведущих мировых институтов развития в 2009 году.

Таблица 2 – Финансовые ресурсы ведущих мировых институтов развития в 2009 году, млрд. $ [9].

Институт развития	Страна	Активы ($ млрд.)	Собственный капитал ($ млрд.)
Кредитный банк реконструкции Германии (банковская группа)	Германия	394,00	13,10
Банк развития Китая	Китай	190,20	12,99
Японский банк развития	Япония	147,32	15,13
Банк развития Кореи	Корея	99,00	11,79
Банк социально-экономического развития	Бразилия	61,78	5,32
Банк промышленного развития	Индия	13,25	2,64
Эксимбанк	США	11,40	0,90
Национальный банк развития	Мексика	20,93	0,67
Инвестиционный фонд РФ	Россия	2,60	–
Внешэкономбанк	Россия	52,00	8,00

Одними из основных направлений программ институтов развития являются:

1. Программы финансовой и организационной поддержки малого и среднего бизнеса:

- инструменты финансирования основного и оборотного капиталов – ссуды на формирование оборотного капитала, лизинг оборудования, рефинансирование стандартизованных банковских ссуд малому и среднему бизнесу, участие в капитале малых и средних предприятий;
- гарантийные и страховые инструменты – предоставление гарантий по ссудам, страхование инновационных и внешнеторговых рисков;
- инструменты технической поддержки – консалтинг, подбор и подготовка кадров, проведение тренингов и семинаров, организация обмена опытом и технической и деловой информацией, помощь в поиске источников финансирования и др.

2. Программы развития систем микрофинансирования (малого бизнеса и социальной инфраструктуры):

- организационная поддержка формирования сетей микрофинансовых организаций (МФО);
- субсидирование отдельных видов расходов МФО;
- целевое кредитование МФО;
- рефинансирование кредитов коммерческих банков МФО [5].

В России в практике сложилось, что региональные и местные институты развития, в отличие от федеральных, в большей степени направлены на поддержку малого и среднего предпринимательства (табл. 3).

Таблица 3 – Отличительные особенности федеральных и региональных институтов развития [10].

Федеральные институты развития	Региональные институты развития
Поддержка определенных отраслей	Развитие определенных территорий (ОЭЗ, технопарки, бизнес-инкубаторы)
Приоритет – инфраструктура и структурные реформы	Приоритет – развитие промышленности региона
Не имеют конкурентов	Конкурируют с другими регионами
Поддержка крупных межрегиональных инвестиционных проектов	*Поддержка малого бизнеса.*

Авторский коллектив Баскакова И.В., Воробьев П.В., Кадочников *С.М.* представили описание институтов развития на региональном уровне в Российской Федерации (табл. 4).

Таблица 4 – Институты развития на региональном уровне в РФ [10].

Наименование	Содержание деятельности	Примеры в регионах
Особые экономические зоны	Формирование территориальных кластеров за счет льготного налогообложения на определенной территории	Промышленно-производственного типа: «Алабуга» (Татарстан), «Казинка» (Липецкая область) Технико-внедренческого типа: Санкт-Петербург, Москва (г. Зеленоград), Московская область (г. Дубна), Томская область (г. Томск), Магаданская область.
Бизнес-инкубаторы	Выращивание малых фирм, предоставление площадей и широкого спектра бизнес-услуг.	Существуют практически в каждом регионе.

Промышленные парки	Зонирование и размещение промышленных предприятий, которые получают доступ к земле, помещениям, инженерной и транспортной инфраструктуре, базовым услугам.	Камский индустриальный парк «Мастер» (Набережные челны, на базе КамАЗа), пром.парк «Сибирь» (вокруг сибирских заводов «Русала»)
Технопарки	Предоставление производственных помещений, кооперация НИИ и инновационных компаний, юридические, финансовые, информационно-технологические, маркетинговые услуги	Западно-Сибирский инновационный центр нефти и газа (Тюмень), «ЮУрГУ – «Полет» (Челябинск)
Региональные инвестиционные фонды	Реализация проектов частно-государственного партнерства – инвестиции в инфраструктуру (транспорт, связь, энергетика, коммунальное хозяйство)	Инвестиционный фонд Краснодарского края (2004), доля региональной администрации 20 %
Региональные венчурные фонды	Инвестиции в развитие инновационных компаний региона	Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Свердловской области, Тюменской области, Томской области, Республики Татарстан
Гарантийно-залоговые фонды	Предоставление гарантий по кредитам для малого бизнеса, что способствует увеличению доступа к кредитным ресурсам и сокращению процентных платежей	*Свердловский областной фонд поддержки малого предпринимательства*
Региональные инвестиционные агентства (проекты НАПИ)	Создания правовых и организационных основ привлечения инвестиций	Пензенское Агентство Инвестиций и Развития, Инвестиционных фонд развития Краснодарского края, Агентство инвестиций и развития Ростовской области (РАИР), Агентство инвестиций и развития Южного федерального округа

Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в разрезе муниципальных образований в Свердловской области, оказанная Свердловским областным фондом поддержки малого предпринимательства, за 2012 год, представлена в табл. 5.

Таблица 5 – Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в разрезе муниципальных образований в Свердловской области за 2012 год [2].

№ п/п	Муниципальное образование	Вид финансовой поддержки	Количество	Сумма, тыс.руб.
1	Асбест	Льготные кредиты	1	4000
		Микрозаймы	17	1475
		ИТОГО:	18	5475
2	Верхняя Салда	Микрозаймы	51	4595
		Предоставление обеспечения	1	680

		Субсидия действующему малому инновационному предприятию	1	4197
		Субсидия начинающему малому инновационному предприятию	1	500
		ИТОГО:	54	9972
3	Волчанск	Микрозаймы	39	2 560
4	Каменск-Уральский	Льготные кредиты	3	8180
		Патентование	1	8,3
		Предоставление обеспечения	1	840
		Субсидия действующему малому инновационному предприятию	1	1504
		Субсидии «Выставки-ярмарки»	3	421,1
		Субсидии «Лизинг»	1	227,2
		Субсидии «Тех.присоединение»	1	469,7
		Конкурс «Молодой предприниматель»	5	1490
		Субсидии «Экспорт»	2	880
		ИТОГО:	18	14020,3
5	Качканар	Предоставление обеспечения	1	700
		Микрозаймы	130	6921
		Субсидии «Лизинг»	1	1632,1
		Конкурс «Молодой предприниматель»	1	300
		Субсидии «Экспорт»	1	79
		ИТОГО:	134	9632,1
6	Краснотурьинск	Предоставление обеспечения	13	10395
		Микрозаймы	14	1135
		Субсидии «Лизинг»	1	371,4
		ИТОГО:	28	11901,4
7	Красноуральск, городской округ	Предоставление обеспечения	13	6263,7
		Микрозаймы	3	110
		ИТОГО:	16	6373,7
8	Нижние Серги	Предоставление обеспечения	1	1 830,9
9	Нижний Тагил	Льготные кредиты	2	5900
		Предоставление обеспечения	6	7384
		Субсидия действующему малому инновационному предприятию	3	7294,8
		Микрозаймы	1	40
		Субсидии «Выставки-ярмарки»	1	61,5
		Субсидии «Лизинг»	8	8435,7
		Субсидии «Экспорт»	1	500
		ИТОГО:	22	29616
10	Первоуральск	Льготные кредиты	1	2247
		Предоставление обеспечения	1	700
		Субсидия действующему малому инновационному предприятию	3	13242
		Субсидия начинающему малому инновационному предприятию	2	1000
		Микрозаймы	9	580
		Субсидии «Лизинг»	4	5457,3

		Субсидии «Сельхозтехника»	1	266,4
		ИТОГО:	21	23492,7
11	Полевской городской округ	Льготные кредиты	1	1306,3
		Предоставление обеспечения	4	4505
		Субсидия начинающему малому инновационному предприятию	1	500
		Микрозаймы	6	325
		ИТОГО:	12	6636,3
12	Ревда	Патентование	1	34,9
		Предоставление обеспечения	2	2805
		Субсидия начинающему малому инновационному предприятию	1	500
		Микрозаймы	107	4260
		Субсидии «Лизинг»	1	980,3
		ИТОГО:	112	8580,2
13	Серов	Предоставление обеспечения	22	16985
		Субсидия действующему малому инновационному предприятию	1	1628
		Микрозаймы	226	13335
		Субсидии «Экспорт»	1	500
		ИТОГО:	250	32448

Также широкое распространение имеет функционирование муниципальных фондов поддержки малого и среднего предпринимательства.

Так, в Свердловской области действует 43 муниципальных фонда поддержки малого и среднего предпринимательства, при которых создано 9 информационно-консультационных центров, которые оказывают информационные, консультационные, юридические, финансовые услуги предпринимателям.

В 2012 году указанными организациями предоставлено 114 579 услуг 9 161 субъектам малого и среднего предпринимательства, в том числе консультаций 26 124 по актуальным вопросам предпринимательской деятельности.

Субъектам малого и среднего предпринимательства предоставлены:

- услуги по аренде помещений -845;
- офисные услуги – 14771;
- бухгалтерские услуги – 67161;
- финансовые услуги – 1086;
- юридические услуги – 4592.

Одним из мероприятий государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Свердловской области является обучение начинающих и действующих предпринимателей, а также граждан, желающих создать собственный бизнес.

В течение 2012 года 43 муниципальными фондами поддержки малого и среднего предпринимательства организовано проведение обучения по развитию предпринимательской грамотности и предпринимательских компетенций (по вопросам бухгалтерского учета и налогообложения, маркетинга и продвижения бизнеса, юридическим вопросам), которое прошли 6673 субъекта малого и среднего предпринимательства [2].

Однако нужно отметить, что в действительности со стороны ученых и политиков присутствует негативная характеристика на функционирование и выполнение целей институтами развития.

Медведев Д.А. в 2011 году отметил: «Институты развития составляют один из существенных элементов национальной инновационной системы и призваны обеспечивать поддержку исследований и разработок на различных стадиях их коммерческой готовности. Однако нужно признать, что эти институты пока работают разрозненно и фрагментарно» [11].

Авторы книги *«Why nations fail»* («Почему нации терпят неудачи») утверждают, что в силу исторических причин в некоторых странах не формируются институты, которые стимулируют экономический рост. В качестве примера взяты Южная и Северная Америка. До открытия Америки Колумбом на обоих континентах жили племена индейцев. В Северной Америке это были племена, которые занимались собирательством, охотой и, в лучшем случае, скотоводством и пребывали в первобытнообщинном строе. В то же время в Южной Америке были созданы могучие цивилизации, которые были достаточно развиты в экономическом отношении. Доход на душу населения, как подсчитали экономисты, в империи Инков был сопоставим с аналогичным показателем в Испании. Однако позднее, когда пошла колонизация, ситуация изменилась на 180 градусов. В США в XIX веке существовало порядка 20 тыс. банков, которые представляли ссуды фермерам, золотодобытчикам, строителям железных дорог и тем, кто занимался добычей нефти. А в Мексике в этот же момент времени было не больше 30 банков, и все они так или иначе были связаны с тогдашним президентом страны, который просидел на своем посту 34 года. Иными словами, банковская система не способствовала экономическому росту Мексики. Та же ситуация, по мнению авторов, имела место и в Южной Америке, где испанцы установили привычный им порядок – титулы, дворянские привилегии и соответствующую экономическую модель. К счастью для современных Соединенных Штатов, англичане физически не могли контролировать североамериканские колонии настолько, чтобы помешать развитию предпринимательской культуры.

Авторы книги констатируют, что российская банковская система сегодня не способна кредитовать реальный сектор под достаточно низкий процент при тех предпринимательских рисках, которые существуют в стране. Ничего, кроме нефтяной экономики, в этих условиях мы создать просто не можем. Предприниматели, которые кредитуют в Сбербанке, сказали мне, что они открыли производство в Германии и с удивлением обнаружили, что издержки там меньше, чем в России [12].

По данным Министерства экономики Свердловской области, представленным в табл. 6, можно установить, что после уменьшения финансовой поддержки из институтов развития в 2012 – 2013 годах, замораживании федеральной программы по поддержке монотерриторий Российской Федерации в 2012 году, наблюдается во многих моногородах Свердловской области снижение числа субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. человек населения, в частности, в городах Асбест, Верхняя Салда, Волчанск, Каменск – Уральский, Карпинск.

Таблица 6 – Число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. человек населения, единиц [2].

Монопрофильные города Свердловской области	Предшествующий период			Отчетный период	Плановый период		
	2009 год	**2010 год**	**2011 год**	**2012 год**	**2013 год**	**2014 год**	**2015 год**
Асбестовский городской округ	411,00	435,00	446,00	430,00	433,00	439,00	446,00
Верхнесалдинский городской округ	289,63	314,00	348,00	300,00	300,00	380,00	380,00
Волчанский городской округ	276,10	292,30	304,30	342,60	336,73	331,63	335,71
Город Каменск-Уральский	325,20	338,90	429,90	384,00	388,38	391,70	402,76
Качканарский городской округ	343,60	356,60	357,62	359,73	361,41	363,30	365,50
Городской округ Краснотурьинск	272,00	292,00	304,00	309,00	322,00	327,00	332,00
Городской округ Красноуральск	128,00	168,00	186,00	192,00	199,00	205,00	214,00
Город Нижний Тагил	265,10	267,70	332,20	337,20	340,70	344,10	347,40
Полевской городской округ	298,00	328,00	347,00	354,00	360,00	366,00	373,00
Городской округ Карпинск	262,00	269,00	277,00	288,00	277,00	285,00	294,00
Североуральский городской округ	235,20	234,40	267,40	266,20	268,00	270,00	275,00
Городской округ Верхний Тагил	192,90	240,00	231,00	262,32	262,32	262,32	262,32
Городской округ Верхняя Тура	163,60	170,75	196,00	226,00	230,00	234,00	235,00
Нижнесергинский муниципальный район	275,50	223,00	285,00	280,50	280,50	280,50	280,50
Серовский городской округ	355,30	362,10	302,30	305,80	310,00	312,00	315,00

По данным Министерства экономики Свердловской области, представленным в табл. 7, можно установить, что также в некоторых монотерриториях Свердловской области, таких как, Верхняя Салда, Полевской, Карпинск, Верхний Тагил, Верхняя Тура, Нижние Серги, снижается доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых и средних предприятий в среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций, что может быть связано как с уменьшением в целом занятых в городе вследствие внешней миграции в Екатеринбург, так и со снижением числа субъектов малого и среднего предпринимательства в моногородах.

Таблица 7 – Доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых и средних предприятий в среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций, процентов [2].

Муниципальное образование	Предшествующий период			Отчетный период	Плановый период		
	2009 год	**2010 год**	**2011 год**	**2012 год**	**2013 год**	**2014 год**	**2015 год**
Асбестовский городской округ	44,40	46,50	47,50	48,70	49,30	49,80	50,00
Верхнесалдинский городской округ	16,80	18,50	20,40	21,70	21,70	22,30	22,30
Волчанский городской округ	14,52	17,37	17,67	18,70	19,85	19,29	19,59
Город Каменск-Уральский	25,90	28,20	35,80	36,00	36,20	36,40	36,60

Качканарский городской округ	29,60	35,10	37,80	38,10	38,50	38,80	39,20
Городской округ Краснотурьинск	26,50	29,30	29,40	29,70	29,80	29,90	30,00
Городской округ Красноуральск	12,30	13,00	13,40	13,80	15,00	14,30	14,50
Город Нижний Тагил	13,30	14,20	14,40	14,50	14,60	14,70	14,80
Полевской городской округ	21,00	24,00	26,00	28,00	28,00	29,00	30,00
Городской округ Карпинск	29,00	27,00	33,70	33,60	32,50	32,90	33,20
Североуральский городской округ	19,00	19,20	18,00	18,30	18,50	19,00	20,00
Городской округ Верхний Тагил	24,00	21,20	22,90	19,30	19,00	19,00	19,00
Городской округ Верхняя Тура	19,70	32,11	32,11	28,00	30,87	31,40	31,50
Нижнесергинский муниципальный район	32,50	19,90	33,00	23,11	23,50	23,70	23,90
Серовский городской округ	19,70	23,50	26,00	27,20	27,50	28,00	28,50

Исходя из динамики показателей, представленных в табл. 6 и 7 можно установить, что принятые меры со стороны Правительства РФ в направлении поддержки малого предпринимательства должны проводиться постоянном в режиме (не только в кризисный период).

Автор считает, что в целях повышения результативности от реализации мер со стороны Правительства Российской Федерации или региона необходимо концентрировать направления целевого распределения средств в части видов экономической деятельности, оказывать поддержку муниципальным образованиям из федеральных и региональных институтов развития в постоянном режиме, усилить предоставление финансовых инструментов поддержки, таких как, субсидирование затрат по лизинговым платежам, субсидирование затрат на техприсоединение к энергосетям, компенсация части затрат по участию в выставочных мероприятиях, а также рассмотреть на уровне Правительства РФ факторы, сдерживающие развитие малого бизнеса, такие как, высокое налогообложение для субъектов малого и среднего предпринимательства, высокие процентные ставками по кредитам, значительные сроки по оформлению документов, и т.п.

Автор считает, что необходимо разработать Программу поддержки и развития предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года, включающую реализацию мероприятий в направлении развития кадров, повышения инвестиционной активности, диверсификации видов экономической деятельности, расширения спектра услуг, предоставляемых в Фондах развития предпринимательства, повышение уровня заработной платы работников в сфере малого и среднего предпринимательства, и т.п. (рис. 1).

Реализация предложенной программы позволит повысить потенциал малого и среднего предпринимательства в монопрофильных городах, увеличить число субъектов малого и среднего предпринимательства, развить обрабатывающее производство в монопрофильных городах.

Долгосрочная Программа по развитию субъектов малого и среднего предпринимательства в монопрофильных территориях Российской Федерации

Цель Программы: Переход от экстенсивного к интенсивному характеру развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации

Задачи Программы:

1) Увеличение числа субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации;
2) Повышение заработной платы в малом бизнесе, уменьшение теневой заработной платы, снижение задолженности по заработной плате;
3) Диверсификация видов деятельности. Акцентирование развития обрабатывающих производств в Российской Федерации.

Источники реализации мероприятий: Федеральные, региональные и местные институты развития, федеральные, областные и местные целевые программы, внешние инвестиции (в том числе в рамках развития государственно-частного партнерства)

Основные мероприятия программы:

1) Утверждение Указа Президента РФ о дорожной карте, направленной на увеличении заработной платы в малом и среднем бизнесе в регионах Российской Федерации. Контроль повышения заработной платы.
2) Изменение налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства в разрезе видов экономической деятельности.
3) *Субсидирование из институтов развития мероприятий, направленных на развитие обрабатывающих производств.*
4) Выделение грантов из субъектов РФ на развитие инфраструктуры в малом и среднем бизнесе.
5) Формирование соответствующих программ на уровне регионов РФ и в монопрофильных территориях по развитию малого и среднего предпринимательства. Увеличение средств в федеральном, областном и местных бюджетах на развитие предпринимательства. Мониторинг реализации региональных и муниципальных программ.
6) Разработка мер по развития в территориях предпринимательства, основанного на иностранных инвестициях.
7) Расширение спектра услуг в фондах развития предпринимательства.
8) Пересмотр доступности участия субъектов малого и среднего предпринимательства в выполнении муниципального заказа в целях стимулирования деятельности местных предпринимателей.
9) Разработка мероприятий, по вовлечению широких слоев населения в предпринимательскую деятельность.
10) Подготовка квалифицированных кадров в администрациях и фондах, курирующих развитие предпринимательства.

Результаты реализации программы:

1) Повышение потенциала малого и среднего предпринимательства в монопрофильных городах.
2) Увеличение числа субъектов малого и среднего предпринимательства.
3) *Развитие обрабатывающих производств в монопрофильных городах.*

Таким образом, на сегодняшний день важно акцентировать внимание на решении проблем, препятствующих развитию субъектов малого и среднего предпринимательства в монопрофильных территориях, актуально формировать долгосрочную программу, направленную на развитие и совершенствование потенциала малого и среднего предпринимательства в монопрофильных городах. От диверсификации видов деятельности и интенсивности развития субъектов малого и среднего предпринимательства во многом зависит устойчивость монопрофильных территорий.

Список литературы

1. *Безработица: не расслабляться!- [Электронный ресурс]: – Режим доступа: URL: http://www.interfax.ru.*
2. *Официальный Интернет-ресурс Министерство экономики Свердловской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.midural.ru/.*
3. *Круглый стол П3 «Современные механизмы развития моногородов». 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.forumstrategov.ru.*
4. *ВЭБ: от моногородов требуется активное развитие малого и среднего бизнеса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yandex.ru.*
5. *Солнцев О.Г., Хромов М.Ю., Волков Р.Г. Институты развития: анализ и оценка мирового опыта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://institutiones.com.*
6. *Кузьминов Я.И. Юдкевич М.М. Институциональная экономика: курс лекций. Национальный фонд подготовки кадров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economics.mipt.ru/econom/NIElec.esp.*
7. *Кризисные города России: пути и механизмы социально-экономической реабилитации и развития / В.Я.Любовный, О.С. Пчелинцев, Л.Я. Герцберг и др. // Серия Библиотека муниципального служащего. Вып. 5. М., 1998. 95 с.*
8. *Гордеев И. Институты развития: мировой опыт. 2009 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=1598364.*
9. *Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: problemanalysis.ru.*
10. *Институты развития: международный и российский опыт в аспекте использования на региональном уровне. Авторский коллектив: Баскакова И.В., Воробьев П.В., Кадочников С.М., и др. Аналитические материалы для участников круглого стола «Региональные институты развития: формы создания и механизмы функционирования». Екатеринбург, 2007 г.*
11. *Медведев Д. Институты развития в России работают разрозненно. Вести. 25.11.2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:www.strf.ru/material.aspx.*
12. *Наши деньги. Журнал. Май 2012. С. 41. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nashidengi.ru*

УДК 339.31

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

© ***В.Ю. Синявин,*** *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*
© ***Т.Ф. Янина,*** *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*
© ***А.В. Кулаженкова,*** *Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)*

FACTOR ANALYSIS IN THE STUDY TO IMPROVE COST EFFICIENCY AND INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE BUSINESS ENTITIES

© ***V.Y. Sinyavin,*** *Penza State University (Penza, Russia)*
© ***T.F. Janina,*** *Penza State University (Penza, Russia)*
© ***A. Kulazhenkova,*** *Penza State University (Penza, Russia)*

В статье сдержатся результаты исследования факторов развития и инвестиционной привлекательности современных организаций,. Исследователями, путем применения библиографического метода, а так метода интервью, был составлен реестр факторов, оказывающих влияние на экономическую эффективности и инвестиционную привлекательность хозяйствующих субъектов, разработан экспертный опросниик и проведен экспертный опрос на предмет установления рейтинговых значений важности факторов. Кроме того, была разработана анкета и осуществлен анкетный опрос работников организаций выборочной совокупности с целью установления показателей уровня использования факторов. Применение оригинальной методики (ее суть раскрыта в статье), предполагающей использование, как показателей важности, так и уровня использования факторов, позволило получить значения эффективности их использования. Их анализ содержит данная статья.

Ключевые слова: факторы развития и инвестиционной привлекательности хозяйствующих субъектов, рейтинговые значения важности факторов, инвестиционная привлекательность, экономическая эффективность.

In the article the results of research on factors restrain development and investment attractiveness of the modern organization . Researchers through the use of bibliographic method, and so the method of interview was a register of the factors that influence the economic efficiency and investment attractiveness of the business entities , is designed oprosniik expert and an expert survey conducted to establish that values the importance of rating factors. In addition, a questionnaire was designed and carried out a questionnaire survey of a sample of employees of organizations with a view to establishing indicators of the level of utilization factors. The use of original methods (its essence is disclosed in the article) which makes use of as an indicator of the importance and the level of utilization of the factors yielded values of the efficiency of their use. Their analysis includes this article.

Key words: factors of development and investment attractiveness of the business entities , the rating values the importance of factors , investment attraction , economic efficiency.

Как известно, недоступность инвестиционных ресурсов остается проблемой номер один для большинства отечественных производителей. Не случайно «в последние годы на всех уровнях власти, включая федеральный центр, активно обсуждается вопрос о способах повышения инвестиционной привлекательности и улучшения инвестиционного климата российских регионов» [2, с. 540].

Достижение высокого уровня инвестиционной политики региональных предприятий, по нашему мнению, требует рационализма в учете и

своевременном практическом использовании факторов развития и инвестиционной привлекательности.

Применение метода интервьюирования, а так же анализ работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных исследованию проблемы оценки эффективности инвестиционных проектов, осуществляемых современными организациями, позволил нам выявить две группы факторов определяющих уровень эффективности их работы и инвестиционной привлекательности. Первая из них включает переменные, характеризующие внешнюю среду организации, вторая – внутреннюю.

В ходе проведенного исследования нами была сформирована выборочная совокупность хозяйствующих субъектов, составлен экспертный опросник и проведен экспертный опрос, участники которого (более 500 человек) – руководители и специалисты отобранных организаций.

Цель проведенного экспертного опроса – определение рейтинговых значений важности выявленных нами факторов с точки зрения их влияния на результативность и инвестиционную привлекательность предприятия. Среди его участников (1100 человек) руководители высшего звена – 280 чел. (25,5 %), среднего звена – 800 чел. (72,7 %), низшего звена – 120. (1,8 %).

Анализ уровня важности факторов позволяет сделать вывод, что в целом группа внешних факторов, несмотря на небольшое число подгрупп, по сравнению с внутренними факторами, занимает лидирующее положение в данном критерии (за исключением фактора «Влияние аффилированных лиц на деятельность организаций» – его важность составляет 0,09). Невысокая оценка, в данном случае, может объясняться слабой инвестиционной привлекательностью исследованных организаций, развившейся вследствие неверно сформированной инвестиционной политики.

Важности другого фактора данной подгруппы – «Отношение с органами местного самоуправления» – присвоено среднее значение (0,5), что связано, скорее всего, с порайонными различиями во взаимодействии менеджмента исследуемых организаций с местными властями.

В целом, наивысшая экспертная оценка важности среди внешних факторов присвоена подгруппе «Экономико-географическое положение предприятия». Факторы подгруппы «Рыночно-конъюнктурные факторы» так же получили высокие экспертный оценки – фактору «Покупательская способность населения» присвоено экспертное значение важности 0,78, фактору «Учет специфики социальной среды» – 0,54.

Среди факторов внутренней среды подгруппы «Уровень развития системы управления маркетингом на предприятии» высокие экспертные оценки – у факторов: «Качество предлагаемых услуг» (0,89), «Своевременное выявление новых рыночных возможностей» (0,88), «Соответствие предлагаемых услуг уровню и структуре спроса» (0,83), «Мониторинг деятельности конкурентов» (0,77), «Отлаженные партнерские отношения организации с поставщиками и подрядчиками» (0,72), «Организация эффективного продвижения услуг» (0,71). Ведущее значение фактора «Качество предлагаемых услуг» объясняется, по нашему мнению, тем обстоятельством, что качество услуги выступает системообразующим элементом процесса дифференцирования – развития конкурентных преимуществ – организаций исследуемой сферы.

Средняя оценка важности (по данной подгруппе) фактора «Гибкая ценовая политика» (0,5), может быть связана с достаточно высокой оценкой

фактора «Отлаженные партнерские отношения организации с поставщиками и подрядчиками» и объясняться наличием долгосрочных контрактов на поставку необходимых материалов с фиксированной ценой. Относительно невысокий показатель важности такого, казалось бы, необходимого фактора, как «Соответствие маркетинговой стратегии уровню ресурсной базы организации» (0,45), находит свое объяснение в недопонимании важности маркетинга в организациях большинства сфер деятельности и его практической значимости. Невысокие экспертные оценки важности факторов «Соответствие широты ассортимента предлагаемых услуг целям организации» (0,39) и «Обоснованная стратегия позиционирования» (0,31), находят свое объяснение в том, что специалисты высшего звена, наиболее компетентные в дынных вопросах, составляют лишь 25,5 % опрошенных.

Как высокие можно охарактеризовать и оценки важности факторов, объединенных в подгруппу «Уровень мотивации работников». «Величина заработной платы» получает 0,86, «Морально-психологические стимулы» – 0,79. Индивидуальный подход к выбору мотивации конкретного специалиста данной сферы позволить рационально использовать ресурсы предприятия, так как по данным респондентов, кроме заработной платы существует множество других, нематериальных стимулов к повышению эффективности работы персонала и их эмоциональной удовлетворенности, что, в свою очередь напрямую сказывается на качестве предлагаемых услуг и удовлетворенности клиентов.

Важность факторов «Наличие экономической подготовленности у руководителей и специалистов» – 0,68, «Авторитет формального руководителя» – 0,58, «Наличие правовой подготовленности у руководителей и специалистов» – 0,55.

Наименьшая экспертная оценка важности в группе внутренних факторов – у фактора «Лояльность работников организации (принятие и следование работниками организации ее целям и задачам)», входящего в подгруппу «Морально-психологический климат в организации» (0,32). Большинство специалистов данной отрасли считают необходимым лишь строго следовать своим обязанностям и оказывать только те услуги, обучение которым они пришли, не уделяя внимание развитию своих возможностей, что может выражаться в достаточно небольшом объеме выполняемых работ и препятствует совершенствованию развития организации в целом. Другой фактор данной подгруппы «Психологическая сплоченность членов трудового коллектива» оценивается экспертами в 0,61, что объясняется редкой взаимозаменяемостью специалистов внутри предприятия и заинтересованностью каждого работника в расширении «своей» клиентской базы.

Средние оценки важности получили все факторы подгруппы «Система менеджмента в организации»: фактор «Соответствие организационной структуры целям и задачам предприятия» – 0,62, «Наличие внутрифирменной информационной системы» – 0,54, «Соответствие стиля управления особенностям трудового коллектива» – 0, 41. Имеющая место слабая внутренняя связь работников организации и руководящего звена приводит к несоответствию выбранного стиля управления организации и недопониманию важности соответствия этого стиля особенностям трудового коллектива управленческим звеном.

Достаточно высокой можно охарактеризовать экспертную оценку важности внутреннего фактора «Наличие технологической подготовленности

у сотрудников» – (0,76), что указывает на правильное понимание менеджментом организаций роли технологического прогресса и самосовершенствовании фирмы в данном вопросе перспективного развития и достижения конкурентного преимущества.

Важность факторов «Наличие необходимого числа трудовых ресурсов» оценивается экспертами в 0,66, «Наличие научной организации труда (НОТ)» – в 0,48.

Проведенное нами исследование так же включало анкетный опрос работников предприятий выборочной совокупности на предмет установления показателей уровня использования означенных факторов. Применение оригинальной методики (результата собственных разработок) позволило получить на их основе значения эффективности использования факторов.

Сравнивая полученные значения с максимально возможными, видим их несоответствие таковым по большинству факторов. Так, наибольшая фактическая эффективность использования фактора «Соответствие организационной структуры целям и задачам организации» на предприятиях Октябрьского и Ленинского района (4,8) уступает максимально возможному значению (6,2). В Первомайском районе она немного ниже – 4,3. Самые низкие показатели на предприятиях Железнодорожного района – 3,5.

Фактическая эффективность использования факторов «Соответствие стиля управления особенностям трудового коллектива» и «Наличие внутрифирменной информационной системы» также существенно ниже максимально возможной.

Фактическая эффективность использования фактора «Соответствие маркетинговой стратегии уровню ресурсной базы предприятия» также ниже максимально возможной (4,5). Наибольшая она в Ленинском районе (2,1). Показатели Октябрьского района (1,9) в еще большей степени далеки от максимального значения. Низка фактическая эффективность использования фактора в Первомайском районе (1,7). Фактическая эффективность использования фактора в Железнодорожном районе – 1,5 – в три раза ниже максимально возможной.

Выявлено несоответствие фактической эффективности использования и такого важного фактора, как «Своевременное выявление новых рыночных возможностей» максимально возможной величине (8,8). Наибольшее значение (3,3) – в Ленинском районе. Несколько ниже – в Октябрьском (3,1). Далее следует Первомайский район – 2,9. Наименьший показатель эффективности использования фактора в Железнодорожном районе (2,8).

Низка и фактическая эффективность использования фактора «Отлаженные партнерские отношения организации с поставщиками и посредниками». В наибольшей степени она приближена к максимально возможному значению (7,2) в Ленинском районе (2,5). В тоже время и здесь ее величина существенно ниже. Фактическая эффективность использования фактора в Октябрьском и Первомайском районах – 2,4 и 2,3 соответственно. Наименьшая фактическая эффективность использования данного фактора в организациях Железнодорожного района – 2,2.

Расчеты свидетельствуют – недостаточно эффективно используется в исследуемых организациях и такой важный с точки зрения экспертов фактор, как «Мониторинг деятельности конкурентов. В Ленинском и Октябрьском районах фактическая эффективность использования фактора 2 и 1,8 соответственно при максимально возможной 7,7. В Первомайском районе она

1,6, в Железнодорожном – 1,5, что говорит о крайне неэффективном использовании фактора.

Наибольшая фактическая эффективность использования фактора «Соответствие предлагаемых услуг уровню и структуре спроса» в Ленинском районе (6), что ниже максимально возможной эффективности – 8,3. Еще более низки показатели в Октябрьском (5,9), Первомайском районе (5,8) и Железнодорожном (5,7) районах.

Фактическая эффективность использования фактора «Качество предлагаемых услуг» организациями исследуемых районов также не соответствует максимально возможной (8,9). Наибольшая величина показателя в Ленинском районе – 2,7. Показатели Октябрьского и Первомайского районов (2,3 и 2,2) также низки. Наименьшая фактическая эффективность использования фактора – у организаций Железнодорожного района (2).

Наибольшее значение фактической эффективности использования фактора «Соответствие широты ассортимента предлагаемых услуг целям организации» в Ленинском районе – 1,8. Эта величина ниже максимально возможной (3,9) в два раза. Значения исследуемого показателя в трех других районах характеризует эффективность использования фактора как достаточно низкую: в Октябрьском районе она 1,7, в Первомайском – 1,6. На предприятиях Железнодорожного района показатель наименьший (1,5).

Более высокая (приближенная к максимально возможной) эффективность использования фактора «Гибкая ценовая политика». При максимально возможном значении 5, в Ленинском районе она – 4,6, в Октябрьском – 4,5, в Первомайском 4,4, в Железнодорожном – 4,3. Как видим, эти значения все же ниже возможного максимума.

Наибольшая фактическая эффективность использования одного из важных факторов развития и инвестиционной привлекательности организаций непроизводственной сферы «Организация эффективного продвижения услуг» в Ленинском районе – 1,6 (при максимально возможной 7,1). Недостаточна эффективность использования фактора в Октябрьском (1,4), Первомайском районе (1,2). В Железнодорожном районе она – 1 (показатель наименьший, указывает на неотложность мер, направленных на повышение эффективности использования фактора).

Низка фактическая эффективность использования фактора «Обоснованная стратегия позиционирования». Максимально возможная эффективность его использования – 3,1, фактическая же в Ленинском районе – 1,5 (наибольшая по данному фактору среди всех районов), в Октябрьском – 1,3, в Первомайском – 1,2, в Железнодорожном – 1 (фактор используется крайне неэффективно).

Недостаточна фактическая эффективность использования значимых факторов из подгруппы «Уровень мотивации работников».

Говоря о подгруппе «Уровень авторитета и профессиональной подготовленности руководителя организации», необходимо отметит, что максимально возможная эффективность использования одного из ее факторов – «Авторитет формального руководителя» – 5,8. Значение фактической эффективности использования фактора во всех районах приближено к этому значению, а в Ленинском – превосходит (5,9), далее следуют предприятия Октябрьского района (5,8), затем Первомайского (5,6), Железнодорожного районов (5,5).

Наибольшая фактическая эффективность использования фактора «Наличие правовой подготовленности у руководителей и специалистов» в Ленинском районе (3,3). Несколько ниже она в Октябрьском (3,1) и Первомайском (3) районах. Наименьшая фактическая эффективность использования данного фактора в Железнодорожном районе (2,8).

Низка в организациях исследуемых районов фактическая эффективность использования фактора «Наличие экономической подготовленности у руководителей и специалистов». Наибольший показатель в организациях Ленинского района (3,3), что в два раза ниже максимально возможной (6,8.) В Октябрьском, Первомайском и Железнодорожном районах он примерно одинаковый (3, 2,9 и 2,7).

Фактическая эффективность использования фактора «Наличие технологической подготовленности у сотрудников» также не соответствует максимально возможной (7,6). Наиболее близка она к этому значению в организациях Ленинского района (5,8). Несколько ниже фактическая эффективность использования фактора в Октябрьском (5,6) и Первомайском (5,4) районах. В Железнодорожном районе фактическая эффективность использования фактора 5,3.

Максимально возможная эффективность использования фактора «Наличие необходимого числа трудовых ресурсов» 6,6. Сравнивая ее с фактическими значениями, видим неэффективное использование фактора во всех исследованных организациях.

Максимально возможная эффективность использования фактора «Наличие научной организации труда (НОТ)» – 4,8. Во всех четырех районах фактическая эффективность использования фактора не соответствует этому значению. В Ленинском районе она – 3,4 (наибольшее значение среди исследуемых районов), в Октябрьском – 3,3, в Первомайском – 3,2, в Железнодорожном – 3,1.

Недостаточна фактическая эффективность использования и у факторов подгруппы «Морально-психологический климат в организации». Неэффективно используется организациями исследованных районов факторы «Покупательская способность населения», «Отношения с органами местного самоуправления» и «Наличие транспортной инфраструктуры».

Как видим сравнение максимально возможных и фактических показателей эффективности использования факторов развития и инвестиционной привлекательности предприятий выборочной совокупности свидетельствует о значительном резерве в повышении уровня управления данными факторами и росте показателей, отражающих их производственную деятельность.

Полученные показатели эффективности использования факторов развития и инвестиционной привлекательности предполагается подвергнуть корреляционно-регрессионному анализу, результаты которого явятся основой соответствующих рекомендаций. Материалы дальнейших исследований будут представлены в последующих публикациях.

Список литературы

1. Синявин В.Ю. Инвестиционный климат как фактор роста инвестиционной активности России и регионах / В. Ю. Синявин // Известия пензенского государственного педагогического университета. Общественные науки. – № 28. 2012. – с. 540 – 543

УДК 347.652.4

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© ***Ю.В. Слесарев***, *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*
© ***А.Ю. Киндаев***, *Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза, Россия)*

RULE OF LAW ESCHEAT IN MODERN RUSSIA

© ***Y.V. Slesarev***, *Penza state technological university (Penza, Russia)*
© ***A.Yu. Kindaev***, *Penza state technological university (Penza, Russia)*

В статье рассматривается нормативно-правовое регулирование выморочного имущества. Освещается порядок перехода такого имущества к государству, а также особенное положение государства как наследника.
Ключевые слова: выморочное имущество, наследство, порядок наследования.

The article deals with the legal regulation of escheat property. Highlights the procedure for the transfer of such property to the state, as well as the special position of the state as an heir.
Key words: escheat, inheritance, inheritance order.

Роль государства в наследственных отношениях неоднократно изменялась на различных этапах развития государства. Если первоначально все имущество умершего переходило к государству, то по мере признания в нашей стране права частной собственности, роль государства в наследственных отношениях постепенно уменьшалась. В настоящее время, государство может наследовать имущество либо по завещанию, либо в случаях так называемого «выморочного» наследования. Субъектом права наследования выморочного имущества является исключительно Российская Федерация. Это означает невозможность наследования выморочного имущества гражданами, юридическими лицами и муниципальными образованиями, не являющимися наследниками по закону или завещанию. Наследование выморочного имущества государством может иметь место лишь в строго определенных законом случаях, к которым (согласно ст. 1151 ГК РФ) относятся следующие:

1. отсутствуют наследники, как по закону, так и по завещанию;
2. никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования;
3. никто из наследников не принял наследства;
4. все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника.

В настоящее время существует ряд вопросов, касающихся наследования выморочного имущества, не нашедших однозначного урегулирования в российском законодательстве, в результате чего на практике нередко возникает столкновение норм, что в свою очередь ведет к активной полемике в теории права.

Как правило, выморочным становится все имущество наследодателя, не имеющего наследников. Однако возможны ситуации, когда выморочной становится только часть имущества наследодателя. Например, если определенное имущество было завещано и принято наследниками по завещанию, а в отношении оставшегося имущества не сделано завещательных распоряжений, а наследник по закону отсутствует. Часть имущества также будет

считаться выморочным, если имущество распределено между наследниками по завещанию и кто-либо из них отказался принять наследство или оказался недостойным наследником, а наследники по закону отсутствуют. Наследование выморочного имущества государством производится в особых случаях когда отсутствуют наследники и, в большинстве случаев, сопровождается длительными судебными тяжбами. При этом, следует иметь ввиду, что лица, не являющиеся кровными родственниками, не могут быть призваны к наследованию по закону, а срок приобретательной давности на объекты недвижимого имущества составляет 15 лет. На основании статьи 234 ГК РФ лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно длительное время владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение 15 лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность). Но необходимо также исчислять общий срок давности, который составляет 3 года. Возможно также оспорить право собственности после оформления выморочного имущества за муниципальным образованием в судебном порядке. Если суд признает за наследником права на имущество, то оно перестает быть выморочным. Может так случиться, что данное имущество уже было продано, тогда наследнику из бюджета (городского, сельского или муниципального района) выплачивается сумма, по которой это имущество было продано.

Содержание принадлежащего государству права на наследование выморочного имущества существенно отличается от права наследования, возникающего по иным основаниям у наследников по закону или по завещанию. Одной из основных особенностей является специфическое положение государства в качестве наследника, в частности:

1) Положение государства обусловлено тем, что оно здесь выступает в двоякой роли. С одной стороны, Конституция возлагает на него роль гаранта права наследования (переход имущества, принадлежавшего умершему, к другим лицам, это конституционная обязанность государства), а с другой стороны, раздел V («Наследственное право») ГК РФ признает Российскую Федерацию наследником, устанавливая, в частности, что получение ею выморочного имущества является наследованием по закону. В этих случаях государство выступает как наследник по закону и наделяется правами и обязанностями по наследованию имущества.

Конституция определяет равные имущественные права граждан и государства как юридического лица. Из этого следует, что Российская Федерация обязана обеспечивать право наследования имущества любому гражданину. Конституционной гарантией права наследования имущества пользуются все лица, включенные в круг наследников по закону. Исключение составляет лишь сама Российская Федерация. Именно с обязанностью государства гарантировать право наследования связано ограничение права Российской Федерации на предъявление иска о признании, совершенных наследниками действий не свидетельствующими о принятии ими наследства, в случае если наследники заявляют о фактическом принятии наследства.

2) Российская Федерация как наследник выморочного имущества по закону наделена статусом, отличающимся от статуса других наследников по закону. Прежде всего, Российская Федерация, выступающая в качестве наследника выморочного имущества, получает его автоматически, с момента признания его таковым, так как согласно п. 1 ст. 1152 ГК РФ для приобретения выморочного имущества: принятие наследства не требуется.

3) Российская Федерация как наследница вправе отказаться от наследства в пользу других лиц: или без указания лиц, в пользу которых он отказывается от наследственного имущества» (п. 1 ст. 1157 ГК РФ). Когда Российская Федерация становится наследником по закону выморочного имущества, то ГК РФ определяет что, при наследовании выморочного имущества отказ от наследства государством не допускается.

Согласно статье 1154 ГК РФ наследство может быть принято в течение шести месяцев со дня открытия наследства, если право наследования возникает для других лиц вследствие отказа наследника от наследства или отстранения наследника, такие лица могут принять наследство в течение шести месяцев со дня возникновения у них права наследования. Если наследник пропустил срок принятия наследства по уважительной причине (не знал или не должен быть знать об открытии наследства), то он может обратиться в суд для восстановления ему срока принятия наследства. По истечении указанных сроков (если наследники не объявились) то наследство признается выморочным и переходит в собственность государства. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 1151 части третьей ГК РФ» от 23 июля 2013 года, определяет изменения в п. 2., в котором определяется порядок перехода выморочного имущества в муниципалитеты (жилые помещения) в фонд социального использования. В том числе в случаях, если жилое помещение приобрело статус выморочного до указанной даты, но свидетельство о праве на наследство на указанную дату еще не было выдано. До вступления в силу указанного закона все выморочное имущество, включая жилые помещения, переходило в федеральную собственность. Однако правовая процедура передачи должна осуществляться исходя из положений п. 3 ст. 1151 ГК РФ только после оформления права собственности государства, то есть уже за рамками наследственного правопреемства.

В настоящее время согласно постановлению Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» данное Федеральное агентство является федеральным органом исполнительной власти, управомоченным принимать выморочное имущество, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации переходит в порядке наследования в собственность Российской Федерации. Средства от распоряжения выморочным имуществом, за исключением выморочного имущества, передаваемого в собственность субъектов Российской Федерации или в собственность муниципальных образований в соответствии с пунктом 3 статьи 1151 ГК РФ, в размере 100% подлежат зачислению в федеральный бюджет за вычетом затрат, связанных с содержанием и распоряжением указанным имуществом, виды и размер которых устанавливаются Постановлением Правительства Российской Федерации.

В настоящее время Правительством РФ не разработано положение регулирующее содержание и распоряжение выморочного имущества, поэтому реализация выморочного имущества регулируется Инструкцией от 19 декабря 1984 года №185 «О порядке учета, оценки и реализации конфискованного, бесхозяйного имущества, имущества, перешедшего по праву наследования к государству, и кладов», положения которой могут применяться в части, не противоречащей действующему законодательству. Следует отметить, что значительная часть содержащихся в Инструкции положений не может быть применена в настоящее время. Поскольку, в выше указанной Инструкции отсутствует порядок регистрации у государства права

на наследство, выдаваемым налоговым органом. Налоговый орган выступающий в качестве государственного органа, принимающего выморочное имущество (путем обращения и соответственно получения свидетельства на наследство), утратил функции по учету, оценке и реализации имущества, уже перешедшего в собственность государства наследственного имущества, т.к. вышеупомянутые функции передают в Федеральное агентство по управлению государственным имуществом на основании Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. N 314 "О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти" Министерство Российской Федерации по налогам и сборам преобразовано в Федеральную налоговую службу (п. 15). Постановление N 691 "О Федеральном агентстве по управлению федеральным имуществом" прято Правительством РФ 27 ноября 2004 г., которым утверждено Положение о Федеральном агентстве по управлению федеральным имуществом. В соответствии с п. 5.30 данного Положения Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом принимает в установленном порядке имущество, обращенное в собственность Российской Федерации, а также выморочное имущество, включая земельные участки (кроме земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения), акции (доли, паи) в уставном (складочном) капитале коммерческих организаций. При этом порядок (процедура) принятия Федеральным агентством по управлению федеральным имуществом выморочного имущества не регламентирован, вследствие чего приходится апеллировать к вышеупомянутому Положению от 29 июня 1984 г. N 683, и Инструкции от 19 декабря 1984 г. N 185.

Кроме того, согласно п. 2 Постановления Правительства РФ от 27 ноября 2004 г. N 691 Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции в области приватизации и полномочия собственника, в том числе права акционера, в сфере управления имуществом Российской Федерации (за исключением случаев, когда указанные полномочия в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляют иные федеральные органы исполнительной власти). Таким образом, квалифицирующим признаком, позволяющим решить вопрос о том, какой орган должен представлять Российскую Федерацию при получении выморочного имущества, является наличие таких полномочий у государственного органа и закрепление их актами, определяющими его статус. Положение о Федеральной налоговой службе, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. N 506, а также Налоговый кодекс РФ в настоящее время не наделяют налоговые органы подобными полномочиями, а это означает, что нормы Положения о порядке учета не соответствуют ст. 125 ГК РФ и, как следствие, не подлежат применению.

В настоящее время отсутствуют нормативно-правовые акты регулирующие наследование выморочного имущества, предусмотренные в п.3 ст. 1151 ГК РФ, определяющие органы и лица, которые будут обязаны выявлять случаи выморочного наследства и сообщать о них соответствующим государственным органам, принимать меры охраны такого наследства, состоящего из движимых и недвижимых вещей, и управления имуществом в интересах государства, вступать во взаимодействие с нотариальными органами, обеспечивать организацию и ведение учета,

оценки выморочных наследств, оплачивать долги наследодателя, участвовать в отношениях с другими лицами, претендующими на то же наследство либо оспаривающими его выморочность и т.п. Кроме этого предусматривать меры, предотвращения злоупотребления пользования, распоряжения выморочным имуществом, формы ответственности за нарушение закона.

Список литературы

1. *"Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.02.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.03.2013)*
2. *"Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)" от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 05.06.2012, с изм. от 02.10.2012)*
3. *Конституция Российской Федерации. СПб, ООО «Виктория плюс», 2009. – 48 стр.*
4. *Мананников О. В. Наследственное право России: Учебное пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2004. – 356 с. – С. 157-160.*
5. *Наследственное право / Булаевский Б.А. и др.; отв. ред. К.Б. Ярошенко. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415с. – С. 390–392.*
6. *Наследственное право. Закиров Р.Ю., Гришина Я.С., Махмутова М.М. – М.: Дашков и К, 2008. – 288 с.*